БЕЛУДЖСКИЕ СКАЗКИ

СОБРАННЫЕ И. И. ЗАРУБИНЫМ

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

IV

1932

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · ЛЕНИНГРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Сектор распространения, Ленинград 1, В. О., Тучкова наб. 2, тел. 5-92-62

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ

Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии Наук СССР

Том II, выпуск 2. 1927. Ц. 3 р. 50 к.
Том III, выпуск 1. 1928. Ц. 4 р. 50 к.
Том III, выпуск 2. 1928. Ц. 7 р. 50 к.
Том IV. 1930. Ц. 5 р.
Том V. 1930. Ц. 17 р.

Иран.

Том I. 1927. Ц. 4 р.
Том II. 1928. Ц. 4 р.
Том III. 1929. Ц. 4 р.

Тексты по истории Средней Азии.

Вып. 1. Гияс-ад-дин-Али. Дневник похода Тимура в Индию. 1915. Ц. 5 р.

Труды Музея палеографии.

Том III. В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии Академии Наук. 1929. Ц. 4 р.

Мусульманский мир.

Вып. 1. 1917. Ц. 75 к.

Труды Комиссии по истории знаний.

Вып. 8. И. Ю. Крачковский. Шейх Тантави профессор С.-Петербургского Университета (1810—1861). 1929. Ц. 2 р. 25 к.

Труды Памирской экспедиции 1928 г.

Вып. VI (Лингвистика). И. И. Зарубин. Орошорские тексты и словарь. 1930. Ц. 2 р. 50 к.

БЕЛУДЖСКИЕ СКАЗКИ

СОБРАННЫЕ И. И. ЗАРУБИНЫМ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

IV

1932

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Октябрь 1932 г.

Непременный секретарь академик *В. Волгин*

Редактор издания академик С. Ф. Ольденбург

Технический редактор Л. С. Ляпунова

Сдано в набор в августе 1931 г. — Подписано к печати 5 октября 1932 г.

VIII + 220 стр. — $Б_5$ — $14^5/_8$ печ. л. — 43.488 тип. зн. — 1000 экз.

Ленгорлит № 30724. — АНИ № 247. — Заказ № 1337

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

Стр

Предисловие V

Белуджские сказки:

I. О внуке старика, научившемся чародейству (Ибрагим Мамад-ханов) 1
II. Об овчаре, сделавшемся царем (Мамад-нур Каландаров)..... 10
III. Вариант той же сказки (Ибрагим Мамад-ханов)..... 36
IV. О четырехглазом брате и сестре ведьме (Кадыр Шакаров) 52
V. Вариант той же сказки (Ибрагим Мамад-ханов)..... 60
VI. О Ша-нияз-хане (Мамад-нур Каландаров)..... 69
VII. О Гуле и Момине (Ибрагим Мамад-ханов)..... 90
VIII. О пэри Шар-шару (он же)..... 97
IX. О Ша-трасане (он же) 104
X. О Джантеге и Деде-гаргашанге (Сафар Нур-мамадов)..... 121
XI. Об Амат-ша и Сорокавьючнике (Ибрагим Мирбеков)..... 134
XII. О Гарам-богатыре (Ибрагим Мамад-ханов) 150
XIII. О богаче (он же)..... 163
XIV. О кознях мачехи и приключениях царевича (он же) 173
XV. О приключениях царевича и о кознях его младшего брата и визиря (Самад Гуль-миров)..... 190
XVI. Об исполнении завета покойного отца (Карим Гуль-мамадов) .. 198
XVII. О плешивом (Кадыр Шакаров) 201
XVIII. О старом и молодом волке (он же) 209
XIX. О глупом волке (он же) 212
XX. О лисице-мулле (Ибрагим Мамад-ханов) 214
XXI. Про вошь-богатыршу (он же) 218

Примечание. К этому же собранию должны быть отнесены две сказки, помещенные в Записках Коллегии востоковедов, т. V, стр. 675—679 (1930):

I. О комке земли и кишке (Кадыр Шакаров),

II. О юноше, научившемся чародейству (вариант первой сказки настоящего сборника) (Кечи-хан).

Предлагаемое собрание белуджских сказок представляет собою продолжение серии материалов по изучению белуджского языка и фольклора, начатой печатанием в Записках Коллегии востоковедов (т. V, стр. 653—679). Так как при издании первых образцов уже были сообщены необходимые сведения о белуджах СССР и особенностях их языка и фольклора, то здесь можно ограничиться приведением лишь немногих дополнительных данных, характеризующих авторов публикуемых сказок и особенности транскрипции и перевода.

Главным источником получения сказочного материала была белуджская молодежь, учившаяся в 1928—1929 гг. в Мерве и частью в Ленинграде; только одна сказка была записана вне этой среды. Из этой молодежи старшими были Мамад-нур Каландаров и Кадыр Шакаров; обоим было лет по 20—25 (своего точного возраста белуджи не знают). В 1928 г. они учились на Мервских педагогических курсах, а в 1929—30 г. на рабочем факультете при Ленинградском Восточном институте. Мамад-нур Каландаров принадлежал к аристократическому слою белуджского общества: он был пасынком крупнейшего из родоначальников белуджей СССР, известного Керим-хана, жившего близ Йолатани, и имел многочисленных родственников также в Серахском районе. До поступления на педагогические курсы он учился некоторое время в одном из персидских медресе, и был хорошо грамотен по персидски и по туркменски. Его сказки (II и IV настоящего сборника) отличаются наибольшею литературностью и заметно проникнуты персидским влиянием. В противоположность ему, Кадыр Шакаров бездомный бедняк; брахуи по происхождению, круглый сирота, он с детских лет был вынужден трудом добывать себе пропитание, то на железной дороге, то в качестве чернорабочего в Мерве, то пастухом у туркмен. Скитальческая жизнь сделала его полиглотом: в той или иной степени, он был знаком с языками: персидским, туркменским, брахуи и русским. Его сказки (IV, XVII—XIX) заметно отличаются от сказок Мамад-нура Калан-

дарова, как более простым языком, так и своим содержанием (особенно три последние). Больше всего сказок (I, III, V, VII—IX, XII—XIV, XX—XXI) принадлежит Ибрагиму Мамад-ханову, и почти все они фантастического содержания. Рано осиротев, он жил в семье горячо любившего его дяди, человека степенного и несколько образованного, занимавшего должность председателя аульного совета в Байрам-алийском районе. Ибрагиму Мамад-ханову было лет 15, он считался очень способным в школе, и по своему развитию он опережал своих товарищей, как в Мервском интернате для белуджей, где он учился до 1928 г., так и на рабочем факультете в Ленинграде, где он пробыл следующие два года. Языкам персидскому и русскому он начал учиться только в школе. Остальные сказители из воспитанников Мервского интерната: Ибрагим Мирбеков (XI), Сафар Нур-мамадов (X), Самад Гуль-миров (XV) и Карим Гуль-мамадов (XVI) были мальчиками лет 14, ничем не выделявшимися из среды своих сверстников; персидскому языку они учились в интернате, русского не знали. Родители Ибрагима Мирбекова жили в Йолатанском районе, остальных — в Байрам-алийском, и по своему имущественному положению были не выше и не ниже среднего уровня. Последним из сказителей, со слов которого была записана вторая из сказок, помещенных в Записках Коллегии востоковедов, был некто Кечи-хан, — уже немолодой человек, занимавший раньше командную должность в персидской армии и в 1926 г. или 1927 г., бежавший оттуда в Советский Союз. В 1928 г. Кечи-хан жил в ауле близ железнодорожной станции Анненково (ныне Захмат), недалеко от Байрам-али, где он пользовался большим уважением среди односельчан, и был известен также, как недурной поэт и музыкант.

Ни одна из сказок не принадлежит сколько-нибудь выдающемуся сказителю или сказочнику-специалисту. За исключением Мамад-нура Каландарова, и то в одном только случае (II), никто из рассказчиков не мог указать, от кого и где была впервые услышана рассказываемая сказка, хотя все они обычно подчеркивали, что сказки не складывались ими самими, а были от кого-нибудь услышаны. Таким образом, публикуемые сказки не должны считаться принадлежащими к лучшим образцам белуджского сказочного творчества. Скорее они дают представление о том сказочном фонде, который находится в распоряжении рядового рассказчика и которым удовлетворяются художественные потребности массового слушателя (в данном случае, преимущественно, в кругу учащейся молодежи). При этом рассказ-

чики распоряжаются сказочным материалом, входящим в этот фонд, довольно свободно: отдельные эпизоды переносятся с места на место и из одной сказки в другую, сюжеты сливаются и переходят один в другой, создаются новые варианты одних и тех же сказок (образцом могут служить первые пять сказок настоящего сборника и вторая сказка из Записок Коллегии востоковедов). В результате получается тот средний и наиболее распространенный тип белуджской сказки, который представлен в публикуемом собрании.

Применяемая транскрипция обычна для иранских текстов, и пояснения требуют лишь некоторые детали. Долгота гласных *o* и *e* особо не обозначалась, так как эти гласные нормально долги, и при допускаемом иногда сокращении они заменяются соответственно гласными *u* и *i*. Точно также не обозначался заднеязычный характер артикуляции *n*, свойственный этому звуку перед *g* и *k*. С другой стороны, знаками *i* и *ẹ* обозначаются лишь акустические оттенки одной и той же фонемы и ее большее или меньшее приближение к типу *i* или *e*. Точно также *å* (в отдельных случаях также *ä*) выражает лишь комбинаторные оттенки краткого *a*. Произношение гортанного *h*, обычно чуждого белуджской фонетике, отмечалось во всех случаях. Расхождения в записи одних и тех же слов не устранялись вполне сознательно, так как сопоставление и анализ этих расхождений могут помочь точнее определить фонетические границы фонемы (*ǰanik* || *ǰänik* || *ǰẹnik* || *ǰinik*) или разновидности слова (*bẹkan* || *pkan, pigr* || *pikr*). Сложные слова и обычно слитно произносимые словосочетания по большей части писались через малое тире (*š-amodā*), но далеко не во всех случаях можно было сделать нужную разбивку. Ударение обозначено всюду; слова, где оно не указано, нужно рассматривать как энклитики или проклитики.

Перевод, сопровождающий текст сказок, не претендует на литературную самостоятельность и имеет лишь научно-вспомогательное значение. Его основная задача, это—служить иранистам необходимым пособием при чтении и анализе текста, восполняющим недостаток словарей и других пособий, и этой цели лучше всего удовлетворял бы перевод дословный или наиболее к нему приближающийся. Однако желание сделать публикуемый материал доступным не только для иранистов, но также для фольклористов, интересующихся восточной сказкой, заставило во многих случаях отступить от дословной передачи текста и всецело подчинить перевод требованиям русского литературного стиля. С этой же целью местами сделаны

необходимые пояснения и вставки (всюду помещенные в скобках), и выделен курсивом перевод встречающихся в одной сказке специальных арабских выражений. При всем том перевод стремится передать с максимальной точностью не только мысль подлинника, но и способ ее выражения. Вместе с тем перевод рассчитан исключительно на подготовленных читателей, уже занимавшихся восточной сказкой, в частности персидской, и знакомых с особенностями и условностями мусульманского быта и восточной речи; поэтому довольно многочисленные персидские термины и своеобразные обороты оставлены без пояснений. Новым из сохраненных в переводе и специфически белуджским можно считать лишь термин бузланги́, обозначающий фантастическое чудовище, повидимому, сходное с персидским дивом.

При выборе наиболее точных и подходящих русских выражений большая помощь была оказана Д. К. Зелениным, С. Ф. Ольденбургом и Л. С. Ляпуновой, просмотревшими корректуру перевода; в отдельных случаях не отказали в ценных замечаниях И. Ю. Крачковский и Ф. А. Розенберг. И им всем в значительной степени обязан перевод, если его задачи разрешены удовлетворительно.

Ив. Зарубин.

БЕЛУДЖСКИЕ СКАЗКИ

I

būt na būt, ša mašmä̆i̯ xudä̆ getír ká̆se na būt. yak pādšä̆ at. amé pādšā dāšt yak gok-čaréne. amé gok-čarén pīramárde at. amé pīramárd dä̆štī yak nuwāságe. amé nuwāságī šut go gokä̆n. yak čunt waxt būt, amé pīramárdäi̯ nuwāságäi̯ dil omán kurt pa jinénā. š-amódinā ä̆tī bi watí pīrúkäi̯ gisä̆, go watí pīrúkā gúštī: pīró, ša ta maróčī a-lotín ki brawä̆i̯ bi pādšä̆äi̯yā, go pādšä̆ bgúšäi̯ ki äi̯ pādšä̆, γábli ālám, ta watí jiníkā bdäi̯ bi mnī nuwāságā. amé pīramárd gúštī: nápa bāz juwä̆n int-a. amé pīramárdäi̯ nuwāság ä̆tī bi gorúmäi̯yā, amé pīramárd āt bi pādšä̆äi̯ gisä̆. amé ki āt, dístī tā pādšä̆ yak mardúme rā kušīt, yáke rā lāp tál a-dánt, yáke rā dém a-dánt bi bandī-xāná. amé pīramárd š-amódinā jist u āt bi watí gisä̆. tārínā amé pīramárdäi̯ nuwāság ätī ša gorúmäi̯yā bi watí pīrúkäi̯ gisä̆, go watí pīrúkā gúštī: äi̯ pīró jān, ta maróčī šútäi̯ bi pādšä̆äi̯ gisä̆? amé pīramárd jawä̆b dä̆tī bi watí nuwāságā ki pīró jān, man šútun bi pādšä̆äi̯yā, ša dūrā säi̯l kúrtun tā yáke rā kušít, yáke rā bandít, yáke rā dém a-dánt bi bandī-xāná, man trusítun, pádā jístun u ä̆tun bi gisä̆. amé pīramárdäi̯ nuwāság gúštī: ta bä̆ndā ukmánā mebä̆ít, brawä̆i̯ bi pādšä̆äi̯yā, go pādšä̆ bgúšäi̯ amä̆ mnī abárā ki man go ta gúštun.

(I. О внуке старика, научившемся чародейству)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя был пастух. Этот пастух был старик. У этого старика был внук. Этот его внук ходил с коровами. Прошло некоторое время, старикову внуку захотелось жениться. Он пришел в дом своего деда и сказал своему деду: «дедушка, сегодня я хочу от тебя, чтобы ты сходил к царю и сказал царю: „о царь, средоточие мира, отдай свою дочь за моего внука!“» Старик сказал: «очень хорошо». Стариков внук пошел к стаду, старик пошел в царский дом. Когда он пришел, то увидел, что царь одного человека убивает, другому вспарывает брюхо, третьего посылает в тюрьму. Старик выбежал оттуда и вернулся к себе домой. На утро стариков внук пришел от своих стад в дом своего деда и сказал своему деду: «голубчик дедушка, ты ходил сегодня в царский дом?» Старик ответил своему внуку: «голубчик внучек, я ходил к царю, посмотрел издали, как он одного убивает, другого захватывает, третьего отправляет в тюрьму, выбежал обратно и вернулся домой». Стариков внук сказал: «завтра тебе непременно нужно сходить к царю и сказать царю то, что я тебе сказал».

tārīenā būt, amé pīramárd ša watī gisā́ sar gipt u átī bi pādšā́äi̯ gisā́. amé ki átī, bi pādšā́äi̯ gisā́i̯ pānā́dā sar būtī, yak wār dístī tā čunén diwā́ne bi pādšā́äi̯ā ništág ant. amé pīramárd yak katráe oštā́t, dístī tā diwā́n alā́s būt, ar kas šut bi watī jāgā́, amé pādšā́ tanā́ bi watī gisā́ mā́ntī. yak wār amé pīramárd š-amódinā āt bi pādšā́äi̯ gisā́, karā́r waš-āmáde čī́ze kúrtant. amé pādšā́ ša amé pīramárdā pursít ki ta pa čéwäi̯ xātírā átag äi̯? amé pīramárd gúštī: äi̯ pādšā́ γā́bli ālám, man dārī́n yak nuwāságe, amāī́ dil omán kurtagī́ pa tī jiníkā, anū́n mnā dem dātagī́ bi tī́yā, anū́n ta čé a-gušā́i̯? amé pādšā́ gúštī: ta bra, amā́ watī́ nuwāságā bzūr u biyā́r bi mníyā. amé pīramárd badbáxt š-amódinā sar gipt u átī bi watī́ nuwāságäi̯yā, go watī́ nuwāságā gúštī: pīró, man šútun pādšā́äi̯ya, amā́ tī abárā go pādšā́ gúštun, pādšā́ am rāzī́ būt, gušt: ta bra, amā́ watī́ nuwāságā bzūr u biyā́r bi mníyā, anū́n biyā́ ki man u ta brawán. amé pīramárdäi̯ nuwāság pa gāl-u-bal gokā́nā naz āúrtī, rādág kúrtī démi gisā́n. ar góke rā dāt bi wāū́ndäi̯ dastáiš u amé ḍau̯l am go wāū́ndāniš am gúštī: bā́ndā yáke watī́ gokā́ elá ma kant ki man bā́ndā go gokā́nā na raī́n.

tārīenā būt, amé pīramárd u amé pīramárdäi̯ nuwāság š-amódinā sar gíptant u átant bi pādšā́äi̯ gisā́. dístant tā pādšā́ tanā́ bi watī́ gisā́ ništagī́. pīramárd u amé pīramárdäi̯ nuwāság átant pādšā́äi̯ gisā́i̯ tā. amé pīramárdäi̯ nuwāság salā́m dā́tī, pādšā́ alā́i̯k kúrtī. go pādšā́ wašāmáde kúrtant. yak

---

Наступило утро. Старик вышел из своего дома и подошел к царскому дому. Когда он дошел до царского дома, он сразу увидел, что у царя заседает какой-то важный совет. Старик немножко постоял, увидел, что совет закончился и что каждый пошел к себе, а царь остался дома один, и тотчас вошел в царский дом. Итак, они обменялись приветствиями, и царь спросил у старика: «ради чего ты пришел?» Старик сказал: «о царь, средоточие мира, у меня есть один внук; его сердце устремилось к твоей дочери, и вот он послал меня к тебе; что ты теперь скажешь?» Царь сказал: «иди, возьми своего внука и приведи ко мне!» Несчастный старик вышел оттуда, пошел к своему внуку и сказал своему внуку «внучек, я ходил к царю и сказал царю твои слова; царь остался доволен и сказал: „иди, возьми своего внука и приведи ко мне!“ Теперь давай, пойдем!» Стариков внук с радостью и весельем пригнал коров и отправил по домам. Каждую корову он вручал хозяевам, и говорил хозяевам таким образом: «завтра пусть никто не выпускает своей коровы, потому что завтра я с коровами не пойду».

Наступило утро. Старик и стариков внук вышли, пошли в царский дом и увидели, что царь сидит у себя дома один. Старик и стариков внук вошли в царский дом. Стариков внук поздоровался, царь ответил на приветствие.

sáte níštant. yak wār amé pādšā́ go pīramárdäi̯ nuwāságā gúštī: ta pa mnī ǰiníkā āšíx äi̯? amé pīramárdäi̯ nuwāság gúštī: ān. pādšā́ go amé pīramárdäi̯ nuwāságā gúštī: man ša ta māl íčīyā na loṭín, yak šárte kanín. agár ta amā́ šartā́ kúrtäi̯, gúḍinā man trā watí ǰiníkā däín. amé pīramárdäi̯ nuwāság gúštī: bguš, pādšā́. amé pādšā́ gúštī: amíngūr yak mullā́e ast, bāz ilm dārít, agár ta ša amā́ mullā́äi̯ demā́ bi mníyā ilm āúrtäi̯, gúḍinā man watí ǰiníkā bi ta daín.

pīramárd u pīramárdäi̯ nuwāság šútant bi watí gisā́, ódinā níštant, nān-mā́ne wártant u šapénā wáptant bi watí gisā́. tārínā š-amódinā sar gíptant u šútant bi mullā́äi̯ gisā́. tā́ngāt sar na bū́t-atant ki pīramárdäi̯ nuwāság bi watí dilā́ pígrī kurt ki man š-āí demā́ čon ilm biyā́rīn? biyā́ ki man go watí pīrúkā e ḍau̯l bgúšīn ki pīró ǰān, ta ki ódinā mnā búrtäi̯, ta ma guš ki amā́ ātág-an ki ša tī demā́ ílm barán; ta ki mnā búrtäi̯, ódinā mullā́ā bguš ki man amé watí nuwāságā amédinā kilín, ta ameší rā gā waxtā́ yak káme sabáx bdäi̯. amé pīramárd u pīramárdäi̯ nuwāság šútant bi mullā́äi̯ gisā́. amé ki sar bū́tant, yak wār mullā́ ša watí gisā́ dár káptī. salā́m u alā́i̯ke kúrtant, wašāmáde kúrtant. yak wār amé mullā́ amé pīramárdā u amé pīramárdäi̯ nuwāságā pursít ki šmā pa čéwā ā́tag-it? pa kārmā́re yā pa digá číze ātág-it? amé pīramárd gúštī: mullā́ sāíb, man amé

Они обменялись с царем приветствиями и посидели часок, как вдруг царь сказал старикову внуку: «ты влюблен в мою дочь?» Стариков внук сказал: «да». Царь сказал старикову внуку: «я не требую от тебя никакого имущества, но ставлю одно условие; если ты это условие выполнишь, тогда я отдам тебе свою дочь». Стариков внук сказал: «говори, о царь!» Царь сказал: «в этой стороне есть один мулла, большой учености, и если ты принесешь мне знания от этого муллы, тогда я выдам за тебя свою дочь».

Старик и стариков внук пошли к себе домой, там посидели, поели, что пришлось, и ночь переночевали дома, а на утро вышли оттуда и пошли в дом муллы. Еще не дошли, как стариков внук стал про себя размышлять: «как это я от него приобрету знания? давай-ка, я скажу своему деду: „голубчик дедушка, когда ты меня туда отведешь, ты не говори, что мы, мол, пришли, чтобы вынести от тебя знания; когда ты меня отведешь, там ты скажи мулле, что я, мол, оставлю здесь своего внука, а ты иногда немного поучи его». Старик и стариков внук пошли в дом муллы. Когда они подошли, мулла сразу вышел из своего дому. Они поздоровались и обменялись приветствиями. Тотчас мулла спросил старика и старикова внука: «ради чего вы пришли? по какому-нибудь делу или ради чего другого?» Старик сказал: «почтенный мулла,

watī nuwāságā āúrtág-un bi tīyā; agár ta alās a-bayāi̯, gā waxtā ameší rā sabáx bdäi̯. amé mullā kabūl kúrtī, gúštī: bāz ǰuwān int-a. amé pīramárd watī nuwāságā amédinā íštī u šútī bi watī gisā. anūn ša pīramárdā bil u ša nuwāságäi̯ goš pkaš.

karār, amé pīramárdäi̯ nuwāsag a-gindīt tā e mnā sabáxā na dant. yak róče būt, amé mullāäi̯ ǰiník átī bi amé zāgäi̯yā, gúštī: trā tī pīrúk ídinā íštī ki ta bwānäi̯, anūn mnī pis trā pa če sabáxā na dant? ta maróčī yak dróge bguš ki bāndā mnī pīrúk a-kāi̯t, mnā bart, ta mnā sabáx bdäi̯. tārīenā būt, amé pīramárdäi̯ nuwāság go mullā gúštī: äi̯ mullā sāíb, mnī pīrúk mnā āúrtī bi tīyā ki ta mnā sabáx bdäi̯yāi̯! amé mullā amé pīramárdäi̯ nuwāságā yak káme sabáx a-dātī, ša panč ročā yak róče.

yak róče roč pešīn būtī, yak wār amé mullā watī demā dātī bi roništínā u šútī. amé pīramárdäi̯ nuwāság am bi amé mullāäi̯ padā šútī. mullā bi demā u pīramárdäi̯ nuwāság bi padā, amé ḍau̯l šútant bi yak ǰāgāe, bi yak daγalīeyā. yak wār amé mullā ništ u zígrī kúrtī. dérā būt, yak wār amé ḍigár bi larzágā āt. yak wār amé mullā putrít bi ḍigáräi̯ tā. amé pīramárdäi̯ nuwāság amédinā oštātagī u sāi̯l a-kant. dérā ḅūt, dístī, mullā ša ḍigáräi̯ čérā dár káptī u yak pātiyáe kúrtī, ḍigár drūwā būtī. mullā ā rā išt u ša digá rāe šut. amé pīramárdäi̯ nuwāság šut, amódinā ki mullā ništ-át,

---

я привел к тебе своего внука, и если ты будешь свободен, ты иногда займись с ним!» Мулла согласился, сказал: «очень хорошо». Старик оставил здесь своего внука и пошел к себе домой. Теперь оставь старика и послушай про внука.

Итак, стариков внук видит: он ведь не дает мне уроков! Однажды случилось, что дочь муллы пришла к этому юноше и сказала: «твой дед оставил тебя здесь, чтобы ты учился, почему же теперь мой отец тебя не учит? сегодня ты ему налги, что завтра, дескать, придет мой дед и уведет меня, займись со мной!» Наступило утро. Стариков внук сказал мулле: «почтенный мулла, мой дед привел меня к тебе, чтобы ты мне давал уроки!» Мулла стал немного заниматься со стариковым внуком, из пяти дней один день.

Однажды было за полдень, вдруг мулла обратился лицом к заходу солнца и пошел. Стариков внук пошел вслед за ним. Мулла впереди, стариков внук сзади, так они пошли в одно место, на один пустырь. Вдруг мулла сел и стал совершать зикр (мистические призывания). Прошло много времени, вдруг земля задрожала, и мулла тотчас проник внутрь земли. А стариков внук стал и смотрит. Прошло много времени, он увидел, что мулла вышел из-под земли, совершил молитву, и земля стала, как была. Мулла покинул ту дорогу и пошел по другой дороге. Стариков внук пошел туда, где сидел мулла, сел и тоже

amés am šut, amódinā ništ u zígrī kurṭ. dérā būt, dístī tā ḍigár du kap būt, yak wār amé pīramárdäi̯ nuwāság ér šútī bi ḍigáräi̯ tā, šútī bi ḍigáräi̯ tā, dístī tā yak mardúme ništagī, yak wār amé pīramárdäi̯ nuwāság salā́m dā́tī, amé mardúm alā́i̯k kúrtī, ša amé pīramárdäi̯ nuwāságā pursítī ki ta ša gujā́ngūr ātág-äi̯? amé pīramárdäi̯ nuwāság gúštī: man ša ānčén jāgā́e ātág-un. tā yak sā́te níštant, gúḍinā amé mardúm amé pīramardäi̯ nuwāságā gúštī: ta anū́n bra. amé pīramárdäi̯ nuwāság š-amódinā ā́tī pádā bi mullā́äi̯ gisā́. amé ki ā́tī, amé mullā́äi̯ jiník pursítī ki ta gujā́ būtág-äi̯? amé pīramárdäi̯ nuwāság gúštī: biyā́ ki man bi ānčén jāgā́e būtág-un. amé mullā́äi̯ jiník zā́ntī ki amā́ ḍigáräi̯ čéräi̯ mardúm mnī pisā́i pīr būtagī́. gúštī: anū́n ta ša mnī pisā́ unár búrtäi̯, anū́n digá ā go ta íčī guštága na kant wa agár bzānt, trā kušít. amé ki tī pīrúk ā́tī, bra go watī́ pīrúkā.

amé šapénā tārīenā pīramárd ā́tī, go mullā́ gúštī: man anū́n watī nuwāságā barín, pa ce ki amā́i̯ māl u āl ódinā wáil ant u ič kas xizmátā na kántiš. amé mullā́ gúštī: nápa bāz juwā́n int-a.

amé pīramárdäi̯ nuwāság go watī́ pīrúkā šútī, bi rāä nazíkā šútant, yak wār amé pīramárdäi̯ nuwāság go watī́ pīrúkā gúštī: pīró, ta bra demā́, man maidā́ne kanín u kāín. amé pīramárd gúštī: nápa bāz juwā́n int-a.

стал совершать зикр. Прошло много времени, он увидел, что земля разверзлась на двое. Стариков внук тотчас спустился под землю, пошел внутри земли и увидел, что там сидит человек. Стариков внук поздоровался, тот человек ответил на приветствие и спросил старикова внука: «откуда ты пришел?» Стариков внук сказал: «я пришел из такого-то места». Они посидели часок, потом тот человек сказал старикову внуку: «теперь иди!» Стариков внук оттуда вернулся в дом муллы. Когда он пришел, дочь муллы спросила его: «где ты был?» Стариков внук сказал: «подумай-ка только, ведь вот в каком месте я был!» Дочь муллы поняла, что тот подземный человек был пир (духовный руководитель) ее отца. Она сказала: «теперь ты отнял искусство у моего отца, и впредь он уже ничего тебе сказать не сможет, а если узнает (о происшедшем), убьет тебя! когда твой дед придет, уходи со своим дедом!»

На утро после этой ночи пришел старик и сказал мулле: «я заберу теперь своего внука, потому что там наше хозяйство запустело, и никто его не обслуживает». Мулла сказал: «очень хорошо».

Стариков внук пошел со своим дедом. Они приблизились к дороге, как вдруг стариков внук сказал своему деду: «дедушка, ты иди вперед, а я схожу на двор и потом подойду». Старик сказал: «очень хорошо». Старик пошел к той дороге,

pīramárd démi amā́ rā́ šut. yak wār amé nuwāságī wat rā gipt, yak langén kargóške kurt u ǰist bi watī́ pīrúkäi̯ demā́. yak wār ameší pīrúk ki dístī, bi āī́ padā́ kapt, watī́ dilā́ gúštī, bálken e pa rāstī́en kargóške. kapt bi padā́i̯, rasentá na kúrtī, karā́r šut. amé pīramárdā́i̯ nuwāság wat rā panā́ī kúrtī u mardúme kurt, xap-xápī kurt, āt, ša watī́ pīrúkā pádā būt. amé ki pīrúkī demā́ būtī, watī́ nuwāságā na dístī. yak wār amé nuwāságī šut, watī́ pīrúkā raséntī, gúštī: ta áxtī čée dístäi̯ ki padā́i̯ kápt-atäi̯? amé pīramárd gúštī: biyā́ ki man yak kargóške dístun, ar čẹ ǰān dā́tun, giptág na kúrtun, ǰístī ša mnī demā́. amé pīramárdäi̯ nuwāság gúštī: äi̯ pīró, zalár na dārī́t.

demtírā šútant, yak wār amé pīramárdäi̯ nuwāság go watī́ pīrúkā gúštī: ta amé rāā̆ tā bra demtírā, gúḍinā man a-kāī́n. amé pīramárd go watī́ nuwāságā gúštī: ta čo watī́ axtī́enā der ma kanā́i̯, zūtẹ biā́ā̆. amé pīramárdäi̯ nuwāság gúšti: nápa bāz ǰuwā́n int-a. amé pīramárd bi amé rāā̆ tā déḍẹ a-šut, yak wār amé nuwāságī gipt, wat rā langén āū́e kurt u ǰist bi watī́ pīrúkäi̯ demā́. ameší pīrúk dístī tā alā́ āū́e langén! yak wār bi padā́i̯ kapt. amé ki bi padā́i̯ káptī, tā yak ṭukúre rā́ šútī, yak wār jist, ša watī́ pīrúkā panā́ būtī u amédinā čer káptī. ameší pīrúk ā́tī, ša amé rā́ šut. amé ki dístī tā mnī pīrúk ša man gwástī, wat rā mardúme kurt u ǰist u šut, watī́

а его внук взял и обернулся в хромого зайца, и побежал навстречу своему деду. Как только его дед завидел его, он бросился за ним: он подумал, что это настоящий заяц. Он бросился за ним, но догнать не мог, и пошел потихоньку. А стариков внук укрылся и обернулся в человека; пригнулся, подошел и очутился сзади своего деда. Так как его дед был впереди, он не видал своего внука. Тотчас его внук пошел, догнал своего деда и сказал: «разве ты давеча что-нибудь увидел, что бросился вслед?» Старик сказал: «смотри-ка, я увидел зайца, но как ни старался, не смог поймать, и он убежал от меня!» Стариков внук сказал: «ну, дедушка, это ничего!»

Они пошли вперед, как вдруг стариков внук сказал своему деду: «ты иди вперед по этой дороге, а я потом подойду». Старик сказал своему внуку: «только ты, как давеча, не запаздывай, а приходи поскорей!» Стариков внук сказал: «очень хорошо». Старик пошел себе по этой дороге. А его внук взял и обернулся в хромую газель, и побежал навстречу своему деду. Его дед стал смотреть: что́-де это? неужели хромая газель? и сразу бросился за ней. Когда он за ней бросился, его внук сначала некоторое расстояние бежал по дороге, а потом вдруг бросился, укрылся от своего деда и спрятался. Его дед достиг этого места и пошел дальше по дороге. Когда он увидел, что дед прошел мимо, он обернулся в человека и по-

pīrúkā raséntī, go watí pīrúkā gúštī: ta pa če áxtīy a-jístäi̯? ameší pīrúk gúštī: man yak āū̆e langén dístun, ar čẹ bi padäi̯ káptun, rasentág na kúrtun, ta bi pádā mánt-atäi̯. amé pīramárdäi̯ nuwāság go watí pīrúkā gúštī: amā̆ kargóšk am u amé āū̆ am mán atun. ta amā̆ kārwā̆nā gindäi̯? amé pīramárd gúštī: an. amé pīramárdäi̯ nuwāság gúštī: ta mnā suwā̆r bā̆i̯, man wat rā yak zabrén leḍáe kanín. amé píramárd gúštī: ǰuwā̆n int-a. amé pīramárdäi̯ nuwāság gúštī: ta amā̆ kārwānkášānā bguš ki kai̯ leḍáe zint? man watí leḍá bā̆ kanín. agár am trā gúštant: pa čín-kasā dayā̆i̯? ta bguš: pa sad tumā̆n a-daín u gúḍinā ā mnā ki ša ta zítant, ta amé mnī au̯sárā ma dā̆i̯ bi āwā̆n. amé pīramárd gúštī: nápa bāz ǰuwā̆n int-a. amé pīramárdäi̯ nuwāság wat rā leḍáe kúrtī. pīramárd suwā̆r bū̆tī, bi amé rāā̆ tā ai̯ kurt u burt. amé pīramárdäi̯ nuwāság pelík a-ǰát.

amé kārwānkáš ki nazík ā̆tant, yak wār amé pīramárdā dístant tā čunén ǰuwānén leḍáe dārít. kārwānkáš go amé pīramárdā gúštant: ta amé watí leḍá bā̆ na kanā̆i̯? amé pīramárd gúštī: bā̆ kanín. amé kārwānkáš gúštant: pa čín-kasā daā̆i̯? amé pīramárd gúštī: pa sad tumā̆n a-dā̆ín. amé kārwānkáš gúštant: amā̆ zinán. amé ki zítant, amé pīramárd gušt: man amé au̯sárā šmā rā na daín. amé kārwānkáš gúštant: šar, ma dā̆i̯. šútant, pīramárd am šut. anū̆n ša pīramárdā bil u ša kārwānkášān goš pkaš.

бежал; догнал своего деда и сказал своему деду: «зачем ты давеча бегал?» Его дед сказал: «я увидел хромую газель, но как ни преследовал ее, догнать не мог, а ты оставался сзади!» Стариков внук сказал своему деду: «и тот заяц, и эта газель, всё это был я! ты видишь тот караван?» Старик сказал: «да». Стариков внук сказал: «садись на меня верхом, а я превращу себя в хорошего верблюда». Старик сказал: «хорошо». Стариков внук сказал: «ты скажи караванщикам: „кто берет верблюда? я продаю своего верблюда“; если скажут тебе: „за сколько продаешь?“ ты скажи: „продаю за сто туманов“, а потом, когда меня от тебя возьмут, ты им не отдавай моей упряжи». Старик сказал: «очень хорошо». Стариков внук обернулся в верблюда, а старик сел на него верхом и погнал его по этой дороге. Стариков внук стал реветь по-верблюжьи.

Когда караванщики приблизились, они сразу заметили старика: какой, дескать, у него хороший верблюд! Караванщики сказали старику: «ты не продашь своего верблюда?» Старик сказал: «продам». Караванщики сказали: «за сколько продашь?». Старик сказал: «за сто туманов отдам!» Караванщики сказали: «мы берем». Когда они взяли, старик сказал: «я упряжи не отдам!» Караванщики сказали: «хорошо, не давай!» Они ушли, старик тоже пошел. Теперь оставь старика и послушай про караванщиков.

amé kārwānkáš šútant, bi ṭukúre rā̆ yak wār er kúrtant. amé ki er kúrtant, amé leḍá am go e ušturā̆n kaid kúrtant u íštant, wat wáptant. amé ki wáptant, yak wār amé pīramárdäi nuwāság wat rā mardúme kurt u watí kaidā̆ páč kurt u ǰist u šut, wātí pīrúkā raséntī. ā u pīrúkī šútant bi watí gisā̆.

tārī̆enā ā̆tant yak pāléze pānā̆dā pa kārā̆, dédi kā̆r a-kúrtant. yak wār amé mullā̆, ta bzā̆näi čón a-bīt, zānt ki pīramárdäi nuwāság ša man unár burt. wat rā bā̆ze kant u bā̆l a-kant u kāit. amé ki pīramárdäi nuwāság bāzā̆i tawā̆rā uškítī, yak wār go watí pīrúkā gúštī: pīró, mullā̆ int-a ki kāit, biyā̆ ki mašmā̆ bǰíyan. amé pīramárd gúštī: ta nápa bǰi, man a-rai̇n bi gisā̆. amé pīramárdäi nuwāság ǰístī, šut bi amé pālézäi pānā̆dā, yak wār amé mullā̆ am ā̆tī, er kapt bi ḍigárā. amé ki pīramárdäi nuwāság dístī ki ā er kapt, yak wār šut, wat rā galáuwe kúrtī. amé ki mullā̆ dístī: ā wat rā galáuwe kurt, yak wār amé sauzwā̆nā gúštī: ta bra, amā̆ zardén galáuwā pa man biyā̆r, man trā gúḍā yak ǰuwānén pātiyáe daín. amé sauzwā̆n šut démi amā̆ galáuwā. amé ki sarā̆ ǰālī kurt bi amā̆ galáuwā, yak wār amé galáu bāl kurt. amé sauzwā̆n airā̆n mā̆ntī ki galáu bāl kurt.

yak wār amé mullā̆ wat rā šāīnáke kurt u bāl kurt, kapt bi pīramárdäi nuwāságäi padā̆. yak wār amé pīramárdäi nuwāság šut bi pādšā̆äi bāgā̆nī

Караванщики пошли и, пройдя часть дороги, остановились. Когда они остановились, они привязали этого верблюда вместе с другими и оставили, а сами легли спать. Когда они заснули, стариков внук обернулся в человека, развязал свои путы, побежал и догнал своего деда. Он и его дед пошли к себе домой.

На утро они пошли на огород и стали уже работать. А мулла вдруг, — пойми, как это случится! — узнает: а ведь стариков внук отнял-таки у меня искусство! Он превращает себя в сокола, взлетает и приближается. Как только стариков внук услышал шум сокола, он тотчас сказал своему деду: «дедушка, это мулла приближается! давай, убежим!» Старик сказал: «ты, пожалуй, беги, а я пойду домой». Стариков внук добежал до края огорода, как вдруг приблизился и мулла и спустился на землю. Как только стариков внук увидел, что он спустился, он тотчас превратил себя в дыню. Как только мулла увидел, что тот превратил себя в дыню, он тотчас сказал огороднику: «сходи-ка, принеси мне вон ту желтую дыню, и я тогда дам тебе хорошую молитву». Огородник пошел к той дыне. Как только он нагнул голову к дыне, вдруг эта дыня полетела. Огородник изумился: как это так дыня полетела!

А мулла немедленно обернулся в королевского сокола, полетел и погнался за стариковым внуком. Тотчас стариков внук отправился в цар-

tā, wat rā yak gúle kurt. amé mullā́ āt, ar če säi̯ kurt, na zā́ntī ·ki gujā́m gul int-a. yak wār amé pādšā́äi̯ bāgwā́n ā́tī pa gulā́i̯ čitínā, ā́tī, sā́i̯lī kurt tā bāḅā! čunén ǰuwānén gúle sabz kurtagí! amé gulā́ sist u búrtī pa pādšā́. yak wār amé mullā́ zā́ntī: amé gul ki bi pādšā́äi̯ bāgwā́näi̯ dastā́ int, amā́ int-a. wat rā malánge kurt, gúštī: gulā́ mnā bdäi̯. amé padšā́äi̯ bāgwā́n gúštī: na bīt, man e gulā́ barín pa pādšā́. burt, bi pādšā́ dā́tī. amé pādšā́ amé gulā́ dédi bó a-kúrtī, yak wār mullā́ āt, gúštī: ta amé gulā́ bi man bdäi̯. amé pādšā́ amé gulā́ ír dā́tī bi demā́i̯. yak wār amé gul arzún būt u pāš wart bi ḍigárā. yak wār amé mullā́ wat rā mādá-múrge kurt u bi dānúkäi̯ binā́ kúrtī, yak arzúne, ta bzā́näi̯, bi padšā́äi̯ kau̯šā́i̯ tā kapt. yak wār amé pīramárdäi̯ nuwāság wat rā šagā́le kurt, amé murgā́i̯ sarágā sist. amé pādšā́ ai̯rā́n mānt. yak wār pīramárdäi̯ nuwāság wat rā mardúme kurt, go pādšā́ gúštī: man amā́ pīramárdäi̯ nuwāság-un ki ta mnā gúšt-atäi̯: bra, ša palāná mullā́äi̯ unár biyā́r, gúḍinā man watí ǰiníkā bi ta daín, man šútun, amā́ mullā́äi̯ ǰindā́ pa unár āúrtun, bi tī demā́ kúštun.

karār amé pādšā́ demā́i̯ čukítī u ǰārčínā gúštī: ǰār dí ki bā́ndā ič kas pa kārā́ ma rau̯t ki pādšā́ watí jiníkā gís a-dánt. amé ǰārčín ǰār ǰátī ki bā́ndā ič kas pa kārā́ ma rau̯t ki pādšā́ watí ǰiníka gís a-dánt. tārínā ič kas

---

ский сад и превратил себя в цветок. Мулла подошел, но как ни всматривался, не мог узнать, какой он цветок. Вдруг подошел царский садовник набрать цветов, подошел, посмотрел: что за красивый цветок распустился! — сорвал этот цветок и отнес царю. Мулла сразу догадался: этот цветок, который в руках у царского садовника, это он! Он превратил себя в дервиша и сказал: «дай мне цветок!» Царский садовник сказал: «нельзя, я этот цветок отнесу царю». Он отнес его и отдал царю. Царь стал нюхать этот цветок, как вдруг подошел мулла и сказал: «дай мне этот цветок!» Царь бросил ему цветок. Тотчас этот цветок превратился в просо и рассыпался по земле. Мулла немедленно обернулся в курицу и бросился на зерна, — а тебе надо знать, что одно зернышко проса попало в царский туфель. Стариков внук обернулся в шакала и оторвал курице голову. Царь изумился. Вдруг стариков внук обернулся в человека и сказал царю: «я тот стариков внук, которому ты сказал: „иди и приобрети искусство у такого-то муллы, тогда я отдам за тебя свою дочь!“ а я пошел и своим искусством самого того муллу привел и убил пред тобой!»

Итак, царь поцеловал его в лицо и сказал глашатаю: «провозгласи, чтобы завтра никто не шел на работу, потому что царь, мол, выдает замуж свою дочь». Глашатай провозгласил, чтобы на следующий день никто не шел на работу, потому что царь выдает замуж свою дочь. На утро никто не пошел на работу.

pa kārā́ na šut, pādšā́ eší rā gísı dā́tī. tā apt šap u apt roč dol kúrtī. karār pīramárdäi̯ nuwāság būtī pādšā́äi̯ zamā́s. man š-amódinā jístun u bástun, pa wat yak imā́ne āúrtun, pa ta yak jiníke āúrtun.

II

būt u būt, ša xudā́ káse getír na"-at. yak wáxte yak Asán nā́men šwānáge at. eší apt sāl go yak mardúme ramág a-čarént. aštumíen sālā́i̯ sarā́ yak šápe wā́be dístī kẹ bẹ dastā́i̯ säi̯ dānág istā́r at. ša wābā́ kẹ āgā́ būt, ramágā ai̯ kurt démẹ wutí wazdā́räi̯ gisā́. šap nemágā ramágā wutí wazdā́räi̯ gisā́i̯ demā́ yälá kurt. wazdā́rī tawā́r kurt: äi̯ Asán, ta ganók būtág äi̯, či balā́? ta pa če ramágā šap nemágā gisā́i̯ dapā́ kā́räi̯? Asán gúštī: mnā íččī na būtá. man ša šapí āngūrí tī ramágā na čarenín. zóre dārái̯, utí zorā́ bẹ man mālū́m pkan, yā nai̯t, go man íčī abár ma däi̯. apt sāl tī ramágā čaréntun, nū́n-a na čarenín.ša täi̯ wazdā́rā bāz u bāz xāíšt a-kanín kẹ mnā yak pāteyáe bẹdā́i̯, pa če kẹ pa ta bāz zāmát kaštā́ un, wa ruxsát bẹkanā́i̯. gúḍā ša ta bāz u bāz rāzí a-baín: mnī jínd am sä sad pas dārín, ā́ um tī bayánt, āwā́nā man na loṭín. wazdā́re kẹ ar če zā́rī kurt, Asán kabū́lī na kurt. gúḍā Asánā yak pāteyáe dā́tī, rādág kurt.

Царь его женил. Семь ночей и семь дней били в барабан. Итак, стариков внук сделался царским зятем. Я оттуда убежал, завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел девушку.

(II. Об овчаре, сделавшемся царем)

Было-было, не было никого лучше бога. Когда-то жил овчар по имени Асан. Семь лет он пас стадо у одного человека. В начале восьмого года однажды ночью он видел сон, что у него в руках три звезды. Проснувшись, он погнал стадо к дому своего хозяина, и к ночи выпустил стадо перед домом своего хозяина. Его хозяин закричал: «Асан, ты с ума сошел, что ли? зачем ты к ночи приводишь стадо к дверям дома?» Асан сказал: «ничего со мной не случилось, но начиная с этой ночи я больше не пасу твоего стада; если у тебя есть власть, эту власть прояви надо мной; если же нет, нечего тебе со мной говорить; семь лет я пас твое стадо, больше не буду пасти. От тебя, как хозяина, я очень и очень хочу, чтобы ты дал мне благословение, потому что я много потрудился для тебя, и чтобы ты отпустил меня. Затем я тобою очень и очень доволен: у меня самого есть триста овец, пусть они будут твоими! я не требую их!» Как хозяин ни жаловался, Асан не согласился. Потом он благословил Асана и отправил его.

Asán watí laṭá, watí ṭapúrā zurt u rādág būt. šápe ǰáe, róče ǰáe, čunt šapá gúḍā bẹ yak šáre sár būt. šut, ämé šārá tā yak darwāzágäi̯ dapá wapt. š-āí bil o š-ešī goš kaš.

amé darwāzáge kẹ e waptá, amé darwāzág wazíräi̯ gís int. wazír yak ǰiníke dārít. eší ǰiník go yak Asán náme amédā āšíx būtá. šapíen šapá ešánī ar duénānī wadá int kẹ š-é šārá bẹǰiyánt, sāáti dúwā šapái̯ā. ǰiník wutí māšūγá kẹ Asán bīt, guštá: sáti dúwā šapái̯ā ta darwāzágäi̯ dapá kāái̯, man um ša argá ér a-kapín, mašmá ar duén rawán. Asán um šar gúštī. wazíräi̯ ǰiníkäi̯ māšūγáäi̯ nām am Asán at. ā šapí bil tā wāb brâu̯t, e šwānág ša guǰá-ángū bäi̯t, ämé darwāzágäi̯ dapá bᵘáspīt.

šap nemágā wazíräi̯ ǰiník ša ʷutí pisái̯ xazānágā du urǰín tilá wa zar zúrtī. āt bẹ darwāzágäi̯ dapá, dístī kẹ yak mardúme waptá. wazíräi̯ ǰiník ʷutí dilá gušt kẹ mnī māšūγá int kẹ waptá. íčī na gušt u pádā šut, ʷutí pisái̯ aspánī tā du ǰwānén aspá zénī kurt u āt bẹ darwāzágäi̯ dapá, dístī kẹ Asán āngá-ta waptá. karár dastái̯ gipt u ešá pádī kurt, gušt: búst kẹ roč būtá, zūt kan kẹ brawán. e γaríben šwānág ustát u rādág būt. gúštī: guǰá-ngūrí brawán? ǰiník gúštī: ta abár ma däi̯, ar guǰángū kẹ man a-räín, ta mnī padá biyá. Asán um padái̯ šut.

Асан взял свой посох, свою войлочную одежду и пустился в путь. Ночь в одном месте, день в другом, несколько дней спустя, добрался он до какого-то города. Он пошел и улегся перед одними воротами. Оставь теперь его и послушай об этом.

Ворота, у которых он лег, — это ворота дома визиря, а у визиря есть дочь. Эта девушка была влюблена в некоего Асана, и у них обоих был уговор, что этой ночью они бегут из этого города, в два часа ночи. Девушка сказала своему возлюбленному Асану: «в два часа ночи приходи к воротам, я также спущусь из замка, и мы вдвоем отправимся». Асан сказал: «хорошо», — а имя возлюбленного дочери визиря было также Асан. Оставь его на ночь, пусть идет спать! а этот овчар, откуда бы он ни был, пусть спит в этих воротах.

К полуночи дочь визиря взяла из хранилищ своего отца две переметные сумы с золотом и деньгами, подошла к воротам и увидела спящего человека. Дочь визиря сказала про себя: это ведь спит мой возлюбленный! Она ничего не сказала; вернулась, из лошадей своего отца оседлала двух лошадей получше, подошла к воротам и увидела, что Асан все еще спит. Она осторожно взяла его за руку, разбудила его и сказала: «вставай, уже день! поторопись, мы едем!» Бедняга овчар встал, собрался и сказал: «куда мы поедем?» Девушка сказала: «молчи, и куда я ни поеду, ты следуй за мной!» Асан последовал за ней.

ša šārā́ kẹ dár būtant, wāzírä̯i ǰiník Asánī sarā́ yak ṭúke kurt. Asán awā́b na dā́tī. ǰiník duwārág yak ṭúke kurt. duwārág Asán ǰawā́b na dā́tī. édā wazírä̯i ǰiník ä̯irā́n būt kẹ Asán pä če abárā na dāt. duwārág wazírä̯i ǰiník íčī na gušt, rādág būt. tā́rī kẹ roč būt, wazírä̯i ǰiník ešā́ sā́i̯lī kurt kẹ e mnī māšūγá näi̯nt. édā ǰẹník ai̯rā́n būt kẹ nūn con kanín? ʷutí dilā́ píkrī kurt kẹ ä̯i, ar če kẹ mnī pešānía xudā́ kurtá, amā́w a-bīt. aspā́ ǰátī yak čābúke, ä̯i kúrtī, yak ṭukúre kẹ rā šut, ʷutí dilā́ gušt kẹ ta byā kẹ ešā́ āzmūíšt kanín kẹ e čẹ mardúme. yak ǰā́e ā́tan kẹ ṭuén näi̯zā́re. wazírä̯i ǰiník gúštī kẹ čunén ǰwānén näi̯zā́re! ā burzágä̯i sarā́ gokčarén ništá būtin, gok um édā bẹčartín ant! Asán gúštī: guǰā́? pādā́i̯ nále bẹšútin! ǰiník zā́ntī kẹ e gokčaréne näi̯nt. yak ṭukúre digár kẹ šútan, ešā́nī demā́ mazánen ǰikkíe pai̯dā́ būt. ǰiník gúštī kẹ čunén ǰwānén ǰikíe! ā burzágä̯i sarā́ sarwā́n ništá būtin, édā uštúr bẹčartín ant! Asán ǰawā́b dāt kẹ guǰā́? sarwā́nä̯i pādā ǰíke bẹšútin. e ǰiník ʷutí dilā́ gušt kẹ e sarwā́ne am näi̯nt. yak ṭukúre digá kẹ šútant, yak ǰwānén γúmä̯i sarā́ bālā būtant. ǰiník sā́i̯lī kurt kẹ čunén alápe dārī́t e γum, gúštī kẹ édā yak azārī́en ramā́ge būtin u yak ǰwānén nal-ǰánen šwānág édā tamāšā́ kurt! ya-gá Asán šīpóle kurt. édā wazírä̯i ǰiník zā́ntī kẹ e mardúm šwānáge. ämé rangā́ šútant.

Когда они очутились за городом, дочь визиря дотронулась до головы Асана. Асан не отвечал. Вторично девушка тронула Асана. Опять Асан не дал ответа. Тогда дочь визиря удивилась, почему Асан не говорит. Больше она ничего не сказала, поехала. На утро, когда рассвело, дочь визиря посмотрела на него: да ведь это не мой возлюбленный! Тогда девушка растерялась: что́, дескать, я теперь буду делать? стала раздумывать: «ну, пускай будет, что бог мне судил!». Она ударила лошадь плетью и погнала ее, а когда немножко проехала, сказала про себя: «дай-ка, я его испытаю, что он за человек!» Они подъехали к месту, где были большие тростниковые заросли. Дочь визиря сказала: «какие хорошие тростниковые заросли! сидеть бы наверху коровьему пастуху, а коровы паслись бы здесь!» Асан сказал: «где? в его ногу воткнулся бы тростник!» Девушка поняла, что он не коровий пастух. Они проехали еще немножко, и перед ними появились большие заросли колючего кустарника. Девушка сказала: «какие хорошие заросли колючки! сидеть бы наверху погонщику верблюдов, а здесь бы паслись верблюды!» Асан отвечал: «где? в ногу погонщика впились бы колючки!» Девушка сказала про себя: «он не верблюжий погонщик». Они еще немного проехали и поднялись на хорошие пески. Девушка посмотрела: что за трава на этих песках! и сказала: «быть бы здесь тысячному стаду овец, а молодой овчар играл бы здесь на дудке и любовался бы!» Сразу Асан присвистнул. Тут дочь визиря поняла, что этот человек овчар. Так они ехали

roč garm at, jiník tunnág būt. tawárī kurt: äi̯ Asan, man bāz tunág būtág un, yak káme āp pai̯dá kurtága na kanái̯? Asán gúštī: bāz jwán int, anūn man pa ta áp a-kārín, ič γusá ma war. Asán zūtī ʷutí tūrágā wa laṭá zurt u šut, pa āpá šūt, gašt, ápe pai̯dáī kurt, ʷutí mašká ápī kurt u āt kẹ rādág bīt. sái̯lī kurt kẹ āpái̯ rāsten pānádā yak číze guróg a-jánt. Asán gušt kẹ ta byā kẹ amá rā säi̯l kanín kẹ amé čée? šut, sái̯lī kurt kẹ yak čirége. Asán amāé rā ša āpái̯ tā zurt u rādág būt, démẹ jäníkā, āwúrtī. āpánā bẹ jäníkā dátī. jäník kẹ wártī, Asán gúštī kẹ äi jäník, man yak číze š-āpái̯ sará distun. jäník gušt kẹ gúj int? ta byār kẹ säi̯l kanán kẹ čée. Asán amāé rā jäníkäi̯ dastá dāt. jänik kẹ sái̯lī kurt, durústī kurt kẹ e čīz pādšāéen číze, zurt ešá, ʷutí urjínäi̯ tā kurt, gúštī: bẹ́l tā bīt ämédā. Asán gušt: šar. šútant, yak u du šapá gúḍā bẹ yak šáre nazzíkā átant. wazíräi̯ jiník gúštī kẹ zánäi̯ kẹ muslát čé int? Asán gúštī: na. jäník gúštī: muslahát äméš int kẹ man tʲrā sad tumán záṛ a-däín, ta bẹzúr u bẹrá bẹ šārá, man amédā nindín, ta yak jwānén gíse wa yak muzúre girái̯, gúḍā pa mnī padá bẹyá, gúḍā man šār a-raín. Asán gušt: šar. zar zurt u šut bẹ šārá. yak jwānén gíse wa yak muzúre gipt u gisá jwān pákī kurt u āt pa wazíräi̯ jiníkäi̯ padá, ešá zurt u šut bẹ šārá.

День был жаркий, девушка захотела пить. Она закричала: «Асан, я очень хочу пить, ты не можешь найти немного воды?» Асан сказал ей: «очень хорошо, я сейчас принесу тебе воды, ты не беспокойся». Асан быстро взял свою торбу и посох и пошел; пошел за водой, походил, отыскал воду, наполнил водой свой мех и собрался в путь, но увидел, что справа от воды что-то блестит. Асан сказал: «дай-ка, посмотрю, что это!» пошел, посмотрел: светильник! Асан вынул его из воды и пошел к девушке; принес и дал девушке воды. Когда она попила, Асан сказал: «девушка, я видел в воде одну вещь». Девушка сказала: «какую? давай, посмотрим, что это!» Асан передал ее девушке. Когда девушка посмотрела, она поняла, что это царская вещь. Она взяла ее, положила в свою переметную суму и сказала: «оставь ее, пусть лежит здесь!» Асан сказал: «хорошо». Они поехали и через одну или две ночи приблизились к какому-то городу. Дочь визиря сказала: «знаешь, что теперь делать?» Асан сказал: «нет». Девушка сказала: «нужно вот что: я тебе дам сто туманов денег, ты возьми их и отправляйся в город; я останусь здесь, а ты найми хороший дом и слугу и возвращайся ко мне, тогда и я поеду в город». Асан сказал: «хорошо». Он взял деньги и поехал в город; нанял хороший дом и слугу, хорошенько вычистил дом и вернулся за дочерью визиря, взял ее и поехал в город.

amā̆ ǰā̆e kẹ Asán paḭdā kurt-at, šapī amódā wáptant, bā̆ndäḭ šapā̆ wazīräḭ ǰäník ämé ʷutī muzū̆rā gušt: ta bra, yak ǰwānén mullā̆e paḭdā̆ bẹkán u bẹyā̆r. muzū̆r šut u yak mullā̆e paḭdā̆ī kurt u āwúrt bẹ gisā̆. wazīräḭ ǰäník pa mullā̆ yak ǰwānén nahā̆re ǰódī kurt u dā̆tī. ša nahā̆rā gúḍā wazīräḭ ǰiník mullā̆ gušt: zā̆näḭ, mullā̆ sāíb, kẹ musla^{h}át čé int? mullā̆ gušt: na. wazīräḭ ǰiník gušt kẹ go me Asán nām mnī aγdā̆ band. gúštī: šar, magár man ša ta yak čīze pursīn, ta rāsténā bẹgušā̆ḭ. wazīräḭ ǰiník gušt: ar čẹ kẹ pursā̆ḭ, purs, man ʷuštātā̆-wun. mullā̆ gušt kẹ ta ǰiníke wäḭ yā na? wazīräḭ ǰiník ǰawā̆b dāt kẹ man ǰiníke-wun. duwārág mullā̆ sójī kurt kẹ ta digá dištáre dārā̆ḭ yā na? ǰiník gušt: na dārīn. mullā̆ gušt kẹ nūn ta p-ämé mardúmā kẹ ämédā ništá Asán nām, p-ameší rāzī äḭ? wazīräḭ ǰiník ǰawā̆b dāt kẹ mullā̆ sāíb, agár amā̆ḭ aγdā̆ bándäḭ, band, agár na bandā̆ḭ kẹ bāz abárma däḭ, bust u bẹrá pa watī rahā̆. mullā̆ gúštī kẹ äḭ ǰäník, ša mnī soǰ kurtínen čīzā̆n tī dilā̆ ma gīt, sabábi kẹ man mullā̆e un, mnī ^{h}ak int kẹ amerangén čīzā̆nā pursīn.

šapī kẹ ešā̆nī aγdā̆ bástī, tā̆rī kẹ roč būt, wazīräḭ ǰäník Asánā gušt: zānā̆ḭ kẹ abár čé int? Asán gušt: na, na zānīn. ǰäník gušt: abár äméš int kẹ ta maróčī ämé šamā̆ bzūr u bẹrá bẹ pādẹšā̆e, ódā kẹ šútäḭ, ešā̆ bẹ pādẹ-

---

В том доме, который нашел Асан, эту ночь они переночевали, а в следующую ночь дочь визиря сказала своему слуге: «иди, отыщи и приведи хорошего муллу». Слуга пошел, отыскал муллу и привел домой. Дочь визиря приготовила для муллы хороший обед и предложила ему. После обеда дочь визиря сказала мулле: «знаешь, почтенный мулла, что надлежит сделать?» Мулла сказал: «нет». Дочь визиря сказала: «обвенчай меня с человеком по имени Асан». Он сказал: «хорошо, но я спрошу у тебя кое-что, а ты говори правду». Дочь визиря сказала: «все, что ты имеешь спросить, спрашивай, я готова». Мулла сказал: «ты девушка или нет?» Дочь визиря отвечала: «я девушка». Вновь мулла задал вопрос: «есть у тебя другой жених или нет?» Девушка сказала: «нет». Мулла сказал: «а теперь ты согласна на брак с человеком, который здесь находится, по имени Асан?» Дочь визиря ответила: «почтенный мулла, если ты совершаешь этот брак, то венчай, если же нет, то не трать много слов, встань и иди своей дорогой». Мулла сказал: «дочка, не обижайся на меня за вещи, которые я спрашиваю, потому что я мулла, и мое право спрашивать о таких вещах».

Ночью он совершил их брак, а на утро, когда рассвело, дочь визиря сказала Асану: «знаешь, о чем теперь речь?» Асан сказал: «нет, не знаю». Девушка сказала: «дело теперь обстоит так: возьми сегодня эту свечу и иди к царю,

šāäi̯ demā́ bil u beyā́. Asán gušt: šar. amae rā zurt u šut be pādeṣā́äi̯ argā́. ódā ke šut, salā́me dāt u ništ.

yak u du sāt ništ u gúḍā šamā́ be pādeṣā́äi̯ demā́ išt. pādeṣā́ gušt: e čée, parzínd? Asán gušt: mán-a na zānín ke e če, tā́i pādeṣā́ ma zānā́i̯, mán-a na zānín. duwārág Asán um abár na dāt, pādeṣā́ am abár na dāt. čunt sāáttā gúḍā Asán gušt: man nūn a-raín. pādeṣā́ gušt ke šar, ke rawā́i̯, murxás äi̯! Asán ustát u rādág būt, āt ʷutí gisā́. jäník gušt: äi̯ Asán, čon kurtā́i̯? Asán gušt ke íččī na kúrtun, búrtun, dā́tun u ā́tun. š-āí bil u ša pādeṣā́ goš kaš.

Asán ša gisā́ ke dár būt, pādeṣā́ yak mardúme rā eší padā́ kurt ke eší gis gujā́ngūr int. e mardúm āt u Asánī gisā́ pai̯dā́ī kurt u sā́i̯lī kurt ke xānái xarā́b, čunén jänéne dārít. e mardúm pádā šut u pādeṣā́ā gúštī: äi̯ pādeṣā́, ta apt jänén dārā́i̯, amā́ ar aptén Asánī jänénäi̯ molíd ant. e rangén jänén ič be tī pādeṣāíäi̯ mulkā́i̯ tā näint. ämé mardúm ke Asánī geṣā́ šút-at, pa pādeṣā́ bāz u bāz tārípī kurt Asánī jänénā. pādeṣā́ am pa Asánī jänénā āšíγ būt. ʷutí wazírā lotít ke e rangén abáre ast, nūn čon kanán? wazír gušt ke agár āe rā maróčī beyárǟi̯, be dárā bejánäi̯, gúḍā tī nām kámme gandág a-bīt. pādeṣā́ gušt: nápa čon kanán? čon āe rā ziyā́n a-kanā́i̯?

а когда туда придешь, поставь ее пред царем и приходи обратно». Асан сказал: «хорошо», взял ее и пошел в царский дворец. Когда пришел туда, он поздоровался и сел.

Он посидел час-другой, потом положил свечу перед царем. Царь сказал: «что это, дитя мое?» Асан сказал: «я не знаю, что это; раз ты царь и не знаешь, я тоже не знаю». Больше Асан ничего не сказал, царь тоже ничего не сказал. Через некоторое время Асан сказал: «я теперь пойду». Царь сказал: «хорошо, если хочешь, можешь итти». Асан встал и пошел. Он пришел домой, и девушка сказала: «ну, Асан, что сделал?» Асан сказал: «ничего не сделал! снес, отдал и пришел назад!» Оставь его и послушай про царя.

Когда Асан вышел из помещения, царь послал вслед за ним человека: где, дескать, находится его дом? Этот человек пошел, отыскал дом Асана и стал смотреть: что б ему пусто было! какая у него жена! Этот человек вернулся и сказал царю: «о царь, у тебя семь жен, но все семеро годны лишь в служанки жены Асана; такой женщины в твоем царстве вовсе нет!» Этот человек, который ходил к дому Асана, очень и очень расхваливал царю жену Асана, и царь влюбился в жену Асана. Он призвал своего визиря: такое, дескать, дело! что́ теперь будем делать? Визирь сказал: «если ты его сегодня приведешь и отправишь на виселицу, впоследствии твое имя несколько опорочится». Царь сказал: «что же

wazír gušt kẹ ta bándā āe rā bẹlóṭ, bẹgúš: amé šamáḭ adigá ballá ša ta loṭín. pādẹšá šar gúštī.

bándā āe rā loṭítī, gúšti: amé šamáḭ adigá ballá ša[t] ta loṭín. Asán gúštī kẹ e digá bálle na dārít. pādẹšá gušt: agá dārít yā na dārít, man ša ta loṭín, agár da ročáḭ sará āwúrtäḭ, kẹ íčī; agár náy-āwúrtäḭ, tī jān u zāg múčī pādẹšāí a-bīt, utí ixtiyárā dāráḭ. Asán šut utí gẹsá. jänénī pursítī kẹ pādẹšá ša ta čé soj kurt? Asán gušt kẹ ša man sójī kurt kẹ ämé šamáḭ adgá ballá bẹrá, biyár, man gúštun kẹ ā digá bálle na dārít. pādẹšá gušt kẹ dārít yā na dārít, man ša ta dā ročág loṭín, agár dā ročáḭ sará may-āráḭ, gúḍā tī jān u zāgá múčā pādẹšāíā kanín. ša man ämešánā sójī kurt. gúḍā jänénī gušt kẹ š-amódā kẹ ešá distág-äḭ, amá jā nūn baladí[y] a-kanáḭ? Asán gušt: baladí a-kanín, magá ódā š-ešán bāz u näint. jänén gušt kẹ äḭ, ar če int, ométā bẹ xudá bẹkán u bẹrá. Asán gušt: šar.

Asán sar gipt u šut, amá āpá paḭdáī kurt, gáštī āpáḭ išk-uw-áškā, ya-ga amá rangén šáme dístī, zúrt u utí tūrágäḭ tā kurt u āt kẹ rādág bīt, utí dilá gušt kẹ ta byā kẹ amé āpáḭ išk-w-áškā múčā yak čáre bẹkanín, bārén e čunén ápe. šut, amé āpáḭ íšk-uw-áškā čárī kurt. ya-ga bẹ gošáḭ mardúmäḭ tawáre būt. ämédā yak kámme uštát, goš kašítī kẹ zántī kẹ ämédā mardúmäḭ tawáre

---

будем делать? как бы тебе его погубить?» Визирь сказал: «призови его завтра и скажи: „я требую от тебя пару к этой свече“». Царь сказал: «хорошо».

На следующий день он позвал его и сказал: «я требую от тебя пару к этой свече». Асан сказал: «у нее не имеется другой под пару». Царь сказал: «имеется или нет, я от тебя требую! если ты в течение десяти дней принесешь, тогда ничего; если же не принесешь, твоя жизнь и дети, все будет царским, поступай, как знаешь!» Асан пошел домой. Его жена спросила у него: «что у тебя спросил царь?» Асан сказал: «вот что царь спросил: „отправляйся и принеси к этой свече другую под пару“, я сказал, что ей нет пары; царь сказал: „есть или нет, только я требую ее от тебя в десятидневный срок, и если ты через десять дней не принесешь, тогда я тебя самого с детьми и со всем имуществом объявлю царским!“ Вот что он с меня спросил!» Тогда жена сказала: «ты узнаешь теперь то место, где ты нашел ее?» Асан сказал: «узнать-то узнаю, но там ведь больше их нет». Жена сказала: «ну, что бы там ни было, надейся на бога и иди». Асан сказал: «хорошо».

Асан собрался и пустился в путь. Он отыскал ту воду, обошел ее кругом, и вдруг увидел такую же свечу. Он взял ее, положил в торбу и уже собирался уходить, но сказал сам себе: «дай-ка, обойду со всех сторон! что это за вода такая?» Он стал прохаживаться вокруг этой воды, и вдруг до его ушей дошел человеческий голос. Он постоял там немного, прислушался и убедился,

šut, ämé singānī tā gašt, ya-ga dístī kẹ amédā yak singāi̯ gíse. šut, š-ämeší kaḍákā sāi̯lī kurt kẹ yak au̯lo-čámen jäníke amédā ništá. jäník amešā́ dístī. ya-ga jäník tawārī kurt kẹ äi̯ musulmān, čéwā kanāi̯ kẹ édā ātag äi̯? bẹrá kẹ anūn buzlangí a-kāyánt, trā waránt, bra pa wat. Asán gúštī kẹ man ša ta getír ná-wun, trā alās ma kanín, na raín. jäník gušt kẹ äi̯ musulmān, säi̯ sad pālawān pa mnī padā́ āt u pádā na šut, múčānā amé buzlangí wartág ant, ta kẹ yak bazzágen γaríben mardúme wäi̯! Asán gušt: man ša sä sad mardúmā getír ná-un, āwānā kẹ wartág ant, man um bẹ āwānī sarā́. jäník gúštī kẹ utí onā́ wat utí garḋínā kanāi̯, pa man um γusáe kārāi̯! man trā nūn gujā́ čér kanín? Asán gušt kẹ ta pa man ráäi̯ čápā jā́e joḍ a-kanāi̯, ta ič γusá ma war, inšallā́, trā š-ešānī dastā́ alās a-kanín, pa šártẹ kẹ ar če kẹ man trā gušín, ta bẹkanāi̯. jäník gušt: man a-kanín, agár trā kartūte bīt! Asán gušt: inšallā́, yā trā alās a-kanín, yā amā́ sä sad pālawānäi̯ padā́ räín. jäník Asánā ämédā čérī kurt u šut utí jaā́, Asánā gušt: bāndā man a-kāín, ša ta yak awāle girín. š-eší bíl u ša buzlangíyān goš pkaš.

buzlangí kẹ ātant, dístan kẹ ādami-zātäi̯ bóe. jäníkäi̯ sarā́ xāšm kurtant kẹ édā maróčī kāy ātá, bẹgúš! jäník gúštī kẹ šumā́ mänā́ yak jā́e āwurtág it

---

что это действительно человеческий голос. Он стал бродить среди скал и камней, и увидел каменное жилище. Он пошел туда и рассмотрел через щель, что там находится девушка с глазами молодой газели. Девушка его увидела и сразу закричала: «о мусульманин, что ты делаешь, придя сюда? уходи, потому что сейчас придут некие чудовища бузлангй и съедят тебя! иди своей дорогой!» Асан сказал: «я ведь не лучше тебя! пока тебя не освобожу, не уйду». Девушка сказала: «о мусульманин, триста богатырей приходили за мной и назад не вернулись: всех поели бузланги! а ты ведь только труженик и странник!» Асан сказал: «я ведь не лучше трехсот человек! если их поели, так и я за ними!» Девушка сказала: «ты сам льешь свою кровь себе на шею, а мне приносишь заботу! куда я теперь тебя спрячу?» Асан сказал: «приготовь для меня место слева от дороги и не беспокойся! бог даст, освобожу тебя из их рук! при условии, если ты сделаешь все, что я скажу». Девушка сказала: «я сделаю, если только у тебя хватит силы!» Асан сказал: «бог даст, или тебя освобожу, или последую за теми тремя стами богатырей!» Девушка спрятала тут Асана и пошла к себе. Она сказала Асану: «завтра я приду узнать о тебе». Оставь теперь его и послушай про бузланги.

Когда бузланги пришли, они почуяли человеческий запах. Они разгневались на девушку: говори, дескать, кто сюда сегодня приходил. Девушка

kẹ mníyā ādamẹ-zā́t ātága na kant. buzlangí ešā́ bā́zen dušmā́ne dā́tant u šútant, wáptant. bádi apt šapā́ gúḍā mazániš ša wābā́ ustát. e kẹ ustát, múčī sar gíptant u šútant pa šikā́rā. ā kẹ šútant, ša pádā jäník Asánīyā šut. Asán gúštī: pa če dér ātäi̯? jäník gúštī kẹ man trā na gúštun kẹ ta pa man γussáe kārä́i̯. Asán gušt: pa če? ta bẹgúš. jäník gúštī kẹ zī kẹ buzlangí kẹ ā́tant, mnā bā́zen dušmā́ne dā́tant kẹ édā ādamíäi̯ bóe. man gúštun: édā ādamíäi̯ bo čéwā lotít? Asán gušt kẹ man trā alā́s kanín, go mán a-rawā́i̯? jäník gušt: agá ta mnā alā́s kanā́i̯, man tī xai̯rát a-baín u go ta räín, agár ša tī dastā́ bīt. Asán gušt: ämé číze kẹ man trā gušín, ta amā́ mnī abárā bzū́räi̯, ma trusā́i̯, bẹkánäi̯. man inšallā́ pa xudā́äi̯ ukmā́ trā alā́s a-kanín. jäník gušt: čon bẹkanín, ta bẹgúš. Asán gúštī kẹ ta kẹ maróčī šútäi̯, nā́näi̯ waxtā́ nān ma war, pūx bā́i̯, bigré, ā wat ša ta pursánt kẹ ta maróčī pa če pūx äi̯? ta bẹguš: man yak ādami-zā́te wun, šmā́i̯ dastā́ kaptág un, šmā um ročā́ ráit pa gaštínā, man ämédā tanáka ništág un. gúḍā awā́nī mazán wat ša tā pursít kẹ ta ša man čéwā loṭā́i̯? ta bẹgúš: man trā bāz u bāz dost dārín, ta watí napásā ämé kẹ pa šikā́rā rawā́i̯, bẹ man bẹdā́i̯, kẹ tā wáxti kẹ táw a-kāā́, man go māí utí ročā́ gwāzenín. ā awálā trā́ abár

---

сказала: «вы привели меня в такое место, что ко мне не может прийти никто из человеческого рода». Бузланги ее сильно выбранили и пошли спать. Через семь ночей старший из них проснулся; когда он встал, все они собрались и пошли на охоту. Когда они ушли, тогда девушка пошла к Асану. Асан сказал ей: «почему ты поздно пришла?» Девушка сказала: «разве я тебе не говорила, что ты принесешь мне скорбь?» Асан сказал: «почему? скажи». Девушка сказала: «вчера, когда пришли бузланги, они меня сильно бранили: здесь, дескать, человеческий запах; я сказала: „какого вы захотели здесь человеческого запаху?“» Асан сказал: «я тебя освобожу, поедешь со мной?» Девушка сказала: «если ты меня освободишь, я для тебя пожертвую собой и пойду с тобой, если это будет в твоей власти». Асан сказал: «сделай то, что я скажу тебе, послушайся меня! не бойся! бог даст, я, по воле божьей, тебя освобожу». Девушка сказала: «скажи, что́ мне делать!» Асан сказал: «когда ты уйдешь отсюда, ничего не ешь во время обеда, будь печальна и плачь! они тебя спросят: „отчего ты сегодня печальна?“ ты скажи: „я человеческого рода и попала к вам в руки! а вы днем расходитесь, и я остаюсь здесь одна“; тогда старший из них спросит тебя: „чего же ты от меня хочешь?“ ты скажи: „я тебя очень и очень люблю; когда ты уходишь на охоту, отдавай мне свою душу, и я с ней буду проводить свои дни, пока ты не придешь“. Он сначала начнет

u dušmán a-dant, gúḍā utí napásā bẹ ta na dant, trā digá yak číze dant, ta amáe rā ǰwān pāk bẹkanái̯, ǰoḍ kan u psāt. ǰaník gúštī: šar.

ǰaník ša Asánäyā ustát u āt utí ǰāgá, ništ u girét. buzlangí kẹ āt, sái̯lī kurt kẹ eš a-girét, šut, pursítī kẹ ta pa če girewái̯? ǰaník gušt kẹ ta mnā yak ǰāe āwurtág ái̯ kẹ čap ša xudá káse édā näint, wat um ročā rawái̯ pa šikárā. man ämédā ništág un tanā, yak číze am näint kẹ go māí utí ročá barín. buzlangí gúštī kẹ ta čéwā loṭái̯? bẹgúš, kẹ man pa ta pai̯dá kanín kẹ duwārág ta go māí utí ročá bẹgwāzenái̯. ǰaník gúštī kẹ man trā bāz u bāz dost dārín, agá ta utí napásā bẹ man bẹdái̯, man áe rā čo gulái̯ā sātín. ya-ga buzlangí eší rā yak čapóḍe ǰátī, yak sāátā gúḍā ǰaník ʷóšī kurt. buzlangí gušt: šar. šut u yak šīšáge āwúrt, gúštī: ämé mnī napás int, ar ka ämešá prošít, man am mirín. šīšágā ešá dāt u wat šut pa šikárā.

ā kẹ šut, ša pádā ǰaník šīšágā zurt u šut bẹ Asánäyā. Asán gúštī kẹ čon kurtái̯? ǰaník gúštī kẹ buzlangí gúštī kẹ amé šīšág mnī napás int. Asán gúštī: duróg a-ǰánt, e āí napás näint. Asán gušt kẹ ta nūn yak káre bẹkán. ǰaník gušt: čon kanín? Asán gúštī: ta ämeší rā ǰwānén poš abrešūmíen bẹkán, wa digá puč am pkan, utí zānái̯ sará bil. ā kẹ š-ángū āt, bgíndīt

---

укорять и бранить тебя, и потом не тотчас даст тебе свою душу, а даст тебе что-нибудь другое, но ты и это хорошенько вычисти, прибери и береги». Девушка сказала: «хорошо».

Девушка поднялась, пришла от Асана к себе, села и заплакала. Когда бузланги пришел и увидел, что она плачет, он пошел и спросил ее: «почему ты плачешь?» Девушка сказала: «ты меня привел в такое место, где, кроме бога, больше никого нет, при этом ты сам днем уходишь на охоту, а я сижу здесь одна, и нет даже ничего, с чем бы я проводила свое время!» Бузланги сказал: «что же ты хочешь? скажи, чтобы я отыскал для тебя, и ты впредь проводила бы с этим свое время». Девушка сказала: «я тебя очень и очень люблю, и если ты отдашь мне свою душу, я ее буду беречь, как цветок». Бузланги вдруг дал ей пощечину, и только через час девушка пришла в чувство. Бузланги сказал: «хорошо». Он пошел, принес склянку и сказал: «вот это моя душа! как только она разобьется, умру и я!» Он дал ей склянку, а сам пошел на охоту.

Когда он ушел, девушка тотчас взяла склянку и пошла к Асану. Асан сказал: «что ты сделала?» Девушка сказала: «бузланги сказал: „эта склянка — моя душа“». Асан сказал: «он лжет, это не его душа!» Асан сказал: «теперь ты сделай одну вещь». Девушка сказала: «что сделать?» Асан сказал: «сделай для нее хороший шелковый футляр и еще другую обертку и положи к себе на колени; когда он вернется и увидит, что ты с ней хорошо обращаешься,

kẹ ta ešā́ zábr a-sātā́i̯, ā wat gúḍā utí napásā pa rāstí trā nišā́n a-dánt. āmé kẹ trā dā́tī, ta zū́tẹ mníyā bẹyā́r, man gúḍā wat ǰoḍ a-kanín. ǰaník gušt kẹ šar, pádā šut, utí gisā́i̯ tā ništ.

čun sā́tā gúḍā buzlangí āt. buzlangí gisā́i̯ tā sā́i̯lī kurt kẹ ǰaník čon ämé šīšágā zabr pośitá. buzlangí utí dilā́ gušt kẹ ämé ǰaník mnā bāz u bāz dost dārít, ta bẹyā́ kẹ pa rāstí utí napásā ešā́ nišā́n dāín. ämé ḍannā́ kámme uštā́t u sā́i̯lī kurt u gúḍā gisā́i̯ tā šut, ǰaníkäi̯ sarā́ tawā́rī kurt: äi̯ ǰáni man, imáni man, e čé kẹ ta eší rā e ráng ǰwān sātitág äi̯? ǰaník gušt kẹ e tī napás int kẹ man ǰoḍ kurtág un. buzlangí gušt kẹ e mnī napás näint, man trā räpéntun, ta bārīn čon a-kanā́i̯ mnī napásā, nūn kẹ dístun, ta e rangā́ sātā́i̯, nūn trā nišā́n a-dāín. ǰaník gušt: zānín, ša man trusítäi̯ kẹ awálā utí napásā mnā nišā́n na dā́täi̯! buzlangí gušt kẹ ān. buzlangí gušt kẹ bẹyā́ kẹ bẹrawán, utí napásā trā nišā́n dāín. ǰaník gušt: bẹrawán. ar duén ša gisā́ dár bū́tant u šútant. buzlangí demā́ būt u ǰänik bẹ padā́i̯. ešā́ búrtī bẹ yak mazánen draxtā́i̯ sarā́. buzlangí bālā́ būt u yak šīšáge ʸérī kurt, šīšágäi̯ dapā́ páčī kurt u ǰaníkā tawā́rī kurt, gúštī: ta ämé šīságäi̯ tā sä́i̯l pkan kẹ čé ast. ǰaník kẹ sā́i̯lī kurt, dístī kẹ yak kapóte ništá. buzlāngí gušt: če ast šīságäi̯ tā? ǰaník gušt: yak kapóte amódā ništá. buzlangí gušt kẹ amā́ kapót

---

тогда он сам покажет тебе уже настоящую свою душу; как только он ее тебе даст, ты тотчас же ее принеси ко мне, и тогда уже я сам справлюсь». Девушка сказала: «хорошо», пошла назад и сидела дома.

Несколько времени спустя пришел бузланги. Бузланги взглянул в дом, и увидел, как хорошо девушка укутала склянку. Бузланги сказал про себя: «эта девушка очень и очень меня любит; попробую-ка я на самом деле показать ей свою душу!» Он немного пробыл снаружи, посмотрел, вошел в дом и позвал девушку: «душа моя, благополучие мое! что́ это, что ты так тщательно бережешь?» Девушка сказала: «это твоя душа, которую я так нарядила». Бузланги сказал: «это совсем не моя душа! я обманул тебя, чтобы посмотреть, что́ ты сделаешь; теперь, когда я увидел, что ты ее так бережешь, я покажу тебе свою душу». Девушка сказала: «понимаю! значит, ты боялся меня, раз ты мне сразу не показал своей души!» Бузланги сказал: «да». Бузланги сказал: «давай, пойдем, я покажу тебе свою душу». Девушка сказала: «пойдем». Оба вышли из дому и пошли. Бузланги был впереди, девушка сзади него. Он повел ее к большому дереву. Бузланги поднялся наверх, спустил вниз одну склянку, открыл ее горлышко, позвал девушку и сказал ей: «загляни-ка в эту склянку, что́ в ней?» Когда девушка посмотрела, она увидела, что там сидит голубь. Бузланги сказал: «ну, что в склянке?» Девушка сказала: «там сидит голубь».

mnī napás int, ar kas ämeší sará psindít, man am mirín. jäník gušt kẹ man āe rā pa ta xaiṛát a-kanín kẹ ā eší sará psindít. buzlangí jäníkäi abárān kabūlī kurt u kapótā bẹ jäníkäi dastá dāt, gúštī: nūn tā ročá kẹ man édā ná-wun, go meší gwāzí bẹkān. jäník gušt: šar. ar du šútant bẹ gisá.

bāndénā buzlangí šut pa šikárā, ā kẹ šut, ša pádā jäník zūtī kapótā zurt u šut bẹ Asánäyā. Asán gúštī kẹ šer-äi rūbá? jänik gušt kẹ inšallá, šer un! e āí napás int kẹ ešá zítun. Asán gušt kẹ gúj int? jäník kapótā nišánī dāt. Asán kapótā ša dastái zurt u sáili kurt, jänikā gušt: zánäi kẹ nūn musla^{h}át čé int? jäník gúštī: na, man na zānín kẹ kār čé int. Asán gušt kẹ bẹrawán bẹ šmäi gisá. jäník gušt: man ša buzlangíā bāz u bāz a-trusín. Asán gušt: agá napásī āmé bīt, ič ma trus, bẹrawán. jäník gušt: bẹrawán.

ar du š-é gẹsá kẹ dár būtant démẹ buzlangíā gẹsá, ya-ga buzlangí ešánī demá dár āt, dístī kẹ mnī jänén go digá ādami-záte gardít, yak gašt démẹ amāwán rādág būt. tawáräi sará kẹ āt, jäník āe rā dist. Asán gušt: agá ämé kapót āí napás bīt, zabr int, agá má bīt, mašmá rā ar duwénānā wart. gúḍā Asán gušt: ič γusá ma war, tā ā nazík bäit, gúḍā man go wāí abár a-däín. buzlangí kẹ nazík āt, Asán tawár kurt kẹ äi buzlangí, amódā bošt. buzlangí na wuštát u āt. ya-ga Asán kapótā áe rā

Бузланги сказал: «этот голубь и есть моя душа! как только кто-нибудь оторвет ему голову, я умру». Девушка сказала: «я принесу за тебя в жертву того, кто оторвет ему голову!» Бузланги поверил словам девушки и вручил голубя девушке, сказав: «теперь ты забавляйся с ним в те дни, когда меня здесь нет». Девушка сказала: «хорошо». Оба пошли домой.

Через некоторое время бузланги пошел на охоту. Как только он ушел, тотчас же девушка быстро схватила голубя и пошла к Асану. Асан сказал: «лев или лисица?» Девушка сказала: «бог даст, лев! вот его душа, я достала ее». Асан сказал: «где?» Девушка показала голубя. Асан взял голубя у нее из рук и стал рассматривать; потом он сказал девушке: «знаешь, что́ теперь делать?» Девушка сказала: «нет, не знаю, что́ теперь?» Асан сказал: «пойдем в ваш дом». Девушка сказала: «я очень и очень боюсь бузланги!» Асан сказал: «если это его душа, ничего не бойся! пойдем!» Девушка сказала: «пойдем».

Оба направились из этого дома к дому бузланги. Бузланги сразу вышел к ним навстречу и увидел: да ведь это моя жена расхаживает с другим человеческим существом! Он тотчас пошел к ним. Когда он подошел на расстояние голоса, девушка его увидела. Асан сказал: «если этот голубь его душа, хорошо; если же нет, он съест нас обоих». Потом Асан сказал: «не беспокойся, пусть он приблизится, тогда я с ним поговорю». Когда бузланги подошел, Асан закричал: «эй, бузланги, стой там!» Бузланги не остановился

nišān dāt. gúštī kẹ čón int kẹ anūn tī sarágā psindín? būzlangí kẹ kapótā dist, tawārī kurt Asánā: äi̯ ādami-zāt, ar če a-loṭāi̯, man trā däín tā mnī kapótā bẹdāi̯. Asán gušt: man ša ta digá íčīyā na loṭín, magá yak šárte dārín. agá amāe rā bẹkanāi̯, gúḍā tī kapótā trā däín, agá má bīt, anūn sarágäi̯ā sindín. buzlangī gušt: bẹgúš, če árze dārāi̯, ar če bīt, man a-kanín. Asán gušt: tái buzlangí amā rā ar duénānā ʷutí puštā bẹkán, bẹ plāná šārā bar, gúḍā man tī kapótā däín. buzlangí gušt: šar, bẹyāit, mnī puštā swār bāit.

Asán šīšágā prošt, kapótā watī dastā kurt u demā būt, jäník um bẹ padāi̯. Asán duwārág buzlangí gušt: äi̯ buzlangí, agá ta šor bóräi̯, ti sarágā sindín. buzlangí gušt kẹ ič ma trus, man šᵘmā rā na warín. Asán jäníkā gušt kẹ bẹyā kẹ brawán, sawār bäyán. jäník gušt kẹ man a-trusín. Asán gušt kẹ ma trus, āī napás bẹ mnī dastā int, pa če trusāi̯? jäník nā ilāj būt, ša wutí jā ustát, Asánī padā rādág būt, ar duén ātant, buzlangíyā swār būtant u démẹ amā šārā kẹ Asánī gis int, buzlangíyā gušt: amāngūrí rādág bāi̯. buzlangí am amāngūrí rādág būt u šut. ämé kẹ šār paidā būt, Asán gušt: nūn amā rā ämédā ér kan. buzlangí kẹ ešānā ämédā ér kurt, gúštī: nūn bẹdāit mnī kapótā. Asán gušt kẹ ta ämédā

и продолжал подходить. Асан тотчас показал ему голубя и сказал: «что́, если я сейчас оторву тебе голову?» Как только бузланги увидел голубя, он закричал Асану: «о рожденный человеком, все, что ты захочешь, я дам тебе, только отдай моего голубя». Асан сказал ему: «я от тебя ничего другого не хочу, но только при одном условии; если ты его исполнишь, я отдам тебе твоего голубя; если же нет, сейчас же оторву ему голову». Бузланги сказал: «скажи, какое у тебя желание; каково бы оно ни было, я его исполню». Асан сказал: «ты, бузланги, посади нас обоих к себе на спину и отвези в такой-то город, тогда я отдам твоего голубя». Бузланги сказал: «хорошо, подходите и садитесь ко мне на спину».

Асан разбил склянку, взял голубя в руки и пошел впереди, а девушка за ним. Асан вторично сказал бузланги: «бузланги, если ты зашевелишься, я оторву тебе голову». Бузланги сказал: «не бойся ничего, я вас не съем». Асан сказал девушке: «давай, пойдем и сядем верхом». Девушка сказала: «я боюсь». Асан сказал: «не бойся, ведь его душа у меня в руках, чего же ты боишься?» Девушке ничего не оставалось делать, она встала со своего места и пошла вслед за Асаном. Оба они подошли, сели на бузланги, и Асан приказал бузланги двинуться к тому городу, где был дом Асана. Бузланги направился туда. Когда показался город, Асан сказал: «теперь здесь нас спусти». Когда бузланги их спустил, он сказал: «теперь отдайте моего голубя».

mnind, amā́ kẹ yak kámme šútan, amódā tī kapótā kilán u rawán, gúḍā ta biyā́, bra. buzlangí γaríb gušt: šar. e kẹ amā́ ḍigárā šútant, Asán kapótäi̯ sarā́ sist, buzlangí édā murt. Asán u ǰäník ar du šútant bẹ Asánī gẹsā́. amā́ wadáẹ kẹ go pādẹšā́ kurt-át, yak šap demā́ šut bẹ watí gisā́.

wazíräi̯ ǰäník kẹ āí ǰänén bīt, gúštī: äi̯ Asán, čon kurtā́i̯? šámā āwúrtäi̯ yā na? ya-ga Asán óšī kurt kẹ tūrág amā́ ǰā́e kẹ go buzlangíyā awalīén sarā́ abár dā́tag ant, tūrág amódā be woš būtá. wazíräi̯ ǰäník gušt kẹ zū́tẹ brá pa padā́i̯, bẹyā́räi̯, agá má yārā́i̯, póšī pādẹšā́ mnā go tī gẹs u múčānā pādẹšāí a-kant. ämé nokén ǰäník gúštī kẹ šmā čunén abáre dārít go wat, man am sī bäín ša šmäi̯ abárā. wazíräi̯ ǰäník p-e nokén ǰäníkā kẹ Asán ša buzlangíäi̯ demā́ alā́s kurtā́ wu āwurtá, nūn p-ämešī́ náγl a-kánt, gúštī: äi̯ dādā́, yak wáxte amā́ āpā́i̯ sarā́ kẹ ta būtág äi̯, š-amāí sarā́ ā́tan, Asán š-amódā yak šáme dist, āwúrtī, mnā dāt, man um zúrtun, urǰínäi̯ tā kúrtun. e šārā́ kẹ ā́tan, man Asánā gúštun kẹ ämé šamā́ bar, bẹ pādẹšā́ bẹdā́i̯. Asán um burt, dāt u āt. yak šap gúḍā duwārág Asánā lotítant. pāḍešā́ guštá kẹ ämešī́ adi̯gá ballā́ ša ta dā-šapág a-lotín, agá dā šapā́i̯ sarā́ ma yārā́i̯, tī ǰān u zāgā́ múčā pādẹsāí a-kanín. nūn um Asán no šap int kẹ pa šamā́i̯ padā́ šuṭá, nūn

---

Асан сказал: «посиди здесь; когда мы немного отойдем, мы отпустим твоего голубя и пойдем; тогда и ты подойдешь». Бедняга бузланги сказал: «хорошо». Как только они пошли по земле, Асан оторвал голубю голову, и бузланги тут же умер. Асан и девушка пошли вдвоем в дом Асана. Он попал домой на одну ночь раньше того срока, который был назначен царем.

Дочь визиря, которая стала его женой, спросила его: «ну, Асан, что сделал? принес свечу или нет?» Асан сразу вспомнил, что он забыл торбу в том месте, где он в первый раз разговаривал с бузланги. Дочь визиря сказала: «скорей сходи за ней! если не принесешь, послезавтра царь отберет в казну и меня, и твой дом, и все имущество». Новая девушка сказала: «что вы разговариваете только между собой? я тоже хочу знать, о чем вы говорите»! Тогда дочь визиря стала рассказывать новой девушке, которую Асан освободил от бузланги и привел: «сестрица, однажды мы подошли к той воде, где ты находилась; Асан увидел там свечу, принес и дал мне; я взяла ее и положила в переметную суму. Когда мы пришли в этот город, я сказала Асану: „отнеси эту свечу и отдай царю“. Асан отнес, отдал и вернулся. Ночь спустя, опять потребовали Асана; царь сказал ему: „я хочу от тебя в десятидневный срок пару к ней; если ты в течение десяти дней не принесешь, я тебя самого, твоих детей и все имущество отберу в казну“. Сейчас уже девять ночей с той поры, как Асан отправился за свечей, и теперь он вернулся с пустыми руками,

órkā ātá, bándā pādęšá ešá loṭít. ämé nokén jäník gušt: äi̯ dādá, ič γusá ma war, ā číze kę pädęšá ša Asán loṭitá, bāz yak čize āsánen. ā rangén čīz go man bāz int, ič na ta γusá bor, na Asán. bándā kę roč būt, man pai̯dá a-kanín. wazíräi̯ jäník gušt: ā rang bīt, bāz u bāz jwanén káre bīt.

ämé nokén jäník wazíräi̯ jäníkā gušt: āi̯ dādá, man go ta yak muslaháte kanín, agá ta rāzí a-baái̯. wazíräi̯ jäník gušt: bęgúš, dādá, ā čunén muslaháte bīt kę man rāzí ma baín. e jäník gušt: agá tī muslahát bīt, šapí yak mullá̆e pai̯dá kan kę mnī aγdá go Asán bandít. wazíräi̯ jäník gušt: bāz u bāz jwán int, ta p-ameší gúštäi̯ kę agá tī muslahát bīt, eš u yak āsánen abáre, ta um mnī gwár äi̯, mašmá rā ar duénānā Asán a-sātít. nokén jäník gušt kę äi̯ dādá, mnī ák int kę ša ta salá kanín, pä če kę ta Asánī jänén äi̯, tī dilá ma gīt kę e jäník ša gujángū āt u be salá u be muslahátā mnī mardá gipt. wazíräi̯ jäník gušt: na, dādá, ā rang näi̯nt, albáta káse kę trā āwurtá, albát trā loṭít kę āwurtá. agá ma loṭítin, albatá š-amódā näyāwúrtī. ešánī abár äméda alás būt.

wazíräi̯ jäník ʷutí muzúrā gušt kę bęrá, mullá̆e pai̯dá bękán u biyár. muzúr šut, mullá̆e pai̯dá kurt u āwúrt. nān kę wártant, wazíräi̯ jäník mullá̆ā

а завтра царь его позовет!» Новая девушка сказала: «сестрица, не беспокойся ни о чем; то, что царь от Асана требовал, очень легко! у меня много таких вещей; не беспокойтесь ни ты, ни Асан! завтра, когда рассветет, я достану». Дочь визиря сказала: «если так будет, то будет очень и очень хорошо».

Эта новая девушка сказала дочери визиря: «сестрица, я хочу с тобой посоветоваться, если ты согласна». Дочь визиря сказала: «говори, сестрица! что́ это за совет может быть, на который бы я не соглашалась!» Девушка сказала: «если ты не возражаешь, отыщи вечером муллу, чтобы он обвенчал меня с Асаном!» Дочь визиря сказала: «очень и очень хорошо! потому-то ты и сказала мне: „если ты не возражаешь!“ но это ведь легкая вещь: ведь и ты моя сестра, и о нас обеих будет заботиться Асан». Новая девушка сказала: «сестрица, я должна у тебя спросить, потому что ты жена Асана и чтобы ты не обиделась, что вот, де, пришла откуда-то эта девушка и без разговоров и без спросу забрала моего мужа!» Дочь визиря сказала: «нет, сестрица, совсем не так! конечно, раз человек тебя привел, значит он тебя хочет, если привел! если бы не хотел, конечно, не привел бы оттуда!» На этом их разговор окончился.

Дочь визиря сказала своему слуге: «иди, отыщи и приведи муллу». Слуга пошел, отыскал и привел муллу. Когда они поели, дочь визиря сказала мулле:

gušt: mullā́ sāíb, ämé ǰäník kẹ tī demā́ ništá, go me Asán nām aγdā́i̯ band. mullā́ gušt wazírä̯i̯ ǰäníkā kẹ e ǰäníke yā ǰanozáne? wazírä̯i̯ ǰäník gušt: e ǰäníke. duwārág mullā́ gušt kẹ e ǰäník wat Asánā lotít yā Asán āe rā lotít? wāzírä̯i̯ ǰäník gušt kẹ awál amé ǰäník Asánā lotít, gúḍā Asán āe rā lotít. mullā́ gušt: šar. wābā́nī waxtā́ ešā́nī aγdā́ bast u šut.

tā́rī kẹ roč būt, ämé nokén ǰäník kẹ go Asán ātá, amā́ wutí pitínkānā gašt, yak šáme pa̯i̯dā́ī kurt u Asánā dāt, gúštī: bar, pādẹšā́ bẹdā́y u byā́. Asán zurt u šut bẹ pādẹšā́ā́ gisā́. ódā kẹ šut, salā́me dāt u ništ. pādẹšā́ gušt: čon int tī awā́? Asán gušt: duwāgū́ wun šmā́i̯ sarā́. yak kámme ništ u gúḍā ämé šamā́ Asán ša watí tūrágä̯i̯ tā dárī kurt u pādẹšā́ä̯i̯ demā́ išt. pādẹšā́ gušt: ä̯i̯ Asán, e čé-ye? Asán gušt: e amā́ int kẹ mnā pa padā́i̯ dem dā́tä̯i̯. pādẹšā́ íččī na gušt. Asán bád[1] yak u du sā́tā gúḍā pādẹšā́ā gušt: anū́n man ruxsát a-baín. pādẹšā́ gušt kẹ ruxsát ä̯i̯, parzínd. Asán ustát u āt ʷutí gẹsā́. gẹsā́ ki sar būt, ar ḍu ǰänénī yak zubā́n a-pursítant kẹ šamā́ čon kurtā́i̯? Asán gušt kẹ íčī na kúrtun, šamā́ búrtun, dā́tun bẹ pādẹšā́, ā́tun. ǰänénī pursítant kẹ pādẹšā́ dẹgá íčī na pursít? Asán gušt: dẹgá ša man čéwā pursít? amā́ číze kẹ āí ša man lotít, man búrtun, dā́tun. š-āí bil u š-eší goš kaš.

«почтенный мулла, обвенчай эту девушку, которая сидит перед тобой, с этим Асаном». Мулла сказал дочери визиря: «это девушка или вдова?» Дочь визиря сказала: «это девушка». Вторично мулла спросил: «эта девушка хочет Асана или Асан ее хочет?» Дочь визиря сказала: «во первых, эта девушка хочет Асана, а затем Асан ее хочет». Мулла сказал: «хорошо». Ночью он совершил их брак и ушел.

На утро, когда рассвело, новая девушка, которая пришла с Асаном, стала перебирать свои пожитки, нашла свечу, дала Асану и сказала: «отнеси царю, отдай ее и приходи». Асан взял и пошел к царю в дом. Когда он пришел туда, он поклонился и сел. Царь спросил: «как ты поживаешь?» Асан сказал: «молельщик о вашем благополучии!» Он немного посидел, потом вынул из своей торбы свечу и положил перед царем. Царь сказал: «что это, Асан?» Асан сказал: «это то, за чем ты меня посылал». Царь ничего не сказал. Асан через час или два сказал царю: «теперь я прошу разрешения!» Царь сказал: «иди, сынок». Асан встал и пошел домой. Когда он добрался домой, обе жены в один голос стали спрашивать: «что ты сделал со свечой?» Асан сказал: «ничего не сделал; отнес свечу, отдал царю и пришел обратно». Его жены спросили: «царь больше ничего не спросил?» Асан сказал: «что́ еще ему с меня спрашивать? то, что он с меня требовал, я принес и отдал!» Оставь теперь его и послушай об этом.

bádi dā-bīst ročā́ gúḍā yak nokáre Asánī gẹsā́i̯ sarā́ brābír būt, sā́i̯lī kurt kẹ e gẹsā́i̯ tā čunén du ǰuwānén ǰẹnén ništá. š-amédā šut, bẹ pādẹšā́ā gúštī: ǟi̯ pādẹšā́, man maróčī yak číze dístun kẹ γuṭ ǟi̯rā́n mā́ntun. pādẹšā́ gušt: če distág ǟi̯, bẹgúš. nokár gušt kẹ ämédā yak mardúme ast, du ǰẹnén dārít, tái pādẹšā́ apt ǰẹnén dārā́i̯, tī ar aptén ǰẹnén āí amā́ gandágen ǰẹnénǟi̯ molíd ant. pādẹšā́ gušt: šar, bas int, bẹrá pa watí rāā́. nokár kẹ ša gẹsā́ dár būt, pādẹšā́ mardúme pa wazírǟi̯ padā́ démī dāt. wazír kẹ āt, pādẹšā́ gušt: ämé Asán nā́mā, čon ziyā́n pkanán? wazír gušt kẹ ta bẹyā́ kẹ ešā́ bẹgušán kẹ ša ta ša débi syā́yī bāgā́i̯ balgā́n dā šapág loṭín; agár da šapā́ sarā́ ma yārā́i̯, gúḍā tī gẹs u mā́lā múčā pādẹšāí a-kanín. pādẹšā gušt: badén dalíre näint, šar, bā́ndā loṭínī.

bā́ndā kẹ roč būt, pādẹšā́ pa Asánī padā́ yak nokáre démī dāt, Asánā zurt u āt. Asán kẹ pādẹšāäyā āt, pādẹšā́ gušt kẹ ǟi̯ Asán, man ša ta dā šapág ša débi s'yā́ bāgā́i̯ balgā́n loṭín. agá dā šapā́i̯ sarā́ má yārā́i̯, gúḍā tī gẹs u mālā́nā pādẹšāí a-kanín. Asán ǰawā́b íčī na gušt u ša gẹsā́i̯ dar būt, āt ʷutí gẹsā́. ǰẹnénī ša Asán pursítant kẹ pādẹšā́ ša ta čéwā loṭít? Asán gušt kẹ pādẹšā́ ša man dā šapág ša débi siyā́ī bāgā́i̯ balgā́n loṭít, agá dā šapā́i̯ sarā́ ešā́ ma yārā́i̯, gúḍā tī gẹsā́ ābādíyā pādẹšāí a-kanín. ǰẹnénī gúštant kẹ

Десять-двадцать дней спустя один слуга поровнялся с домом Асана и заглянул: что́ за две красавицы сидят в доме! Он пошел отсюда и сказал царю: «царь, я сегодня видел одну такую вещь, что прямо изумился». Царь сказал: «говори, что́ ты видел». Слуга сказал: «здесь есть один человек, и у него есть две жены; хотя ты царь, и у тебя семь жен, но все твои семь жен годны лишь в служанки его худшей жены». Царь сказал: «хорошо, довольно, иди своей дорогой». Когда слуга вышел из дому, царь послал человека за визирем. Когда визирь пришел, царь сказал: «как бы уничтожить этого Асана!» Визирь сказал: «давай, скажем ему: „я требую от тебя в десятидневный срок листьев из сада черного дива; если ты через десять дней не принесешь, тогда я отберу в казну твой дом и все имущество“». Царь сказал: «не плохой совет! хорошо, завтра я позову его».

На утро, когда рассвело, царь послал слугу за Асаном, тот забрал Асана и пришел обратно. Когда Асан пришел к царю, царь сказал: «Асан, я требую от тебя в течение десяти ночей листьев из сада черного дива; если ты через десять ночей не принесешь, тогда я твой дом и имущество отберу в казну». Асан ничего не сказал в ответ и удалился; пришел домой. Его жены спросили у Асана: «чего царь от тебя хочет?» Асан сказал: «царь требует от меня в течение десяти ночей листьев из сада черного дива: если ты, мол, не принесешь их через десять дней, тогда я твой дом и имущество отберу

ta débi s'yāī bāgā́ distág äi̯? Asán gušt kẹ gujā́ man syā wu sẹpétī distág un? jẹnénī gušt kẹ nápā čón a-kanā́i̯? Asán gušt: čón a-kanín? raín pa padā́i̯, agá paidā́ kanín, kārín; ma kanín, gúḍā pādẹšā́ mnā kušít, šmā rā pa wat a-bárt. Asánī ar duén jẹnén gúštant kẹ amā́ pādẹšā́ā pa ta xäi̯rát a-kanán. amé abárānā dā́tant u Asán gušt: nūn man a-raín, bẹ débi syā́ī šārā raín. jẹnénī gúštant: šar kẹ rawā́i, bẹrá. agá dístäi̯, säi̯l kanā́ kẹ débi syā́ī bāgā́i̯ tā ar ḍåwlā́i̯ jẹnawā́r paidā́ bīt kẹ mardúm a-waránt. Asán gušt: äi̯ jẹnén, ar če kẹ mnī pešānī́y a-bīt, amā́w a-bīt. amešā́nā gušt u Asán ša gẹsā́i̯ dar būt u šut.

šápe jā́e, róče jā́e, šut bẹ yak rodā́i̯ kirá, sā́lī kurt kẹ e rod čon púr int ša āpā́. yak káme ništ, dalírī kurt, utí dilā́, gušt kẹ äi̯, omét bẹ xudā́, byā kẹ š-amé rodā́ bẹgwazín. watí pučā́nā kašít, utí sarā́ bast u wat rā bẹ rodā́ jat. ša rodā́ kẹ gwast, áškäi̯ kẹrá dár būt, utí pučā́nā gwarā́ kurt u šut. yak ṭukúre rā́ kẹ šut, ša dū́rā yak šā́re mālū́m būt, šut démẹ ämā́ šārā́. nemašā́mī bẹ me šārā́ sár būt, ämédā yak koná gisā́ tā ništ. šap nemágā š-é gẹsā́ dar būt u ya káme rā́ kẹ šut, yak ga Asánī demā́ yak mardúme dar āt. Asán gušt: äi̯ bẹrā́s! āí gušt: če? Asán pursít kẹ e šār kí int? ā mardúm jawā́b dāt kẹ e šār débi syā int, Asán íčī na gušt u pádā démẹ amaxtī́en gẹsā́ šut, pádā amā́é tā ništ.

в казну!» Его жены сказали: «ты видал сад черного дива?» Асан сказал: «где там я видывал черное и белое?» Жена сказала: «тогда что же ты будешь делать?» Асан сказал: «что́ буду делать? пойду за ними; если отыщу, принесу; не найду, — тогда царь меня убьет, а вас заберет к себе». Обе жены Асана сказали: «мы принесем царя в жертву ради тебя!» Они проговорили эти слова, и Асан сказал: «ну, теперь я пойду в город черного дива». Его жены сказали: «хорошо, раз идешь, иди! если найдешь, будь осторожен, потому что в саду черного дива находятся всякие звери, которые едят людей». Асан сказал: «эх, жены, что́ мне предназначено, то и будет!» Асан сказал это, вышел из дому и пошел.

Ночь в одном месте, день в другом месте, добрался он до берега одной реки и стал смотреть: «что это река так полноводна!» Он немного посидел, подумал, сказал про себя: «ну, надежда на бога, дай-ка, переправлюсь через эту реку!» снял свое платье, привязал к голове и бросился в реку. Он переправился через реку, вышел на том берегу, надел свое платье и пошел. Прошел он немного по дороге, вдали показался город; он пошел к этому городу, в сумерки добрался до города и остановился там в одном старом доме. К ночи он вышел из этого дома, и когда немного прошел по дороге, ему встретился один человек. Асан сказал: «эй, брат!» Тот сказал: «что?» Асан спросил: «чей это город?» Тот человек ответил: «это город черного дива». Асан ничего не сказал, пошел обратно к прежнему дому и там остался.

šap kẹ āxír būt, Asán ša gẹsā́ dar būt u démẹ débi syā́ī bāgā́ šut. bāgā́ḭ dapā́ kẹ šut, dístī kẹ múčī γarāwū́l waptág ant. Asán karā́-karā́ šut bẹ débi syā́ī bāgā́ḭ tā, š-amā́ číze kẹ pa kār dāšt, amā́e rā zurt u utí tūrágä tā kurt u ya káme dalírī kurt, utí dilā́ gušt kẹ äḭ, ta bẹyā́ kẹ ämé bālā́-xānáäḭ sarā́ bālā́ bā́ín kẹ čé ast. sad dilā́ yak dílī kurt, bālā́ būt. bẹ bālā́-xānáäḭ sarā́ kẹ bālā́ būt, dístī kẹ yak gẹsā́ḭ tā čirā́ge sučít. šut démẹ amā́ gẹsā́. gẹsā́ dapā́ páčī kurt u gẹsā́ tā šut, sā́lī kurt kẹ e gẹsā́ tā čunén ǰwānén ǰiníke waptá. yak čirā́ge sarū́näḭ yer int, yáke pādū́näḭ yer int wa eší gwarā́ čil ǰāmág ant wa čil šalwā́r ant wa bẹ sarā́ḭ čil dasmā́l bastá. Asán sarū́näḭ čirā́gā zurt, pādū́näḭ išt, pādū́näḭ čirā́gā zurt, bẹ sarū́näḭ išt, ša pučā́nī ša sarā́ḭ sī wu nó dasmā́läḭ páčī kurt, wa sī wu nó ǰāmágäḭ zīyā́ pácī kurt wa sī wu nó šalwā́räḭ aiǰā́gā páčī kurt, yāk čúke š-é demā́ḭ gipt, yáke š-ā́ demā́ḭ gipt u ustát. Asán kasānī́yā yak káme wā́nt-at, yak káme xatā́ zā́ntī, na kẹ bāz. ämé gẹsā́ tā kāgád u γaláme yer at. Asán ämé kāgádān wa γaláme zurt u utí nāmā́ wa utí pisā́ nāmā́ wa guǰā́m šārā́ kẹ ništ, nimíst u amā́ kāgadā́nī tā išt, wat ša gẹsā́ dár būt. ič ka āe rā na dist, dár but u šut. amā́ rā́e kẹ ā́t-at, bẹ mā rā́ā pádā šut. š-āí bil u ša ǰẹníkā goš pkaš.

Когда ночь была на исходе, Асан вышел из дома, пошел к саду черного дива, и когда подошел к воротам сада, увидел, что все сторожа спят. Асан потихоньку вошел в сад черного дива, взял, что́ ему было нужно, положил в свою торбу, немного подумал и сказал про себя: «дай-ка, я взберусь на вышку! что́ там такое?» Сто сердец соединил он в одном своем сердце и взобрался наверх. Когда он поднялся на вышку, он увидел, что в одной комнате горит огонь. Он пошел к этой комнате, открыл дверь комнаты, вошел в нее и посмотрел: что́ за красавица девушка спит в этой комнате! Один светильник стоит у нее в головах, другой в ногах, на ней сорок рубашек и сорок шальвар, а на голове сорок платков. Асан взял светильник от изголовья и поставил в ногах, а от ног светильник поставил к изголовью; из одежд раскрыл тридцать девять головных платков, расстегнул тридцать девять рубашек и распустил завязки у тридцати девяти шальвар; потом поцеловал ее один раз с одной стороны, другой раз с другой стороны, и встал. В детстве Асан немного учился и знал немного грамоту, не очень много. В этой комнате была бумага и перо. Асан взял бумагу и перо и написал свое имя, имя своего отца и в каком городе он жил, — все обозначил на бумаге и сам вышел из комнаты. Никто его не видал, он вышел и пошел назад по той самой дороге, по которой пришел. Оставь теперь его и послушай про девушку.

tárī kẹ roč būt, ǰẹník ša watí ǰāá kẹ ustát, púčī ša gwará̧ káptant. édā ǰẹník a̧rán mānt kẹ e čonén káre būt. pučánā gwará kurt u šut bẹ γarāwūlānīyā, xášmī kurt. pa γarāwūlānī ǰāná gúštī: doší édā ká̧ ātá? γarāwūl gúštant: dóšī édā ič ka ná̧ ātá. ǰẹník ešánā bāzen dušmáne dāt u pádā šut utí gẹsá. gẹsá̧ tā kẹ sá̧lī kurt, dístī kẹ ämédā yak kāgáde kaptá. ǰẹník kāgádā kẹ zurt, sálī kurt kẹ e mardúmä̧ nām Asán int. dalír a-kurt kẹ ešá čon pa̧dá kanín? yak gašt utí dilá gušt kẹ ta bẹyá kẹ bẹ padá̧ bẹraín. yak ga utí ǰẹnén-zāgíen pučánā dárī kurt u utí gwará mardén-zāgíen puč kurt u ša gẹsá pa bānáä̧ ammámā dár būt u šut, šará̧ tā š-é kūčá, s-á kūčá gwast, ya gašt ša šará dár būt u démä̧ Asánī rāhá utí demá dāt u šut.

yak čunt sāt rá šut. yak ga eší ḍemá yak róde dár āt. e ǰẹník ämeší kẹrá gáštī pa gudáre kẹ š-ämé rodá bẹgwazít. ämé rangá šútī kẹ yak ga dístī kẹ bẹ demá̧ yak mardúme ništá, amé gudáräi sará ništá. ǰẹník nazík āt, Asán um wat rā bẹ rodá ǰat. yak ga ǰẹník ešá tawár kurt kẹ ä̧ mardúm, ta yak káme bošt kẹ man bẹyāín. Asán ǰẹníkā ǰawáb dāt kẹ ta ša man čéwā loṭá̧ kẹ mnā ša mnī rá mātál a-kanä̧. duwārág ǰẹník tawár kurt kẹ ä̧ bẹrás, pursitínā á̧be

---

Утром, когда рассвело, как только девушка поднялась со своей постели, ее одежды с нее упали. Девушка изумилась: что такое случилось? Она надела на себя платье и отправилась к сторожам; рассердилась и сказала сторожам: «кто приходил сюда прошлой ночью?» Сторожа сказали: «прошлой ночью сюда никто не приходил». Девушка их сильно выбранила и пошла назад к себе домой; дома осмотрелась и увидела, что вот упала какая-то бумага. Девушка взяла бумагу, посмотрела и увидела, что имя этого человека Асан. Она стала раздумывать: «как бы мне его разыскать?» и сказала самой себе: «дай-ка, я отправлюсь вслед за ним!» Она сняла свои женские одежды, надела на себя мужское платье, вышла из дому будто бы в баню и пошла; походила по городу из одной улицы в другую, наконец, вышла из города, направилась в сторону Асановой дороги и пошла.

Несколько часов она шла по дороге. Навстречу ей попалась река. Девушка стала бродить по берегу в поисках брода, чтобы переправиться через реку. Так она ходила, как вдруг увидела, что с краю сидит человек; сидит у самой переправы. Девушка подошла близко; Асан бросился в реку. Девушка тотчас закричала ему: «эй, человек, подожди немного, я подойду!» Асан ответил девушке: «что́ ты хочешь от меня, что задерживаешь меня на моей дороге?» Вторично девушка закричала: «брат, ведь нет греха в вопросе! как

näint, tī nām ká int? Asán jawā́b dāt kẹ albatá ke áibe näint, mnī nām Asán int. jẹník gušt: ša gujā́m šār a-kāā́i? Asán jẹníkā jawā́b dāt kẹ äi bẹrās, ta mardúme ziyā́n kurtág äi, če kẹ sój a-kanā́i? jẹník gušt kẹ bálkẹ mardúme zyān kurtág un, ta bẹgúš kẹ ta ša gujā́m šār a-kāā́i. Asán gušt kẹ man rāstínā gušín yā na? jẹník gušt: agá musulmā́ne baā́i kẹ rāstínā gušā́i, durógā na gušā́i, agá musulmáne ná-wäi kẹ āngūrí ʷutí ixtiyā́rā dārā́i. Asán gušt: rāstínā bẹgušín, man ša débẹ siyā́ī šārā́ kāín. jẹník gušt: nápa ta ar jā rawā́i, man tī padā́ wun. Asán gušt kẹ ta čunéne wäi kẹ mán-i bābā́ẹ γaríbäi padā́ kāā́i? jẹník gušt ke agá γaríbe wäi yā gadā́e wäi, man tī padā́ wun, ar jā bẹrawā́i. Asán dʷwārág gušt: äi mardúm, ta čunéne wäi? ʷutí nāmā́ wa utí aslā́ bẹguš. jẹník gušt kẹ man plāná pādẹšā́ā jẹník un kẹ bẹ débẹ syā́ī dastā́ kaptág un. säi sāl int kẹ man bẹ débẹ syā́ī dastā́ kaptág un, plāná šapā́ man bẹ bālā́-xāná waptá būtá un, ta bẹ mnía nā́y ā́tag äi? mnī čirā́gānā na gardéntag äi? gúḍā xáte na nimístag äi kẹ mnī nām Asán int, plāná kásī zāg un? xatā́ gẹsā́ tā na pẹréntag äi? ta amā́ mardúm ná-wäi? Asán gušt: ástun. jẹník gušt ke astā́i, ar jā kẹ ta rawā́i, man tī padā́ wun. Asán gušt: šar. e ar duén yak jā bū́tant u šútant.

тебя зовут?» Асан ответил: «конечно, греха нет! мое имя Асан». Девушка сказала: «из какого города ты идешь?» Асан ответил девушке: «брат, ты человека потерял, что ли, что так спрашиваешь?» Девушка сказала: «именно человека потерял; ты скажи, из какого ты идешь города?» Асан сказал: «по правде сказать или нет?» Девушка сказала: «если ты мусульманин, скажи по правде, не лги! если же не мусульманин, тогда поступай по своему усмотрению». Асан сказал: «сказать по правде, я иду из города черного дива». Девушка сказала: «ну, так куда бы ты ни пошел, я последую за тобой». Асан сказал: «кто ты, что хочешь следовать за мной, бедным странником?» Девушка сказала: «если ты даже странник или нищий, я за тобой последую, куда бы ты ни пошел». Асан вторично сказал: «эй, человек, кто ты таков? скажи свое имя и происхождение». Девушка сказала: «я дочь такого-то царя, которая попала во власть черного дива, и вот уже три года, как я попала во власть черного дива; это я в такую-то ночь спала в вышке! разве ты не приходил ко мне? не переставлял мои светильники? не писал затем письма, что мое, де, имя Асан, сын такого-то? не оставлял затем в доме это письмо? разве ты не тот человек?» Асан сказал: «тот». Девушка сказала: «если ты тот, тогда куда бы ты ни пошел, я последую за тобой». Асан сказал: «хорошо». Они сошлись вместе и пошли.

šápe ǰáe, róče ǰáe, čunt šapá gúḍā bẹ Asánī gẹsá šútant. ádā kẹ šútant, amé ǰẹník Asánā gúštī kẹ man trā gẹrín, mullá̆e bẹlóṭ, mnā go wat aγd kan. Asán gúštī: man du ǰẹnén dārín, ta čon mnā giräi̯? ǰẹník gušt kẹ agá dā ǰẹnén dāštá baäi̯ kẹ yáke mán un. Asán ar če kẹ gušt, eší kabū́l na kurt. gúḍā Asánī awálen ar du ǰẹnén Asánā gúštant kẹ äi̯ Asán, ā ǰẹník ša watí pešāníā nán a-wárt, ta pa če āe rā gušäi̯ kẹ man du ǰẹnén dārín? Asán káme dalír kurt utí dilä̆, gušt: äi̯ bẹyä̆ kẹ ešä̆ am bgirín. ustát u šut, mullä̆e āwúrt u e ǰẹníkā go wat áγdī kurt.

du šapä̆ gúḍā amä̆ balgä̆nā zurt u šut bẹ pādẹšääi̯ gẹsä̆. ádā kẹ šut, salämī dāt u ništ, yak sä̆te kẹ ništ, gúḍā amé balgä̆nā bẹ pādešääi̯ demä̆ išt. pādẹšä̆ gušt: e čé-want, parzínd? Asán gušt: e amä̆ balg ant kẹ mnā pa padäi̯ dem dätäi̯, man šútun, āwúrtun. pādẹšä̆ gušt: šar, parzínd, nūn ruxsát äi̯, bẹrá utī gẹsä̆. Asán ustát u āt utí gẹsä̆. gẹsä̆ kẹ āt, ǰẹnénī pursítant kẹ čon kurtäi̯? Asán gušt: íčī na kúrtun, balgä̆nā dätun u ätun.

yak čunt ročä̆ gúḍā duwārág Asánī gẹsä̆ yak nokáre āt. ya káme ništ u eší gẹsä̆ wa ǰẹnénā sälī kurt u pádā šut. šut bẹ pādẹšäyā, gúštī: äi̯ pādẹšä̆, Asán nūn go wat yak ǰẹnéne āwurtá kẹ āí awäläi̯ ar duén ǰẹnén wa tī ar aptén ǰẹnén ämé nokén ǰẹnén kẹ āwurtá, ameší molíd ant. pādẹšä̆ gušt: ta

---

Ночь в одном месте, день в другом, через несколько дней они дошли до дома Асана. Когда они подошли, тогда девушка сказала Асану: «я тебя возьму (в мужья), позови муллу и обвенчай меня с собой!» Асан сказал: «у меня уже две жены, как же ты возьмешь меня?» Девушка сказала: «если бы у тебя было даже десять жен, так я буду одной из них!» Что Асан ни говорил, она не соглашалась. Тогда первые две жены сказали Асану: «эта девушка хочет испытать предназначенное ей! зачем же ты говоришь ей: „у меня уже две жены?“» Асан про себя немного подумал и сказал: «ну, давай, возьму и ее!» встал, пошел, привел муллу и обвенчал с собой эту девушку.

Через две ночи он взял те листья и пошел в царский дом. Он пришел туда, поклонился и сел; немного посидел и положил те листья перед царем. Царь сказал: «что это, сынок?» Асан сказал: «это те листья, за которыми ты меня посылал; я сходил и принес». Царь сказал: «хорошо, сынок, теперь ты свободен, иди к себе домой». Асан встал и пошел к себе домой. Когда он пришел домой, его жены спросили: «ну, что ты сделал?» Асан сказал: «ничего не делал, отдал листья и пришел».

Несколько дней спустя, опять в дом к Асану пришел один слуга; немного посидел, посмотрел его дом, его жен и ушел обратно. Он пошел к царю и сказал: «о царь, теперь Асан привел с собой такую жену, что его обе первые жены и все твои семь жен только служанки той новой жены, которую он привел».

čéwā gušā̆i̯? nokár gušt: ämé kẹ gušín, ämé rang ast. pādẹšā̆ gušt: bra, wazírā tawár kan kẹ bäi̯t. nokár šut, wazírā gušt kẹ trā pādẹšā̆ loṭít. wazír āt, bẹ pādẹšā̆ gúštı: če? pādẹšā̆ gušt: e mardákā čon ziyán a-kanā̆i̯? ešā̆ kẹ ar sūne kẹ dém a-daā̆i̯ kẹ e ziyán bīt, e bāz š-amángū go wat yak-yak jwānén jāník a-kārít? eší ilājā čon a-kanā̆i̯? wazír gušt kẹ ta byā kẹ yak dalíre digár am mašmā̆ bẹkanán. pādẹšā̆ gušt: čẹ dalíre bẹkanán? wazír gušt kẹ tái pādẹšā̆ Asánā bẹlóṭ, bẹgúš kẹ mán-i pādẹšā̆ ša tái Asán dā ročág ša murdagén mardumán awā̆l a-loṭín, kẹ awānī awā̆l čón int, agá dā ročā̆ sarā̆ ma gušā̆i̯, gúdā tī sar u mālā múčā pādẹšāí a-kanín. pādẹšā̆ gušt: šar, ešā̆ am kanín.

bándā kẹ roč būt, yak mardúme pa Asánī padā̆ dem dāt. Asán kẹ pādẹšā̆yā kẹ āt, salāme dāt u ništ. pādẹšā gušt: Asán, zānäi̯, muslā̆t čé int? Asán gušt: na zānín kẹ muslā̆t če int. pādẹšā̆ gušt: muslā̆t äméš int kẹ tái Asán dā ročág bāíd ša murdagán amā̆ rā awā̆l bẹdā̆i̯, agá dā ročā̆i̯ sarā̆ awā̆l ma daā̆i̯, gúḍā tī sar u mālā múčā pādẹšāí a-kanín. Asánẹ γaríb aiirán būt kẹ e čunén abáre. ustát u šut démẹ utí gẹsā̆. gẹsā̆ kẹ sár būt, jẹnén pursítant kẹ pādẹšā̆ ša ta čéwā loṭít? Asán gušt: pādẹšā̆ ša man murdagánī awālānā pursít, mnā gušt kẹ ša ta dā ročág ša murdāgán awā̆l

---

Царь сказал: «что ты говоришь?» Слуга сказал: «как я говорю, так и есть». Царь сказал: «иди, позови визиря, пусть придет». Слуга пошел и сказал визирю: «царь тебя требует». Визирь пришел к царю и сказал: «что?» Царь сказал: «как бы тебе уничтожить этого человечка? в какую сторону ты ни посылаешь его, чтобы он погиб, он оттуда опять приводит с собой красивую девушку; какое ты найдешь средство от него?» Визирь сказал: «давай, испытаем еще другое средство». Царь сказал: «какое же средство испытаем?» Визирь сказал: «ты, царь, позови Асана и скажи: „я, царь, требую от тебя, Асана, в десятидневный срок сведений о положении мертвых людей, каково их состояние; если ты через десять дней не скажешь, тогда я твою голову и имущество отберу в казну“». Царь сказал: «хорошо, сделаю и это».

На другой день, когда рассвело, он послал человека за Асаном. Асан пришел к царю, поклонился и сел. Царь сказал: «Асан, знаешь, в чем дело?» Асан сказал: «в чем дело, не знаю». Царь сказал: «дело в том, что тебе, Асану, надлежит в десятидневный срок дать нам сведения о положении умерших; если через десять дней не сообщишь, тогда твою голову и все твое имущество я отберу в казну». Бедняга Асан изумился: что это за слова! встал и пошел к своему дому. Когда он добрался до дома, его жены спросили: «что царь хочет от тебя?» Асан сказал: «царь спросил у меня о положении умерших! он сказал мне: „я требую от тебя в десятидневный срок сведений

a-loṭín. amā awalén ar du ǰẹnénī gúštant: pādẹšā ganóke yā ta Asán ganóke wäi̯? š-amā awálen ǰẹnénān yáke gušt: amé pādẹšā go ta čap kaptá, eš kāi̯t kẹ trā ziyān bẹkánt. Asán gušt: šar, nūn muslāt čé int? amé nokén ǰẹnénī gušt: čéwā muslāt? Asán gušt: na kẹ pādẹšā ša man dā šapág murdagānī awāl a-loṭít? amé nokén ǰẹnénī yak káme dalīr kurt.

Asán šārā šut-át, ša šārā kẹ Asán āt, amé nokén ǰẹnénī ešā tawār kurt, gúštī: äi̯ mard, zānāi̯ kẹ muslāt čé int? Asán gušt: man nūn íčīā na zānín kẹ muslāt čé int. ǰẹnénī gušt: man a-zānín, agá ta mnī abárā bẹzūräi̯, man e gaští yā pādẹšā z'yān a-kanín yā trā. Asán gušt: mnī dastāi̯ kāre bīt, kanín; agá na, ša man zór būt, kẹ íčī. ǰẹník gušt: bzūräi̯, abáre näi̯nt. Asán gušt kẹ bẹgúš kẹ čunén abáre? ǰẹník gušt: ta yak kámke pai̯dā pkan, bẹyār. Asán kámke pāi̯dā kurt u āwúrt. ǰẹník gušt kẹ bar, bẹ mai̯dānā mnādén, du yā säi̯ čugóg bẹgír u bẹyār. Asán šut, du čugóg gipt u āwúrt, ǰẹníkā dāt. ǰẹník čugógānā zurt u čérī kurt. Asánā gušt: bẹrá, pādẹšā bẹgúš kẹ du azār uštúräi̯ bār dār pai̯dā pkan wa sad man naptāi̯ rogín, gúḍā man trā ša murdagān awāl a-däín. pādẹšā du azār uštúräi̯ bār dār āwúrt, bẹ yak mai̯dāne pẹrént wa sad man naptāi̯ rogín. Asánā loṭít. Asán sāi̯lī kurt u šut, utí

о положении умерших“». Первые две жены сказали: «или царь сошел с ума или ты, Асан, сумасшедший!» Из первых жен одна сказала: «царь с тобой не в ладах и хочет тебя погубить». Асан сказал: «хорошо, но что же теперь посоветуете делать?» Его новая жена сказала: «что же посоветовать?» Асан сказал: «так разве царь не требует с меня в десятидневный срок сведений о состоянии умерших?» Его новая жена немного задумалась.

Асан ходил в город, а когда он вернулся из города, его новая жена позвала его и сказала: «знаешь, муж, что надо сделать?» Асан сказал: «нет, что теперь делать, совсем не знаю!» Его жена сказала: «я знаю, и если ты послушаешь моих слов, на этот раз я или царя погублю или тебя». Асан сказал: «что́ смогу, сделаю; если же не смогу и окажется свыше моих сил, тогда ничего не поделаешь!» Девушка сказала: «сможешь, слов нет!» Асан сказал: «скажи же, в чем дело». Девушка сказала: «найди и принеси какую-нибудь птичью ловушку». Асан нашел ловушку и принес. Девушка сказала: «отнеси ее, поставь в степи, поймай двух-трех воробьев и принеси их». Асан пошел, поймал двух воробьев, принес и отдал девушке. Девушка взяла воробьев, спрятала и сказала Асану: «иди и скажи царю: „доставь две тысячи верблюжьих вьюков дров и сто манов керосину, тогда я сообщу тебе об умерших“. Царь доставил две тысячи верблюжьих вьюков дров и сто манов керосину, сложил на площади и позвал Асана. Асан посмотрел, пошел к своей

ǰẹnénā gušt kẹ pādẹšā́ du azā́r uštúräi̯ bār dār wa sad man naptā́i̯ rogín āwurtá u plāná maiḍā́nā ištá. ǰenénī gušt: šar, ta nūn yak kā́re bẹkán: šapí bẹrá, amódā ar če kẹ naptā́i̯ rogín ant, amāwā́nā bẹ mā dārā́nī sarā́ pāš däi̯ yā bẹréč, bíl, bẹyā́. Asán šut u amódā ar če naptā́i̯ rogín átan, múčānā bẹ mā dārā́nī sarā́ ret u pádā āt. tā́rī kẹ roč būt, Asánī ǰẹnén Asánā gušt kẹ bẹrá, pādẹšā́ bẹgúš kẹ ar ka kẹ murdág dārít, bā́ndā tái pādẹšā́ ā́e rā síy a-kanā́i̯, kẹ bẹ mā dārā́nī ǰā bā́i̯t. pādẹšā́ am tā́rī šārā́i̯ mardúmānā múčānā sī kurt kẹ ar kas kẹ murdáge dārít, tā́rī palāná dārā́nī ǰā bẹrót. šārā́i̯ mardúm tā́rī múčī bẹ mā dārā́nī ǰā šútant.

š-āí bil u ša Asánī ǰẹnénā goš pkaš kẹ Asánā pánt dā́tī kẹ mašmā́ kẹ šútan, ta bẹgúš kẹ šmā mardúm múčẹ bẹ dārā́nī sarā́ bālā́ bäi̯t; mardúm kẹ bālā́ bū́tant, gúḍā man am go ta kāín, čugógānā am go wat zū́ran, man u ta am ša āwā́n burzaktír a-rawán, koštán. wáxti kẹ šútan, oštā́tan, ta tawā́r pkan kẹ dẹgár mardúm ast yā na; amé kẹ gúštant kẹ na, gúḍā ta bẹgúš kẹ nápa šmā múčẹ sā́i̯l kanit kẹ man šmā́ rā ša šmäi̯ murdagā́n awā́l a-däín. Asán u ǰẹnénī šútant bẹ dārā́nī sarā́ bālā́ bū́tant. Asán tawā́r kurt kẹ dẹgá mardúm ast yā na? pādẹšā́ gušt: näi̯nt, zūt pkan!

жене и сказал, что царь доставил две тысячи верблюжьих вьюков дров и сто манов керосину и сложил на такой-то площади. Его жена сказала: «хорошо, теперь сделай вот что: сегодня ночью сходи туда и, сколько ни есть там керосину, весь его разбрызгай или разлей по дровам, оставь так и приходи». Асан пошел и, сколько там ни было керосину, весь его вылил на дрова и вернулся. Утром, когда взошло солнце, жена Асана сказала: «иди и скажи царю: „завтра ты, царь, объяви, чтобы каждый, у кого есть умершие, пришел к тем дровам!“» Царь утром же объявил всем жителям города, чтобы каждый, у кого есть умершие, отправился к таким-то дровам. На утро все жители города отправились к этим дровам.

Оставь это и послушай про жену Асана, которая дала Асану такой совет: «когда мы с тобой пойдем, ты скажи людям: „теперь все вы подымитесь на эти дрова“; когда они поднимутся, тогда придем и мы с тобой, и возьмем с собой воробьев; мы с тобой подымемся выше их и остановимся. Когда мы пойдем и уже остановимся, ты закричи: „есть еще другие люди или нет?“ когда скажут, что нет, тогда ты скажи: „ну, так, теперь вы все смотрите! я вам покажу состояние ваших умерших“». Асан и его жена пошли и поднялись на дрова. Асан закричал: «есть еще люди или нет?» Царь сказал: «нет, поторопись

ar číze dārā̆i̯, nišā̆n bdäi̯. Asán gušt kẹ šmā múčẹ säi̯l pkánit, anū̆n šmā rā ša šmäi̯ murdagā̆n awā̆l a-daín. Asán yak čugóge ẏälá kurt, yak sāṭ gúḍā ʸe digá čugóg yällá kurt, amé kẹ duyumíen čugógā yälá kurt, Asánī ǰẹnén Asánā gušt kẹ awlakí ma baā̆i̯, man trā zūrín, ǰālágā ér a-kapín. Asán gušt: šar. ya-ga Asánī ǰẹnén ša wutí bagálā gogírde dáṛ kurt u kašít u pẹrént. Asánā čo báze zurt, watí bagálā kurt u bẹ awā̆ šut, dū̆rā ša dārā̆n, ša awā er āt, bẹ ḍegárā ništ u démẹ mardúmān säi̯l kúrtant kẹ e mardúm wa pādẹšā̆ múčī ämédā bun giptág ant u sotág ant. káme sā̆i̯liš kurt u šútant watí gisā̆. ā̆dā kẹ šútant, Asánī adigá ar duén ǰẹnénī ša Asánā pursítant kẹ čon kurtít? Asán gušt kẹ íčī na kúrtan, pādẹšā̆ wa wazírā wa bāzén mardúme rā go naptā̆i̯ rogínā bun dā̆tan u ā̆tan, digá kā̆re na kurtá-yan.

säi̯ čār ročā̆ gúḍā ämé šārā̆i̯ mardúme kẹ mā̆nt-atant, amé mardúm Asánā ämé šārā̆i̯ pādẹšā̆ kúrtant. gúštant kẹ e mardúm bāz u bāz šīwā̆ren mardúme-e. š-amódā ǰístun u ā̆tun. amé rang kẹ xudā̆ Asánī murā̆dānā dāt, ǰamí bandágäi̯ murā̆dānā xudā̆ bdant. ämé asmānákā man Mamat-nūr Kalandárī zāg ša Mīr-xān nā̆men mardúmā zúrtun, bi Saráxsī watánā.

и показывай, что у тебя есть». Асан сказал: «вы все смотрите! теперь я покажу вам состояние ваших умерших». Асан выпустил одного воробья; немного спустя выпустил еще воробья. Когда он выпустил второго воробья, жена Асана сказала ему: «не торопись, я тебя возьму и спущу вниз». Асан сказал: «хорошо». Тотчас жена Асана стала вынимать из-за пазухи спички, зажигать и бросать их. Она взяла Асана, точно сокола, положила его за пазуху и поднялась на воздух, и опять спустилась с воздуха и села на землю уже далеко от дров. Они посмотрели на людей: и люди, и царь, все там зажглись и горели. Они немного посмотрели и пошли к себе домой. Когда они дошли туда, обе другие жены Асана спросили его: «что вы сделали?» Асан сказал: «ничего не сделали, только подожгли керосином царя и визиря и множество народу, и пришли, а больше ничего не сделали!»

Через три-четыре дня оставшиеся в городе жители сделали Асана царем этого города; они говорили: «этот человек большой разумник». Оттуда я выскочил и пришел. Как бог исполнил желания Асана, так да исполнит бог желания всех людей! Эту сказку я, Мамат-нур, сын Каландара, воспринял от человека по имени Мир-хан в Серахской области.

III

būt na būt, ša mašmā̆i̯ xudā̆ getír káse na būt. yak pādišā̆e at. amé pādišā̆ yak šápe wā̆b a-gindít tā roč ša íngūr dár āt, ša íngūr ništ. bi amé watí wābā̆i̯ tā am yak šuwānáge rā wā̆b a-gindít ki amé mnī wābā̆i̯ māníyā amā̆ zānt, digá ič kas na zānt. karā̆r tārienā ša watí ǰāgā̆ ustát u šut bi amā̆ šuwānágäi̯yā, amé šuwānágā gúštī: man doší ānčén wā̆be distág un. amé šuwā̆nag go amé pādišā̆ gúštī: ǰwānén wā̆be. amé pādišā̆ gúštī: doší man bi watí gisā̆ wápt-atun, wāb dístun tā roč š-éngūr dár āt, š-éngūr ništ. karā̆r amé watí wābā̆i̯ māníyā zabr pa amé šwānág gúštī. yak wār amé šwānág gúštī: ta anū̆n amé pasā̆nā bzūr u bar ódinā bi mnī bādā̆räi̯ gisā̆, mnī sad pas ant, amā̆ pasā̆nā pa wat bzin. amé pādišā̆ gúštī: nápa bāz ǰwā̆n int-a. amé šwānág šútī bi yak šārā̆i̯ pānā̆dā.

yak wār šap bū̆tī. amé šuwānág am gušnág bū̆tī. karā̆r š-amódinā šut, bi yak gisā̆i̯ pānā̆dā, wat rā tikáī dā̆tī. ta bzā̆näi̯ yak ǰiníke u yak zā̆ge watí abárā yáke kurtág ant ki šapí bǰíyant. karā̆r amé šwānág dístī tā yak mardúme säi̯ γātír āúrtī u amé gisā̆i̯ dapā̆ bástī u amédinā yak zanǰíre at, amé zanǰírā péš kašítī, yak wār amā̆ ǰinikó ša gisā̆i̯ tā

(III. Об овчаре, сделавшемся царем, вариант)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. Этот царь однажды ночью видит сон, что солнце взошло с этой стороны и с этой же стороны зашло. В сне он видит также одного овчара, будто бы только он знает значение этого сна, а больше никто не знает. Поэтому на утро он встал, пошел к этому овчару и сказал: «вот какой сон я видел ночью!» Овчар сказал царю: «хороший сон!» Царь сказал: «ночью я спал у себя дома и видел сон, что солнце с этой стороны взошло и с этой же стороны село». Короче говоря, он обстоятельно рассказал овчару содержание своего сна. Овчар тотчас сказал: «возьми теперь этих овец и отведи их в дом моего хозяина! тут и есть моих сто овец, этих овец возьми себе!» Царь сказал: «очень хорошо!» Овчар же направился в другой город.

Наступила ночь; овчар проголодался. Он пошел и прилег около одного дома. А тебе нужно знать, что одна девушка и один юноша сговорились в эту ночь бежать. Поэтому овчар увидел, что один человек привел трех мулов и привязал к дверям дома; там была цепочка, он потянул эту цепочку, и девушка стала выбрасывать из дома одежды, а этот человек под-

ǰul préntī, amé mardúm amā́ ǰulánā āúrtī, bi amé γātirā́nī sarā́ laḍítī. ar če ki amā́ ǰinikó a-prént, amé mardúm a-kāúrt, bi γātirā́nī sarā́ laḍít. yak wār amé mardúm žand būtī, amé watí išk u āškā sā́i̯lī kurt, yak wār amé šwānágā dístī, go amé šwānágā gúštī: äi̯ lālā́, ta ídinā pa če wáptag äi̯? amé šwānág gúštī: man bāz gušnág un. amé mardúm gúštī: ta byā, go man amā́ ǰulánā bi γātirā́nī sarā́ blaḍ, gúḍinā man trā nā́n a-däín. šwānág gúštī: nápa bāz ǰwā́n int-a, brawán. amé mardúm amé šwānágā zúrtī u āúrtī amédinā ki amé ǰinikó ǰulā́ préntī, gúštī: anū́n ta amé ǰulánā biyā́r bi γātirā́nī sarā́ blaḍ ki man wat rā amédinā tiká däín tānáxten. amā́ mardúm šútī, wat rā bi amé gisā́ tiká dā́tī. amé šwānág amé ǰulā́nā ki amé ǰinikó a-préntī, amé šwānág kāúrtī bi amé γātirā́nī sarā́ laḍítī. ar če ki amé ǰinikó a-préntī, amé šwānág a-kāúrtī, bi γātirā́nī sarā́ laḍítī. amā́ mardúm ki tiká dā́t-atī, bí tā amódinā wāb brå̯ut.

karā́r amé ǰinikó ša gisā́ ā́tī u amé šwānágā gúštī: bálken mnī yār améš int. gúštī: suwā́r bā́i̯, tā brawán ki agár mnī pis āgā́ bīt, man a-zānín ki mnā u trā kušít. amé šuwānág pa gāl u bal γātírā suwā́r būtī. ā u amé ǰinikó ai̯ kúrtant. šútant bi yak ǰāgā́e. amé ǰinikó watí dilā́ pigr kúrtī: e agár mnī yār bū́tin, tā anū́n go man yak abáre číze dā́tī, a^{m}mā́ bi mnī dalírā e mnī yār náint-a, ta byā ki man ameší rā pkāzmūín.

носил и вьючил эти одежды на мулов. Все, что девушка выбрасывала, этот человек приносил и вьючил на мулов. Потом этот человек утомился, стал смотреть вокруг себя, увидел этого овчара и сказал ему: «ты, братец, зачем тут лежишь?» Овчар сказал: «я очень голоден». Этот человек сказал: «иди и навьючь со мной эти одежды на мулов, тогда я дам тебе поесть». Овчар сказал: «очень хорошо, пойдем». Этот человек взял овчара, привел туда, где девушка набросала одежды, и сказал: «перенеси теперь эти одежды и навьючь на мулов, а я пока здесь прилягу». Этот человек пошел и прилег около дома, а овчар стал подносить и вьючить на мулов те одежды, которые девушка бросала. Оставь того человека, который там прилег, пусть спит там.

Итак, девушка пришла из дому и подумала про этого овчара: «конечно, это мой возлюбленный!» Она сказала: «садись верхом и поедем! если мой отец проснется, я ведь знаю, что он убьет и тебя и меня!» Овчар с радостью сел на мула. Он и девушка поскакали. Они доехали до одного места, и девушка стала задумываться: «если бы это был мой возлюбленный, он бы сказал мне что-нибудь до сих пор! пожалуй, это не мой возлюбленный, дай-ка, я его испытаю!»

amé ḍåu̯l bi rā́ šútant, amé ǰinikó dístī tā amédinā čunén erezí-e. yak wār amé ǰinikó gúštī: bābā́i̯ másten, amédinā mnī pisā́i̯ asp būtin-ant, amé erezā́nā bwártin-ant, man am ódinā mníštin-un! amé šwānág íčī na gúštī. š-amódinā šútant bi yak ǰāgā́e. amé ǰinikó dístī tā amédinā čunén ǰikíe. yak wār gúštī: bābā́i̯ másten, amédinā mnī pisā́i̯ uštúr būtin-ant, ki amé ǰikā́nā bwártin-ant, man am bi ā dikā́i̯ sarā́ gwāzí pkúrtin-un! amé šwānág íčīyā na gušít. demtírā ki šútant, yak wār amé ǰinikó sā́i̯lī kúrtī, dístī tā amédinā čunén baāríe. yak wār amé ǰinikó gúštī: bābā́i̯ másten, amédinā mnī pisā́i̯ ramág pčártin, man am ódinā gwāzī́ pkúr-tin-un! yak wār amé šwānág šipólī kúrtī, yak wār amé ǰinikó šut démi šwānágā, go amé šwānágā gúštī: awálā man na zā́ntun ki ta čunén mardúme wä́i̯, anūn ta ki mnā āúrtä́i̯, anū́n ai̯ pkanán watí aspā́nā. agár anū́n mnī pisā́i̯ pai̯rá sí bayánt, gúḍinā kāyánt pa mašmā́i̯ ǰānā́. zū́tẹ pkan, gisotág, ki mašmā́ brawán bi yak ǰāgā́e ki duwārág mašmā́ rā mnī pis ma gindít. amé šwānág gúštī: nápa ai̯ pkan bi mnī padā́ tā mašmā́ brawán pa wat. amé ǰinikó ai̯ kurt bi amé šwānágä́i̯ padā́.

šútant bi yak ǰāgā́e, žand būtant. amódinā er káptant. amé ǰinikó amé šwānágā gúštī: ta bra, ā barγakí a-gindā́i̯? amé šwānág gúštī: gindín. amé ǰinikó gúštī: amé aspā́ suwā́r bā́i̯ u bra, ša amā́ āpā́n pa mašmā́ āp bzūr u biyā́r. amé šwānág gúštī: mašmā́ máške na dārán. amé ǰinikó gúštī: dārán.

Так они ехали по дороге, пока девушка не увидела в одном месте: какой здесь замечательный клевер! Девушка сказала: «как было бы хорошо, если бы здесь находились лошади моего отца, ели бы эту траву, и я бы сидела тут же!» Овчар ничего не сказал. Оттуда они поехали в другое место, и девушка увидела: какая здесь верблюжья колючка! Она сказала: «как хорошо было бы, если бы здесь были верблюды моего отца, ели бы эту колючку, а я бы играла на этом холме!» Овчар ничего не сказал. Они поехали дальше; вдруг девушка посмотрела и увидела: какая здесь роскошная зелень! Девушка сказала: «как хорошо было бы, если бы здесь паслись овцы моего отца, и я бы тоже там играла!» Овчар вдруг свиснул; девушка тотчас обратилась к нему и сказала: «я сначала не знала, что ты за человек! теперь же, раз уж ты меня привез, погоним теперь своих лошадей, потому что, если слуги моего отца догадаются, они бросятся за нами. Поторопись, бездомный! поедем в такое место, чтобы мой отец нас больше не видел». Овчар сказал: «ну, так скачи за мной, и поедем!» Девушка поскакала сзади овчара.

Они доехали до одного места, устали и там остановились. Девушка сказала овчару: «подойди-ка, ты видишь там этот блеск?» Овчар сказал: «вижу». Девушка сказала: «садись на эту лошадь, съезди, возьми для нас воды и привези!»

amé mašká ǰinikó āúrtī, bi šwānágäi̯ dastá dāt. amé šwānág šut, ša amé aspán yáke rā gipt u suwár būtī u šútī pa āpá. amé watí mašká ápī kúrtī. amé ki yak čánke āp zúrtī, dístī tā amé āp tilá būtant. yak wār amé šwānág gipt, amé tilánā, bi watí ṭapúräi̯ gošái̯ tā préntī u wat amé watí mašká zurt u burt, bi aspái̯ sará kúrtī. wat am amé aspá suwár būtī u ai̯ kúrtī u šútī bi ǰinikóyäi̯yā. ódinā ki šut, go ǰinikóā íčī na gušt.

amé ǰinikó gúštī: bra, ódinā āptāwáge, amá āptāwágā biyár, yak káme āp bi tái̯ pkan u bi ātíšäi̯ sará bil tā ǰoš pkanánt ki masmá yak káme čā bóran. amé šwānág šut, amá āptāwágā zurt u āúrtī, ša amé mašká yak káme āp kúrtī, burt, bi ātíšäi̯ sará íštī tā ǰoš pkant. dār čumolí kúrtī u bi sarái̯ bír dāt. amé ki ǰoš kúrtī, ša ātíšäi̯ sará āúrtī, bi amé ǰinikóäi̯ demá íštī. ǰinikó go amé šwānágā gúštī: ta bra, amá mašmái̯ urǰínäi̯ tā du piyālá astant, am-āwánā bzūr u biyár ki mašmá čā bóran. amé šwānág šut, š-amé urǰínäi̯ tā amé piyālánā dárī kúrtī u āúrtī, bi amé ǰinikóäi̯ demá íštī u wat šut, dūrā níštī. amé ǰinikó ar če amé šwānágā tawárī kúrtī ki biyá, go man čā bor, amé šwānág náy-ātī. karár amé ǰinikó wat nān u čā wártī, pa amé šwānágā am káme íštī. amé ki wat wártī, wat rā sérī kúrtī, agdaránā íštī u wat šut, dūrā níštī. amé šwānág átī, amé nānánā go amé čān wártī u šútī, pa duwārág dūrā níštī.

Овчар сказал: «у нас нет меха». Девушка сказала: «есть». Девушка принесла мех и дала овчару. Овчар пошел, взял одну из лошадей, сел верхом и поехал за водой; наполнил водой свой мех. Как только он зачерпнул горсть воды, он увидел, что вода превратилась в золотые монеты. Овчар тотчас взял золотые монеты и завернул их в край копімы; взял также мех, отнес, положил на лошадь, а сам сел на лошадь, погнал ее и поехал к девушке. Когда он туда доехал, он девушке ничего не сказал.

Девушка сказала: «там есть кувшин, сходи-ка, принеси этот кувшин, налей в него немного воды и поставь на огонь, пусть закипит; мы попьем немного чаю!» Овчар пошел, взял кувшин, принес, налил в него немного воды из меха, отнес и поставил на огонь вскипятить; наложил дров и поставил сверху. Как только вода закипела, он снял с огня, принес и поставил перед девушкой. Девушка сказала овчару: «в нашей переметной суме есть две чашки, сходи-ка, возьми их и принеси, будем пить чай!» Овчар пошел, вынул чашки из сумки, принес и поставил перед девушкой, а сам пошел и сел поодаль. Сколько девушка ни звала овчара: приходи, дескать, пить со мной чай, овчар не приходил. Девушка сама поела и попила чаю, а немного оставила для овчара. Когда она поела и насытилась, она часть оставила, а сама пошла и села поодаль. Тогда овчар подошел, попил чаю и поел хлеба, а сам опять отошел и сел поодаль.

yak wār amé jinikó amé šwānágā tawár kúrtī u gúštī: ta bra, amé āptāwágā bzūr u bar. yak káme āp pkan u bar, bi ātíšäi̯ sará bil tā garm bayánt. amé šuwānág šútī, amé āptāwágā zúrtī, búrtī, ša mašká ápī kúrtī u āúrtī, bi ātíšäi̯ sará íštī, dār am bír dátī tā garm bayánt. amé jinikó go amé šwānágā gúštī: ta bra, watí āpánā säi̯l pkan ki bārén zabr garm būtág-ant yā na. amé šwānág š-amódinā átí bi amé watí āpánīyā. amé watí āpánā sä̆i̯lī kúrtī tā mnī āp čo garm būtág-ant. amé āpánā zúrtī u āúrtī bi jinikóäi̯yā, go amé jinikóā gúštī: mnī āp čo garm būtág-ant. amé jinikó go amé šwānágā gúštī: ta anūn watí pučánā pkaš, yā awálā watí pučánā ma kaš, awálā watí kulá dár pkan. amé šwānág gúštī: nápa bāz jwán int-a. karár awálā watí kulá kašítī. amé jinikó amé sorén āpánā bi amé šwānágäi̯ sará rétī. amé šwānág ar če grétī, amé jinikó nä̆i̯štī. amé jinikó amé šwānágäi̯ sará zabr šúštī u zabr eší jāná šúštī, nokén puč bi amé šwānágäi̯ jāná dátī. gúštī: anūn ta bra, mašmä̆i̯ aspánā biyár ki mašmá bladán, brawán. amé šwānág šut, aspána āúrtī, š-amódinā ladítant u šútant bi yak jāgáe.

šútant u šútant, bi yak šārä̆i̯ pānádā ér kurtánt. amé jinikó amé šwānágā gúštī: ta bra, yak áspe rā suwár bä̆i̯ u bra bi amé šārä̆i̯ pādišääyā. amé ki šútäi̯ bi šārä̆i̯ pānádā, ič íngūr u ángūr säi̯l ma kan, rástam déme amé watí aspä̆i̯ gardínā säi̯l pkan, ódinā ki šútäi̯ bi pādišääi̯ gisá, awálā

Девушка позвала овчара и сказала: «сходи-ка, возьми кувшин, набери в него немного воды, снеси и поставь на огонь согреть». Овчар пошел, взял кувшин, понес, налил из меха воды, принес и поставил на огонь и наложил дров, чтобы согреть. Девушка сказала овчару: «сходи, посмотри воду, хорошо ли она нагрелась». Овчар пошел к воде и посмотрел свою воду: как хорошо она нагрелась! Он взял воду, принес девушке и сказал: «вот как нагрелась моя вода!» Девушка сказала овчару: «теперь ты разденься! или сначала не раздевайся, а сними свою шапку!» Овчар сказал: «ну, хорошо!» Сначала он снял свою шапку, а девушка стала лить ему на голову горячую воду. Как овчар ни плакался, девушка не переставала. Девушка хорошенько вымыла овчару голову и отмыла его тело, а потом дала ему новое платье и сказала: «теперь сходи и приведи наших лошадей, уложимся и поедем». Овчар пошел и привел лошадей, они выступили оттуда и поехали в другое место.

Ехали, ехали, остановились около одного города. Девушка сказала овчару: «садись на лошадь и поезжай к царю этого города, только, когда поедешь по городу, не глазей туда и сюда, а смотри только на шею своей лошади. Когда ты попадешь в царский дом, сначала с тобой поздороваются, потом прине-

wašāmád go ta kanánt, gúḍinā apt tām nān u seb u gošt u ame ḍåu̯lén číz a-kāránt pa ta, na ki ta čo watí awáläi̯ šwānagíäi̯ xayálā pkánäi̯, ša ar tấme yak-yak majmá bóräi̯, ā ḍåu̯l na ki pkánäi̯, ša ar tấme yak-yak lunká bóräi̯ ki ar káse ki trā bgindít, bzānt ki e pādišấ zādáge. gúḍinā pādišấ trā pursít ki äi̯ bābấ, ta pa če átag-äi̯? ta gúḍinā bguš: äi̯ bābấ, man pa amé xātírā átag-un bi tíyā: man ástun plāná pādišấäi̯ zāg. man átag-un bi tīyā, man ša watī pisấ zār būtág-un wa man dārín yak jinéne. anūn ta amấ rā bi amé watí šār u kalátäi̯ tā amấ rā yak gíse bdấyäi̯, čo zabr int! ki amấ-m bi tī pānấda mníndan.

amé šwānág šut, watí aspấ āúrtī, zabr zen u lagấmī kúrtī u suwấr būtī u äi̯ kúrtī u šútī. amé ki bi šārấi̯ pānấdā ki rástī, rāstám déme amé aspấi̯ gardínā sấi̯lī kúrtī, karấr šútī bi pādišấäi̯ gisấ, amé ki šut, bi pādišấäi̯ gisấi̯ demấ ki rast, pādišấäi̯ muzūr dístant amé šwānágā. átant, amé šwanágäi̯ aspấ gíptant u bástant u amé šwānág átī bi pādišấäi̯ gisấ. ān čoš ki átī, go pādišấ yak wašāmáde kúrtī, yak katráe digár ki būt, pa eší nān āúrtant apt tām. amé ki amé šwānágäi̯ dastấnā šúštant, gúḍinā nānấnā āúrtant, bi ameší pānấdā íštant. pādišấäi̯ jind am átī, go amé šwānágā nān wártī. amé šwānág ša ar tấme yak-yak lunká wártī. amé pādišấ amé

сут тебе семь различных кушаний: хлеба, яблок, мяса и тому подобных вещей. Только ты не поступай по своему прежнему пастушескому обыкновению, чтобы от каждого кушанья есть целое блюдо, так не поступай, а от каждого кушанья ешь по кусочку, чтобы каждый, кто тебя увидит, знал, что это царский сын. Потом царь тебя спросит: что, мол, сынок, с какой целью ты пришел? Тогда ты скажи: „батюшка, я пришел к тебе с таким намерением: я сын такого-то царя и пришел к тебе, потому что я поссорился со своим отцом; у меня есть жена, и если бы ты дал нам в своем городе и крепости какое-нибудь жилище, как было бы хорошо! и мы бы жили у тебя!“»

Овчар пошел, привел свою лошадь, тщательно ее оседлал и взнуздал, сел верхом, погнал и поехал. Когда он доехал до города, он глядел только на шею своей лошади и так доехал до царского дома. Когда он подъехал к царскому дому, царские слуги увидели этого овчара, подошли, взяли лошадь и привязали; овчар вошел в царский дом. Как только он вошел, он поздоровался с царем, и когда прошло немного времени, ему предложили кушанья, семь блюд. После того как овчару помыли руки, поднесли кушанья и поставили возле него. Сам царь также подошел и ел кушанья с овчаром. Овчар от каждого блюда ел по одному куску. Как только царь заметил, что овчар от каждого

šwānágā ki dist ki e ša ar tā́me yak-yak lunká wártī, amé pādišā́ aiṛā́n mā́ntī wa watí dilā́ gúštī: e ar ǰā́ int-a, pādišā́ zādáge. amé ki nān wártant, amé pādišā́ ša amé šwānágā pursít ki äi̯ bābā́, ta maróčī pa čé ā́tag-äi̯ bi mnī gisā́? pa kār-mā́re yā na, wat ā́tag-äi̯? amé šwānág gúštī: man plāná pādišā́äi̯ zā́g-un wa man ša watí pisā́ zār būtág-un, wa man yak ǰinéne dārī́n, wa man anū́n ā́tag-un bi tī šārā́. agár ta mnā bi watí šārā́ yak gíse bdā́yäi̯, čo zabr int-a! amé pādišā́ gúštī: nápa bāz ǰwā́n int-a. yak gíse bi amé šwānágā dátī. anū́n, gúštī, ta bra, watí ǰinénā am bzūr u biyā́r. amé šwānág gúštī: man anū́n yak muzū́re u yak āšpáze girín ki tānáxten amídinā pa amā́ nān pačít u tayā́r pkant. amé pādišā́ gúštī: nápa bāz ǰwā́n int-a.

karā́r pādišā́ pádā šútī bi watí gisā́, amé šwānág am šútī, du muzū́r gíptī u āúrtī, bi amé gisā́yā íštī. amé muzū́rānā gúštī: ša šmā yak tānáxten amé gísā pāk pkant u yáke digár am tānáxten pa amā́ nān u gošt pačít. amé šwānág šut, watí aspā́ suwā́r būtī u šut bi watí ǰinénäyā. amé ki ātī bi watí ǰinénā, go watí ǰinénā gúštī: man šútun bi pādišā́äyā, pa mašmā́ yak gíse alā́s kúrtun wa du muzū́r am gíptun ki tānáxten pa mašmā́ nān pačánt wa yáke digár am tānáxten gísā pāk pkant. amé ǰinikó gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a, anū́n bladán u brawán. e ladítant u šútant bi watí gisā́. amé ki rástant, dístant tā gisā́ čo zabr pāk kurtág-ant.

блюда ест только по одному куску, царь удивился и сказал про себя: «это во всяком случае царский сын!» Когда они поели, царь спросил у овчара: «с какой целью, сынок, сегодня ты пришел в мой дом? по какому-нибудь делу, или так себе пришел?» Овчар сказал: «я сын такого-то царя, и я поссорился со своим отцом; у меня есть жена; теперь я пришел в твой город, и если теперь ты мне дашь жилище в своем городе, как было бы хорошо!» Царь сказал: «ну, очень хорошо!» и дал дом этому овчару. «Теперь», сказал он, «иди, бери и привози свою жену». Овчар сказал: «теперь я возьму слугу и повара, чтобы он тем временем сварил и приготовил для нас кушанье». Царь сказал: «ну, очень хорошо!»

Итак, царь пошел к себе; овчар также пошел, взял двух слуг, привел и оставил у себя дома. Он сказал своим слугам: «один из вас пусть пока приберет дом, а другой испечет для нас хлеб и сварит мясо». Овчар пошел, сел на свою лошадь и поехал к своей жене. Когда он приехал к своей жене, он сказал: « я ходил к царю, снял для нас дом и взял также двух слуг, чтобы они испекли для нас хлеб, а чтобы другой тем временем прибрал дом». Девушка сказала: «ну, очень хорошо, теперь уложимся и поедем». Они уложились и поехали в свой дом и, когда приехали, увидели, как хорошо прибран дом.

amé ki putrítant bi watí gisā̆ i̯ tā, amé ki nān wártant, yak wār amé ǰinikó go amé šwānágā gúštī: ta anū̆n bra, ša amé šārā̆ i̯ tā yak mullā̆e rā pa i̯dā̆ pkan u biyā̆r ki mašmā̆ rā neké bdant. amé šwānág š-amódinā šut, bi amé pādišā̆ä i̯ šārā̆ tā gáštī, bi šārā̆ i̯ tā ič kasá nā̆int-a. karā̆r š-amódinā šut, amé pādišā̆ä i̯ mīrzā̆ āúrtī, gúštī: anū̆n ta amā̆ rā neké bdä i̯. amé pādišā̆ä i̯ mīrzā̆ eší rā u amé ǰinikóā neké dā̆tī, dístī tā amé ǰiník čunén ǰwānéne. amé šwānág watí dastā̆ bi watí kitóā búrtī, yak tilā̆e kašítī, bi amé pādišā̆ä i̯ mīrzā̆ dā̆tī. amé pādišā̆ä i̯ mīrzā̆ pa gāl u bal zúrtī u šútī bi pādisā̆ä i̯ā. ódinā go pādšā̆ gúštī: ä i̯ pādšā̆, γábli ālám, amédinā yak čoríe ast, aǰáben ǰinéne dārít, maróčī ā̆tī pa mnī padā̆, go man gúštī: byā, brawán, mnā bi mnī ǰinénā neké bdä i̯. man šútun, āe rā neké dā̆tun u wat ā̆tun. ān čoš ki neké dā̆tun, amā̆ čorí watí dastā̆ bi watí kitóā búrtī, mnā yak tilā̆ä i̯ ṭukúre dā̆tī. man zúrtun u āúrtun bi tíyā. anū̆n ta āe rā kušā̆ i̯ yā na? amé pādišā watí muzū̆rānā loṭít, gúštī: šmā brā̆it, amāe rā byā̆rit. amé pādšā̆ä i̯ muzū̆r š-amódinā ā̆tant bi amé zāgā̆ i̯ gisā̆, go amé zāgā̆ gúštant: amā̆ rā pādšā̆ pa tī padā̆ dem dātagí, ta byā ki mašmā̆ brawán. amé zāg go amé pādšā̆ä i̯ muzū̆rān gúštī: šmā tānáxten brā̆it, man gúḍā kāín. amé pādšā̆ā muzū̆r š-amédinā ā̆tant pádā bi pādišā̆ā gisā̆. amé ki rástant, bi pādšā̆ä i̯ā ā̆tant, gúštant go pādšā̆: ä i̯ pādšā̆, amā̆ zāg ki ā-róčī bi tī gisā̆ ā̆tī, amā̆ int-a, yak katráe d'ga kā i̯t.

Когда они вошли в свой дом и поели, девушка сказала овчару: «теперь сходи, отыщи в этом городе муллу и приведи, чтобы он нас обвенчал». Овчар вышел и стал ходить по городу этого царя, а в этом городе никого нет! Он пошел, привел царского писаря и сказал ему: «обвенчай нас!» Царский писарь повенчал его и эту девушку, и увидел, как хороша эта девушка. Овчар опустил свою руку в карман, вынул один золотой и дал царскому писарю. Царский писарь с радостью взял и пошел к царю. Там он сказал царю: «о царь, средоточие вселенной, здесь есть один юноша, и у него удивительная жена! сегодня он приходил за мной и сказал мне: „давай, пойдем! обвенчай меня с моей женой!“ Я пошел, обвенчал его и пришел; когда я его обвенчал, этот юноша опустил свою руку в карман и дал мне кусок золота; я взял и принес тебе; убьешь ты его теперь или нет?» Царь позвал своих слуг и сказал: «сходите, приведите его!» Царские слуги пришли в дом юноши и сказали: «царь нас послал за тобой, пойдем!» Юноша сказал царским слугам: «идите пока, а я приду попозже». Царские слуги вернулись оттуда в царский дом. Когда они подошли и вошли к царю, они сказали: «о царь, это тот самый юноша, который тогда приходил в твой дом! он придет, немного погодя».

karā́r, amé šwānágā amé ǰinikó pánte dant: amé ki ta šútäi̯, awálā maǰlís a-kánt, gúḍinā ki ta yak sā́te níštäi̯, gúḍinā wát a-gušít ki e mardā́ anū́n mašmā́ elá pkanán ki e mard nok arosíe. amé šwānág ā́tī bi pādšā́äi̯ gisā́. amé ki rástī, dístī tā pādšā́ maǰlís kurtagí. amé ki wašāmáde číze kúrtant, yak sā́te digá būt, pādšā́ gúštī: e čoríyā anū́n mašmā́ elá pkanán ki brâu̯t, pa če ki e čorí nok arosíe. yak sā́te digár būt, pādšā́ amé šwānágā gúštī: man ša ta loṭín yak maǰmáe tilā́, yak maǰmáe ǰuwā́i̯r, anū́n bra. amé šwānág š-amódinā ā́tī bi watí gisā́. amé ǰinikó amé šwānágā pursítī: go ta pādšā́ čé gúštī? amé šwānág gúštī: pādšā́ ša man yak maǰmáe tilā́ u yak maǰmáe ǰuwā́i̯r loṭítī. amé ǰinikó gúštī: ta amā́ tilánā ša guǰā́madā āúrtäi̯, pádā bra, š-amódinā byār.

amé šwānág š-amódinā šútī bi amā́ ǰāgā́ ki awálā tilā́ dísṭ-atī. amé ki bi amā́ čamágäi̯ pānā́dā šut, yak wār dístī, tā amédinā yak débe dédi yak ǰinikóe rā giptagí. yak wā́r a-bártī bi ā pānā́dā, kilít u wānít, amé ǰinikóäi̯ sar ǰitā́ bīt. pa duwārág kārít, yak ǰā kant, bāz duwārág wānít, amé ǰinikóā mardúme kant. ar če ki amā́ deb a-wā́nt, amāí wāntínānā amé šwānág zúrtī. amé ki roč nazík mānt ki mnindít, yak wār amé deb amé ǰinikóā gíptī, búrtī, bi watí demā́ íštī u wāntī. amé ǰinikóäi̯ sarág ā́ngūr kapt, pā́dī

Между тем, эта девушка дает овчару совет: «когда ты придешь, сначала у него будет совет, а когда ты часок посидишь, он сам скажет, что, мы, дескать, отпустим теперь этого человека, потому что он новобрачный». Овчар пришел в царский дом. Как только он дошел, он увидел, что у царя собран совет. Когда они поздоровались и прошло некоторое время, царь сказал: «отпустим теперь этого юношу, пусть идет, потому что он новобрачный!» Еще через некоторое время царь сказал овчару: «я хочу от тебя одно блюдо золота и одно блюдо драгоценностей, а теперь иди!» Овчар пришел оттуда к себе домой. Девушка спросила овчара: «что тебе сказал царь?» Овчар сказал: «царь потребовал у меня одно блюдо золота и одно блюдо драгоценностей». Девушка сказала: «сходи опять туда, откуда ты принес то золото, и принеси оттуда еще!»

Овчар опять пошел в то место, где нашел золото в самом начале. Когда он пришел к источнику, он сразу увидел, что там какой-то див схватил одну девушку. Один раз он тащит ее в одну сторону, оставляет ее, читает заклинание, и голова этой девушки отделяется; другой раз он ее приносит, складывает вместе, вторично читает заклинание и девушку вновь делает человеком. Все, что тот див читал, все его заклинания овчар запомнил. Как только солнце было близко к заходу, див взял девушку, отнес, поставил перед собой и прочел заклинание. Голова девушки упала в одну сторону, ноги — в дру-

ángūr káptant u wat išt u šut. amé ki ša säi koá áškā šut ki paná bútī, yak wār amé šwānág gíptī, amé jinikóäi sarág u pādágānā, āúrt, yak jā kúrtī, íštī, lagít bi al-u-úlā, al játī, yak wār amé jinikóäi sarág u pādág yak jā bútant. jinikó drūá bútī. amé ki drūá bútī, yak wār sáilī kúrtī, dístī tā amé mnī pānádā mardúme oštātagí. yak wār ša amé šwānágā pursít ki ta ša gujángūr átag-äi? amé šwānág eší rā jawáb dátī: man ša plāná jā átag-un u man trā dístun ki e kāperén deb e daulá kant, trā yak wār a-kušít wa yak wār zindág a-kánt. mnī dil pa ta sótī. anún agár ta go man a-rawái, biyá tā brawán. amé jinikó gúštī: nápa bāz juwán int-a, man go ta raín, ta tānáxten amédinā mnind, man anún a-räín, watí bālánā kārín, gúdā mašmá rawán. amé šwānág gúštī: nápa bāz juwán int-a, bra, biyár watí bālánā. amé jinikó šut, watí bālánā āúrtī. amé šwānágā gúštī: nápa brawán. š-amódinā šútant.

amé ki yak tukúre rá šútant, yak wār amé šwānág gúštī: mnā pādšá dem dātagí pa tilá ki man p-āí tilá barín. amé jinikó gúštī: čínka tilá ta p-āíʸ a-barái? amé šwānág gušt: yak majmáe tilá u yak majmáe juwáir. amé jinikó gúštī: ta ič γusá ma war, brawán, man pa ta tayár a-kanín. karár šútant amé šwānágäi gisá. yak wār amé jinikó amé šwānágā gúštī: ta amá majmánā bdäi mnā. karár amé šwānág amá majmánā dátī. amé jinikó gipt amé majmánā, bi watí demá íštī. yak wār amé šwānágā

гую; он оставил ее, а сам ушел. Как только он ушел за три горы и скрылся там, овчар тотчас взял и принес голову и ноги девушки; сложил их вместе, оставил и принялся за отчитывания и заклинания, — немедленно голова и ноги девушки воссоединились, и девушка стала невредима. Когда она ожила, она посмотрела и увидела: возле меня стоит человек! Она тотчас спросила овчара: «откуда ты пришел?» Овчар ответил ей: «я пришел из такого-то места и увидел, что этот поганый див так поступает с тобой, то убивает тебя, то оживляет. Мое сердце воспылало к тебе. Теперь, если ты со мной пойдешь, давай, пойдем!» Девушка сказала: «очень хорошо, я пойду с тобой, но пока посиди здесь! я сейчас пойду, только принесу свои крылья, а потом мы пойдем!» Овчар сказал: «ну, хорошо, сходи, принеси свои крылья». Девушка пошла, принесла свои крылья и сказала овчару: «ну, пойдем!» Они оттуда пошли.

Когда они немножко прошли, овчар вдруг сказал: «меня ведь царь послал за золотом, чтобы я ему принес золота!» Девушка сказала: «сколько золота ты должен ему отнести?» Овчар сказал: «одно блюдо золота и одно блюдо драгоценностей». Девушка сказала: «ты не печалься, пойдем, я для тебя приготовлю». Они пошли в дом овчара. Девушка сказала овчару: «дай мне те блюда». Овчар дал блюда. Девушка взяла эти блюда, поставила перед собой и сказала

gúštī: anūn ta yak abáre bguš ki mnā andág bgīt. amé šwānág yak abáre dāt, yak wār amé jinikó andít, yak majmáe pur būt ša tilā. pa duwārág gúštī: yak abáre digá bdäi̯ ki mnā andág bgīt. yak abáre digá dátī, amé jinikó andítī, yak majmáe digá pur būt ša juwā̆i̯rā. amé šwānág amé juwā̆i̯-rānā búrtī bi pādšāäi̯ gisā, dátī. amé ki pādšā dístī, ai̯rān mānt wa gúštī: eší gis bún gīt, e čunén balāe! man eší rā gúštun: ta bra, pa man yak majmáe tilā biyār u yak majmáe juwā̆i̯r biyār, e šut, āúrtī!

karār pādšā eší rā gúštī: ša ta lotín, ša mnī apt puštā̆i̯ murdagān awāl biyāräi̯. amé šwānág gúštī: nápa bāz juwān int-a. pa duwārág amé šwānág átī bi amé pādšāäi̯ mīrzāäyā, go amé mīrzā gúštī: ta biyā, brawán, mnā go mnī jinénā neké bdäi̯. amé pādšāäi̯ mīrzā átī bi amé šwānágäi̯ gisā. amé šwānág gúštī: e mnī jinén int-a, ta anūn mnā neké bdäi̯. karār amé mīrzā sā̆i̯lī kúrtī, dístī tā eší gis bún gīt, e ajáben jinikóe anūn āurtágī. amé pādšāäi̯ mīrzā amé zāgā u amé jinikóā neké dátī. amé šwānág pa du-wārág watí dastā bi watī kitóā búrtī, yak tilāe kašít u dátī bi amé pādšāäi̯ mīrzā. amé pādšāäi̯ mīrzā amé zarānā zúrtī u búrtī bi pādšāäi̯ gisā. amé šuwānágäi̯ jinén ša šwānágā pursítī ki trā pādšā če gúštī? amé šuwānág gúštī: pādšā go man gúštī: man ša ta lotín, bi amé du ročā ša mnī apt puštā̆i̯ murdagān awāle biyāräi̯. amé jinikó go šwānágā gúštī: man pa ta

---

овчару: «теперь скажи мне что-нибудь, чтобы меня забрал смех». Овчар сказал, девушка рассмеялась, и блюдо наполнилось золотом. Она вторично сказала: «скажи еще что-нибудь, чтобы меня забрал смех». Он еще сказал, девушка рассмеялась, и другое блюдо наполнилось драгоценностями. Овчар отнес эти драгоценности в царский дом и отдал. Как только царь увидел, он удивился и сказал: «пусть сгорит его дом! что он за пройдоха! я ему сказал: „сходи, принеси для меня блюдо золота и блюдо драгоценностей!“ он пошел и принес».

Короче говоря, царь сказал ему: «я требую от тебя, чтобы ты принес известия о семи поколениях моих умерших!» Овчар сказал: «ну, очень хорошо!» Овчар опять пришел к царскому писарю и сказал: «давай, пойдем! обвенчай меня с моей женой!» Овчар и царский писарь пришли в дом к овчару. Овчар сказал: «вот моя жена! теперь обвенчай меня». Писарь стал смотреть: что за удивительную девушку он теперь привез, пусть сгорит его дом! Царский писарь обвенчал юношу с этой девушкой. Овчар опять опустил руку в карман, вынул золотой и дал его царскому писарю. Царский писарь взял золото и отнес его в дом к царю. А жена овчара спросила: «что тебе сказал царь?» Овчар сказал: «царь мне сказал: „я требую от тебя, чтобы ты в двухдневный срок принес сведения о семи поколениях моих умерших“». Девушка

yak xáte nimisín, ta amé xatā́ bzūr u bar u š-amódinā ki ta mnā āúrtäi̯, na ki rā́stam pa duwārág š-amódinā brawā́i̯ ki maróčī amā́ debā́i̯ waxt int-a ki kāi̯t. amé ǰinikó gipt, yak xáte nimíst u dā́tī bi amé šwānágäi̯ dastā́. go amé šwānágā gúštī: amé ki šútäi̯ ódinā bi goristā́näyā, amé ḍåu̯l ki watí aspā́ suwā́r-äi̯, amé ḍåu̯l bošt u tawā́r pkan, bguš ki äi̯ Zar-bībí, ā wat ǰawā́b a-dánt, ta gúḍā bguš ki biyā́, e xatā́ bzūr ki plāná kas pa ta dem dātagí.

karā́r amé šwānág šut, ša watí aspā́n yáke rā zénī kurt u suwā́r būt u šútī. amé ki šútī bi goristā́näi̯ sarā́, uštā́t u tawā́r kúrtī ki äi̯ Zar-bībí, äi̯ Zar-bībí! yak wār amā́ Zar-bībí ša yak gorā́ tā ustát u ǰawā́b dā́tī, gúštī: če? ta káy-äi̯? amé šwānág gúštī: biyā́, e xatā́ bwān ki pa ta ạ̄tagí. amé Zar-bībí š-amódinā ā́tī, amé xatā́ zítī ša šwānágäi̯ dastā́ u wā́ntī. gúštī: anū́n man pa ta e xatā́i̯ mānīyā nimisín, ta tānáxten amédinā bošt. Zar-bībí šut bi watí ǰāgā́, amé xatā́i̯ ǰawā́bā amé ḍåu̯l nimístī: amā́ pādšā́äi̯ bún-pīrúk gujā́ pai̯dā́ būtagí u ká int-a nā́mī, amešā́nā gírdānā bi yak damā́ nimíst u āúrtī, bi šwānágäi̯ dastā́ dāt. amé šwānág dístī tā eší gis bún gīt, e čunén mazánen xáte nimistagí. amé xatā́ šwānág zurt u āúrt bi watí ǰinénäi̯ā. amé šwānágäi̯ ǰinén wānt wa gúštī: rā́st int-a, amé xatā́ bā́ndā bzūr u bar bi pādšā́äi̯ā. tārienā amā́ xatā́ ā zurt u burt bi pādšā́äi̯ gisā́, bi pādšā́äi̯ dastā́ dāt. amé pādšā́ ai̯rā́n mānt ki e čunén balā́e

---

сказала овчару: «я тебе напишу письмо, возьми это письмо и отвези туда, откуда ты меня привез, но только прямо поезжай туда, потому что сегодня время прихода дива». Девушка взяла, написала письмо, вручила овчару и сказала ему: «когда приедешь туда на кладбище, ты так и оставайся, как есть, верхом на лошади, и закричи: „о Зар-биби!“ Она сама отзовется; тогда ты скажи: „приди и возьми это письмо, которое такая-то тебе послала“».

Итак, овчар пошел, оседлал одну из своих лошадей, сел и поехал. Как только подъехал к кладбищу, он остановился и закричал: «о Зар-биби, о Зар-биби!» Вдруг эта Зар-биби встала из одной могилы, откликнулась и сказала: «что? ты кто?» Овчар сказал: «приди и прочти это письмо, которое пришло к тебе!» Зар-биби подошла оттуда, взяла письмо из рук овчара, прочитала и сказала: «я сейчас напишу тебе ответ на письмо, пока подожди здесь». Зар-биби пошла к себе и написала ответ на это письмо: где родился предок этого царя и каково его имя, — в один миг всех их написала, принесла и дала в руки овчару. Овчар увидел: какое большое письмо она написала, пусть сгорит ее дом! Овчар взял это письмо и принес своей жене. Жена овчара прочитала и сказала: «правильно! завтра это письмо возьми и отнеси царю». На утро он взял это письмо, отнес в царский дом и дал царю в руки. Царь изумился:

ki ša mnī apt puštā̆i murdagā̆n awā̆l āúrtī. pādšā̆ lo̧tít watí mullā̆nā wa gúštī: anū̆n šmā amé xatā̆ bwā̆nit. amé šwānágā gúštī: anū̆n ša ta lo̧tín bi daryā̆bä Nílä tā yak gumúde tilā̆ī wa yak gumúde ǰuwā̆i̯räi̯ ǰo̧d pkánäi̯.

amé šwānág š-amódinā šut bi watí gisā̆. amé šwānágäi̯ ǰinén ša šwānágā pursít ki pādšā̆ če gúštī? amé šwānág ǰawā̆b dā̆tī: pādšā̆ anū̆n ša man a-lo̧tít bi āpā̆ tā daryā̆bä Nílä tā yak gumúde tilā̆ī wa yak gumúde ǰuwā̆i̯räi̯ ǰo̧d pkánäi̯. amé šwānágäi̯ ǰinén gúštī: tī e kārā̆ amā̆ ǰo̧d kurtága na kanán, amíngūr yak paríe ast, bi yak rodā̆i̯ tā int. ta awálā bra, bi amā̆ rodā̆i̯ kirá mnind, gindā̆i̯: roč nīm róč a-bít, yak paríe mazánen gindā̆i̯, kā̆i̯t, ābāzíʸ a-kant, ta amódinā čer pkap, gindā̆i̯, amā̆ wat rā prent bi rodā̆i̯ tā pa ābāzíyā. amāí mūd, gindā̆i̯, ā̆tant bi amé rodā̆i̯ kirá. yak wār ta amāí mūdā̆nā ḇgir. ā wát a-gušít ki bil, ta mäi̯l. amé šwānág gúštī: nápa bāz ǰuwā̆n int-a, man anū̆n a-raín.

ā̆tī, bi amā̆ rodā̆i̯ kirá, níštī, dístī tā roč nīm roč bū̆tī, dístī, š-amíngūr yak mazánen paríe ā̆tī. amé šwānág amé ḍåu̯l ki srapít-at, íčī na gúštī. amé parí wat rā bi āpā̆i̯ tā préntī ki ābā̆zī pkant. amé ki wat rā préntī bi āpā̆i̯ tā, amé paríäi̯ mūdā̆nā amé āp šlap ǰat u āúrtī bi amé rodā̆i̯ kirá ki amé šwānág ništ-ā̆tī. amé šwānág mūdā̆nā ki dístī, yak wār watí dastā̆ prent bi

---

что это за пройдоха, что он принес мне сведения о семи поколениях моих умерших! Царь позвал своих мулл и сказал: «прочтите теперь это письмо», а овчару сказал: «теперь я хочу, чтобы ты построил в реке Ниле одну башню из золота и одну башню из драгоценностей».

Овчар оттуда пошел домой. Жена овчара спросила: «что сказал царь?» Овчар ответил: «царь теперь от меня хочет, чтобы я в воде реки Нила построил одну башню из золота, а другую из драгоценностей». Жена овчара сказала: «это твое поручение мы не сможем выполнить, но здесь в одной реке есть пэри. Ты поди и сначала сядь на берегу той реки, и когда увидишь, что солнце подходит к полудню, ты увидишь, что подойдет большая пэри и станет купаться; а ты там спрячься, и как увидишь, что она бросится в реку купаться, и увидишь, что ее волосы достигают берега реки, тотчас хватай ее за волосы. Она скажет: „отпусти!“ но ты не отпускай!» Овчар сказал: «ну, очень хорошо! я теперь пойду».

Он пошел, сел на берегу той реки, увидел, что солнце подошло к полудню, и увидел, что пришла большая пэри. Овчар был спрятан и ничего не сказал. Пэри бросилась в воду, чтобы выкупаться. Как только она бросилась в воду, вода понесла волосы этой пэри и принесла к берегу, где сидел овчар. Как только овчар увидел волосы, он опустил свою руку на волосы и потянул

amé mūdán wa amé mūdánā péš kašítī. yak wār bi amé paríyā mālūm būtī ki mnī mūdánā yáke peš kašítī. yak wār tawár kúrtī, gúštī: agár ta ādamíe wäḭ, agár ínse u ǰātūe wäḭ, mnī mūdánā bil ki trā íčīyā na kanín. amé šwānág näḭšt. pa duwārág tawár kúrtī ki bi azráti Slemánī čápäḭ aptẹkálā sogínd ki trā íčīyā na kanín, bil. amé šwānág näḭštī. pa duwārág amé šwānág peš kašítī. yak wār amé parí gúštī: bi azráti Slemánī rástäḭ aptẹkálā sogínd ki trā íčīyā na kanín, bil. amé šwānág íštī. amé ki íštī, amé parí āt pa amé šwānágäḭ ǰānā wa gúštī: ta ša guǰángūr átag-äḭ? amé šwānág ǰawáb dāt: man am yak musāpíre un ki ša watí rá kāín, amés int ki átun, dístun tā bi amé āpäḭ kirá mūdäḭ čúnḍe mālūm a-bít, yak wār man am watí dastá préntun bi amé āpäḭ tā, dístun tā amé mūd čo grán int-a. peš kašítun, dístun, ta tawár kurtäḭ. amé parī go ameší gúštī ki ta anūn go man káre u číze na dāräḭ? amé šwānág gúštī: čẹ rā? dārín. ānčén pādšáe go man guštagí: ta mebāít bi daryábä Nílä tā pa man yak gumúde bǰánäḭ tilää wa yak gumúdẹ ǰuwáiräḭ bǰánäḭ. amé parí gúštī: nápa mašmá brawán bi tī gisá.

amé parí u amé šwānág átant bi šwānágäḭ gisá. amé ki átant bi šwānágäḭ gisá, amé parí amé šwānágā gúštī: ta bra, go pādšá bguš ki yak du roč sabr pkant ki man tānáxten watí kārá ǰoḍ a-kanín. amé ṣwānág š-amódinā šut bi pādšáäḭ gisá. amé ki átī bi pādšáäḭ gisá, go amé pādšá gúštī: äḭ pādšá,

---

их. Пэри поняла, что кто-то потянул волосы, она закричала: «человек ли ты или какой-нибудь дух, или ведьма, отпусти мои волосы, я ничего тебе не сделаю!» Овчар не отпускал. Она закричала вторично: «клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю, отпусти!» Овчар не отпускал, но опять потянул. Пэри сказала: «клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю, отпусти!» Овчар отпустил. Как только он отпустил, пэри приблизилась к овчару и сказала: «откуда ты пришел?» Овчар ответил: «я странник, и иду своей дорогой; вот я подошел и увидел, что на берегу воды виднеется конец волос; я опустил руку в воду, посмотрел: какие тяжелые волосы! потянул и услышал, что ты закричала». Пэри сказала ему: «у тебя теперь нет ко мне какого-нибудь дела или чего-нибудь?» Овчар сказал: «почему так? есть! такой-то царь сказал мне: „нужно, чтобы ты воздвиг для меня в реке Ниле одну башню из золота и одну из драгоценностей“». Пэри сказала: «ну, пойдем к тебе в дом».

Пэри и овчар пошли в дом овчара. Когда они пришли, пэри сказала овчару: «иди, скажи царю, пусть подождет день-два, я тем временем устрою свои дела». Овчар пошел оттуда в царский дом. Когда он пришел в царский дом, он сказал

γábli ālám, ta mnā yak du roč ruxsát bdäi̯, gúḍā man pa ta yak gumúde ǰóḍ a-kanín. amé pādšā́ gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a. amé šwānág š-amódinā ā́tī bi watí gisā́, go watí ǰinénā gúštī: pādšā́ mnā gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a, man yak du roč pa ta sábr a-kanín. amé šuwānágäi̯ ǰinén gúštī: man maróčī amé parīánā múčānā náz a-kārín wa gušín: bā́ndā-ar paríe yak xišt biyā́rant wa bi daryā́bä Nílä tā yak gumúde ǰoḍ pkánant. amé parí š-amódinā āt bi parīyā́nīyā wa go amé parīyā́n gúštī: ša šmā man loṭín: bā́ndā ki ar paríe yak xíšte bzū́rit u biyā́rit bi daryā́bä Nílä tā, yak gumúde ǰoḍ pkánit. amé ki man säi̯ tawā́r kúrtun, bi awalíen tawā́r šmā wat rā āzír pkánit, bi dūmíen tawā́rā šmā ar kas bi watí xištā́i̯ pānádā bgírit, amé ki säyumíen tawā́rā kúrtun, šmā ar yáke watí xištā́ bzū́rit u dár pkánit. amé parí múčī gúštant: nápa baz ǰuwán int-a. amé parí amešā́nā gúštī: bā́ndā tā roč dar ma yā́īt, ša šmā loṭín ki tayā́r pkánit u bílit. amé parí gírdī gúštant: nápa bāz ǰuwā́n int-a. amé paríäi̯ ǰind š-amódinā šut bi watí gisā́.

tāríenā ki tā́ngāt roč dar náy āt-at, amé parí sā́i̯lī kurt, dístī tā gumúdānā ǰoḍ kurtág-ant u tayā́r kurtág-ant. amé parí go amé watí šwānágen mardā́ gúštī ki gumúdānā ǰoḍ kurtág-ant, ta bra, pādšā́ bguš ki bā́i̯t pa gumudā́nī säi̯lā́. amé šwānág š-amódinā sar gipt u āt bi pādšāäi̯ gisā́, gúštī: äi̯ pādšā́ γábli ālám, man gumúdānā ǰoḍ kurtág-un, ta watí mullā́nā bzūr u

---

царю: «о царь, средоточие вселенной, дай мне отсрочку на день-два, тогда я построю для тебя башню». Царь сказал: «ну, хорошо». Овчар оттуда пришел домой и сказал своей жене: «царь мне сказал: „ну, хорошо, я ради тебя день-два потерплю“. Жена овчара сказала: «сегодня я соберу всех пэри и скажу: „завтра пусть каждая пэри принесет по кирпичу, и пусть построят башню в реке Ниле“». Эта пэри пошла к другим пэри и сказала: «я хочу, чтобы завтра каждая пэри взяла по кирпичу и принесла в реку Нил, и вы построили бы башню. Но когда я прокричу три раза, по первому зову вы приготовьтесь, по второму зову возьмитесь каждая за свой кирпич, и как только я в третий раз позову, вы возьмите каждая свой кирпич и вытащите». Все пэри сказали: «очень хорошо!» Эта пэри сказала им: «на утро, пока еще солнце не взойдет, я хочу, чтобы вы все приготовили и оставили». Все пэри сказали: «очень хорошо!» Эта пэри пошла оттуда домой.

На утро, пока еще солнце не взошло, пэри посмотрела и увидела, что башни построили и приготовили. Эта пэри сказала своему мужу-овчару: «башни приготовили, иди, скажи царю, пусть идет посмотреть башни». Овчар пошел оттуда в царский дом и сказал: «о царь, средоточие вселенной, я построил башни

go watí salātán, tā brawán. amé pādšā amé šwānágā gúštī: ta anūn bra bi watí gisā, a^{m}mā wát a-rawán. amé šwānág š-amódinā átī bi watí gisā, go watí ǰinénā gúštī: man go pāḍšā gúštun, pāḍšā mnā gúštī: anūn ta bra, amā wát a-rawán. amé šwānágäi̯ ǰinén gúštī: nápa bāz ǰuwān int-a. amé ki amāí šār u kalātäi̯ mardúm gírdī šútant pa gumúdānī säi̯lā, amé ki putrítant, gúḍinā man paríyānā tawār a-kanín tā ar paríe watí xištā bzūrīt u bart bi ǰāgāiš, bí tā pādšā go watí maxlūkān mirít. amé šwānág gúštī: ā ḍau̯l ki bīt, nápa bāz ǰuwān int-a.

yak katráe digár ki būt, amé šwānág sāi̯lī kurt, dístī tā pādšā go mullán int-a u dém a-rau̯t wa amé g^{i}da maxlūk ša padāi̯ gírdī bi maxšā oštātág ant u rawánt. amé šwānág sāi̯lī kurt, dístī, gírdī putrítant bi gumúdānī tā. yak wār amé šwānág átī, go watí ǰinénā gúštī: pādšā go watí maxlūkā putrít bi gumúdānī tā. amé šwānágäi̯ ǰinén átī, sāi̯lī kúrtī, dístī: bābā, tángāt mardúm a-kāi̯t, amé šwānágā gúštī: ta tānáxten amédinā bošt, säi̯l pkan, amé ki dístäi̯, amé pādšāäi̯ maxlūk gírdī putrítant, ta gúḍinā mnā sí pkan. amé šwānág átī, bi yak gisā sarā níštī u sāi̯lī kúrtī, dístī, tángāt mardúm a-rau̯t bi gumúdānī tā. tā du sāát níštī, gúḍinā dístī tā mardúm alās būtant. amé šwānág š-amódinā átī, bi watí ǰinénäi̯yā gúštī: pādšāäi̯ mardúm gírdī šútant bi gumúdānī tā. amé šwānágäi̯ ǰinén āt, sāi̯lī kurt, dístī tā rāst a-gušít

---

возьми своих мулл и воинов, и пойдем». Царь сказал овчару: «иди теперь домой, мы сами пойдем!» Овчар пришел к себе домой и сказал своей жене: «я сказал царю, царь мне сказал: „теперь иди домой, мы сами придем“». Жена овчара сказала: «ну, очень хорошо. Как только все жители его города и крепости пойдут смотреть башни и войдут внутрь, я позову пэри, чтобы каждая пэри взяла свой кирпич и унесла на место, пусть царь со своим народом умрет!» Овчар сказал: «если так случится, очень хорошо!»

Когда прошло немного времени, овчар посмотрел и увидел, что царь с муллами идет впереди, а сзади построилось в военном порядке и идет все остальное население. Овчар посмотрел и увидел, что все вошли в башни. Тотчас овчар пришел и сказал своей жене: «царь со своим народом вошел в башни». Жена овчара подошла, посмотрела, увидела, что люди еще идут, и сказала овчару: «побудь пока здесь и посмотри; как только увидишь, что народ этого царя целиком вошел внутрь, тогда ты меня извести». Овчар пошел, сел на крыше одного дома, стал смотреть и увидел, что еще люди идут в башни. Часа два он сидел, потом увидел, что люди прошли. Овчар пошел оттуда и сказал своей жене: «народ царя целиком прошел в башню». Жена овчара пришла, посмотрела и увидела, что он говорит правду: все прошли

gírdī šutág-ant. amé šwānágäi̯ jinén šut, bi yak burzágā̆ sará oštát, tawári kurt. bi awalíen tawárā parí wat rā zabr joḍ kurtánt, bi dūmíen tawárā yak wār parí watí dastá bi xištán saḳ kurtánt, bi säyumíen tawárā ar yáke watí xištá zurt u burt bi watí jāgá.

karár pādšá go watí maxlūkā bi daryábä Nílä tā murt. amé šwānág dístī tā pādšá múrtī, gúḍinā šut bi šār u kalátäi̯ tā, sä̆i̯lī kúrtī, dístī tā ič kas bi šāräi̯ tā nä̆int-a. karár átī, watí gisá zurt u burt bi šārá. šāräi̯ pādšá būtī. man š-amódinā jístun u bástun, pa wat yak imáne āúrtun, pa ta dištáre āúrtun.

IV

būt būt, čap ša xudá káse na būt. yak wáxte at, yak pādšáe at. e pādšá jänén u zāg dāšt. eší jänén bẹ watí lāpá zāg dāšt. yak wáxte būt, nu mā u nu roč purrá būt, zāg dist. eší zāg jäníkᵉʸ at. ša säi̯ róčā guḍ e jäník biná kurt bi mālánī lāpäi̯ čāk dātínā. dil u jagarániš wártī u gúḍā kāt pádā watí jāgá, biná kurt bẹ gretínā. eší mās kāt tā dístī: zāg páč int. gúḍā zāgá bástī u šut pádā wáptī. tárī ki róč a-būt, maxlúk äi̯rán a-būt tā mālánī lāp čāk dātá. gúḍān e pādšá yak záge dáštī, eší zāg čār čam dāšt, gúḍā e zāg

---

Жена овчара пошла, стала на одной возвышенности и закричала. По первому зову пэри хорошенько приготовились, по второму зову пэри крепко взяли кирпичи в свои руки, по третьему зову каждая пэри взяла свой кирпич и отнесла на свое место.

Итак, царь со своим народом умер в реке Ниле. Овчар увидел, что царь умер, пошел в город и крепость, стал смотреть и увидел, что в городе никого нет. Он пришел, взял свою семью и отвез в город; сделался царем города. Я оттуда убежал, завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел невесту.

(IV. О четырехглазом брате и сестре ведьме)

Было-было, кроме бога никого не было. Было время, был один царь. У этого царя была жена и сын. Его жена была беременна. Настало время, прошло полных девять месяцев и девять дней, и она разрешилась от бремени. Ее ребенок была девочка. Через три дня эта девочка начала вспарывать животы у скота. Она поедала у них сердце и печень, а потом возвращалась обратно на свое место и принималась плакать. Ее мать подходила, видела, что дитя раскрыто, запеленывала ребенка, возвращалась и вновь засыпала. На утро, когда наступал день, люди удивлялись, что животы у скотины вспороты. А у этого царя был еще сын, и этот его сын был четырехглазый. Однажды

yak šápe watí du čammá wāb prent, dúi gidá rā páč kurt, dístī tā mnī gwār ša junṭái̯ tā wat rā páč kurt, šut, yak du gokái̯ lāpá čāk dátī u gúḍan dil u jagárāniš wártī u āt pádā watí junṭái̯ tā, biná kurt bi gretínā, eší mās āt tā dístī: zāg páč int, zāgá bástī u šut pádā wapt.

tárī ki roč būt, e pādšáäi̯ zāg gúštī watí māsá ki man yak abáre daín, agá tī dilá na gīt. eší mās gúštī: mnī dilá na gīt, bguš. e čoriká gúštī: šarr, agá tī dilá na gīt, amé watí jäníkā zián pkánit ke pa šmā yak róče balée bīt. eší mās gúštī: xudá trá zián pkant, čéwā loṭái̯ ša mnī jäníkā? yak jäníke xudá dātá, eší rā ta gušái̯, zián pkánit! čẹ dušmanāíe dārái̯ go mnī jäníkā? š-amédā wat rā zián pkan! e čoriká š-amédā zār būt, gúštī: šmā rā yak róče gindín! yak áspe suwár būtī, š-amédā šut bi gidá yak šáre.

šut bi mā šārái̯ tā, pa wat yak māsúe wadí kurt. yak čunt sāl go mā watí māsúā níštī, p-āí kár a-kúrt. gúḍā yak čunt sāl gwástī, watí māsúā gúštī: man čunt sāl int ki ātá un, watí pisái̯ šār u kalátā na distá un, báre čon būtág ant. watí māsúā gúštī: pa man du säi̯ nān pač, man a-räín. eší māsú p-eší säi̯ čār nān pakkítī, eší urjínäi̯ tā kúrtī, aspái̯ pastárkā bast.

ночью этот сын двум своим глазам дал заснуть, а два других открыл и стал смотреть: вот моя сестра раскрылась, вышла из колыбели, вспорола животы у одной-двух коров, поела у них сердце и печень, вернулась в свою колыбель и заплакала. Ее мать подошла, увидела, что ребенок раскрыт, запеленала ребенка и вернулась спать.

На утро, когда наступил день, царский сын сказал своей матери: «я хочу сказать кое-что, если ты не обидишься». Его мать сказала: «я не обижусь, говори». Юноша сказал: «хорошо, если ты не обидишься, то уничтожьте эту свою дочку, потому что когда-нибудь она станет для вас несчастьем». Его мать сказала: «бог да уничтожит тебя! чего ты хочешь от моей дочери? одну дочку бог дал, и ты про нее говоришь: „уничтожьте!“ что́ за вражда у тебя к моей дочери? сгинь отсюда!» Юноша оскорбился и сказал: «когда-нибудь я вас еще увижу!» Он сел на лошадь и отправился отсюда в другой город.

Поехал он в тот город и сыскал себе приемную мать. Несколько лет он жил у этой приемной матери и работал для нее. Когда прошло несколько лет, он сказал своей приемной матери: «вот уже сколько лет, как я прибыл сюда и не видел города и крепости своего отца! что-то стало с ними?» Он сказал своей приемной матери: «испеки для меня два-три хлеба, и я поеду». Его приемная мать испекла для него три-четыре хлеба, положила к нему в переметную суму и привязала сзади седла. Были у него еще одна-две гончие собаки; своих гончих он

yak du tāzí am dáštī, watí tāzíānā am go wat zúrtī. watí māsūā gúštī: pa tī rusxáttā! māsūī gúštī: šútäi̯, xudá imána baái! šut.

šápe ǰáe, róče ǰáe, yak čunt roč rá šut, yak ǰáe āt, dístī tā säi̯ buz ant. e buzánī padá gíptī u šútī, yak ǰáe buz átant, čoriká dístī tā säi̯ jänén zág ant. ar säyén kór atant. ar yak buz° bi yak jänén zāgäi̯ā āt u uštát. ar ka watí buzá métī. e čoriká am ša yak pānádā laggít, métī. jänikó dastá prent, säi̯l kurt tā dístī, buzái̯ agidá godán šīr na dārít. jänikó ai̯rán būt ki gúštī: e buzá báre kái̯ met? gúḍān watí gwārá gúštī: mnī buzá ta métag äi̯? ā gúštī: na, dādá, man tī buzá na mečín, watí buzái̯ šīránā wartága na kanín. gúḍān begáe duwārá buz átant watí wāūndānīyā, ar ka uštát watí wāūndäi̯ demá. agidá gwáre gušt: ar ka watí buzá āzír bīt, báre e čée ki buzánā mečít! bálkẹ bgíranī, agár amédā mečīt! gúḍān ar ka watí buzá met, tā yáke dístī kẹ mnī buzái̯ godánā yáke peš kašít. eš am dastái̯ čalápt, gúštī: ta jínne wäi̯, jātūe wäi̯, či baláe wäi̯, ki ammái̯ buzánā mečái̯? e čoriká gúštī: na jínne un, na ǰātūe un, mardúme un. agár mnā pa brāsdārí kabūl kanít, man šmäi̯ brás a-baín. e jänikó gúštant ki agár ādamī-záte baái̯, trā pa brāsdārí kabūl a-kanán. e gúštī: man ādamī-záte un.

также взял с собой и сказал своей приемной матери: «ну, с твоего разрешения!» Его приемная мать сказала: «ну, раз едешь, будь под покровом божьим!» Он поехал.

Ночь в одном месте, день в другом, несколько дней он ехал по дороге, приехал в одно место и увидел: там три козы. Он последовал за козами, поехал и увидел трех женщин; все три были слепы. Козы по одной подошли к каждой женщине и остановились. Каждая стала сосать свою козу. Юноша также подобрался с одной стороны и стал сосать. Девушка стала щупать рукой и заметила, что у козы с другой стороны в вымени нет молока. Девушка удивилась и сказала: «разве эту козу кто-нибудь уже высосал?» Потом она сказала своей сестре: «это ты высосала мою козу?» Та сказала: «нет, сестра, я не сосу твоей козы, мне и от своей козы не съесть молока». Вечером козы опять пришли к своим хозяйкам, и каждая стала перед своей хозяйкой. Другая сестра сказала: «пусть каждая последит за своей козой, кто это высасывает коз! поймаем его, если он здесь сосет!» Каждая стала сосать свою козу, пока одна не заметила, что кто-то потянул вымя козы. Она схватила его за руку и сказала: «джинн ты или ведьма? что́ ты за напасть, что высасываешь наших коз?» Юноша сказал: «я не джинн и не ведьма, я человек, и если вы меня примете в братья, я буду вашим братом». Девушки сказали: «если ты рожденный человеком, мы примем тебя в братья». Он сказал: « я рожден человеком».

gúḍā yak róče būt, e čoriká šut pa šikárā, yak ǰáe āt, dístī tā buzlangíe waptá bi bāgáḭ tā. šut, š-eší bāgá tā bāzén nīwáge wártī, bāzénī gidá čítī u watí urǰínā pur kurt. yak ga buzlangí āgá būt. āt pa čoríkäḭ ǰāná, gúštī: e bāg wāūnd dārít yā nā? čoriká gušt: š-e wāūndán sad bīt, čéwā kant? e buzlangí gušt: man trā nišán a-daín. yak γúrze dāšt, da pút a-kāt, γurzá bāl āúrt pa čoríäḭ ǰāná, čorí am be-γaḭratí na kurt, ešá yak záme prent, ša miyānǰínā du kap būt. gúḍān āt, watí aspá s^{u}wār būṭ. āt watí gwārānīyā. amé nīwágān dátī ki wártan. yak ga yáke gúštī: wāxäḭ ǰān, mnī čam páč bútant. agidá gúštant: ammáḭ čám am páč bútant.

gúḍān yak čunt waxt e čorí go me watí gwārúkān ništ, gā waxtá pa šikárā am šut. yak róče būt, e čorí gušt watí gwārānā ki man sapáre dārín, annūn man a-raín, šmā tā wáxte ki man a-kāín, amédā mníndit watí ǰāgá. gwárī gúštant: čunén sapáre dāráḭ? čorí gúštī: man yak wáxte šār u kaláte dāštá un wa siyád u brās dāštá un, na zānín ke báren čón būtág ant. gwárī gúštant ki rawáḭ, xudáḭ imána baáḭ. amá int, čorí watí aspá suwár būt, watí gwārānā gušt ki mnī tāzíānā bandít. ar waxt ki dístit ki tāzí kulúnz-kulúnz kúrtant wa kalándiš zang ǰát-at, gúḍā zánit ki mnī sará sakkíe ātá, tāzíānā yelá kanit. gúḍā š-amódā rādág būt.

Потом наступил день, когда этот юноша отправился на охоту, попал в одно место и увидел, что в саду спит бузланги. Он пошел и поел много плодов из его сада, а еще много других нарвал и наполнил ими свою переметную суму. Вдруг бузланги проснулся, устремился на юношу и сказал: «есть хозяин у этого сада или нет?». Юноша сказал: «пусть хоть сотня будет этих хозяев, что же из того?» Бузланги сказал: «я тебе покажу!» У бузланги была палица весом пудов в десять; он замахнулся палицей на юношу. Юноша также не проявил малодушия, ударил его раз мечом, и тот раскололся на двое Потом он подошел к своей лошади, сел верхом, приехал к своим сестрам и дал им поесть этих плодов. Сразу одна сказала: «ах! мои глаза раскрылись!» Другие сказали: «наши глаза также раскрылись!»

Потом некоторое время юноша пожил у этих сестер; иногда ходил на охоту. Однажды юноша сказал своим сестрам: «мне предстоит путешествие, и я теперь поеду, а вы оставайтесь здесь на своем месте, пока я не приеду». Его сестры сказали: «что у тебя за путешествие?» Юноша сказал: «когда-то у меня был город и крепость, были родные и братья, и что́ сталось с ними, не знаю!» Сестры сказали: «если едешь, будь под покровом божьим!» Вот юноша сел на свою лошадь и сказал своим сестрам: «привяжите моих гончих, и если увидите, что они заскулили и их кормушка покрылась ржавчиной, тогда знайте, что надо мной стряслась беда, и пустите гончих». Затем он пустился в путь.

yak čunt waxt rá šut. āt bẹ watí pisáḭ šār u kalátäḭ nazínkā tā dístī: gis ānčo kúl ant, mardúm paḭdá na bīt. amá int watí pisáḭ gisáḭ nazínkā átī tā dístī yak ṭuk-ṭúke. ā-kaštírā šut, yak ga eší gwār kẹ mardúmānā mālánā wárt-at, ešá dístī, gúštī: wāx lālá ǰān, man pa tī γamán kór un, ta guǰá būtág äḭ? brásī ša aspá er kapt, watí brāsáḭ demá čukkítī u gúštī: bdäḭ, tī aspá barín, āp däín, lālá. e čorí gúštī: bar, āp bdäḭ. aspá búrtī, bi āpá sár na kúrtī u yak pādáḭ wártī u aspá pádā áurt go säḭ dast u pádā, watí brāsá gúštī ki tī asp go säḭ dast u pádā ātá, lālá? ā gúštī: ān. katráḭ gidá būt, gúštī: tī asp āp a-wárt? čorí guštī: ān. aspá búrtī u bi rāáḭ nemágā agidá pādáḭ wart. āúrtī pádā, gúštī: tī asp go du dast u pádā ātá, lālá? ā čorí gúštī: ān, dādá, go du dast u pádā ātá. e čorí ša trusá íčīe na gúštī, ar če ki ā gúštī, e gúštī: ān. yak katráḭ gidá būt, gúštī: asp áp a-wárt, lālá? gúštī: ān. aspá búrtī pa āpá. ráäḭ nemágā agidá lingáḭ wart. duwārág āt pádā, gúštī: tī asp go yak pádā ātá. e gúštī: ān. yak katráḭ gidá būt, gúštī kẹ tī asp āp wart, lālá? ā gúštī: ān. búrtī, agidá pādáḭ am wart. sarágäḭ go lāšáäḭ káš kurt, āúrt, gúštī: tī asp go sīnágā ātá, lālá?

Некоторое время он был в дороге. Когда он приблизился к городу и крепости своего отца, он увидел, что дома точно вымерли, и человека нельзя найти. Вот поблизости дома своего отца он услышал постукиванье. Он направился в ту сторону, как вдруг его сестра, которая поедала людей и скотину, его увидела. Она сказала: «ах, братец, я ослепла от тоски по тебе! где ты был?» Ее брат спустился с лошади, она поцеловала своего брата в лицо и сказала: «давай, братец, я отведу и напою твою лошадь». Юноша сказал: «отведи, напои». Она повела лошадь и еще не довела до воды, как отъела у нее одну заднюю ногу. Она привела обратно лошадь на трех ногах и сказала своему брату: «братец, твоя лошадь пришла ведь на трех ногах?» Он сказал: «да». Прошло немного времени, она сказала: «твоя лошадь ведь попьет воды?» Юноша сказал: «да». Она повела лошадь и на полпути отъела у нее еще ногу. Потом привела ее обратно и сказала: «братец, твоя лошадь пришла ведь на двух ногах?» Юноша сказал: «да, сестрица, она пришла на двух ногах». Юноша от страха сам ничего не говорил; что она ни говорила, он поддакивал. Прошло еще немного времени, она сказала: «твоя лошадь попьет воды?» Он сказал: «да». Она повела лошадь за водой и на полпути отъела у нее еще ногу. Она опять вернулась и сказала: «твоя лошадь пришла ведь на одной ноге?» Он сказал: «да». Прошло еще немного времени, она сказала: «братец, твоя лошадь попьет воды?» Он сказал: «да». Она отвела ее и отъела у нее еще ногу, а голову с туловищем притащила и сказала: «братец, твоя лошадь ведь на груди при-

e gúštī: ān. duwārág katrā̆i̯ gidá būt, gúštī: tī asp ā̆p a-wá, lālā̆? e gúštī: ān. búrtī, aspā̆i̯ lāšā̆ wártī, sarágäi̯ káš kúrtī, āúrtī, gúštī: tī asp go sarágā ātá, lālá? ā gúštī: ān. e gaští gúštī: tī asp ā̆p a-wá, lālā̆? e gúštī: ān. búrtī, sarágā rāā̆i̯ nemágā wártī u átī pádā, au̯sárā káš kurt u āúrtī, gúštī: ta amé au̯sárā sᵘwā̆r būtág äi̯ u ātág äi̯? e guštī: ān. annū̆n ā watí abárā alás ku.

čorí gušt: man tunnág un, amé gečínā pa man āp pkan u biyā̆r. gwā̆rī gušt: šarr, man a-raín, āp a-kārín, ta tā wă̆xte amé tāsā̆ ptlíngen. ā šútī, e tāsā̆ amédā tlingéntī u níštī, yak ga ša kunḍā̆i̯ tā múške dár kapt, gúštī ki ta bjí kan, ā bā̆i̯t, trā wart. man tā wáxte go liṭṭíkā tlingenín. čorí š-amédā arkát kurt, šut bi watí pisā̆i̯ inkénā, säi̯ sorā̆i̯ kutág zúrtī wa yak srummadā̆ne go šepáge u rādág būt. ā čorīā bil ki brot, abár š-āí gwārā̆ bdäi̯.

yak gašt, du gašt jänikó gečínā bẹ āpā̆ jat. dístī tā íč āp ná ᵛuštít. yak ga γā̆rī ku, gečínā bā̆l āwúrt u jat ḍigárā u rādág būt. gúštī: kusíe zāg, kāā̆i̯ ki mnā brẹpenā̆i̯. yak ga man sar bā̆ín, píṭṭe ᵛon bi ḍigárā ma rečít! jinikó āt, dístī tā yak múške go liṭṭíkā tlin-tlíng a-kánt u brā̆sī édā

шла?» Он сказал: «да». Опять прошло немного времени, она сказала: «братец, твоя лошадь попьет воды?» Он сказал: «да». Она повела лошадь, съела ее туловище, голову притащила и сказала: «твоя лошадь ведь на голове пришла, братец?» Он сказал: «да». И на этот раз она сказала: «братец, твоя лошадь ведь попьет воды?» Он сказал: «да». Она понесла голову, съела ее на полпути, вернулась, притащила конский убор и сказала: «ты ведь сел верхом и приехал на этом конском уборе?» Он сказал: «да». Теперь она закончила свои речи.

Юноша сказал: «я хочу пить, налей в это решето для меня воды и принеси». Его сестра сказала: «хорошо, я пойду, принесу воды, а ты пока поколоти в эту чашу». Она пошла, а он остался колотить в чашу, как вдруг из норы выскочила мышь и сказала: «беги, а то она придет и съест тебя! я пока постучу хвостом». Юноша поднялся оттуда, пошел к месту бывшей стоянки своего отца, взял там три золотых подножки для очага и мешочек для сурьмы с кисточкой и пустился в путь. Оставь этого юношу, пусть он идет, и расскажи про его сестру!

Раз или два девушка погрузила решето в воду. Она увидела, что вода в нем не держится, рассердилась, подняла решето, бросила его на землю и пустилась в путь. Она сказала: «порождение блуда, ты хочешь меня обмануть! я живо доберусь до тебя, даже капля твоей крови не прольется на землю!» Девушка пришла, увидела, что это мышь стучит хвостом, а ее брата там нет.

näint. jinikó zántī ki mnī brās jistá u kapt bi muškäi padá. mušk putrít bi kundäi tā. jinikó biná ku bi pač dātínā. mušká gíptī, yak dapárī kurt u kapt watí brāsäi padá. búrtī, yak jāi ešá rasént. ā am yak kutáge soräi prénti, eš am amá kutágā zurt u pádā āt, e kutágā íštī u duwārág kapt bi aí padá. duwārág nazzínk kurt áe rā. ā gidá kutáge prent, eš am zúrtī u pádā āt. duwārág kutágā íštī u kapt bẹ āí padá. duwārá ešá nazzínk ku. e gidá kutáge prent, e kutágā am zurt u āwúrt pádā, íštī, duwārág káptī bi padäi.

tā wáxte āngát e sar na bút-at, yak ga čoriká šepágā bi ḍigárā játī u saräi ništ u yak duáe kurt ki amé šepág yak dráxte būt ki sárī bi āsmánā rasít. jänikó am āt, gúštī: kúnī zāg, bi draxtá bālá būtág äi, ša mnī dastá alás a-baäi, wa biná kurt bi draxtäi arrá kurtínā go watí dantánān. brásī gušt: boš, dādá, pa^{t} ta šäre bgušín. gwárī gušt: bguš, šarr. čoriká gúštī: šéri man, bā-šéri man, zū-zūt biyá, kala-šéri man. e jinikó gúštī: watí māsäi mardánā tawár a-kanäi u biná ku bẹ arrágäi kurtínā. yak katráe arrá ku, čoriká gúštī: boš, dādá, pa^{t} ta šäre duwārág bgušín. jänikó gúštī: bguš. čoriká duwārá watí tāzí^{y}ānā tawár a-kúrt u yak šäre gušt: šéri man, bā-šéri man, zū-zūt biyā, kala-šéri man. jänikó gúštī: watí māsäi mardánā tawár a-kanäi,

---

Девушка поняла, что брат убежал, и бросилась за мышью. Мышь спряталась в норе, девушка стала ее раскапывать. Она поймала мышь, разом ее проглотила и погналась за братом. В одном месте она его настигла; он бросил одну золотую подпорку для очага. Она взяла эту подпорку, вернулась, оставила эту подпорку и вторично бросилась вслед за ним. Вторично она приблизилась к нему; он бросил другую подпорку. Она взяла ее, вернулась, положила подпорку, бросилась вслед за ним и вторично приблизилась к нему. Он бросил еще другую подпорку. Она ее взяла, принесла обратно и опять бросилась за ним.

Пока она его еще не настигла, юноша бросил на землю кисточку для сурьмы и сел на нее. Он сотворил молитву, и кисточка сделалась деревом, вершина которого доходила до неба. Девушка подошла и сказала: «порождение блуда, ты забрался на дерево, чтобы выскользнуть из моих рук!» и принялась подпиливать дерево своими зубами. Ее брат сказал: «подожди, сестрица, я спою тебе песенку». Его сестра сказала: «хорошо, спой!» Юноша сказал: «лев мой, о мой лев, скорей приходи, о мой лев!» Девушка сказала: «это ты зовешь мужей своей матери!» и принялась пилить. Когда она немножко попилила, юноша сказал: «подожди, сестрица, я еще раз спою тебе песенку». Девушка сказала: «спой!» Юноша вторично стал звать своих гончих и запел песенку: «лев мой, о мой лев, скорее приходи, о мой лев!» Девушка сказала: «это ты зовешь мужей

pa mnī balááḭ janíā tawár kanáḭ. duwārág biná kurt pa arrágäḭ kurtínā. ešá bil ki amédā arrág kant, ša tāzíʸān goš pkaš.

tāzí zānánt ki ammáḭ wāúndäḭ sará sakkíe ātá, biná kúrtant kulúnz-kulúnż kurtínā. eší gwār säḭl kúrtant ki kalánḍ zang jatá, tāzí am kulúnz-kulúnz a-kanánᵗ. yak ga tāzíʸānā elá kúrtant. tāzíānā bil ki kam-kam biánt déme čoríā.

čorí dístī ki draxtá nazínk kurtá ki arrág pkant. duwārág gúštī ki boš, dādá, paᵗ ta šáre bgušín. e gúštī: bguš. duwārág čoriká šáre gušt pa watí tāzīán: šéri man, bā-šéri man, zū-zūt biyá, kala-šéri man. yak gašt jänikó gúštī: watí māsáḭ mardánā tawár a-kanáḭ. duwārág laggít bi arrágäḭ kurtínā. tāzí am rasítant. čoriká gúštī: bgirít kúnīʸā! tāzí ešá gíptant ki tál dayánt. yak ga jänikó gušt ki brāsáḭ čámm a-gardánt u gwārá tāzí kāyánt ki tál dayánt. yak ga eší brās gušt: elá bdáitī! tāzí ešá elá dátant. eš am arkát ku, bi draxtá lacčít u arrág kurt. duwārá čoriká gúštī: bgíritī! e gaští ar če gúštī, brásī gušt: čuk-čúkī pkanit. gwárī gúštī ki mnā kuštínā kušáḭ u yak abáre dārín, yak ga watí tāzíʸānā bguš ke bóštant. čoriká tāzíāna gúštī: elá kánitī! jänikó gušt: mnī guṭṭáḭ rāá yak moráge ast, ar kadén ki mnā kúštant tāzí, gúḍān ta er kap u biyá, amé morága ša mnī guṭṭáḭ rāá dūr

---

своей матери! и зовешь на мою погибель!» Она опять принялась пилить. Оставь ее, пусть здесь пилит, послушай про гончих!

А гончие понимают: «ведь с нашим хозяином случилась беда!» и заскулили. Его сестры увидели, что кормушка покрылась ржавчиной, а гончие скулят, и тотчас пустили гончих. Оставь гончих, пусть они постепенно приближаются к юноше!

Юноша увидел, что она уже почти распилила дерево. Он опять сказал: «подожди, сестрица, я спою тебе песенку!» Она сказала: «спой». Опять юноша запел песенку для своих гончих: «лев мой, о мой лев, скорее приходи, о мой лев!» Девушка сразу сказала: «это ты зовешь мужей своей матери!» опять принялась пилить, но гончие уже подоспели. Юноша сказал: «хватайте ее за зад». Гончие схватили ее, чтобы растерзать. Девушка сказала: «брат глазеет, а сестру собираются растерзать гончие!» Ее брат сказал: «отпустите ее!» Гончие ее выпустили. Она рванулась, схватилась за дерево и стала пилить. Юноша опять сказал: «разорвите ее!» На этот раз, что́ она ни говорила ее брат сказал: «разорвите ее!» Его сестра сказала: «убивать меня убей, но я имею нечто сказать! скажи своим гончим, чтобы подождали!» Юноша сказал гончим: «отпустите!» Девушка сказала: «у меня в горле есть бусина; как только гончие меня убьют, ты спустись, подойди и вынь из моего горла

kan u bar, psóčī u urt kan u amā́ watí pisā́i̯ šār u kalā́täi̯ miānǰínā pāš bdäi̯, gúḍā múččī māl u mardúm zindág a-bayánt. e ǰinikó ki watí abárā alā́s ku, čoriká tāzíānā gúštī: bgíritī. tāzí am ešā́ ṭukkúr-ṭukkúr kúrtant u préntant.

čoriká ša draxtā́ ér kapt u āt, amé morágā š-eší guṭṭā́ dūr kurt u šut bi watí pisā́i̯ šārā́ pádā. morágā ṣótī u urt-úrtī kurt u āt bi šārā́i̯ miānǰínā, amé morágäi̯ purrā́nā pāš dāt tā dístī, múččī zindág būtant. gúštant: čon wápt-atan, ammā́ rā pād kúrtäi̯! čoriká āt watí pis u māsäyā, gúštī: wáxte ki man šmā rā gúštun ki watí ǰiníkā ziyā́n pkanít, šmā pa mnī ǰānā́ γā́r kurtit. dístit, šᵘmā rā čon ziyā́n kurt! māsī gúštī: ammā́ čéwā zā́ntan kẹ ā é ḍau̯lā́ kant. annū́n ar ka bi ʷatí murā́dā rast, š-amódā ǰístun u bástun, pa wat imā́n āwúrtun, pa ta dištáre.

V

· būt na būt, ša mašmā́i̯ xudā́ getír káse na būt. yak pādišā́e at. amé pādišā́ dāšt säi̯ zāg wa yak ǰinéne. amé pādišā́äi̯ ǰinénā ič ǰiníkā na būt. amé pādišā́ mudā́m xudā́-xudā́ kurt ki äi̯ xudā́, ta mnā yak ǰiníke bdäi̯, bil

---

эту бусину; отнеси, сожги, измельчи ее и посыпь в середине города и крепости твоего отца,. тогда все оживут, и люди, и животные». Как только девушка окончила свои слова, юноша сказал гончим: «хватайте ее!» Гончие разорвали ее на куски и бросили.

Юноша спустился с дерева, подошел, вынул у нее из горла эту бусину и пошел к городу своего отца. Он сжег бусину, измельчил ее, пришел в середину города и рассыпал пепел от этой бусины; увидел, что все ожили. Они сказали: «как мы спали! ты разбудил нас!» Юноша подошел к своему отцу и матери и сказал: «когда я вам говорил, чтобы вы уничтожили свою дочь, вы на меня разгневались! теперь вы увидели, как она погубила вас!» Его мать сказала: «разве мы знали, что она так поступит?» Теперь каждый достиг своего желания. Я оттуда выбежал, завязал, для себя приобрел благополучие, для тебя невесту.

(V. О четырехглазом брате и сестре ведьме, вариант)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя было три сына и одна жена. Дочерей у жены этого царя вовсе не было. Царь все время призывал бога, говоря: «о боже, даруй мне дочку!

tā ǰātū̃e bīt yā ǰíne bīt, mul nā́mī ǰiníke bīt. yak čunt waxt gwast, xudā́ bi eší ǰiníke dāt. amé ǰiník ǰātū̃e at. ša amé pādišā́äi̯ säi̯én zāgā́n yáke nām Lālói̯ čār-čam at. amé Lālói čār-čam čār čam dāšt, watí du čamā́ wāpéntī wa go dúi digárā sā́i̯l a-kúrt. amé Lālói čār-čam yak šápe at, amé watí pisā́i̯ gisā́i̯ dapā́ wapt. amédā ki wápt at, bi amé šapā́i̯ nemágā amé ǰinikó ustát u wat rā ša bandókā páčī kurt u š-amédā šut. amé Lālói̯ čār-čámi pisā́i̯ gisā́i̯ ā pānā́ḍā uštúr ǰukít atant. amé ǰinikó šut, yak gaḍúke pai̯dā́ī kurt u āúrt, yak gogírde am šut, pai̯dā́ī kurt u āúrt. ātíše ǰátī, amé ušturā́nī ǰagár u dilā́nā kašít wa bi amé watí gaḍúkäi̯ tā́ī kurt u pakít u wart u š-amédā pádā bír gašt u šut, watí pučā́nā zurt u bi watí gwarā́ kurt u pa duwārág šútī, bi watí māsā́i̯ bagálā wapt. amé Lālói čār-čam íčī na gušt.

šapí wáptant. tārīenā ustátant. amé Lālói̯ čār-čam go watí pisā́ gúštī: äi̯ bābā́, man trā yak abáre däín, ta čé[y] a-gušā́i̯? ta mnā na ǰanā́i̯? ameší pis gušt: man trā ič waxtā́ na ǰanín. amé Lālói čār-čam gúštī: äi̯ bābā́, amé tī ǰiník āxírā pa ta balā́e bīt. ameší pis gušt: pa če, bābā́? amé Lālói čār-čam gušt: amé tī ǰiník ǰātū̃e, man doší bi tī gisā́i dapā́ át-atun, wápt-atun. yak wār dístun tā amé tī ǰiník wat rā ša ǰunṭā́ prent u ustát, watí ǰulā́nā ša watí ǰānā́ préntī, wat š-amédā ustát u šut, amé mašmā́i̯ gisā́i̯ áškäi̯ ušturā́nī

пусть будет ведьма или джинн, лишь было бы название дочки!» Прошло некоторое время, и бог дал ему дочь. Эта дочь была ведьма. Из трех царских сыновей один был по имени Лалу четырехглазый. У этого Лалу четырехглазого было четыре глаза: двум глазам он давал спать, а двумя другими смотрел. Однажды ночью этот Лалу четырехглазый пришел ко входу в дом своего отца и лег спать. В полночь, когда он спал, девочка встала, раскрыла свои пеленки и вышла. А с той стороны дома отца Лалу четырехглазого спали верблюды. Девочка пошла, отыскала и принесла котел; пошла также за спичками, нашла и принесла их. Она развела огонь, вытащила из верблюдов сердце и печень, положила в котел, сварила и поела. Потом она вернулась, взяла свои одежды, завернулась в них и опять легла со своей матерью. Лалу четырехглазый ничего не сказал.

Ночь проспали, на утро встали. Лалу четырехглазый сказал своему отцу: «батюшка, я хочу тебе кое-что сказать! ты что скажешь? не побьешь меня?» Его отец сказал: «я тебя никогда не побью». Лалу четырехглазый сказал: «батюшка, эта твоя дочка в конце концов будет для тебя несчастьем» Его отец сказал: «почему, сынок?» Лалу четырехглазый сказал: «эта твоя дочь — ведьма: я ночью подошел к дверям твоего дома и лег спать, как вдруг увидел: твоя дочь выскочила из колыбели, встала и сбросила с себя свои пеленки; пошла оттуда, вытащила сердца из верблюдов с той стороны нашего

dilánā kašítī, āúrtī u šut, yak gaḍúke paiḍáī kurt u āúrt u amé dilánā bi táiḍ préntī u š-amédā šut, yak γábe gogírd paiḍáī kurt u āúrt, amé goštánā pakít u wártī, pa duwārág padóī bir gáštī u átī, watí julánā bi watí gwará kurt u š-amédinā šut, bi watí māsáiḍ bagálā wáptī. amé pādišá go watí zāgá go Lālói čār-čam gúštī: man aláu-balā dārín yak jiníke, anún ta káyäiḍ ki ameší rā pa man máiḍläiḍ! amé Lālói čār-čam gúštī: bābá, pa man e tī jiník, amá amé tī jiník āxírā pa ta yak balále bīt. amé pādišá go Lālói čār-čam gúštī: e tī kār náiḍnt-a, ta ša mnī gisá ar jā ki rawáiḍ, bra!

karár amé Lālói čār-čam š-amódinā šútī bi yak jāgáe, gušnág būtī. amé watí kitóā sáiḍlī kúrtī, dístī tā bi amé mnī kitóā apt dānág urmág ast. amé urmágānā kašítī u wártī u amé gaḍágāniš bi yak juwáiḍ kirrá kúrmī kurt u wat š-amódinā šut bi yak jāgáe, dístī tā amédinā yak koná táme ast. yak wār amé Lalói čār-čam š-amédinā šut bi amé koná támäiḍyā, dístī tā amédinā säiḍ jinén zāg ast. karár amé Lālói čār-čam íčī na gúštī u amédinā srapítī, šapí amédinā níštī, dístī: ša āsmánā säiḍ nān kapt. amé Lālói čār-čam ša amé nānán yak-yak lunká pa wat próštī u íčī na gúštī. dístī tā š-amé gisáiḍ tā säiḍ kor átant, amé nānána pa wat búrtant. amé Lālói čār-čam, yak sáte digár būt, dístī tā š-amíngūr säiḍ buz átant. yak wār amé Lālói čār-čam amé buzánā

дома и принесла их. Потом она пошла, отыскала и принесла котел, положила в него сердца; опять пошла за коробкой спичек, нашла и принесла их; это мясо она сварила и съела, а потом она вновь вернулась, завернулась в свои пеленки и легла спать к своей матери». Царь сказал своему сыну, этому Лалу четырехглазому: «всего-то и есть у меня одна дочь, а теперь ты хочешь и ее у меня не оставить!» Лалу четырехглазый сказал: «батюшка, для меня она твоя дочь, но в конце концов эта твоя дочь станет для тебя несчастьем!» Царь сказал Лалу четырехглазому: «это не твое дело, уходи из моего дома, куда хочешь!»

Итак, Лалу четырехглазый пошел оттуда в другое место. Он проголодался, стал смотреть у себя в кармане и увидел, что в кармане есть семь штук фиников. Он вынул и съел эти финики, а косточки закопал на берегу одной канавы. Оттуда он пошел в другое место и увидел, что там есть старая постройка. Лалу четырехглазый пошел к этой старой постройке и увидел, что там три женщины. Лалу четырехглазый ничего не сказал, спрятался здесь, пробыл здесь ночь и увидел, что с неба упало три хлеба. Лалу четырехглазый отломал для себя по кусочку от этих хлебов и ничего не сказал. Потом он увидел, что из этого дома вышли три слепых (женщины) и унесли эти хлебы с собой. Прошло некоторое время; Лалу четырехглазый увидел, что с этой

gipt u š-ar buzā̆i̯ māígā yak-yak glum šīr wártī u gúḍinā amé buzā̆nā elá kúrtī. yak katráe digár ki bū̆tī, dístī: amé kor ā̆tant, amé buzā̆nā búrtant, dúštant, dístant tā buz šīr zabr na dāránt. múčī go wat gúštant ki pa če buz maróčī šīr na dāránt? amé ki watí nānā̆nā säi̯l kúrtant, dístant tā ša nānā̆nī čunḍā̆ am dūr kurtagí. karár amé kor gúštant: mašmā̆ maróčī amé watí gisā̆i̯ tā bgardán, ar ḳas ki bīt, mašmā̆ āí rā wát a-gindán. amé kor gírdī yak ǰā bū̆tant u amé watí gisā̆i̯ čār dau̯rā̆ gíptant u yak wār amé Lālói čār-čā̆mā dístant. amé ki dístantī, yak wār amé Lālói čar-čam gúštī: šmā mnā íčī má kanit, man am šmäi̯ yak brā̆se un. amé säyén kor gúštant: ā ḍol ki bīt, amā̆ ıī xai̯rát a-bayán! amé nā̆ne ki pa amā̆ kāi̯t, amé nānā̆nā go amā̆ bor, amé buzā̆nā bar pa čarentínā.

amé zāg amé buzā̆nā búrtī pa čarentínā. dístī tā amé buz amíngūr a-rawánt. ā íčī na gúštī u amé buzā̆nā elá kúrtī tā šútant. wat am amé buzā̆nī padā̆ šútī. šútī, šútī, bi yak ǰāgā̆e dístī: amédinā yak bā̆ge. amé Lālói čār-čam šútī, putrít bi amé bāgäi̯ tā, dístī tā amédinā yak gisídäi̯ dráxte ast. amé Lalói čār-čam go wat gúštī: man maróčī ša amé gisidā̆n agár pa watí gwārā̆n ma barín, íččıa na bīt. amé Lālói čār-čam bi amé draxtā̆i̯ sarā̆ bālā̆ būt. ta bzā̆näi̯ bi amé draxtā̆i̯ čérā yak buzlangíe wā̆b int-a u bi amé

стороны пришли три козы. Лалу четырехглазый схватил этих коз, попил понемногу молока из вымени каждой козы и отпустил этих коз. Когда прошло еще немного времени, он увидел, что слепые подошли, отвели коз, стали доить и заметили, что у коз нет, сколько следует, молока. Все они сказали друг другу: «что это сегодня у коз нет молока?» Когда они стали ощупывать свои хлебы, они заметили, что и у хлебов края отломаны. Наконец, слепые сказали: «поищемте у себя дома: кто бы он ни был, мы его найдем!» Слепые собрались вместе, окружили свой дом и нашли Лалу четырехглазого. Когда они нашли его, Лалу четырехглазый сказал: «ничего со мной не делайте, я тоже один из ваших братьев!» Эти трое слепых сказали: «если так, то мы для тебя готовы пожертвовать собой! ешь вместе с нами этот хлеб, который к нам попадает и води этих коз пастись».

Юноша повел коз пастись. Когда он повел их пастись, он увидел, что козы идут в сторону. Он ничего не сказал, позволил козам итти и сам пошел вслед за ними. Шел, шел и увидел, что в одном месте есть сад. Лалу четырехглазый пошел туда, вошел внутрь сада и увидел, что там есть дерево из кораллов. Лалу четырехглазый сказал про себя: «никак нельзя, чтобы я сегодня не унес этих кораллов для своих сестер». Лалу четырехглазый взобрался на верх этого дерева. А тебе нужно знать, что под этим деревом спит

buzlangíäi̯ lāpäi̯ sará yak tāse brinǰíen ast. amé ki Lālói čār-čam amé draxtäi̯ gisídānā sístī, yak wār yak gisídäi̯ dānáge sist u kapt bi amé tāsäi̯ sará. amé tās tlang u tawár kúrtī, yak wār amé buzlangí ustátī, säi̯lī kúrtī, dístī tā aní Lalói čār-čam bi amé draxtäi̯ sará int-a. yak wār amé kāperén buzlangí amé Lālóī čār-čámī dastá gipt, ša amé burzágäi̯ sará érī kúrt u amé Lālói čār-čámī dast u pādánā go čilúkā bástī u yak ašt čābúk āúrtī u bi amé Lālói čār-čámā ǰátī. amé Lālói čār-čam gúštī: bābá, pa e čābúkäi̯ wašíyā! yak wār amé bīyáklen buzlangí bāwár kúrtī wa go amé zāgá gúštī: man anún trā páč a-kanín, ta gúḍinā mnī pādánā band. amé Lālói čār-čam gúštī: nápa bāz ǰuwán int-a. amé buzlangí amé Lālói čar-čámī pādánā páčī kúrtī wa wat rā préntī bi ḍigárā, go Lālói čār-čam gúštī: anún biyá, mnī dast u pādánā band. amé Lālói čār-čam amé čilúkānā āúrtī u amé buzlangíyäi̯ dast u pādánā sak go čilúkā bástī u amé čābúkānā zúrtī, látī kúrtī bi amé buzlangíyäi̯ ǰānā. yak wār amé buzlangí gúštī: anún bás int-a! amé zāg gúštī: bas näi̯nt-a, man trā kušín. yak wār amé buzlangí gúštī: ta ki mnā kušäi̯, nápa ǰuwán int-a, magár amé mnī guṭäi̯ rääi̯ dapá yak säi̯ sabzén morág ástant, ta amé morágānā dár pkan u bar, psá u amíngūr säi̯ ǰiník ant kóren, bi amá ǰinikánī čamán muš, gúḍinā amá ǰinikánī čam drūá bayánt. amé Lālói čār-čam gúštī: nápa bāz ǰuwán int-a.

бузланги, и на животе у этого бузланги медная чаша. Как только Лалу четырехглазый стал рвать кораллы с дерева, вдруг одна штука кораллов оторвалась и упала на эту чашу. Чаша зазвенела и зазвучала, бузланги встал, осмотрелся и увидел, что Лалу четырехглазый на верху дерева. Тотчас этот поганый бузланги схватил Лалу четырехглазого за руку, спустил его сверху и связал ему веревкой руки и ноги. Потом он принес штук восемь плетей и стал бить Лалу четырехглазого. Лалу четырехглазый сказал: «спасибо, батюшка, за сладость этой плети!» Глупый бузланги поверил и сказал юноше: «я теперь тебя развяжу, а ты свяжи мне ноги». Лалу четырехглазый сказал: «хорошо!» Бузланги развязал ноги Лалу четырехглазому, лег сам на землю и сказал Лалу четырехглазому: «ну, теперь иди и свяжи мне руки и ноги». Лалу четырехглазый принес веревки, крепко связал веревками руки и ноги бузланги, взял плети и стал бить бузланги по телу. Бузланги сразу сказал: «теперь довольно!» Юноша сказал: «нет, не довольно, я тебя убью!» Бузланги сказал: «раз уж ты меня убиваешь, хорошо! только у меня в горле есть три зеленых бусины, ты эти бусины вынь, отнеси и истолки, — а здесь есть три слепые девушки, — так ты помажь ими глаза этих девушек, и их глаза исцелятся». Лалу четырехглазый сказал: «очень хорошо».

yak wār amé buzlangíyā kúštī u amé säén morágānā ša amé buzlangíyäḭ guṭáḭ rá dūrī kúrtī u búrtī bi amá watí gwārānīyā. amé ki búrtī bi wátī gwārānīyā, go amé watí gwārán gúštī: äḭ dādán, agár man šmäḭ čamánā drūá pkanín, šmā mnā čéwā dáit? amé kor gúštant: agár, lālá, ta amáḭ čamánā drūá kúrtäḭ, ša amá säḭl pkan, gujám ǰuwānéne, amáe rā bgir. amé Lālói čār-čam šut, yak sínge paḭdáī kurt u āúrt, amé morágānā gipt u kuṭít, zabr úrtī kúrtī u sáptī u šut, yak káme āp āúrtī, amé morágānā āp kašít u búrtī, amé säén korānī čamánā piṭént. amé kor drūá bútant. amé Lālói čār-čam ša amešánī tā yak ǰiníke rā gíptī, agdár am pa eší kár a-kúrtant.

karár yak čunt waxt bútī, amé Lālói čār-čam pa wat du tāzí zítī u āúrtī bi watí gisá, go amé watí ǰinénā gúštī: man anún a-raín bi watí pisáḭ šārá ki čón int-a āí awá. amé ǰinénī gúštī: ǰuwán int-a, bra. Lālói čār-čam gúštī: ar waxt dístäḭ tā amé māšmáḭ tāzí klunz-klunz kúrtant, gúḍinā ta bzánäḭ ki bi mnī sará sakíe ātagí, ta amé tāzīyánā elá pkan.

karár Lālóī čār-čam š-amódinā šútī bi watí pisáḭ šāráḭyā. amé ki átī bi watí pisáḭ šāráḭ pānádā, uštát, góšī kašít, íčīyäḭ tawár náint-a, yak áššäḭ tawáre ast, digár íčīyäḭ tawár náint-a. karár átī, dístī tā amídinā yak áspe go zená bastagí. amé Lālói čār-čam amé aspá suwár bútī u áḭ kúrtī u šútī

Он убил бузланги, вынул из его горла эти три бусины и отнес их своим сестрам. Когда он отнес их своим сестрам, он сказал им: «сестрицы, что́ вы мне дадите, если я вылечу ваши глаза?» Слепые сказали: «братец, если ты вылечишь наши глаза, посмотри сам, и которая из нас хороша, ту и возьми». Лалу четырехглазый пошел, отыскал камень и принес его; взял эти бусины, раздробил, растолок и хорошо измельчил их; сходил и принес немного воды, полил воды на эти бусины и накапал в глаза трем слепым. Слепые исцелились. Лалу четырехглазый взял из них одну девушку в жены, а другие на нее работали.

Прошло некоторое время. Лалу четырехглазый приобрел себе двух гончих собак, привел к себе домой и сказал своей жене: «я теперь отправлюсь в город своего отца, как-то он поживает?» Его жена сказала: «хорошо, отправляйся!» Лалу четырехглазый сказал: «как только ты увидишь, что наши гончие заскулили, тогда знай, что со мной случилась беда, и отпусти этих гончих».

Итак, Лалу четырехглазый отправился в город своего отца. Как только он приблизился к городу своего отца, он остановился и стал прислушиваться: ничего не слышно, слышен только стук ручной мельницы, никаких других звуков нет. Он подошел и увидел, что здесь привязана оседланная лошадь. Лалу четырехглазый сел на эту лошадь, погнал ее и поехал в город. Вдруг он

bi šārā̆i̯yā, yak wār dístī tā mnī ǰātū̆en gwār ā̆tī. ā go watí brāsā̆ gúštī: äi̯ lālā̆, tī asp tunág-u nā̆i̯nt-a? amé Lālói čār-čam gúštī: tunág int-a, dādā̆. amé aspā̆ zurt u burt déme āpā̆. bi āpā̆i̯ sarā̆ na búrtī wa amé aspā̆i̯ du dastā̆ wártī. amé ki du dastā̆i̯ wártī, gúḍinā amé aspā̆ zurt u āúrtī bi pádā bi Lālói čār-čámīyā wa gúštī: äi̯ lālā̆, ta watí aspā̆ bi du pādā̆i̯ sarā̆ āurtág äi̯? amé Lālói čār-čam gúštī: ān, dādā̆. amé aspā̆ bi pádā búrtī. yak wār amé Lālói čar-čam sā̆i̯lī kúrtī, dístī tā bi amé mnī pisā̆i̯ šārā̆i̯ tā ič kas na māntagí, múčānā e be-dín wartagí.

yak katráe digár būt, amé ǰātū̆ ā̆tī bi Lālói čār-čámīyā, gúštī: äi̯ lālā̆, ta tunág-u ná wäi̯? yak wār amé Lālói čār-čam gúštī: man tunág un. amé ǰātū̆, amédā yak gečíne ā̆tī, amé gečínā zurt u burt ki āp pkant u biyā̆rīt. amé ki ā āngūrí šut, yak wār yak múške ā̆tī, amé Lālói čār-čámā gúštī: äi̯ gisotág! ta bra, ša purā̆n yak káme bzūr u bi yak pučā̆i̯ tā band u biyā̆r. amédinā lakatáb pkan u wat bǰī, ša amé sorā̆i̯ kutágān am bzūr u bǰī. agár ā bā̆i̯t, gisotág trā kušít. amé Lālói čār-čam šut, yak káme pur āúrtī, bi amé pučā̆i̯ tā̆ī kurt u pučā̆i̯ dapā̆ bástī u āúrtī, amédinā lakatábī kúrtī u wat šut, säi̯ sorā̆i̯ kutág zurt u šut.

увидел: это ведь подошла моя сестра-ведьма! Она сказала: «братец, твоя лошадь не хочет пить?» Лалу четырехглазый сказал: «она хочет пить, сестрица». Она взяла лошадь и повела к воде. Как только она стала вести ее к воде, еще до воды ее не довела, как съела у этой лошади обе передние ноги Когда она съела ее передние ноги, она взяла лошадь, привела ее обратно к Лалу четырехглазому и сказала: «братец, ты ведь свою лошадь привел только о двух задних ногах?» Лалу четырехглазый сказал: «да, сестрица». Она повела лошадь обратно. Когда она повела ее обратно, Лалу четырехглазый стал смотреть и увидел, что в городе отца никого не осталось: всех переела эта неверная!

Прошло немного времени, эта ведьма вернулась к Лалу четырехглазому и сказала: «братец, ты не хочешь пить?» Лалу четырехглазый тотчас сказал: «я хочу пить». Там было решето, эта ведьма взяла это решето и понесла, чтобы набрать и принести воды. Когда она туда пошла, вдруг подошла одна мышь и сказала Лалу четырехглазому: «о горемыка, иди, набери немного золы, набей ею что-нибудь из одежды и принеси и повесь ее здесь, а сам беги! захвати с собой сколько-нибудь из этих золотых подпорок для очага, и беги! ведь если она придет, она убьет тебя, горемыку!» Лалу четырехглазый пошел, взял немного золы и насыпал ее в одежду, завязал отверстия одежды, принес и повесил ее, а сам пошел, взял три золотых подпорки для очага и ушел.

dérā ki būt, amé ǰātū́ átī, sā̆i̯lī kúrtī, dístī tā Lālói čār-čam ídinā nā̆i̯nt-a. yak wār amé ǰātū́ š-amódinā šut bi gisā́nī tā. amé ki amé purā́nā dístī, e gúštī: bálken amé Lālói čār-čám int-a! yak wār amé ǰātū́ arkátī kurt pa amé purā́nī ǰānā́, dístī, tā amé pur bi mnī čamā́n rétant. tānáxten ki e wātí čamā́nā múštī, amé Lālói čār-čam panč parsáx rā́ šútī. gúḍinā e ki bālā́ būtī, amé gisā́i̯ sarā́, dístī tā Lālói čār-čam guǰā́m-ādinā́ int-a ki rā̆u̯t. yak wār amé ǰātū́ bi amé Lālóī čār-čámī padā́ káptī u šútī, raséntī. amé ki raséntī, ā am yak sorā́i̯ kutáge rā gipt u prošt u préntī. amé ǰātū́ amé tilā́āi̯ kutágäi̯ čunḍā́ āúrtī padā́.

yak wār amé Lālói čār-čam š-amódinā ǰist u šut bi amā́ watí draxtā́nīyā. amé ki átī bi amé draxtánīyā, yak wār bi amé draxtā́i̯ sarā́ suwā́r būtī, sā̆i̯lī kúrtī, dístī tā ǰātū́ a-ǰít u kāi̯t. amé ki ǰātū́ átī, bi amé draxtā́i̯ sarā́ sā̆i̯lī kurt, dístī: ā Lālóī čār-čám int-a ki bi draxtā́i̯ sarā́ suwā́r būtagí. yak wār amé ǰātū́ go watí dantā́nān amé draxtā́ arágī kurt. yak wār Lālói čār-čam ǰístī u šútī, bi agdá draxtā́i̯ sarā́ bālā́ būtī. yak wār amé ǰātū́ šútī bi amā́ draxtā́i̯yā ki arág pkant go watí dantā́nān. yak wār amé Lālói čār-čam gúštī: man yak šā́i̯re gušín. amé ǰātū́ gúštī: bguš. amé Lālói čār-čam gúštī: šéri man, bā-šéri man, zū-zū biyā́ kal-šéri man. yak wār amé

Когда прошло много времени, эта ведьма пришла, стала смотреть увидела, что Лалу четырехглазого здесь нет, и пошла по домам. Когда она увидела эту золу (в подвешенной одежде), она сказала: «наверное, это Лалу четырехглазый!» Она двинулась к туловищу, набитому золой, и стала рассматривать, как вдруг эта зола посыпалась ей в глаза. Пока она протирала свои глаза, Лалу четырехглазый прошел уже пять фарсахов. Она поднялась на верх жилища, и тогда увидела, в какую сторону направился Лалу четырехглазый. Тотчас она устремилась вслед за ним и стала догонять его. Когда она уже догоняла его, он взял одну из золотых подставок для очага, разломал и бросил. Эта ведьма отнесла обратно золотые обломки.

А Лалу четырехглазый сразу побежал оттуда и направился к тем своим деревьям (выросшим из финиковых косточек). Как только он добрался до этих деревьев, он тотчас залез на верхушку дерева, стал смотреть и увидел, что ведьма уже подбегает. Когда ведьма приблизилась и посмотрела на верхушку дерева, она увидела: да ведь это Лалу четырехглазый уселся на верхушке дерева! Тотчас эта ведьма принялась распиливать дерево своими зубами. А Лалу четырехглазый соскочил, побежал и забрался на верхушку другого дерева. Тотчас эта ведьма направилась к этому дереву, чтобы и его распилить своими зубами, как вдруг Лалу четырехглазый сказал: «я спою песенку!» Ведьма сказала: «спой!» Лалу четырехглазый запел: «лев мой, о мой лев, скорее приходи,

Lālói čār-čámī tázī átant, yak wār amé Lālói čār-čam go amé watí tāzíyān gúštī: bgíritī, lāpáḭ tál bdáḭt u pkúšitī. amé ǰātū́ gúštī: ta yak wār mnā ma kuš, man go ta yak abáre dáín. Lālói čār-čam gúštī: nápa ǰuwán int-a, bguš. amé ǰātū́ gúštī: ta ki mnā kušáḭ, amé mnī guṭáḭ rāáḭ dapá yak morége. ta amá morágā bzūr u psa u āp kaš u bar bi watí pisáḭ šār u kalátäḭ demá piṭén. gúḍinā tī pis u tī mās gírdī zindág a-bayánt. amé Lālói čār-čam go amé watí tāzíyān gúštī: anūn pkúšitī. amé ar duén tāzí gíptant amé ǰātūā kúštant.

amé ki kúštantī, yak wār amé Lālói čār-čam amá morágā ša ǰātūäḭ guṭáḭ rá zúrtī u búrtī bi watí pisáḭ šāráḭyā. ódinā amé morágā go yak sínge urt kúrtī u go yak badráe ápa am āúrtī. amé morágā búrtī, bi amé āpánī tā préntī u amé āpánā búrtī, bi watí pisáḭ šar u kalátäḭ išk u áškā rétī. ameší pis zindág būtī wa múčī zindág būtant. karár amé Lālói čār-čam ša watí pisá pursítī ki äḭ bābá, ǰiník zábr int yā zāg? amé pādišá gúštī: sad ǰiníkā xaḭrát pkanín pa yak zāgáḭ sará, zāg zábr int-a! Lālói čar-čam šut, watí ǰinénā zúrtī u átī bi watí pisáḭyā, go watí pisá mántī. man š-amódinā jístun, bástun, pa wat yak imáne āúrtun.

о мой лев!» Тотчас прибыли гончие Лалу четырехглазого, и он сказал им: «схватите ее, разорвите ей живот и убейте ее!» Ведьма сказала: «погоди немного убивать меня, я хочу тебе сказать кое-что!» Лалу четырехглазый сказал: «хорошо, говори!» Ведьма сказала: «раз уж ты убиваешь меня, — а у меня в горле есть одна бусина, — так ты эту бусину возьми, истолки, полей ее водой, отнеси и посыпь на поверхность города и крепости твоего отца, и тогда твой отец и мать, и все оживут!» Лалу четырехглазый сказал своим гончим: «теперь убейте ее!» Обе гончие схватили и убили ее.

Когда они ее убили, Лалу четырехглазый вынул бусину из горла ведьмы и отнес к городу своего отца. Там он камнем измельчил эту бусину, принес ведро воды и бросил бусину в воду, а воду отнес к городу и крепости своего отца и повсюду полил. Его отец ожил, и все ожили. Тогда Лалу четырехглазый спросил у своего отца: «ну, батюшка, кто лучше, дочь или сын?» Царь сказал: «я сто дочерей пожертвую за одного сына, сын лучше!» Лалу четырехглазый пошел, взял свою жену, вернулся к своему отцу и остался у отца. Я оттуда выскочил, завязал, для себя снискал благополучие.

VI

būt na būt, ša mašmā̆i̯ xudā̆ káse getír na būt. yak pādšā̆ᵉ at, kór at, do ǰänén dāšt, säi̯ zāg dāšt. do zāg ša yak ǰänénenʸ at, yak zā̆ge ša yak ǰänénenʸ at, ā ʷam gárre at.

yak wáxte pādšā̆ bāgā̆ tā wapt-át. daraxtā̆i̯ sarā̆ do totū̆ āt o ništ. go wat abár a-dā̆tanᵗ ki e pādšā̆ čonén ǰuwānén mardúme at, kẹ čámmäi̯ kór int. adgá totū̆ gušt ki ša Nošīrwā̆ni-ādíläi̯ bāgā̆ dᵃraxtā̆nī balgā̆n bīt, biā̆räi̯, b-eší čammā̆n múšäi̯, čámmī š-awáleā getír a-bayánt. pādšā̆ ša wābā̆ āgā̆ būt, watí zāgā̆nā tawā̆rī ku: äi̯ parzindā̆n, man annū̆ yak wā̆be dístun kẹ ša Nošīrwā̆ni-ādíläi̯ bāgā̆i̯ dᵃraxtā̆nī balgā̆n bū̆tin, mnī čam ročā̆n a-bū̆tant, šᵘmā āwurtága kanít? zāg gúštant: šär, bābā̆, aᵐmā̆ yā ut rā zⁱyā̆n a-kanán, yā š-amā̆ balgā̆n a-kārán. ammā̆ rā duʷ asp, do tūpák wa zarr bdäi̯ kẹ mā rawán. yak zā̆ge digá kẹ ša digá ǰänénā at, āí gušt: man am raín, bābā̆, mnā am áspe, tūpáke, zarr bdäi̯, man am raín. brā̆sī gúštant: ta má yā kẹ gandágen rā̆ʸe, sakkén. eší gušt: ʰar če sak bīt, man ša šmā getír ná un, go šmā raín. písiš gúštī: šär, bābā̆, e ki go šmā rā̆u̯t, báritī go wat. zāg gúštant: e ša guǰā̆ š-aᵐmā̆i̯ demā̆ ziyā̆n bīt be

---

(VI. О Ша-нияз-хане)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь, он был слеп. У него было две жены и три сына. Двое сыновей были от одной жены, один сын был от другой жены; он был плешив.

Однажды царь спал в саду. На дерево прилетели два попугая, сели и стали друг с другом разговаривать: какой, дескать, этот царь хороший человек, только слеп на оба глаза. Другой попугай сказал: «будь листья с деревьев из сада Нуширвана справедливого, принести бы их и приложить, и его глаза станут лучше прежнего!» Царь проснулся и призвал своих сыновей: «дети, я сейчас видел сон, что если бы были листья с деревьев из сада Нуширвана справедливого, мои глаза прозрели бы, — вы сможете их достать?» Сыновья сказали: «хорошо, батюшка, мы или себя погубим или достанем тех листьев. Дай нам две лошади, два ружья и денег, и мы отправимся!» А тот сын, который был от другой жены, сказал: «я тоже отправлюсь, батюшка, дай мне тоже лошадь ружье и денег, и я тоже отправлюсь!» Его братья сказали: «ты не ходи, потом что дорога плохая, трудная». Он сказал: «как бы ни было трудно, я не лучше вас и поеду с вами!» Их отец сказал: «хорошо, дети, раз он едет с вами, возьмите его с собой». Сыновья сказали: «он еще где-нибудь погибнет на наших

āp o ɒe nánäyā, bẹ čolén rāhá! zāg gúštī: ʰar če bīt, mán a-räín go šmā. ā gúštant: šarr.

e sar gíptant o šútant. čunt waxt rá šútant, yak wáxte bẹ do-rāʸíe sará brābír bū́tant. dístant: amédā yak sínge. singá̯i̯ sará nimíst at ki ar kas dásti rāst brá̯ut, pádā kā̯i̯t, ar kas dásti čap brá̯u̯t, pádā ná ā̯i̯t. édā ar sä̯i̯ʸén brās muslaʰát kúrtanᵗ gᵒ wat. watí čalláwānā nišāní singá̯i̯ čérā íštant: ar kas demá āt, adgáräi̯ čalláwā bzū́rīt. amé duʸén ki ša yak māsá átant, bẹ rāstén rāhá šútant. amé yáke ki ša yak māsá at, čappén rāʰá šut. ša āwán bill o š-ešī goš pkaš.

e yakkén šut bẹ me rāʰá. šápe ǰáʸe, róče ǰáye, yak wáxte bẹ yak čóle tā dístī, yak mardúme ša dū́rā ká̯i̯t. karā́-karā́ āt o salám-alá̯i̯ke kúrtant o amé pīramárd sójī ku: ä̯i̯ parzínd, ta gujá rawá̯i̯? zāg gúštī: ä̯i̯ bābá, čéʷā kanā́i̯, ša mán a-pursá̯i̯? gúštī: na, parzínd, ar ǰā rawá̯i̯, bguš go man. gúštī: šarr, gušín. mnī pisá̯i̯ čam kór ant, man a-raín ki ša Nošīrwā́ni-ādíläi̯ bāgá̯i̯ dᵃraxtánī tā yak dᵃráxte š-amāí balgán pᵃ watí pisá̯i̯ čamán kārín kẹ bálkẹ rošán a-bít. gúštī: ä̯i̯ parzínd, sakkén ráye, dū́r ᵘm ast, maʳ ra b-é rāʰá, sakkén ráye, gandágen. gúštī: ä̯i̯, omét bẹ xudá, räín.

глазах без воды и без пищи, в пустынной дороге!» Юноша сказал: «что́ бы там ни было, я поеду с вами!» Они сказали: «хорошо».

Они выступили и отправились. Некоторое время они ехали по дороге. Однажды они доехали до распутья и здесь увидели камень. На камне было написано, что каждый, кто поедет вправо, вернется, а кто поедет влево, тот не вернется. Здесь трое братьев стали советоваться друг с другом. Они положили под камень свои перстни: кто раньше придет, тот возьмет и перстни других. Те двое, которые были от одной матери, отправились по правой дороге, а тот, который был от другой матери, отправился по левой дороге. Оставь их и послушай про него.

Он одиноко поехал по этой дороге. Ночь в одном месте, день в другом, однажды в пустынном месте он увидел, что издали подходит какой-то человек. Он медленно подошел. Они поздоровались, и этот старик спросил: «дитятко, куда ты едешь?» Юноша сказал: «батюшка, что́ тебе, что ты меня спрашиваешь?» Тот сказал: «нет, дитятко, куда ни едешь, скажи мне!» Он сказал: «хорошо, скажу: мой отец слеп, и я еду, чтобы с какого-нибудь из деревьев сада Нуширвана справедливого привезти листьев для глаз своего отца, может быть, тогда он прозреет!» Тот сказал: «трудная дорога, дитятко к тому же и далеко, не езди по этой дороге, трудная дорога, плохая!» Он сказал: «надежда на бога! я все же поеду». Тот сказал: «хорошо, раз едешь, по-

gúštī: šarr, ki rawā̆i̯, bra, pa šárte kẹ man trā yak číze gušín kẹ amā̆ čīzā̆nā paiḍā̆ pkanäi̯: yak arráge o yak tešáge, amāwā̆nā g° wat bzū̆räi̯, gúḍā š-āī ki šútäi̯, tī rāʰā̆ sarā̆ yak šéräi̯ pādā nále šutá, ta amā̆ šéräi̯ pādā̆i̯ nalā̆ búrräi̯, gúḍā ar če trā tawā̆r kurt: biyā̆ mníʸā, ta maʳ ra. ar wáxte aiḳállẹ rā̆stā sogínd wártī, gúḍā ta brá. gúštī: šarr.

e zāg šut, dístī: yak róčäi̯ rāhā̆ yak číze tawā̆r int. e démẹ amā̆ tawā̆rā šútī, yak wáxte bẹ māíʸā sar būt, dístī kẹ šére. pādā̆i̯ nále šutá. e zāg gúḍā arrágā o tešágā zúrtī, ameší pādā̆i̯ nalā̆ burrítī, alā̆sī kurt. gúḍā šer tawā̆rī kurt: äi̯ kas, ta čonéne wäi̯ kẹ mnā š-erangén ǰáye alā̆s kúrtäi̯? äi̯, gušt, man ādámi-zā̆te un. šarr, gúštī, ar čonéne astā̆i̯, biyā̆ mníʸā, ar če a-loṭā̆i̯, man trā däín. e zāg trusítī, na šut. duwārág šer sogínd wart: mnā bẹ aptẹkálli rāst sogínd, trā ʰíččī na kanīn. gúḍā e zāg šut āíʸā. šer gúštī: tī nām kā̆i̯ int? gúštī: mnī nām Šā-niyā̆z-xān int. gúštī: šarr, äi̯ Šā-niyā̆z-xān, ta ma trusā̆i̯, mnind amédā, man ar če šer ast, āwā̆nī mazán-un, annū̆ⁿ múčānā tawā̆r a-kanín, ta ma trusā̆i̯. gúštī: šarr. e šer ar če ki šer at, ǰátī nāráye. bẹ me sāáttā múččī ā̆tant, ǰam bū̆tant. gúštī: äi̯ Šā-niyā̆z-xān, trā yak šére daín. ar ǰā brawā̆i̯, go ta góñ bīt. gúštī: šarr. šerā̆nī ma-

---

сжай, но только я тебе скажу одну вещь: раздобудь и возьми с собою пилу и топор; когда ты после этого поедешь, — а у одного льва на твоем пути в ногу попала заноза, — так ты эту занозу из ноги льва вырежь, но потом, сколько бы он ни кричал: „поди ко мне“, ты не подходи, а иди только тогда, когда он поклянется на своей правой ладанке». Он сказал: «хорошо».

Юноша поехал и увидел, что на расстоянии дневного пути кто-то кричит. Он поехал по направлению к тому крику, добрался туда и увидел, что это лев и что в его ногу попала заноза. Юноша тогда взял пилу и топор, вырезал занозу из его ноги и освободил его. Тогда лев закричал: «эй, кто ты, что высвободил меня из такой напасти?» — «Я», он сказал, «сын человека». — «Хорошо», сказал тот: «кто бы ты ни был, поди ко мне, и я тебе дам все, что ты захочешь». Юноша побоялся и не пошел. На второй раз лев поклялся: «клятва на правой ладанке, я тебе ничего не сделаю!» Тогда юноша подошел к нему. Лев сказал: «как твое имя?» Он сказал: «мое имя Ша-нияз-хан». Он сказал: «хорошо, Ша-нияз-хан, не бойся! я ведь, сколько ни есть львов, их наибольший, теперь я их всех созову, ты не бойся!» Он сказал: «хорошо». Этот лев издал рыканье, и сколько ни было львов, в тот же час все они пришли и собрались. Он сказал: «Ша-нияз-хан, я дам тебе одного льва, и куда ты ни пойдешь, он будет с тобой». Он сказал: «хорошо». Глава львов ударил по спине одного

zán dastā bẹ yáke puštā ǰat, kẹ ar ǰā Šā-niyáz-xān šut, ta eší amrā^y äi̯, go-ší bra. šer gušt: šarr. xudā-āpizí kúrtant, šútant. čunt waxt guḍ rā a-šútant.

yak róče nīmróčā bẹ yak d^a ráxte siā^i gā wáptant. e daraxtāi̯ sarā säi̯ sāl at kẹ yak sīmúrγe amédā ā-múrγ a-kú wa čūčág a-kúrt. eší čūčágānā kẹ wáxte sīmúrγ geābānā pa šikārā kẹ šut, ša pádā yak aždiyāre kātī, eší čūčágānā wártī. maróčī Šā-niyāz-xān amédā draxtāi̯ čérā átī, wáptī. yak wáxte dístī pušpúse mārāi̯. čo sāi̯lī ku, dístī, māre bẹ daraxtā peč-péč a-bít o rāut bẹ daraxtāi̯ sarā. Šā-niyāz-xān ša ^w atī ǰāhā ustát, zāmā zúrtī, ǰátī, e mārā kúštī, búrtī, yak singāi̯ čérā íštī.

yak wáxte sīmúrγ átī watí čūčagānīyā, dístī, ādami-zāte daraxtāi̯ čérā waptá. sīmúrγ watí dilā gúštī kẹ ^h ar sāl mnī čūčágānā amé ādami-zāt kāi̯t o wart, šut pádā, yak ṭuén sínge zúrtī, āúrtī kẹ ame Šā-niyāz-xānī sarā prénīt. čūčágī čeγ-o-čáγ kúrtant. sīmúrγ gúḍā watí dilā pikr ku: e mnī čūčág pa če čeγ-o-páγ a-kanánt. singā pádā búrtī, bẹ mā ǰāe íštī. pádā āt, čūčágānā pursítī: šumā pa če čeγ-o-páγ kúrtit? čūčág gúštant: ta čon sínge rā zúrtäi̯ kẹ ādamíäi̯ sarā prénäi̯? e ādamí pa mā nekí bāzī kurt. sīmúrγ gušt: pa šmā čẹ nekí kurt? čūčág gúštant: a^m mā rā yak

---

передней лапой: «куда бы, дескать, ни пошел Ша-нияз-хан, ты его спутник, и иди с ним». Лев сказал: «хорошо». Они простились и пошли. Потом они некоторое время шли по дороге.

Однажды в полдень они легли под тенистым деревом. А уже было три года, как на этом дереве одна симург-птица несла яйца и выводила птенцов, и как только она уходила в пустынные места на охоту, вслед за ней приходил дракон и поедал ее птенцов. Ша-нияз-хан пришел сюда под это дерево и заснул. Вдруг он услышал шипение змеи. Он посмотрел и увидел, что одна змея извивается по дереву и ползет на вершину дерева. Ша-нияз-хан встал со своего места, схватил меч, ударил и убил эту змею; отнес и положил ее под камень.

Через некоторое время симург-птица подошла к своим птенцам и увидела, что под деревом спит какой-то человек. Симург-птица сказала про себя: «значит, это вот человеческое порождение каждый год приходит и поедает моих птенцов!» Она пошла обратно, взяла и принесла огромный камень, чтобы сбросить его на Ша-нияз-хана. Ее птенцы подняли шум. Симург-птица подумала про себя: «почему это мои птенцы шумят?» Она отнесла обратно камень и положила на место. Потом она вернулась и спросила птенцов: «почему вы подняли шум?» Птенцы сказали: «как это ты взяла камень, чтобы бросить на человека? ведь этот человек сделал нам много добра!» Симург-птица сказала: «какое он вам сделал добро?» Птенцы сказали: «одна змея при-

máre átī kẹ b^{u}wārt, amé ādamí márā kúštī, búrtī, amā́ singā́i̯ čérā kúrtī. gúḍā sīmúrγ zā́ntī kẹ ar waxt mnī čūčágānā amé mār wártī. gúḍā ša e Šā-niyāz-xā́nī sarā́ tawā́r kurt: äi̯ ādamí, ta édā céwā kanā́i̯? Šā-niyāz-xān ǰawā́b dāt: äi̯ sīmúrγ, céwā loṭā́i̯, ša man a-pursā́i̯? sīmúrγ gúštī: ar niyátte dārā́i̯, bguš. Šā-niyāz-xān gúštī: man p^{a}lāná šārā́ raín. sīmúrγ guštī: bāz zabr int, xäi̯r bīt, man š-amé watí čūčágān trā yáke daín, ^{h}ar ǰā brawā́i̯, tī sarā́i̯ sā^{y}ewā́n bīt. Šā-niyāz-xān gúštī: šarr. sīmúrγ š-amé čūčágā yáke rā dā́tī. Šā-niyāz-xān sar gipt o šut.

čunt ayā́m guḍ bẹ mā šārā́ matlabíenā sar būt. ročā́ amāí nazzíkā wáptī. wābánī waxtā́ šútī bẹ mā matlabíen bāgā́. gúḍā Šā-niyāz-xān bāgā́i̯ tā putrít, gáštī, amā́ d^{a}ráxtā matlabíenā pai̯dā́i̯ ku, š-amāí balgā́n čítī, urǰínā púrrī ku, gúḍā watí dilā́ píkrī kurt: man amé argá ša wat ma kanín, na bīt. gúḍā šérā wa sīmúrγā wa watí urǰínā amédā íštī, šut démẹ argā́. dístī, yak kóreäi̯ dastā́ čil dānág kẹlí astant, amédā ništá. Šā-niyāz-xān kẹ ešā́ dístī, zāmā́ kašítī, ǰat, ešā́ kúštī, kẹlíyānā ša dastā́i̯ zítī. arg čil darwāzág dārít. ^{h}ar darwāzágäi̯ dapā́ yak buzlangí wapt-át. Šā-niyāz-xān ^{h}ar čillénānā kúštī, šut bẹ argā́i̯ sarā́.

ходила, чтобы пожрать нас, но этот человек убил змею, снес ее и положил под тот камень». Тогда симург-птица поняла: значит, это змея поедала каждый раз моих птенцов! Потом она́ закричала Ша-нияз-хану: «эй, человек, что ты тут делаешь?» Ша-нияз-хан ответил: «о симург, что́ тебе, что ты спрашиваешь меня?» Симург-птица сказала: «скажи всякое желание, какое ты имеешь?» Ша-нияз-хан сказал: «я направляюсь в такой-то город». Симург-птица сказала: «очень хорошо, да будет тебе благо! я дам тебе одного из своих птенцов, и куда ты ни пойдешь, пусть он будет тебе защитой от солнца!» Ша-нияз-хан сказал: «хорошо». Симург-птица дала ему одного из своих птенцов. Ша-нияз-хан собрался и пошел.

Через некоторое время он достиг вожделенного города. День он проспал поблизости от него, а ко времени сна пошел к вожделенному саду. Ша-нияз-хан проник в сад, стал искать, нашел нужное дерево, нарвал его листьев и наполнил свой мешок. Потом он стал думать про себя: «нельзя мне не овладеть этим замком!» Тогда он оставил здесь льва и птицу-симург и свой мешок, и пошел к замку. Он увидел, что в руках у одного слепца сорок ключей, а сам он здесь сидит. Как только Ша-нияз-хан его увидел, он выхватил меч, ударил и убил его, а ключи взял из его рук. Замок имел сорок ворот, и у каждых ворот спало по одному бузланги. Ша-нияз-хан всех их сорок убил и поднялся на вершину замка.

dístī, yak ǰäníke mā-o-rčen waptá, yak čirā́ge tillā́e sarū́näi̯ ér at, yáke pādū́näi̯ ér at, yak na^{h}āre sarū́näi̯ ér at, yáke pādū́näi̯ ér at, čil šalwā́r pādā́i̯ at, čil ǰāmág gwarā́i̯ at, čil dasmā́l sarā́i̯ bast-át. Šā-niyāz-xān sī o nú šalwā́räi̯ ānǰágā páčī ku, sī o nú ǰāmágäi̯ zīyā́ páčī ku, sī o nú dasmā́lā páčī ku, sarū́näi̯ na^{h}árā pādū́nā íštī, pādū́näi̯ na^{h}árā sarū́nā íštī. yak lunkáe š-eší wártī, yáke š-āí. čúkke š-é deme gíptī, čúkke š-á deme, xáte nimíštī: ai̯ dilbár, tī duz mán un, Šā-niyāz-xān un, plāná pādšā^{y}äi̯ zāg un, pa digá káse ma gardā́i̯, plāná šārā́ nindín. nimíst o dár būt, šut bāgā́i̯ tā, balgā́nā, šerā́, sīmúrγā zurt o ša bāgā́ dár būt, kaš kurt o pádā watí rāhā́ šut. šápe ǰā́ye, róče ǰā́ye, āt amā́ watí du-rāyā́ sarā́, singā́i̯ čérā sā́i̯lī ku, dístī ke mnī brāsā́nī čallā́ āngā́t-a singā́i̯ čérā ant. watí^{y}ā zúrtī, āwā́nīyā íštī. š-eší bill o š-āwā́n goš kaš.

ā du^{y}én ke šútant, šápe ǰā́ye, róče ǰā́ye, gúḍā be yak šā́re sar būtant. šārā́i̯ darwāzágäi̯ dapā́ yak ǰäníke xumā́r-bā́zen ešā́nā ke dístī, kāyánt, gúštī: čonén ǰ^{u}wānén warnā́ ant! wáxte ke ā be darwāzágā sar būtant, ǰäník tawā́rī ku: ai̯ šā-zādagā́n, b^{i}yā́it ke man šapí šmā rā memānī^{y} a-kanín. šā-zādág gúštant: šarr. šapí sā́te núā ešā́nā búrtī be gisā́. na^{h}āre dāt, ša nahárā gúḍā gúštī: ai̯ šā-zādagā́n, b^{i}yā ke mašmā́ šapí yak gwāzíye pká-

---

Он увидел, что там спит девушка, подобная луне и солнцу; в головах у нее один золотой светильник, а в ногах другой, один завтрак у изголовья, а другой у ног, на ногах у нее сорок шальвар, на теле сорок одежд, а на голове повязано сорок платков. Ша-нияз-хан распустил тридцать девять поясов у шальвар, расстегнул у рубашек тридцать девять воротников, снял тридцать девять платков, переставил завтрак от изголовья в ноги, а завтрак от ног переставил в изголовье, отведал кусок от одного и кусок от другого, сорвал один поцелуй с одной стороны, второй — с другой, и написал письмо: «о пленяющая сердца, твой вор, это — я, Ша-нияз-хан, сын такого-то царя! не ищи никого другого! я живу в таком-то городе». Написал и вышел; пошел в сад, взял листья, льва и симург-птицу, вышел из сада и устремился прямо в обратный путь. Ночь в одном месте, день в другом, он пришел к тому распутью, посмотрел под камнем и увидел: перстни-то моих братьев до сих пор еще под камнем! Он взял свой, а их оставил. Оставь его и послушай про них.

А те двое, как отправились, так ночь в одном месте, день в другом, достигли, наконец, одного города. При входе в городские ворота одна разгульной жизни девушка, как только завидела, что они приближаются, так сказала: «какие пригожие молодцы!» Когда они достигли ворот, девушка закричала: «эй, царевичи, приходите! ночью я приготовлю вам угощение!» Царевичи сказали: «хорошо». Ночью в девять часов она повела их в дом, дала им ужин, а после ужина ска-

nan. šā-zādá gúštant: če gwāzíye pkánan? jäník jawā́b dāt: man yak šárte dārín. šā-zādá gúštant: če šárte dārā́i̯? jäník gúštī: man yak pišíke dārín, amāé rā kārín, amāí puštā́ čirā́gā killín. agár čirā́gā tā tā́rī čappí kurt, har če blóṭit, šmā rā däín, agár čirā́gā čappí na kúrtī, gúḍā šmäi̯ aspā́nā wa tūpákkānā wa zarrā́nā múččānā ša šmā zinín. šā-zādá gúštant: šarr. bẹ me karā́rā yáke bẹ adgárā xat dā́tant. jäník šut, pẹšíkā āúrtī, čirā́gā bẹ puštā́i̯ íštī, jäník o šā-zādág tā tā́rī sa̯ubátt a-kúrtant. šā-zādág dístant kẹ bābā́i̯! e pišík čirā́gā čappí na kurt, roč būt. jäník ša šā-zādágān aspā́niš wa tūpákāniš wa zarrā́niš múččānā zítī, ešā́nā rādágī kurt. šā-zādág šútant šārā́. watí póšānā bā́iš kurt. säi̯ čār roč xarjí kúrtant. gúḍā xarjíiš alás būt. gúḍā yáke šut, nānwā́ye muzū́r būt, róče yak karā́n muzū́r būt. yáke digár šut, āšpáze muzū́r ḃūt, ā ham róče yak karā́n. amédā muzū́r bū́tant.

Šā-niyāz-xān átī singā́i̯ sarā́, dístī: mnī brāsā́nī čalló ʸér ant, watíʸā zúrtī, āwā́nīʸā íštī, āt bẹ ešā́nī padā́. šápe jā́ye, róče jāye, átī bẹ me šārā́, sójī kurt yak mardúme rā: du me-rangén mardúm na dístit? mardúmān jawā́b dā́tant: du me-rangén kas āt, magár go plāná jäníkkā xumā́r játant, jäník āwā́nā búrtī. nūn yáke nānwā́ye muzū́r int, yáke āšpā́zäi̯ muzū́r int.

зала: «царевичи, давайте-ка, поиграем сегодня ночью!» Царевичи сказали: «в какую игру поиграем?» Девушка ответила: «я буду держать заклад!» Царевичи сказали: «о чем будешь держать заклад?» Девушка сказала: «у меня есть кошка, я ее приведу и поставлю ей на спину светильник. Если она до утра перевернет светильник, я вам дам все, что вы захотите. Если же она не перевернет светильника, тогда я возьму от вас ваших лошадей, ружья и все деньги». Царевичи сказали: «хорошо». В этом уговоре они дали друг другу расписку. Девушка пошла, привела кошку и поставила ей на спину светильник. До утра девушка и царевичи беседовали. Царевичи увидели, что, увы! кошка не перевернула светильник, а день наступил. Девушка отобрала от царевичей их лошадей, ружья и все деньги, а самих выпроводила. Царевичи пошли в город, продали свою одежду и жили на эти средства три-четыре дня, потом их средства иссякли. Тогда один пошел и поступил в услужение к одному пекарю и стал получать один кран в день. Другой пошел и поступил на службу к одному повару, также за один кран в день. Оба поступили здесь в услужение.

Ша-нияз-хан подошел к камню, увидел, что вот они, перстни моих братьев свой взял, а их оставил и пошел по их следам. Ночь в одном месте, день в другом, он подошел к этому городу и спросил у одного человека: «не видели ли вы двух вот таких человек?» Люди отвечали: «два таких человека приходили, только они стали играть с такой-то девушкой, девушка их обыграла, и теперь один в услу-

gúštī: bāz j^{u}wān int. Šā-niyāz-xān átī šārā̆ i̯ tā, gáštī, āwā́nā dístī. híččī na gúštī, pádā šut, ša šārā́ dár būt. du mušk gíptī, watí bagálā kúrtī, zurt o āt bẹ šārā́, sójī kurt, amā́ jäník kẹ xumár a-jánt gujā́ int. ā́e rā jawā́b dā́tant kẹ ádā int.

Šā-niyāz-xān namā́z-šā́mā šut bẹ jäníkkäi̯ā. gúštī: ai̯ jäník, šapí memā́nā na lóṭäi̯? jäník jawā́b dāt: tī am-rángäi̯ memán bāz ātā́ o ^{w}úrka pádā š^{u}ta. Šā-niyāz-xān guštī: man š-āwā́n getír nā́ un. jänik gúštī: šarr, biyā́, mnind. Šā-niyāz-xān níštī, na^{h}ár wártant. Šā-niyāz-xān gúštī: har sobátte dārā́i̯, bguš. jäník gúštī: man yak pẹšíke dārín, yak čirā́ge. amā́ pišíkā kārín bẹ majlísā, čirā́gā bẹ puštā́i̯ killín, agár čirā́gā čappí kurt, har če blóṭäi̯, man trā däín, agár čirā́gā čappí na kurt, tī aspā́ wa tūpákkā wa zarrā́nā ša ta zinín. Šā-niyāz-xān gúštī: bāz zábr int. agár čirā́gā čappí kurt, amā́ duyén šā-zādágäi̯ asp o tūpákkā wa zarrā́nā pádā bdäi̯ bẹ man. agár čappí na kúrtī, mnī asp o tūpákk o zarr — tī. gúštī: šarr. yak o adigárā xat dā́tant, jäník šut, pẹsíkā o čirā́gā āúrtī, pišíkā gúštī: pišt. pišík jā bẹ jā uštā́t. čirā́gā bẹ puštā́i̯ íštī. jíndiš pa sā̆u̯báttā bū́tant. šap kẹ nemá būt jäníkkā wābá gipt. Šā-niyāz-xān dastā́ bẹ bagálā kurt. yak múške rā watı̯

жении у пекаря, а другой—у повара». Он сказал: «очень хорошо». Ша-нияз-хан вошел в город, стал искать и нашел их. Он ничего не сказал, вернулся и вышел из города; поймал двух мышей, положил к себе за пазуху, взял и пришел в город; спросил, где та девушка, которая ведет разгульную жизнь. Ему ответили: вон там!

Ша-нияз-хан во время вечерней молитвы пошел к девушке и сказал: «девушка, не хочешь ли гостя сегодня ночью?» Девушка ответила: «вроде тебя много гостей приходили и порожнем уходили обратно!» Ша-нияз-хан сказал: «я не лучше их!» Девушка сказала: «хорошо, заходи, садись!» Ша-нияз-хан сел, они поужинали. Ша-нияз-хан сказал: «какой ни есть у тебя разговор, говори!» Девушка сказала: «у меня есть одна кошка и светильник. Я привожу эту кошку к гостям и ставлю ей на спину светильник. Если она уронит светильник, я дам тебе все, что пожелаешь. Если же не уронит, я возьму от тебя твою лошадь и ружье и деньги». Ша-нияз-хан сказал: «очень хорошо, если она уронит светильник, ты отдай мне лошадей, ружья и деньги тех двух царевичей; если же не уронит, тогда моя лошадь и ружье и деньги—твои». Она сказала: «хорошо». Они дали друг другу расписку. Девушка пошла, принесла кошку и светильник и сказала кошке: п-ш-т! Кошка неподвижно стала на месте. Она поставила ей на спину светильник, а сами они принялись беседовать. Когда половина ночи прошла, девушкой овладел сон. Ша-нияз-хан сунул руку за пазуху, взял

dastā́ kurt. mušká démăi̯ pęšíkā kurt. pęšík kę mušká dístī, gošā́nā kúrrī kurt. Šā-niyāz-xān mušká yälá kurt. pęšík āt kę arkát pkant, jäník gúštī: pęšt, jā bę jā! pišík watí jāhá wuštā́t. Šā-niyāz-xān gúštī: yā xudā́, amédā yak ābrū́ʸe bdā́äi̯! duwārág dastā́ bę bagálā kurt. adigá mušká ša bagálā kašítī, dastā́ kurt, jäník um giḍḍít. Šā-niyāz-xān mušká démę pišíkā táčk a-kánt. do säi̯ gašt pęšíkā gwāzí dāt. gúḍā mušká yälá kurt. pęšík čirā́gā čappí kurt, muškā́i̯ padā́ kapt. jäník ai̯rā́n mānt: e čonén kā́re būt!

gúḍā Šā-niyāz-xān watí brāsā́nī asp o tūpák o zarrā́nā pádā zítī. ša jänikäi̯ sarā́ dár būt, šut bę šārā́. e asp o tūpákkān o zarrā́nā yak jā́ye íštī, wat bę šārā́ āt. watí yak brā́se rā dístī kę āšpázäi̯ muzū́r int. šut, tawā́re ku, āi̯ rā gúštī: ai̯ siyā́d, édā čéwā kanā́i̯? brā́sī jawā́b dāt: man amédā muzzū́r un. gúštī: róče čínka dārā́i̯? gúštī: róče yak γarā́n dārín. Šā-niyāz-xān gúštī: man trā mā́ye dā tumā́n däín o yak áspe o tūpáke o jⁿwānén puč trā däín, agár mnī nau̯kár bayā́i̯. gúštī: šarr, ta čunᵗ nau̯kár a-girā́i̯? gúštī: man du nau̯kā́r a-girín. gúštī: šarr, ā rang bīt, man digá brā́seʸ am dārín. Šā-niyāz-xān gúštī: šarr, āi̯ rā biyā́r, gujā́ int? gúštī: nānwā́ye muzū́r int. gúštī: bra, tawā́rī pkan kę bā́i̯t. eší šut, watí brāsā́ tawā́rī kurt.

одну мышь в руки и подвинул мышь к кошке. Как только кошка завидела мышь, она насторожила уши. Ша-нияз-хан выпустил мышь. Кошка было шевельнулась, но девушка сказала: «п-ш-т! на место!» Кошка осталась на своем месте. Ша-нияз-хан сказал: «о боже! даруй честный исход!» Он опять сунул руку за пазуху, вытащил другую мышь из-за пазухи и стал держать ее в руках; девушка все еще дремлет. Ша-нияз-хан протянул мышь к кошке. Два-три раза он подразнил кошку, потом выпустил мышь. Кошка сбросила светильник и бросилась вслед за мышью. Девушка изумилась: как это так случилось?

Потом Ша-нияз-хан получил обратно лошадей, ружья и деньги своих братьев. Он вышел от девушки и пошел в город. Лошадей и деньги и ружья он оставил в одном месте, а сам пришел в город и нашел того своего брата, который был слугой у повара. Он пошел, позвал его и сказал: «что ты здесь делаешь, земляк?» Его брат ответил: «я здесь в услужении». Он сказал: «сколько ты получаешь в день?» Тот сказал: «в день я получаю один кран». Ша-нияз-хан сказал: «если ты будешь моим слугой, я дам тебе в месяц десять туманов, и, кроме того, дам тебе лошадь и ружье и хорошую одежду». Тот сказал: «хорошо, сколько слуг ты берешь?» Он сказал: «я беру двух слуг». Тот сказал: «если так, то у меня есть еще брат». Ша-нияз-хан сказал: «хорошо, приведи его, где он?» Тот сказал: «он в услужении у одного пекаря». Он сказал: «иди, позови его, пусть придет». Тот пошел, позвал своего брата и

gúštī: beyā́ édā, yak káse naukár a-gít, mā́ye dā tumā́n o asp o tūpák o libā́s a-dánt. gúštī: gujā int? brawán. gúštī: ā́dā ništá. ā́tant Šā-niyāz-xā́nīyā. Šā-niyāz-xān guštī: raít go man? gúštant: ān. Šā-niyāz-xān ešā́nā zurt o šut watí jāhā́.

jā́hā ke šútant, Šā-niyāz-xān gúštī: ai siyādā́n, man yak šárte dārín. āwā́n gúštant: če šárte dārā́i? Šā-niyāz-xān gušt: mnī šart amé̄š int: har gujā́mī ripágā yak dā́ge kanín. agár šumā́ p-ameší rāzí it, man šmā rā naukaríyā kabū́l dārín, agár rāzí ma baít, šmā rā naukára na kanín. e duʸén brās go wat muslahát kúrtant: ai, biyā́ ke bóštan, bill tā dāg pkant. pádā ā́tant Šā-niyāz-xā́nīyā, gúštant: šarr, ammā́ tī šartā́ kabū́l dārán. Šā-niyāz-xān gušt: šarr, watí morā́ sórī kurt, har gujā́mī ripágā yak dā́ge kurt. gúḍā ešā́nā jʷwānén libā́s zítī o dā́tī. asp o tūpákk um dā́tī. nūn, gúštī, brawán. ša šārā́ dár bū́tant, šútant.

šápe jā́ye, róče jā́ye, čunt šapā́ guḍ be mā do-rāʸíʸā sarā́ sar bū́tant. amé duyén brās Šā-niyāz-xā́nā gúštant: ta amédā bošt, ammā́ amé singā́yā rawán o kāyán. gúštī: šarr. e šútant, singā́i čérā sā́il kúrtant ke Šā-niyāz-xā́nī čallā́u édā nā́int. pádā ke ā́tant, Šā-niyāz-xān guštī: šmā pa če šútit ódā? ša man čer ma kanít, gušít! gúštant: šarr, číze ke ša xudā́

сказал ему: «иди сюда, один человек набирает слуг, дает в месяц десять туманов, лошадь, ружье и одежду». Он сказал: «где он? пойдем!» Тот сказал: «там сидит». Они подошли к Ша-нияз-хану. Ша-нияз-хан сказал: «идете со мной?» Они сказали: «да». Ша-нияз-хан взял их и пошел к себе.

Когда они шли к месту назначения, Ша-нияз-хан сказал: «у меня есть одно условие, земляки». Они сказали: «что за условие?» Ша-нияз-хан сказал: «мое условие таково: каждому из вас я поставлю клеймо. Если вы согласны на это, я принимаю вас в слуги, если же вы не согласны, я не беру вас на службу». Двое братьев посоветовались друг с другом: «эх, давай, останемся! пусть его ставит клеймо!» Они вернулись к Ша-нияз-хану и сказали: «хорошо, мы принимаем твое условие». Ша-нияз-хан сказал: «хорошо», раскалил свою печать и поставил каждому по клейму. Потом он взял для них хорошую одежду и дал им, дал также по лошади и ружью. «Теперь», сказал он, «отправимся!» Они выступили из города и поехали.

Ночь в одном месте, день в другом, несколько ночей спустя, они добрались до того распутья. Те двое братьев сказали Ша-нияз-хану: «ты побудь здесь, а мы сходим к этому камню и вернемся». Он сказал: «хорошо». Они пошли, посмотрели под камнем и увидели, что Ша-нияз-ханова перстня там нет. Когда они вернулись, Ша-нияз-хан сказал: «зачем вы туда ходили? не скрывайте от

čer näint, ša ta pa če čér kanán? ammá yak wáxte säi brās átan, š-utí šārá kẹ dar bū́tan tā mé do-rāyíäi sará yak jā átan, gúḍā watí čalláwānā amé singái čérā íštan, amá do brās bẹ yak ráye šútan, yak bráse ammái bẹ yak ráye šut. ar kas, gúštan, demá āt, āí čalláwā bzū́rīt. annū́ ammái amá brāsái čallā́u édā näint. Šā-niyāz-xān gušt: šmäi brās mán un. ʸédenā wat rā yáke adigárā durúst kúrtant. gúštī: šarr, nūn brawán. šútant.

säi čār šapá guḍ bẹ yak čóle šútant. ʸe duʸén brās go wat maslahát kúrtant: Šā-niyāz-xān ā wáxte kẹ mašmá ša gisá sar gíptan, Šā-niyāz-xān gúštī: man go šmā kāín, mašmá gúštan: ta ma yā go mā, gujá š-ammái demá ziyán baʸái, gúḍā ā pa zor go mašmá āt. nūn balgánā āí āúrt, yak šére am dārít, yak sīmúrγe am dārít, mašmá rā am gulāmíʸen dágī kurt. mašmā pa če xajālattí-guší brawán. ta biyá, mašmá eší rā ziyán pkánan. adigá brásī gušt: čon ziyánī pkánan? gúštī kẹ mašmá maróčī āp ma dayán ešá, wat ša tunn mẹrít.

šútant bẹ čolén rāhá, nīmróčī Šā-niyāz-xān tunnág bū́tī, gúštī: biyá, lālá, kẹ āp bᵘáran. brásī gúštant: āp näint. Šā-niyāz-xánā āp na dátant. bāz tunnág bū́tī, gúštī: äi brāsān, man pa šmā če badí kúrtun?

меня, скажите!» Они сказали: «хорошо! что́ не скрыто от бога, зачем будем скрывать от тебя? Когда-то нас было трое братьев, и когда мы вышли из своего города, то до этого распутья мы шли вместе. Потом мы положили свои перстни под этот камень, и мы, двое братьев, пошли по одной дороге, а один наш брат пошел по другой дороге. Мы сказали, что кто раньше придет, тот и возьмет перстень. Теперь здесь нет перстня нашего брата». Ша-нияз-хан сказал: «ваш брат, это — я!» Тут они узнали друг друга. Он сказал: «хорошо, теперь отправимся!» Они отправились.

Спустя три-четыре ночи они пошли по пустынному месту. Те двое братьев стали друг с другом совещаться: «когда мы выступали из дому, Ша-нияз-хан говорил: „я пойду с вами“, мы же говорили: „не ходи с нами, еще пропадешь где-нибудь с нами!“ он потом силой пошел с нами, а теперь он достал листья, и у него еще есть лев и симург-птица, а на нас он поставил клейма рабов! на какое поношение мы пойдем! давай-ка, мы его сгубим!» Другой брат сказал: «как же нам его сгубить?» Тот сказал: «мы ему сегодня не дадим воды, и он сам помрет от жажды».

Они пошли по пустынной дороге. В полдень Ша-нияз-хан захотел пить и сказал: «давайте, братцы, попьем воды!» Братья сказали: «воды нет!» и не дали воды Ша-нияз-хану. Он почувствовал сильную жажду и сказал: «братья,

mašmā́ brā́s an. nūn mnā ā́pa na däi̯t. brā́sī gúštant: šarr, trā ā́p a-dä̆ʸán pa yak šárte kẹ ta bílläi̯ kẹ tī yak čámme rā pkášan, gúḍā trā ā́p a-däi̯án. Šā-niyāz-xān gušṭ: šarr, lālā́, bʲyā́i̯t, mnī čammā́ pkášit. ā́tant, yak čammā́i̯ kašíttant, préntant, gúḍā káᵐme āp go wādā́ yak jā kúrtant, dā́tant Šā-niyāz-xā́nā. Šā-niyāz-xān wártī, gúštī: äi̯ dar-pa-dárān, e čé-w-atant, mnā dā́tit? gúštī: ā́p atant. gúštī: e āp ná-w-atant, wā́d atant! gúštant: šarr, ta biyā́, tī adigá čammā́ am pkášan, gúḍā trā ā́p a-däi̯án. gúštī: šarr, biā́it, pkášit! e digá čammā́i̯ ā́tant, kašíttant, préntant. duwārág kámme āp o wādā́ yak jā kúrtant, dā́tantī. gúḍā balgā́nā zúrtant, šútant watí šārā́.

šútant démẹ watí šārā́. šápe jā́e, róče jā́e, watí šārā́ sár bū́tant. balgā́nā watí pisā́i̯ čammā́n múštant. pādšā́en čamm šᵃ awálā getír bū́tant. pādšā́ gúštī: Šā-niyāz-xān gúj int? gúštant kẹ ā bẹ digá rā́e šut, ammā́ bẹ digá rā́e šútan. duwārág sí na bū́tan š-āí. Šā-niyāz-xā́nī mās gúštī: gúj int šmäi̯ brās? gúštant: na zānán, ā digá rā́e šut, ᵃmā digá rā́e. Šā-niyāz-xā́nī mās dād o bedā́d kúrtī o grétī, šut watí gẹsā́. š-āí bil, ša pādšā́äi̯ jäníkā goš pkaš.

какое зло я вам сделал? ведь мы братья, а вы теперь не даете мне воды!» Его братья сказали: «хорошо, мы тебе дадим воды, но с условием, что ты позволишь вырвать себе один глаз, тогда мы тебе дадим воды». Ша-нияз-хан сказал: «хорошо, братцы, идите, вырывайте глаз!» Они подошли, вырвали у него один глаз и бросили, а потом смешали немного воды с солью и дали Ша-нияз-хану. Ша-нияз-хан выпил и сказал: «эй, бродяги, что́ это было, что вы мне дали?» Они сказали ему: «вода была!» Он сказал: «это была не вода, это была соль!» Они сказали: «хорошо, давай, вырвем у тебя еще один глаз, а потом дадим тебе воды». Он сказал: «хорошо, идите, вырывайте!» Они подошли и вырвали у него другой глаз и бросили. Опять они смешали немного воды и соли, и дали ему. Потом они забрали листья и отправились в свой город.

Они пошли к своему городу, ночь в одном месте, день в другом, добрались до своего города. Они приложили листья к глазам своего отца, и царские глаза стали лучше прежнего. Царь сказал: «где Ша-нияз-хан?» Они сказали: «он пошел по одной дороге, а мы пошли по другой дороге, и больше не имели о нем известий». Ша-нияз-ханова мать спросила: «где ваш брат?» Они сказали: «мы не знаем, он пошел по одной дороге, а мы по другой». Ша-нияз-ханова мать стала жаловаться и сетовать, заплакала и пошла к себе домой. Оставь ее, послушай о царской дочери.

pādšááä̯ ǰäník tárī ša wābá ustát, dístī: sī o nu šalwárī ša pādá̯ kapt, sī o nu ǰāmágä̯ zī páč ant, sī o nu dasmálī ša sará̯ kapt, watí išk-w-áškā sá̯ilī kurt, dístī kẹ sarúnä̯ čirág pādúnā-i̯nt, pādúnä̯ čirág sarúnā-i̯nt. ādénkā zúrtī, watí demá sá̯ilī kurt, dístī, yak ká^{s}se ša mnī demá čúkke giptá, gẹsá̯ tā watí išk-w-áškā sá̯ilī kurt, dístī: xáte nimistá, diwálä̯ demá laččentá, šútī, xa^{t}tá wántī kẹ xattá nimistá: ä̯ bībí, tī duz mán-ẹ Šā-niyāz-xān p^{a}lāná pādšááä̯ zāg un, p^{a}lāná šārá nindán, digá káse rā be-gunáe rā azziyát ma kaná̯. ǰäník e xa^{t}tá wántī, srená watí^{y}ā bástī, ša argá ér kapt, dístī, čillén buzlangí^{y}ānā yak ǰā kuštáī šuta. gúḍā ǰäník trúmmā ǰátī, ^{h}ar če γošún dáštī, ǰámī kurt. šewág būt démi Šā-niyāz-xánī pissá̯ šārá.

šápe ǰáe, róče ǰáe, āt, Šā-niyāz-xánī pisá̯ šārá rast. xáte nẹmíštī, pa pādšá démī dāt, gúštī: man yak dúzze tī šārá dārín, amáe rā tā bándā mnī dastá ma daá̯, tī šārá čappí o rāstíy a-kanín. ǰäník xa̯máānā ǰíkkiš kurt, watí ǰindá̯ xa̯mááä̯ demá azár gāmá̯ kasá ša abréšumíen γālínā gíptī. š-āí bill o ša Šā-niyāz-xān goš pkaš.

Царская дочь утром встала от сна и увидела, что тридцать девять шальвар спали с ног, на рубашках раскрыты тридцать девять воротников, тридцать девять платков упало с головы. Она огляделась кругом и увидела, что светильник от изголовья в ногах, а светильник от ног в головах; взяла зеркало, посмотрела на свое лицо и увидела: кто-то целовал меня в лицо! она стала смотреть вокруг себя в комнате и увидела, что какое-то письмо написано и прикреплено к стене. Она пошла и стала читать письмо, а в письме написано: «о госпожа, твой вор, это—я, Ша-нияз-хан, сын такого-то царя, мы находимся в таком-то городе, никого другого без вины не обижай». Девушка прочитала письмо, снарядилась, спустилась с замка и увидела, что все сорок бузланги убиты. Тогда девушка собрала все войско, какое имела, и отправилась к городу Ша-нияз-ханова отца.

Ночь в одном месте, день в другом, она подошла и достигла города Ша-нияз-ханова отца. Она написала письмо и отправила царю, сказала: «у меня есть в твоем городе один вор, и если ты завтра его мне не выдашь, я разорю твой город». Девушка разбила шатры и на тысячу шагов покрыла шелковым ковром пространство перед своим шатром. Оставь ее и послушай о Ша-нияз-хане.

wáxte kẹ Šā-niyāz-xā́nī brās kẹ čammā́nī kašítant, préntant, amā́ waxtā́ šer čammā́nī zurt, watí zuwā́näi̯ čérā kurt. Šā-niyāz-xā́n amédā kápt-at, šér a-šut, ša āpsārā́n watí dummā́ tárr a-kurt o kāúrt Šā-niyāz-xā́nī dilā́i̯ sarā́ wa sar o demā́i̯ pā́š a-dāt. duwārág watí dummā́ tárrī ku, āwúrt Šā-niyāz-xā́nī sar o démā pā́š a-dāt. Šā-niyāz-xān dummā́i̯ gipt, ustát. šer rādág būt démäi̯ āpsā́rā. Šā-niyāz-xā́nā búrtī, āpsā́rā sárī kurt. Šā-niyāz-xā́n ā́pī wart, gúštī: šukrᵘ alhámdul-illā́. duwārág gúštī: akikáttā sẹzā́i nekí badí int. Šā-niyāz-xā́n anū́ dᵃraxtā́i̯ čérā wapt, šer pānā́däi̯ wapt.

do sīmúrg āt o ame āpā́i̯ sarā́ níštant. yáke gúštī: ajáben warnā́e, čámmī kór ant. yáke digá gúštī: ša pᵃlāná pādšā́e bāgā́i̯ dᵃraxtā́nī balgā́n bīt, čammā́nī sarā́i̯ pkášäi̯, zábr a-bít. adigá gúštī: čammā́nī ṭīṭū́kī bayánt, gúḍā rošán a-bít. édā šer šᵘ-ṇtí zᵘwā́näi̯ čérā Šā-niyāz-xā́nī īnǰā́i̯ tā kéxī kurt. Šā-niyāz-xā́n watí čamā́nā zúrtī kẹ gúštī: ai̯, armā́n, š-amé balgā́n um kámme būtin! yak gašt dastā́ bẹ kitóā kurt, dístī kẹ balg kitóäi̯ tā ast, balgā́nā zúrtī, čammā́nā íštī bẹ ǰā́äi̯š, balgā́nā múštī bẹ sarā́i̯, čámmī š-awáleā ¡getír rošán būt. ustát, āp wártī, dastā́ bẹ šerā́i̯ puštā́ ǰátī, rādág būt démi watí šārā́.

Когда Ша-нияз-хановы братья вырвали и бросили его глаза, в то время лев подобрал его глаза и сунул себе под язык. Ша-нияз-хан здесь упал, а лев ходил, мочил в источнике свой хвост, приносил воды и брызгал Ша-нияз-хану на сердце, голову и лицо. Потом он опять мочил свой хвост, приносил воды и опять брызгал Ша-нияз-хану на голову и лицо. Ша-нияз-хан ухватился за его хвост и поднялся. Лев направился к источнику, повел Ша-нияз-хана и доставил его к источнику. Ша-нияз-хан попил воды и сказал: «благодарение и хвала богу!» и вновь сказал: «по истине награда за добро зло!» Ша-нияз-хан заснул теперь под деревом, а лев лег сбоку.

Приблизились две симург-птицы и сели возле воды. Одна сказала: «удивительный молодец, а слепой!» Другая сказала: «будь листья с садовых деревьев такого-то царя, приложить бы их к глазам, и он поправился бы!» Другая сказала: «если бы были зрачки, он был бы зрячим!» Тут лев сплюнул из-под своего языка в полу Ша-нияз-хана. Ша-нияз-хан взял свои глаза и сказал: «ах! если бы было хоть немножко тех листьев!» Он тотчас опустил руку в карман и увидел, что в кармане есть листья. Он набрал листьев, вставил глаза на место, приложил к ним листья, и его глаза стали видеть лучше прежнего. Он встал, попил воды, положил руку льву на спину и направился в свой город.

šápe ǰáe, róče ǰáe, āt, watí šārā́i̯ nazzíkā ništ. šap kẹ āxír būt, sar gipt, karā́-karā́ āt, watí māsā́i̯ gẹsā́ sar būt. darā́ ǰátī, māsī go: ta^{k} kái̯ äi̯? gúštī: ar kas un, darā́ páč pkan. māsī Šā-niyāz-xā́nī tawā́rā durúst kurt. darā́ páčī ku. Šā-niyāz-xā́n gẹsā́i̯ tā šut. māsī guṭṭā́i̯ kapt. dād-bedā́d kúrtī. Šā-niyāz-xān gúštī: māsī, mnā lóṭäi̯, ^{h}ẹč tawā́r ma kan. māsī be tawā́r būt. Šā-niyāz-xā́n gúštī: šarr, māsī, če awā́l ast édā? māsī gušt: yak ǰäníke go čil azā́r γošúnā ātá, šārā́i̯ ḍannā́ xai̯mā́nā watí^{y}ānā amódā ǰíkk kurtá. xáte pa^{t} tī pisā́ nimistá o dem dātá: man bẹ^{t} tī šārā́ yak dúzze dārín, agár amé mnī duzzā́ pai̯dā́ má kanā́i̯, bẹ man má daā́i̯, tī šārā́ čappí o rāstí^{y} a-kanín. gúštī: šarr, brās mnī ātág-ant yā na? māšī ǰawā́b dāt: ātág-ant, balgā́nā am ā^{w}urtág-ant, tī pisā́i̯ čam am rošán būtant. gúštī: zānā́i̯, māsī, nūn čón int? yak sundūxe mazánen pai̯dā́ pkan o biyā́r zūtẹ· māsī šut, yak ṭūén sundūxe pai̯dā́ ku, āúrt. Šā-niyāz-xān watí māsā́ gúštī: mnā amé sundūxäi̯ tā pkan. māsī gušt: šarr. sundūxäi̯ dapā́ páčī ku, Šā-niyāz-xā́nā sundūxäi̯ tā kurt. šérā o sīmúrgā digá ǰáe čér ku.

tārī kẹ roč būt, ša ǰäníkkā digá xáte āt: äi̯ pādšā́, amā́ káse kẹ balgā́nā ša mnī šārā́ ā^{w}urtáī, bẹ me sāáttā ša^{t} ta loṭínī. pādšā́ loṭít watí ar do zāgā́nā,

---

Ночь в одном месте, день в другом, он подошел и остановился вблизи своего города. Когда ночь приблизилась к концу, он поднялся, потихоньку подошел, достиг дома своей матери и постучался в дверь. Его мать сказала: «кто ты?» Он сказал: «кто бы я ни был, открой дверь». Его мать узнала голос Ша-нияз-хана и открыла дверь. Ша-нияз-хан вошел внутрь, мать бросилась ему на шею, стала жаловаться и сетовать. Ша-нияз-хан сказал: «матушка, если хочешь меня сохранить, не голоси!» Его мать замолчала. Ша-нияз-хан сказал: «ну, хорошо, матушка, каковы здесь обстоятельства?» Его мать сказала: «подступила некая девица с сорокатысячным войском, расставила свои шатры снаружи города и написала и послала твоему отцу письмо: „у меня-де в твоем городе имеется вор, и если ты этого моего вора не сыщешь и мне не выдашь, я твой город в конец разорю“». Он сказал: «хорошо, а мои братья пришли или нет?» Его мать сказала: «пришли, принесли листья, и глаза твоего отца прозрели». Он сказал: «знаешь, матушка, что́ теперь? сыщи-ка какой-нибудь большой ящик и принеси поскорей». Его мать пошла, сыскала и принесла огромный ящик. Ша-нияз-хан сказал своей матери: «спрячь меня в этом ящике». Его мать сказала: «хорошо». Она подняла крышку ящика и поместила Ша-нияз-хана в ящик, а льва и симург-птицу спрятала в другом месте.

На утро, когда наступил день, пришло другое письмо от девушки: «о царь, я сейчас же требую от тебя того человека, который достал листьев из моего города». Царь призвал обоих своих сыновей и сказал: «сыновья, кто из вас

gúštī: äi̯ zāgán, balgánā ša šmā gujám yakkén š-amé jäníkkäi̯ bāgá āwúrtiṭ? mazánen zágī go: man āúrtun, bābá. gúštī kẹ ta ā^{w}urtág äi̯, bra, jawáb bdäi̯. gúštī: šarr. zāg šut, áspī s^{u}wār būt, šut jäníkkäi̯ā. š-amé ráe kẹ γālín prénttatant, š-ešánī sará na šut, ša ḍigárā šut. šut jäníkäi̯ā, salámī dāt, wuštát. jäník gúštī: balgánā ša gujá āwúrtäi̯? eší go: ša tī bāgá ā^{w}úrtun. če nišānī dārái̯? čorí gúštī: nišānī amé nīšaní int: šapá átun bāgái̯ tā, balgánā čítun, zúrtun, átun. jäník gúštī kẹ š-amé ráe kẹ ātág-äi̯, pádā bra, ma ^{w}ošt. čorí bír gašt.

jäník duwārág xáte nẹmístī pa pādšá^{h}ā kẹ zútẹ, trā šīn, mnī duzzá paḍá pkan, mnī dastá bdäi̯. pādšá duwārág zāgánā lotít, gúštī: äi̯ bābá rāst gušít, Šā-niyāz-xān gúj int? zāg jawáb dátant: ā jẹtáen ráe šut, amá jẹtáen ráe šútan, duwārág ša yáke adigárā sí na bútan, kẹ ā gujá šut, ā ša ammá sí na būt, ammá gujá šútan. gúštī: nápa, e balgánā käi̯ ā^{w}úrtī? amé gwanḍén záge go: man ā^{w}úrtun. písī go: napá, pa če zī na šútäi̯, jäníkā jawáb na dátäi̯? zāg gúštī: balgánā man āwúrtun, magár watí mastíren brāsái̯ nāmá kúrtun. gúštī: napá, maróčī bra, jäníkā jawáb bdäi̯. zāg s^{u}wār būt o šut démi jäníkkā, ša šārá kẹ dár būt, xaimánā dístī kẹ če bāzén xäimá-e. š-amé dúrā šut janíkäi̯ā, salámī dāt o uštát. jäník gúštī kẹ tá wäi̯

достал листья из сада этой девушки?» Старший сын сказал: «я достал, батюшка». Он сказал ему: «коли ты достал, так иди и отвечай!» Тот сказал: «хорошо». Юноша пошел, сел верхом на лошадь и отправился к девушке. По той дороге, где были набросаны ковры, он не пошел, а пошел по земле. Он пошел к девушке, поклонился и остановился. Девушка сказала: «откуда ты достал листья?» Он сказал: «из твоего сада достал». — «Какое у тебя доказательство?» Парень сказал: «доказательство? вот какое доказательство: ночью я пришел в сад, нарвал листьев, взял и пришел». Девушка сказала: «какой дорогой пришел, по ней и уходи обратно, не оставайся!» Парень вернулся.

Девушка опять написала царю письмо: «я тебе говорю, скорее отыщи моего вора и выдай мне». Царь опять призвал сыновей и сказал: «дети, скажите правду, где Ша-нияз-хан?» Сыновья ответили: «он пошел по одной дороге отдельно от нас, а мы пошли отдельно от него по другой дороге, и больше мы друг о друге не имели известий: мы — куда он пошел, а он — куда мы пошли». Он сказал: «кто же достал эти листья?» Младший сын сказал: «я достал». Отец сказал: «почему же ты вчера не пошел и не отвечал перед девушкой?» Юноша сказал: «листья достал я, но от имени своего старшего брата». Он сказал: «ну, так сегодня иди и отвечай перед девушкой». Юноша сел верхом и отправился к девушки. Когда он выехал из города, он увидел: какое множество шатров! Он направился к девушке, и еще издали по-

mnī duz? čorí gúštī: ʰān, mán un. gúštī: balgánā čon āʷúrtäi̯, nišāní bdäi̯. čorí gúštī: šapā́ átun bāgā́i̯ tā, balgánā čítun, zúrtun, pádā átun. jäník gúštī: digá če dístäi̯? čorí gušt: digá íččī na dístun. jäník go: š-amé rā́e kẹ ātág-äi̯, pádā bra.

jäník duwārág pa pādšā́ xáte nẹmístī: äi̯ pādšā́, mnā masxaráʰ a-kanā́i̯, ānčo āškár mālū́m pkan bẹ man, yā näi̯nt, duzzā́ mníā tā begā́i̯ pai̯dā́ a-kanā́i̯, yā näi̯nt, jawā́b bdäi̯. pādšā́ watí zāgánā lotít, gúštī: äi̯ parzẹndán, šmā bzánit o xudā́, aslí duróg ma gušít, awā́l és int kẹ Šā-niyāz-xán gúj int? doʰúm és int kẹ amé balgánā kā́i̯ āʷurtá? rāst gušít, bezā́r int ša mnī rošaníʸā, man š-eší, kor bū́tin un, getír āsūdág atun. jäník xáte duwārág dem dā́tī: äi̯ pādšā́, ʷutí kārā́ tayā́r pkan kẹ man ustát un, yā näi̯nt, bẹ me sāʰáttā duzzā́ dā́täi̯, dā́täi̯, na dā́täi̯, jawā́b bdäi̯, man watí kārā́ bzánīn.

Šā-niyāz-xān watí māsā́ gúštī: māsī, če abár ast? ta bra, goš pkaš o biʸā́. māsī šut, pisā́i̯ gẹsā́ dístī: xáte wānánt kẹ amé sāʰáttā duzzā́ tá-i pādšā́ bdäi̯, mnī dastā́ bdäi̯, yā näi̯nt, jawā́b bdäi̯. māsī āt, gúštī: amé rangén awā́le ast. Šā-niyāz-xán gušt: če awā́l ast? māsī gušt: jäníkka xáte dem dātá kẹ amé sāʰáttā kẹ tá-i pādšā́, duzzā́ mnī dastā́ dā́täi̯, dā́täi̯, na

---

клонился и остановился. Девушка сказала: «это ты мой вор?» Парень сказал: «да, я». Она сказала: «как ты достал листья? представь доказательства!» Парень сказал: «ночью я пришел в сад, нарвал листьев, взял и вернулся». Девушка сказала: «что еще ты видел?» Парень сказал: «больше ничего не видел». Девушка сказала: «какой дорогой пришел, по ней и ступай обратно».

Опять девушка написала царю письмо: «о царь, ты надо мной смеешься! ты открыто извести меня: либо ты до вечера отыщешь моего вора, либо нет, дай ответ!» Царь призвал своих сыновей и сказал: «дети, известно вам и богу, не лгите! во-первых, где Ша-нияз-хан? во-вторых, кто достал эти листья? скажите правду! я раскаиваюсь в своем прозрении: если бы я был слеп, я был бы более спокоен! Девушка опять прислала письмо: „о царь, делай свое дело, потому что я уже собралась; если ты сейчас же выдашь вора, то выдавай, если не выдашь, дай ответ, и я буду знать, что делать“».

Ша-нияз-хан сказал своей матери: «матушка, каковы новости? сходи-ка, послушай и приходи!» Его мать пошла и заглянула в дом его отца, а там читают письмо: сейчас же, дескать, ты, царь, выдай моего вора и вручи мне, если же нет, дай ответ. Его мать пришла и сказала: «положение вот каково!» Ша-нияз-хан сказал: «каково положение?» Его мать сказала: «девушка послала письмо: „ты, царь, если выдаешь мне вора, то выдавай сейчас же, а

dátäi̯, ǰawáb bdäi̯. tī pis ai̯rán at, če ǰawáb bdant. Šā-niyāz-xán gúštī: másī, be tawáre bra, mnī pisá bguš: biyá, brawán gẹsá, trā yak mardúme loṭít.

másī šut, Šā-niyāz-xánī pisá gúštī: trā ódā yak mardúme loṭít. āt bẹ gẹsá. másī sundū́xäi̯ dapá páčī ku. Šā-niyāz-xán ša sundū́xā dár kapt, salám-alä́i̯ke kúrtant. Šā-niyāz-xán gúštī: äi̯ bābá, tī čam zabr būtág ant? písī go: äi̯ bābá, bezár at mnā š-ānčén rošaníʸā. gúštī: pa če, bābā? písī go: yak ǰäníkke go čil azár γošū́nā ātá édā, mnī sará γazáb kurtá kẹ amá káse kẹ balgánā āʷurtá ša mnī šārá, amāé rā mnī dastá bdäi̯. Šā-niyāz-xān gúštī kẹ balgánā nápa kä́i̯ āʷúrt? písī gušt: tī brās āʷúrtant. gúštī: pšútin ant, ǰawáb bdátin ant! písī gušt: šútant, ǰawáb dātág na kúrtant, pádā átant. Šā-niyāz-xān gúštī: nūn zánäi̯, čon int, bābā? písī go: čon int, bābā? Šā-niyāz-xān gúštī: bẹ me sāʰáttā čil sᵘwār pai̯dá pkan, man ǰawáb a-däínī. gúštī: šarr.

zū́tī čẹl sᵘwār pai̯dá kúrtī, ʰar čillén sᵘwāránī aspä́i̯ nālá ša zarrá gíptī, míʸäi̯ ǰāhá laṭṭíen mī kúrtī. gúḍā š-āí, čil sᵘwárā čil čapóx o čil gogírd o tammák dátī. sᵘwāránā gúštī kẹ ʰar kas čilīm-káš int wa ʰar kas kẹ näi̯nt, ʰar mnū́te yak gašt čapóxā pur pkánit, bréčit γālīnánī sará. suwár gúštant: bāz ǰᵘwān int. Šā-niyāz-xán demá būt, suwár bẹ padä́i̯ bū́tant. ša šārá kẹ

если не выдаешь, так дай ответ!“ Твой отец в недоумении, что́ ему ответить». Ша-нияз-хан сказал: «матушка, потихоньку сходи и скажи моему отцу: „давай, сходим домой, тебя зовет один человек“».

Его мать пошла и сказала отцу Ша-нияз-хана: «тебя там зовет один человек». Он пришел домой; его мать открыла ящик; Ша-нияз-хан вышел из ящика, и они поздоровались. Ша-нияз-хан сказал: «что, батюшка, поправились твои глаза?» Его отец сказал: «ох, сынок, отрекаюсь я от такого прозрения!» Он сказал: «что́ так, батюшка?» Его отец сказал: «одна девица подступила сюда с сорокатысячным войском и разгневалась на меня: выдай, дескать, мне того, кто достал листья из моего города!» Ша-нияз-хан сказал: «кто же достал листья?» Его отец сказал: «твои братья достали». Он сказал: «пускай бы они пошли и ответили бы!» Его отец сказал: «ходили, но ответить не смогли, пришли обратно». Ша-нияз-хан сказал: «теперь знаешь что́, батюшка?» Его отец сказал: «что, сынок?» Ша-нияз-хан сказал: «собери сейчас же сорок всадников, я буду отвечать пред ней». Он сказал: «хорошо».

Он быстро набрал сорок всадников, и для лошади каждого из сорока всадников взял золотые подковы, а вместо гвоздей приделал деревянные шпильки. Потом он дал сорока всадникам сорок трубок, сорок коробок спичек и табаку, и сказал всадникам: «каждый, кто курит, и каждый, кто не курит, все вы ежеминутно набивайте трубки и бросайте на ковры!» Всадники сказали: «очень хорошо». Ша-нияз-хан поместился впереди, а всадники сзади него. Когда

dár bū́tant, Šā-niyāz-xā́n dístī, če γālíne bẹ ḍigárā tanákk int! š-amé γālīnā́nī sarā́ rāstám aspā́ aḭ kúrtī, čilím am ʰar jā kašíttant o rétant, čappíʸ a-kúrtant. asp kẹ watí pādā zúrtant, nāliš ša pādā́ḭš káptant.

jāník dístī kẹ, če suwā́re kẹ š-amé γālīnā́nī sarā́ kā́ḭt! jāník watí dilā́ gúštī kẹ duzd améš int, kā́ḭt. trus bẹ jāníkkāḭ dilā́ kapt. Šā-niyāz-xā́n nazzíke ā́tī, salā́m préntant yak o adigárā. jāník gúštī kẹ duzz tá wāḭ? Šā-niyāz-xā́n jawā́b dā́tī: bále, mán un. jāník gúštī: bguš nišānīānā! Šā-niyāz-xā́n gúštī: ʰāzír. awalíʸen nišānī́ améš int-a kẹ korā́ kúštun, kilíʸānā ša dastā́ḭ zítun. domíen nišānī́ améš int kẹ har čillén buzlangíʸānā kúštun; sāḭmíen nišānī́ améš int kẹ bẹ argā́ bālā́ bū́tun. agár lóṭāḭ kẹ adigárānā ʰam bgúšīn. jāník xayā́l ku watí dilā́: akikáttā kẹ šā-zādág-e. gúštī: bás int, adigárānā ma guš. Šā-niyāz-xā́nī jindā́ gardéntī, čil suwā́rāḭ čil xalʰát dā́tī, ruxsát kúrtī: šᵘmā brā́ḭt, Šā-niyāz-xā́nā šapí ruxsátta na kanín. Šā-niyāz-xā́n um watí suwā́rānā gúštī: brā́it, ruxsát-it. jāník watí γošúnā yak jā ruxsátī kurt: brā́it pádā watí šārā́.

jāník mullā́e loṭít: zū́tẹ mnī aγdā́ go Šā-niyāz-xā́n band. mullā́ ešā́nī aγdā́ bástī, gúḍḍā Šā-niyāz-xā́nī pis Šā-niyāz-xā́nīā āt pa mubārakíā. gúḍḍā

они очутились вне города, Ша-нияз-хан увидел, какие на земле тонкие ковры. Он погнал лошадь прямо по этим коврам, а они повсюду курили и рассыпали табак и разворачивали. А когда лошади поднимали ноги, подковы падали с их ног.

Девушка взглянула: что́ это за всадник приближается по этим коврам? Девушка сказала про себя, что это, наверное, приближается подлинный вор. Смятение запало в сердце девушки. Ша-нияз-хан подъехал близко, они бросили привет друг другу. Девушка сказала: «это ты вор?» Ша-нияз-хан ответил: «да, я». Девушка сказала: «говори доказательства!» Ша-нияз-хан сказал: «сейчас! первое доказательство, это то, что я убил слепого и взял из его рук ключи; второе доказательство то, что я убил всех сорок бузланги; третье доказательство то, что поднялся в замок, а если захочешь, скажу еще другие!» Девушка про себя подумала: «действительно, это царевич!» и сказала: «довольно, других не говори!» Самого Ша-нияз-хана она удержала, а сорока его всадникам пожаловала сорок одежд и отпустила: «вы идите, а Ша-нияз-хана на сегодняшнюю ночь я не отпущу!» Ша-нияз-хан также сказал своим всадникам: «идите, вы свободны!» Девушка вместе с тем отпустила свое войско: «идите обратно в свой город!»

Девушка призвала муллу: заключи, дескать, поскорее мой брак с Ша-нияз-ханом. Мулла заключил их брак. Потом пришел Ша-нияз-ханов отец с поздра-

watí sarā̆ i̯ tā̆jā pādšāʸénā zúrtī, Šā-niyāz-xā̆nī sarā́ íštī, gúštī: bābā́, ša maróčī ā̆ngū pādšā́ ʷutí mulkā̆ i̯ astā̆ i̯. Šā-niyāz-xā́n gúštī: ša mnī dastā́ na bīt pādšāʸí, bābā́. písī gušt: agá bīt o na bīt, ša maróčī ā̆ngū ixtiʸā́r walāʸáttä i̯ bẹ̣ᵗ tā́ int, watí ixtiʸā́rā dārā̆ i̯ āngūrí. Šā-niyāz-xā́n gušt: šarr, nápa, ā rang int, man bẹ̣ᵗ tī šārā́ do gulā́m dārín, šaᵗ ta xāhíšt a-kanín, amā́ mnī gulā́mānā bẹ̣ᵐ man bdā́ä i̯. písī gušt: tī gulā́m kā́-int? mnī gulā́m tī ar do zāg ant. gúštī: šarr, bābā́, bā́ndā kārínіš.

bā́ndā ar do zāgā́nā watíʸānā āʷúrtī bẹ̣ majlísā. Šā-niyāz-xā́n sad mardúmi digár bẹ̣ dīwā́nā lo̯títī. mardúm kẹ̣ ā́tant, jám bū̆tant, Šā-niyāz-xā́n gúštī: ä i̯ áli majlís, ammā́ yak wáxte sä i̯ brā́s atan, bẹ̣ yak rā́e šútan. šápe jā́e, róče jā́e, yak wáxte du-rāʸíä i̯ sarā́ šútan. mnī do brās bẹ̣ yak rā́e šut, man bẹ̣ yak rā́e šútun. watí čilláwānā — amédā sínge^y at, amé singā̆ i̯ sarā́ nimist-át: ar kas rāstén rā bråut, pádā bā̆ i̯t, ar kas čappén rāʰā́ bråut, pádā náʸ-ā̆ i̯t, — čalláwānā bẹ̣ mā singā̆ i̯ čérā íštan nišānī. ar kas demā́ bā̆ i̯t, adigárä i̯ čalláwā zūrít. mánẹ Šā-niyāz-xā́n čappen rāʰā́ šútun o čínka-čínka sakkén kār mnī sarā́ āt. xudā́ mnā šapā́ dāt, ʰíččī na būt.

влением к Ша-нияз-хану. Он взял с своей головы царскую корону, возложил ее на голову Ша-нияз-хану и сказал: «отныне и впредь, сынок, ты царь своего государства!» Ша-нияз-хан сказал: «батюшка, несподручно мне царствование!» Его отец сказал: «сподручно или нет, отныне и впредь тебе принадлежит распоряжение страной! впредь твоя воля!» Ша-нияз-хан сказал: «ну, хорошо, и если так, то у меня в твоем городе есть два раба, и я хочу от тебя, чтобы ты выдал мне этих моих рабов!» Его отец сказал: «кто твои рабы?» — «Мои рабы — оба твои сына!» Он сказал: «хорошо, сынок, завтра я их приведу».

На другой день он привел обоих своих сыновей в собрание. Ша-нияз-хан призвал на совещание еще сто человек. Когда люди пришли и собрались, Ша-нияз-хан сказал: «члены совета! когда-то нас было три брата. Мы вместе пустились в путь. Ночь в одном месте, день в другом, однажды мы дошли до распутья. Мои два брата пошли по одной дороге, а я пошел по другой дороге. Тут был некий камень, и на том камне было написано: кто пойдет по правой дороге, тот вернется, а кто пойдет по левой дороге, тот не вернется. Под тот камень мы положили для приметы свои перстни: кто прежде придет, тот возьмет и другие перстни. Я, Ша-нияз-хан, пошел по левой дороге, и сколько тяжелых трудов пришлось на мою долю! Бог даровал мне избавление, и ничего не случилось!

pádā kẹ átun du^{r}-rā^{y}íäi̯ sará, dístun, mnī brāsánī čallấw amédā āngấ ér ant. man watí^{y}ā zúrtun, āwánī padấ šútun, bẹ yak šấre sóč kúrtun ša yak mardúme: do e rangén warnấ na dístit? gúštant: do ame rangén warnấ kẹ gušấi̯, amédā átant. amédā yak jäníkke xumār-bázen, go mā jäníkkā xumấr játant, jäník āwánī māl o zarr o asp o tūpákkānā búrtī. nūn yáke nānwāye muzzữr int, yake — āšpázāi̯. bāz juwán int. šútun bẹ jäníkäi̯ā, šapénā xumấr játun, xudấ mnā ābrữ dāt, ešánī asp o tūpákkānā wa zarrấnā pádā zítun, átun šārấi̯ tā, yáke rā ša āšpázäi̯ dukkánā, yáke rā ša nānwāyäi̯ dukkánā dár kúrtun, búrtun dallákäi̯ā, sar o ríšäi̯š tráštun, búrtun xai̯átäi̯ dukkánā p-ešán juwānén läbás dā tumāníen wa bist tumāníen ešánī gwará dátun. gúḍā ešána āúrtun watí mänzílā, ar gujấme yak asp o yak tūpák, yak zām dátuniš, go wat brābír kúrtuniš. š-é šārấ dár bữtan, átan. yak wáxte bẹ jấe rast kẹ mnī ar do čammánā kašíttant, mnā bẹ yak čóle tā préntant o átant.

awál xudấ, pai̯éni xudấ yak šére dárín wa yak sīmúrge. amešán mnā duwārág pa xudấäi̯ amrấ rošán kúrtant. agár bāwár na dārít, ar do^{y}énānī ripágānā säi̯l pkánit kẹ dāg dāránt yā na dāránt. písiš ripágāniš sä^{i}l ku, dístī, ar gujấme ripágā yak gulāmíen dāg aṣt. áli majlísā gúštī kẹ rāst ant

---

Когда я вернулся к распутью, я увидел, что перстни моих братьев еще лежат тут. Я взял свой и пошел вслед за ними. В одном городе спросил у одного человека: „не видели ли вы двух вот таких юношей?“ Мне сказали: „сюда пришли двое таких юношей, как ты говоришь; но здесь есть одна разгульная девушка, они стали играть с этой девушкой, и девушка выиграла у них имущество, деньги, лошадей и ружья, и теперь один в услужении у пекаря, а другой — у повара“. Очень хорошо, я отправился к девушке, ночью играл с ней, бог отличил меня, и я отобрал обратно их лошадей, ружья и деньги. Потом пришел в город, и одного извлек из съестной лавки, другого извлек из пекарни, сводил к цырюльнику и побрил им головы и бороды, сводил к портному и одел их в хорошую одежду по десять и двадцать туманов. Потом привел их на свою стоянку, дал каждому по лошади, по ружью и мечу, сравнял их с собою. Мы вышли из города и пошли. Однажды в одном месте довелось так, что они мне вырвали оба глаза, бросили меня в пустынном месте и ушли.

Прежде всего бог, а после бога у меня есть один лев и одна симург-птица. Они меня вновь, с помощью божьей, сделали зрячим. Если же мне не верите, то посмотрите у обоих, есть у них клейма или нет!» Их отец посмотрел и увидел, что на каждом есть клеймо раба. Он сказал членам совета:

yā duróg ant mnī abár? majlís gúštant: rāst ant tī abár. Šā-niyāz-xán gúštī: e zamānágā sẹzā̆ i̯ nekí badí int. amé rang kẹ ā bẹ murā̆dā rastá, awál trā, gúḍā mnā, gúḍā āli ǰāmí bandagíäi̯ murā̆dā xudā́ bdant.

VII

būt na būt, ša mašmā̆i̯ xudā́ getír káse na būt. yak pādšā́e at. e pādšā́ dāšt du zāg. amé zāgā́nī nām yáke Gull at, yáke Momín at. amé Gull u Momínī mās yak róče būt, murt. amé Gull u Momín šútant bi digá šā́re pa wāntínā. yak čunt waxt amódā bi šārā́ wā́ntant. yak róče amešā́nī pis gis kúrtī, digá ǰinéne gíptī, go watí ǰinénā gúštī: man dārín du zāg, yáke nām Gúll int-a u yáke nām Momín int-a. amé pādšāäi̯ ǰinén go pādšā́ gúštī: ta yak xáte binmís, dém bdäi̯ pa watí zāgā́nī padā́, bí tā biáyant ki man āwā́nā bgíndīn. amé pādšā́ yak xáte nimíst u dem dā́ti pa watí zāgā́nī padā́.

amé xat ki ódinā rast bi zāgā́nī dastā́, zāg ki wā́ntant, zā́ntant ki ammā́i̯ pis gis kurtagí, go wat abár dā́tant ki biyā́ ki anū́n mašmā́ brawán ki mašmā́i̯ pis gis kurtagí. š-amódinā sar gíptant u ā́tant, sar bū́tant bi watí pisā́i̯ gisā́, dístant tā amā́i̯ pis ídā nā́i̯nt-a. yak wār amešā́ni mātó go pādšā́ā̆ mazánen zāgā́ go Gullā́ gúštī: bí tā tī gwanḍén brās amódinā mníndīt, ta

---

«правда или ложь мои слова?» Совет сказал: «твои слова правда!» Шанияз-хан сказал: «в эти времена воздаяние за добро зло!» Так же, как он достиг желаемого, пусть бог подаст исполнение смиренных желаний сначала тебе, затем мне, а потом всем вообще.

(VII. О Гуле и Момине)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя было два сына. Имена этих сыновей были: одного — Гуль (цветок), другого — Момин. Настал день, и мать Гуля и Момина умерла. Гуль и Момин отправились в другой город учиться. Там в городе они некоторое время учились. Между тем их отец женился, взял другую жену и сказал своей жене: «у меня есть два сына; один по имени Гуль, другой — по имени Момин». Эта царица сказала царю: «напиши письмо и пошли за своими сыновьями, пусть придут, и я повидаю их». Царь написал письмо и послал за своими сыновьями.

Когда это письмо попало в руки сыновей, сыновья прочитали и узнали, что отец женился. Они стали говорить друг другу: «давай, поедем теперь, потому что наш отец женился». Они выступили оттуда, пошли и дошли до дома своего отца и увидели, что отца дома нет. Вдруг их мачеха сказала старшему царевичу, Гулю: «пусть твой младший брат посидит там, а ты подойди сюда».

ídinā biʸá. amé Gull gúštī: ammá ič waxt ša wat jitá na būtág an, anūn am jitá na bayán. amešánī mātó gúštī: amé yak daγīγá ta biʸá ki man go ta yak abáre dārín. amé Gull go Momín gúštī: ta, lālá, amédinā mnind, man anūn a-kāín. amé padšáäi̯ mazánen zāg šútī bi watí mātóäi̯yā, guštī: ta ša man čé a-loṭái̯? ameší mātó go Gullá gúštī ki man trá girín. yak wār amé Gull jawáb dāt ki na bīt, ta mnī māsái̯ jāgá wäi̯, man trā ič waxtá na girín. ameší mātó gúštī: na bīt, mebāét, bgíräi̯. amé Gull dístī: mnā nái̯līt! gúštī: ammá anūn a-rawán bi watī maktábā, watí kalukalána zūrán u kārán, gúḍinā man trā girín. amé mātóī rāzí būt, Gullá š-amódinā elá kúrtī. Gull átī, go Momín gúštī: biá ki e ḍau̯lén abáre ā go man dátī. Momín gúštī: brawán, lālá, ki mašmái̯ kār darbád a-bít. Gull u Momín pádā átant bi watí maktab-xāná.

yak čunt waxt gwast. pādšá āt bi watí gisá, ša watí jinénā pursít ki ta mnī zāgánā dístäi̯? ameší jinén jawáb dāt ki ān, tī zag battíri tí ant: amé pādšá gúštī: pa če? amé jinénī jawáb dāt ki tī zāg amé ki átant, čo gušnágäi̯ā lagítant bi parzonágäi̯ sará. amé pādšá xajallát būt, gúštī: man anūn pa āwán yak xáte binmisín u dem bdäín, ta bí tā biánt. amé pādšáäi̯ jinén gúštī: nápa bāz juwán int-a, binmís. amé pādšá yak xáte

---

Гуль сказал: «мы никогда друг с другом не разлучались, и теперь не разъединимся». Их мачеха сказала: «ты подойди на минутку, потому что у меня есть тебе что-то сказать». Гуль сказал Момину: «братец, ты посиди здесь, а я сейчас приду». Старший царевич подошел к своей мачехе и сказал: «что ты от меня хочешь?» Его мачеха сказала Гулю: «я тебя беру (вместо мужа)!» Гуль сразу ответил: «нельзя, ты мне вместо матери, и я тебя никогда не возьму (как жену)!» Его мачеха сказала: «невозможно! необходимо, чтобы ты взял меня (вместо жены)!» Гуль увидел, что она не отстанет, и сказал: «мы теперь отправимся в свою школу, заберем и привезем свои пожитки, а потом я тебя возьму (как жену)». Его мачеха согласилась и отпустила отсюда Гуля. Гуль пришел и сказал Момину: «посмотри-ка, какого рода разговор она со мной имела!» Момин сказал: «братец, уйдем, потому что дела наши запутываются». Гуль и Момин вернулись в свою школу.

Прошло некоторое время. Царь вернулся к себе домой и спросил свою жену: «ты видела моих сыновей?» Его жена ответила: «да, твои сыновья хуже, чем ты!» Царь сказал: «почему?» Его жена ответила: «как только твои сыновья пришли, они точно голодные, бросились к скатерти (с угощением)». Царь был пристыжен и сказал: «я сейчас напишу и пошлю им письмо, а ты позволь им прийти!» Жена царя сказала: «очень хорошо, напиши!» Царь на-

nimíst u dem dátī pa watí zāgán. amé xat šut, rast bi pādšáäi̯ mazánen zāgái̯ dastá bi Gullái̯yā. amé ki Gull wántī, gúštī go Momín: äi̯ lālá, biyá ki ša mašmái̯ pisá yak xáte āt. ā u Momín wánt-atant, tā pis nimistagí ki mutlaxán biáit. amé Gull u Momín go wat abár dátant: brawán, lālá. ar duén brās rāzí būtant, š-amódinā átant bi watí pisái̯ gisá.

amé ki átant, dístant tā bi pisái̯ gisá dīwáne ništagí. amé ki bi gisái̯ tā putrítant, yak wār pādšá go watí mardumán gúštī: bgíritiš, ar duénānā pkúšit. yak wār amé pādšáäi̯ wazíl go pādšá gúštī: pa če ta ešánā kušái̯? ma kuš, kau̯šéš čapí pkan tā brawánt. go amé mardumán gúštī: šmā bgírit, amé Gullái̯ kau̯šá čapí pkánit u Momínī kau̯šá čapí má kanít. amé mardúm gíptant, Gullái̯ kau̯šánā čapí kúrtant u Momínī kau̯šánā čapí na kúrtant. yak wār amé Gull ša gisá dár káptī ki brau̯t, Momín am ša gisá dár káptī ki brau̯t. amé ki pādšá dístī ki Momín am dár káptī, yak wār go watí mardumán gúštī: bráit, Momínā biárit go zanǰírā bandít. amé mardúm šútant, Momínā čár dátant u aúrtant, go zanǰírá sak bástant. yak katráe digár ki būt, amé Momín gipt, amé zanǰírāna sist u watí pisá gúštī: ta ki āí pis am ná-wäi̯, mnī am ná-wäi̯, š-amódinā ǰist u šut. tāngāt Gull ša šárá dár ná kápt-at ki Momín raséntī. Gull gúštī go Momín ki ta pa če átäi̯? Momín gúštī: ā ki tī pis am näi̯nt-a, mnī am näi̯nt-a.

писал письмо и отправил своим сыновьям. Письмо пошло и попало в руки старшего сына, Гуля. Когда Гуль прочитал, он сказал Момину: «смотри-ка, братец, пришло письмо от нашего отца!» Он и Момин стали читать; отец: написал: «непременно приходите». Гуль и Момин поговорили между собой: «отправимся, братец!» Оба брата были довольны и пошли оттуда к дому своего отца.

Когда они подошли, они увидели, что в доме их отца заседает совет. Как только они вошли внутрь дома, тотчас царь сказал своим людям: «схватите их и обоих убейте!» Царский визирь немедленно сказал царю: «за что ты их убиваешь? не убивай, а вели перевернуть им туфли (в знак немилости), и пусть они уходят!» Он сказал своим людям: «возьмите и переверните туфли Гуля, а туфли Момина не переворачивайте». Эти люди взяли, перевернули туфли Гуля, а туфли Момина не перевернули. Гуль сразу вышел из дому, чтобы уйти. Момин также вышел из дому, чтобы уйти. Как только царь увидел, что Момин тоже вышел, тотчас он сказал своим людям: «идите, приведите Момина и закуйте в цепи!» Эти люди пошли, окружили Момина, привели и крепко заковали в цепи. Немного погодя, Момин взял, порвал цепи и сказал своему отцу: «раз ты ему не отец, ты и мне не отец!» Он выбежал оттуда и пошел. Гуль еще не вышел из города, как Момин его догнал. Гуль сказал Момину: «зачем ты пришел?» Момин сказал: «раз он тебе не отец, он не отец и мне!»

karár Momín u Gull šútant bi yak jāgáe, ešánā šap gipt. Gull u Momín amé šapénā go wat abár dátant, dérā wáptant. yak wār amé Gull ša wābá ustát u šut pa šikárā, šikárī kurt yak kargóške u amé kargóškā āúrt bi watí brāsáiyā. yak wār šut, yak káme dār āúrt, amé kargóškā zabr pakítī u tayár kúrtī u gúḍinā watí brāsá pádī kúrtī. Momín ustátī, amé kargóškäi goštánā ā u Gull wártant, pa duwārág Momín gúštī: anūn wārí mní int-a. amé Momín tūpá^{k}kā zurt u šut pa šikárā. amé Gull amédinā ki wápt-atī, bí tā amédinā wāb raut, ta bzánäi ša gujángūr yak aždiyáre brābír a-bít u kāit pa amé Gullái jāná, Gullá bó a-kánt. yak wār amé Gull amédinā bát a-bít. yak wār am amé Momín ša šikár a-káit, yak wār dístī: wā wäilán, gújint-a mnī brās! yak wār amé Momín jat bāzéne bi watí sarágā u gret. yak katráe digá būt, amé Momín š-amódinā šut pa wat.

amé Momín a-ráut bi yak daryábe pānádā. amé daryábäi pānádā, ta bzánäi, mardúm būtág aut. amé mardúm Momínā gindánt, yak wār a-kāyánt, Momínā baránt bi watí gisá. amé ki baránt, yak čunt waxt bīt, gúḍinā amešánī pādšá mirít. amé mardúm a-giránt, Momínā watí pādšá a-kanánt. amé Momín ar čẹ ki gull ast bi amé šārái tā, Momín āwánā gīt u ziyán a-kant yā na, bi digá šārán dém a-dánt, náilīt bi watí šārá. anūn ša Momín bil u ša Gullá goš pkaš.

Итак, Момин и Гуль пошли в другое место. Их застигла ночь. Гуль и Момин разговаривали друг с другом и заснули поздно. Вдруг Гуль встал и пошел на охоту. Он добыл зайца и принес этого зайца своему брату; пошел еще, принес немного дров, хорошенько изжарил этого зайца и приготовил и потом уже разбудил своего брата. Момин встал; он и Гуль поели заячьего мяса. На второй раз Момин сказал: «теперь моя очередь!» Момин взял ружье и пошел на охоту. Тут Гуль лег спать. Оставь его, пусть он засыпает, только знай, что откуда-то появляется дракон и подходит с умыслом на Гуля. Он обнюхивает Гуля, и тут же Гуль превращается в кашу. Тотчас же подходит с охоты и Момин: увы! где же мой брат? Много бил себя по голове и плакал Момин. Прошло еще несколько времени. Момин пошел оттуда своей дорогой.

Момин идет к берегу большой реки. А тебе надо знать, что на берегу этой реки были люди. Эти люди видят Момина, тотчас приближаются и забирают Момина к себе домой. Пока они его ведут, проходит некоторое время, и тем временем их царь умирает. Эти люди берут и делают Момина своим царем. Момин тогда, сколько ни есть цветов в его городе, все их берет и уничтожает или же отправляет в другие города, а в своем городе не оставляет. Теперь оставь Момина и послушай про Гуля.

yak róče yak malánge ša gujángūr eší sár a-kapít, kāi̯t bi amé Gullái̯ sará, gindít tā ajáben juwānén warnáe ídinā murtagí, yak wār amé maláng yak hūe kašít wa gušít: yā xudá, amé čoríyā zindág pkánäi̯. yak wār xudá am amé malángäi̯ arzá zúrtī u amé Gullá zindág kurt. amé ki Gull ustát, sáilī ku tā mnī brās ídinā näi̯nt-a, yak wār amé malángā pursítī, gúštī: gújint-a mnī brās? amé maláng gúštī: man čé zānín ša tī brāsá, man ič áe rā na distág un. man ki átun, ta ídinā murt-átäi̯. amé Gull gúštī: nápa bāz juwán int-a, anūn mán a-raín. amé maláng watí dastá jat bi amé Gullái̯ puštá, gúštī: bra, xudá go ta amrá bīt u ič kas trā āzár ma dant. maláng pa wat šut u Gull pa wat šut.

amé Gull šut, bi yak daryábe pānádā dístī tā amédinā yak jiníke. amé jiník ki Gullá dístī, átī bi Gullái̯ā, dast bi mardí u jinení dátant. yak wār ša amé rodái̯ áškā mardúm kištíe u yak sundūxe rā bi säi̯ mardúmäi̯ dastá dém a-dayánt ki šmā bráit, awálā Gullá bgúšit: suwár bāi̯ kištíyā ki trā bgwazénan ša rodá áškā, amé ki Gull bi kištíyā suwár būt, šmā áe rā biyárit bi rodái̯ mānjínā bi sundūxäi̯ tā pkánit u bi āpái̯ tā elá bdáit. amé säén mardúm amé kištíyā āúrtant, Gullá gúštant: suwár bāi̯ kištíyā tā brawán bi áškā. Gull amé kištíyā ki suwár būtī, yak wār amé säén

---

Однажды откуда-то появился дервиш; он подходит к Гулю и видит, что тут умер удивительно красивый юноша. Сразу этот дервиш взывает к богу и говорит: «о боже, оживи этого юношу!» Бог тотчас же внял молитве дервиша и оживил Гуля. Когда Гуль встал, осмотрелся и увидел, что брата здесь нет, он сразу спросил дервиша: «где мой брат?» Дервиш сказал: «что́ я знаю о твоем брате? я вовсе его не видал! когда я подошел, ты уже был здесь мертвым». Гуль сказал: «ну, очень хорошо, я теперь пойду!» Дервиш ударил Гуля рукой по спине и сказал: «иди, бог да будет с тобой, и никто тебя не обидит!» Дервиш пошел своей дорогой, и Гуль пошел своей дорогой.

Гуль пошел и на берегу одной большой реки увидел девушку. Когда эта девушка увидела Гуля, она подошла к Гулю, и они дали друг другу руки, как муж и жена. Между тем люди, которые были на той стороне реки, вручают трем человекам лодку и один ящик: вы, мол, отправляйтесь и сначала скажите Гулю: «садись в лодку, мы тебя переправим на ту сторону реки», а когда Гуль сядет в лодку, вы его привезите на середину реки, поместите в ящик и пустите в воду. Эти три человека пригнали лодку и сказали Гулю: «садись в лодку, и мы поедем на ту сторону». Как только Гуль сел в лодку,

mardúm amé kištíyā bi āpā́ dā́tant u ā́tant bi amé āpā́ i̯ mānǰínā. yak wār amé mardúm gíptant, amé Gullā́ bi sundū́xä i̯ tā kúrtant u bi āpā́ i̯ damā́ dā́tant tā amé ā́p a-bárt, ā́tant bi ǰiníkä i̯ yā. amé ǰiník gúštī: tā mnī mard mā́it, man ī-ǰā na raín, amédenā nindín. karā́r amé mardúm šútant pa wat. amé ǰinikó amédinā pa wat yak γásre ǰat u amédinā ništ. anū́n ša ǰinikóā bil u ša Gullā́ goš pkaš.

karā́r amé Gullā́ ā́p a-bart, bi yak gudáre dapā́, yak mardúme watí aspā́ kārít ki āp bdant. gindít tā asp rúmm a-kánt. amé mardúm bi amé watí aspā́ i̯ gošā́ bāzén γamčúne ǰant ki daū́sä i̯ asp pa če rúm a-kánt. amé ki kā́ i̯ t bi gudáräi̯ dapā́, gindít, alā́! čunén ǰwānén sundū́xe bi rodā́ i̯ tā kaptagí. yak wār ā́tī, ša watí aspā́ ér káptī u āt, amé sundū́xā ša āpā́ kašítī u burt, bāl āúrtī u bi amé aspā́ i̯ sarā́ kúrtī, aspā́ suwā́r būtī u šut bi watí gisā́. ódinā amé sundū́xä i̯ dapā́ páčī kúrtī, dístī aǰáben ǰwānén čoríe bi amé sundū́xä i̯ tā wā́b int-a. yak wār amé Gullā́ pād kúrti ki bust. amé Gull ustát, amé mardúmā gúštī: ta pa man yak káme gull pa i̯ dā́ pkan u biyā́r. amé mardúm gúštī: agár amā́ i̯ pādšā́ búškint, amā́ rā ša sarā́ póst a-kánt, pa če ki āí brāsā́ i̯ nām būtagí Gull. anū́n āí brās murtagí, pa amé šā ídinā gullā́ nā́ i̯ līt. amé Gull gúštī: ta bra, biyā́r, man

---

эти три человека сразу пустили лодку в воду и попали на середину реки. Вдруг эти три человека схватили Гуля, сунули его в ящик и пустили по течению, чтобы его унесла вода, а сами вернулись к девушке. Девушка сказала: «пока мой муж не придет, я никуда не пойду, а останусь здесь». Итак, эти люди отправились во свояси, а эта девушка построила для себя замок и осталась тут. Теперь оставь девушку и послушай про Гуля.

А Гуля вода уносит к месту переправы, и какой-то человек в это время приводит сюда свою лошадь на водопой. Он видит, что лошадь пугается. Этот человек нещадно бьет плетью по ушам свою лошадь: чего, дескать, пугается эта распутная лошадь! Когда он подъезжает к месту переправы, он видит: ах! какой красивый ящик упал в воду! Он тотчас приблизился, сошел с лошади, подошел и вытащил ящик из воды; отнес его, поднял и нагрузил на лошадь; сел верхом и поехал домой. Там он открыл крышку ящика и увидел, что в ящике спит удивительно красивый юноша. Он тотчас разбудил Гуля: вставай, мол. Гуль встал и сказал этому человеку: «принеси мне немножко цветов!» Этот человек сказал: «если наш царь услышит, он сдерет нам кожу с головы, потому что имя его брата было Гуль (цветок), а теперь его брат умер, и потому он не терпит здесь цветов». Гуль сказал: «ты сходи, принеси, а я сам буду отвечать

wat āí ǰawā́b a-daín. amé mardúm gúštī: man awál a-raín, ša pādšā́ pursín, gúḍinā pa ta kārín. Gull gúštī: nápa, bāz ǰwā́n int-a.

amé mardúm ā́tī bi pādšā́i̯yā, go pādšā́ gúštī: ǟi̯ pādšā́, γábli ālám, ānčén mardúme rā zī man bi āpā́i̯ tā dístun, bi sundū́xǟi̯ tā at, ā́p a-kāúrt, man kašítun u āúrtun bi watí gisā́, ānčén ǰwānén čoríe, amā́ čorí ša man gull loṭít, anū́n man ā́tun bi tíā, ta amā́ rā murxás a-däyā́i̯ yā na? amé pādšā́ guštī: ta bra, amāí rā bzūr u biyā́r. amé mardúm ā́tī, amé Ǵullā́ gúštī: biyā́ ki brawán mašmā́ bi pādšā́i̯yā. ā u Gull ā́tant bi pādšā́i̯yā. amé ki Momín u Gull wat rā dístant, grétant, tā du sāt dast bi gardín bū́tant u grétant, dérā go wat wašāmáde kurtant. ša yak u agdárā pursítant ki čón int-a tī awā́. Gull gúštī: zabr int. Gull Momínā pursít: čón int-a tī awā́? Momín gúštī: zabr int-a. karā́r Gull go Momín gúštī: ǟi̯ lālā́, man dārín yak ǰinéne, amā́ mnī ǰinén bi plāná ǰā́ int-a, mašmā́ brawán, āe rā biyā́ran. Momín ašt salā́t-a zurt u šútant. karār Gull mānt go watí brāsā́. eší rā Momín zabr gísī dāt, tā apt šap u apt roč dol kúrtant. man am bi amā́ arosíā čap kúrtun, š-amódinā ǰístun u bástun, pa wat yak imā́ne āúrtun, pa ta yak ǰiníke ā́úrtun.

перед ним». Этот человек сказал: «я сначала пойду спросить у царя, а потом уже принесу тебе». Гуль сказал: «очень хорошо».

Этот человек пришел к царю и сказал царю: «о царь, средоточие мира, вот какого человека я вчера нашел в воде! он был в ящике, и вода его несла, а я вытащил и принес к себе домой, такой красивый юноша! этот юноша просит у меня цветов, вот я и пришел к тебе, дашь ты ему разрешение или нет?» Царь сказал: «иди, возьми его и приведи». Этот человек пришел и сказал Гулю: «давай, пойдем к царю!» Он и Гуль пошли к царю. Как только Момин и Гуль увидели друг друга, они расплакались, часа два обнимались и плакали и долго обменивались приветствиями и спрашивали один у другого: «как ты поживаешь?» Гуль сказал: «хорошо» и спросил Момина: «как ты поживаешь?» Момин сказал: «хорошо». Наконец, Гуль сказал Момину: «братец, у меня есть жена, эта моя жена в таком-то месте, поедем, привезем ее!» Момин взял восемь солдат; они отправились и привезли жену Гуля. Итак, Гуль остался со своим братом, Момин пышно справил его свадьбу, семь ночей и семь дней били в барабаны. И я на этой свадьбе плясал, оттуда выбежал, завязал, для себя приобрел благоденствие, для тебя доставил девушку.

VIII

būt na būt, ša mašmā̆ i̯ xudā̆ getír káse na būt. yak pādšā̆^{ey} at. e pādšā̆ dā̆štī yak zā̆ge. e zā̆gī yak róče būt, šut pa šikā̆rā, šut, dístī amédā yak róde, sā̆i̯lī ku tā čé paríe ābāzí a-kanánt. e sā̆i̯lī ku tā mešā̆nī tā čonén ǰuwānén paríe ābāzí a-kánt. e watí dilā̆ pígrī ku, gúštī ki man go ešā̆n bā̆ndā kār dārín. e š-amédā šut bi watí gisā̆. yak búnḍe rā kaḍá^{k}ke ku, zabr ǰóḍī kurt wa tāríenā āúrtī, bi gudáräi̯ dapā̆ išt. wat bi^{t} tā̆i̯ būt. pārí ā̆tant pa ābāzíā, watí puččā̆nā kašítant. agidá bi ḍigárā íštant, amé ǰwānén parí watí puččā̆nā bi bunḍā̆i̯ sará išt, watí amrā̆nā gúštī ki šmā am biyā̆rit, watí puččā̆nā bi bunḍā̆i̯ sará billit. ā gúštant ki na, ammā̆ amédā killan. e gúštī: ǰwā̆n int. e watí puččā̆nā dárī kúrtī, išt, wat šut pa ābāzíā. amé čorí ša bunḍā̆i̯ tā dár kapt, šútī, amé paríā̆ puččā̆nā zúrtī, ā^{w}úrtī, bi bunḍā̆i̯ tā̆ī kurt, wat bi bunḍā̆i̯ tā būt. parí ša āpā̆ dar káptant, ā̆tant, watí puččā̆nā gwarā̆ kúrtant wa rādág būtant. amé ǰ^{u}wānén parí ā̆tī, sā̆i̯lī ku tā mnī puč édā ná ^{w}ant, watí amrā̆nā sóǰī ku ki mnī puččā̆nā kā̆i̯ zurtā̆i̯? ā gúštant ki ammā̆ na zānán.

(VIII. О пэри Шар-шару)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был царь, у этого царя был сын. Однажды этот сын отправился на охоту. Он шел и увидел реку; посмотрел: там купаются пэри. Посмотрел еще: ух! какая красивая пэри купается среди них! Он подумал и сказал сам себе: «ужо́ завтра я с ними сделаю что-нибудь!» Он отсюда пошел домой, выдолбил бревно, хорошенько обделал его и на утро принес и поместил его у переправы, а сам спрятался внутри. Пэри пришли купаться и сняли с себя одежду. Другие положили ее на землю, а эта красивая пэри положила свою одежду на бревно и сказала своим подругам: «вы тоже принесите и положите свою одежду на бревно». Они сказали: «нет, мы оставим здесь». Она сказала: «ну, хорошо!» Она разделась и положила свою одежду, а сама пошла купаться. Этот юноша вышел из бревна, взял одежду этой пэри, положил в бревно и спрятался сам в бревне. Пэри вышли из воды, подошли, оделись и собрались уходить. Подошла и эта красивая пэри, посмотрела: нет моей одежды! Она спросила своих подруг: «кто взял мою одежду?» Они сказали: «мы не знаем».

ā šútant, e mántī, íngo sáilı̯ ku, ángo sáilī ku, íččī na dístī, átī bi me bunḍáı̯ā, gúštī ki ta ínse ʷäı̯, jínse ʷäı̯, agár ādamíe ʷäı̯, mnī puččánā zurtág-äı̯, bdáäı̯! ā gúštī ki man na ínse un, na jínse un, ādamíe un, tī puč go mán ant. gúštī: mnī puččánā bdäı̯. ā gušt: na däín tī puččánā. gúštī: bdäı̯ pa brāsí o gwārí. ā gúštī ki na däín. gúštī: bdäı̯ pa nākó-zākí. gúštī: na däín. gúštī: bdäı̯ pa trū brā-zākí. gúštī: na däín. gúštī: bdäı̯ pa mardí o jänení. gúštī: jwán int, tī puččánā däín, tī bālánā na däín. puččánā dátī, eší rā bi bunḍáı̯ táī ku, bunḍáı̯ dapá bast. wat bunḍá baḍḍáī kurt, búrtī, bi watí pissáı̯ gisáı̯ dapá íštī. watí māsá gušt ki mnā dost dārít, plāná paı̯γummárā dost dārít, amé bunḍá na ki dast dáit. másī gušt ki jwān int.

e š-amédā šut bi bāzárā, šut, gáštī, gáštī padóī āt. watí māsá gúštī ki pa man ārt bāz drúššit, ki man gís a-kanín. eší mās gušt: ta káı̯ rā giráı̯? e gúštī: man amé bunḍá girín. eší mās go: ta padšáäı̯ yakén záge, ta čon búnḍe rā giráı̯? e gúštī: na, māsí, man amé bunḍá girín. gúštī: jwān int.

p-eší ārt-u-bār tayár kúrtant. eší rā gis dátant. búrtant bi killá. tāríenā roč būt, bi molíde dastá gul dém dátant, bi yákäı̯ dastá purr dém dátant.

Они ушли. Она осталась, посмотрела там и сям, ничего не нашла, подошла к бревну и сказала: «дух ли ты какой-нибудь или же человеческого рода, кто взял мою одежду, — отдай!» Он сказал: «я отнюдь не дух, я человеского рода, и твоя одежда у меня». Она сказала: «отдай мою одежду!» Он сказал: «не дам твоей одежды!» Она сказала: «отдай ради побратимства и посестримства!». Он сказал: «не дам!» Она сказала: «отдай ради отношений дяди к племяннице!» Он сказал: «не дам!» Она сказала: «отдай ради отношений тетки к племяннику!» Он сказал: «не дам!» Она сказала: «отдай ради супружества!» Он сказал: «хорошо, я отдам тебе одежду, но твоих крыльев не дам». Он отдал ей одежду, поместил ее в бревно, закрыл вход в бревно, потом взвалил бревно себе на спину, отнес, положил у входа в дом своего отца и сказал своей матери: «если вы любите меня и любите такого-то пророка, то не прикасайтесь руками к этому бревну!» Его мать сказала: «хорошо!»

Он пошел на базар, походил, походил, вернулся назад и сказал своей матери: «намелите мне побольше муки, потому что я женюсь». Его мать сказала: «кого ты берешь?» Он сказал: «я беру это бревно». Его мать сказала: «ты единственный сын у царя! как можешь ты брать какое-то бревно!» Он сказал: «нет, матушка, я возьму это бревно!» Она сказала: «хорошо!»

Для него приготовили муку и прочее, поженили его и отвели в помещение для новобрачных. На утро рассвело. С одной служанкой послали ему цветов, а с другой послали золы и сказали: «отнеси цветы и посыпь

gúštant: gulánā bar bi čoríäi̯ sará breč, purránā bar, bunḍái̯ sará breč. e š-amédā búrtant, sái̯l kurtant tā čoríäi̯ pānádā čonén ǰwānén warnáe ništá. e ki dístant, γiš kurtant. parí átī, watí dasmálā námmī ku, bi ešánī demá pāšítī, eš sár kúrtant, padoí šútant. parí gulánā zúrtī, burtī, ā u̯ čorí watí sará bār kúrtant. e molíd šútant bi gisá, ódenā gúštant go čoríäi̯ māsá: bībí, bībí, bībí šmā näi̯t, bībí á int ki mnī wāǰái̯ demá ništá. e gúštī: watí rangá γäi̯b pkan š-amédā, ta ammá rā ša búnḍe kamtír a-kanái̯! e gúštī: na, bībí, bībí šmā näi̯t, bībí á int ki mnī wāǰái̯ demá ništá. e š-amédā šútant ódenā p-āí säi̯lá. ódā dístant tā rāstí bībí ammá ná ʷan, bībí améš int. pa duwārág eší rā ša sáräi̯ nok gis dátant. tā apt šap o apt roč dol kúrtant.

e čoríā apt šap, apt roč búd bútī, gúštī go watí māsá ki äi̯ māsí, man a-räín pa kārwán-kašíʸā, mnī ǰänén biᵗ tī dastá int. agár mnā dost dārái̯, pᵃlāná päi̯γummárā dost dārái̯, na ki mnī ǰänénā bālánā bdäái̯ ki ā bāl a-kánt o rot. eší mās gušt: na, māsí, man ič waxt āí bālánā na däín. gúštī: ǰwān int, man digá räín. ǰáni tá wa ǰáni mnī ǰänénā! ki ā bāl má. kant o má rot, ki ič ka āí sará sar-zorí ma kant. gúštī: ǰwán int, māsí, man ič kasá nái̯līn ki āí sará sar-zorí kant. e čorí š-amédā šut.

голову юноше! отнеси золу и высыпь на бревно!» Они отнесли и стали всматриваться: что это за молодая красавица сидит рядом с юношей! Как только они рассмотрели ее, они лишились чувств. Пэри подошла, намочила свой платок и побрызгала им в лицо; они очнулись и пошли обратно. Пэри взяла цветы и унесла; она и юноша разделили их между собой. А служанки пошли домой и сказали матери юноши: «госпожа, госпожа, вы не госпожа! госпожа та, которая сидит против моего хозяина!» Она сказала: «сгинь отсюда! ты считаешь нас хуже какого-то бревна!» Та сказала: «нет, госпожа, вы не госпожа! госпожа та, которая сидит против моего хозяина!» Они пошли туда посмотреть на нее и там увидели: ведь правда! не мы госпожи, а она госпожа! Вторично и снова его поженили. Семь ночей и семь дней били в барабан.

Когда истекло семь ночей и семь дней, юноша сказал своей матери: «матушка, я отправляюсь с караваном, а моя жена остается у тебя на руках; если ты любишь меня и любишь такого-то пророка, ты не отдавай крыльев моей жене, а то она взлетит и исчезнет!» Его мать сказала: «нет, сынок, я ни в каком случае не отдам ей крыльев». Он сказал: «хорошо, тогда я пойду, но ради твоей души и души моей жены! пусть она не летает и не уходит и пусть никто ее не притесняет!» Она сказала: «хорошо, я никому не позволю, чтобы ее притесняли». Юноша ушел.

tārīenā bi digá alke arūsíe būt. amé alkā̆ i̯ ǰäník wat rā ǰóḍ kurtánt. e wat rā ǰóḍī na kurt. eší duskíč āt, gúštī: äi̯ Šar-šarū, ta pa če wat rā ǰóḍa na kanā̆i̯ ki mašmá b'rawán bi arūsíā. e gúštī: tā mnī bāl má bayánt, man ič ǰā šutága na kanín. e gúštī: ǰwān int, man tī bālánā kārín, ta tānáxte wat rā ǰoḍ pkan. e gúštī: ǰwān int. e š-amédā šútī watí māsā̆i̯ā, gúštī: äi̯ māsí, eší bālánā bdäi̯! másī gušt: na, māsí, agár man āí bālánā bdā̆īn, ā bā̆l a-kánt o rot ki tī brās a-kā̆i̯t, ša man awā̆l a-gít ki gúǰ int mnī ǰänén? gúštī: man bālánā na däín. gúštī: na, māsí, bālánī bdäi̯ ki ammá rawán bi arūsíā wa zū̆ti kāyán. gúštī: ǰwān int. eší bālánā dā̆tī, e š-amédā bālánā āúrtī, watí nišárā dā̆tī. eší nišár pa gal o bal zúrtī watí bālánā, š-amédā rādág būtant ki šútant bi arūsíā, šútant bi arūsíā̆ panā̆dā. e gúštī ki šmā brā̆it, man annū̆n a-kāín. yak wār bā̆lī ku, šut bi awā̆. e säi̯l kúrtant ki wā wäi̯lán! ā bā̆lī kurt o šut. e wassū̆ī o duskíčī wat rā ǰátant o grétant ki ā šútī, bā̆ndā na, póšī Šäi̯-kalandár a-kā̆i̯t, ša ᵃmmā awā̆l a-gít ki gúǰ int mnī ǰänén. ammá ā́e rā čẹ ǰawā̆b däyán. amé Šar-šarū bi awā̆ä demá, abárī dāt ki man räín, ša apt daryā̆bā ā́škā bäín. amín-kasī gušt wa šut. eší mās yak sorén búze rā kúštī, burt, górī kurt.

На утро в другом селении была свадьба. Девушки этого селения принарядились, а она не наряжалась. Ее золовка пришла и сказала: «Шар-шару, почему ты не наряжаешься? ведь мы идем на свадьбу!» Она сказала: «пока у меня не будет крыльев, я никуда не могу итти». Она сказала: «хорошо я принесу тебе крылья, а ты пока принарядись». Она сказала: «хорошо!» Та пошла к своей матери и сказала: «матушка, отдай ей крылья!» Ее мать сказала: «нет, дочка, если я отдам ей крылья, она полетит и исчезнет, а твой брат вернется и спросит про нее: где, мол, моя жена? Нет», — сказала она, — «я не отдам крыльев!» Та сказала: «нет, матушка, отдай ее крылья! мы сходим на свадьбу и скоро придем!» Она сказала: «хорошо!» Она дала ей крылья; та принесла крылья и отдала своей невестке. Ее невестка с радостью взяла свои крылья. Они собрались на свадьбу и пошли. Она сказала: «вы идите, я сейчас приду», а сама вдруг взлетела и очутилась в воздухе. Они взглянули, но увы! она взлетела и летит. Ее свекровь и золовка стали себя бить и плакать: «она ушла, а не завтра, так послезавтра вернется Ша-каландар и спросит у нас про нее: где, мол, моя жена? какой ответ мы ему дадим?» Шар-шару уже в воздухе сказала: «я ухожу и буду по ту сторону семи рек!» только это сказала и улетела. Его мать зарезала красную козу, отнесла и закопала.

tārīenā būt, Šäi̯-kalandár āt, gúštī: äi̯ māsí, man čunt sāl int ki šutā́ un pa kārwā́n-kašī́ʸā. eší mās gušt: zī na, parérī šútäi̯ pa kārwā́n-kašī́ʸā. gúštī: na, māsí, e du sā́l int ki man šutá un pa kārwā́n-kašī́ʸā. gúštī: šarr, māsī, watí nānā́nā bor. gúštī: mnī jänén gúj int-a? māsí gušt: ā u tī gwār šútant bi alkā́ wa annū́n a-kāyánt, ta watí nānā́nā bᵘ́ār. gúštī: jwān int, māsí. e ki watí nānā́nā wártī, māsī gúšt: číze ki ša xudā́ čer näi̯nt, šaᵗ ta um čéra na bīt: tī jänén šaᵗ tī γamā́ múrtī. gúštī: gujā́madā gór kurtā́ it? mnā bárit, āí gorā́ nišā́n bdā́it. eší rā búrtant, gorā́ nišā́n dátant ki amédā tī jänén murtáī. eš tā apt šap o apt roč amédenā káptī ameší gorā́i̯ sarā́.

yak róče būt, ā́tī bi gisā́, amédā sūgí níštī, yak jänén zā́ge watí jäníkkā dušmā́n dā́tī ki annū́ trā čo Šareṇ-šarū́i̯ā bāl a-dā́ín. e uškítī, šútī, amā́ jänén zāgā́ loṭítī. gúštī ki Šar-šarū́ bā́lī kurtá magá? ā jänén zāg gušt: tā magá sí na dārā́i̯? ā gúštī: na, man sī na dārín. jänén zāg gušt: palāná ročā́ yak arūsíe būt, ammā́ wat rā jóḍ kurtan ki brawán bi arūsíā. Šar-šarū́ wat rā jóḍī na kurt, tī gwār āt, gúštī ki äi̯ nišā́r, ta pa če wat rā jóḍa na kanā́i̯ ki mašmā́ brawán bi arūsíā? ā gúštī ki äi̯ duskíč, tā mnī bāl ma bayánt, man ič jā šutága na kanín. ā gúštī ki man tī bālánā kārín, ta tānáxte wat rā joḍ pkan, man annū́n tī bālánā kārín. e wat rā jóḍī kurt. ā am šut, bālā́nī āúrt

---

Настало утро. Ша-каландар вернулся и сказал: «о матушка, сколько лет прошло уже, как я ушел с караваном!» Его мать сказала: «не вчера, так позавчера ты ушел с караваном!» Он сказал: «нет, матушка, уже два года, как я ушел с караваном!» Она сказала: «ну, хорошо, сынок, кушай свой хлеб!» Он сказал: «где моя жена?» Его мать сказала: «они пошли с твоей сестрой по селению и сейчас придут, кушай свой хлеб!» Он сказал: «хорошо, матушка». Когда он поел, его мать сказала: «что́ от бога не скрыто, не должно быть скрыто также от тебя! твоя жена с горя по тебе умерла». Он сказал: «где вы ее похоронили? отведите меня и покажите ее могилу!» Его повели и показали ее могилу: вот здесь, дескать, твоя мертвая жена! Десять ночей и десять дней он лежал здесь, на ее могиле.

Однажды случилось, что он пришел домой и сидел здесь в горе, а одна женщина ругала свою дочку: «я теперь тебя, как Шар-шару, заставлю улететь!» Он услышал, пошел, позвал эту женщину и сказал: «разве Шар-шару улетела?» Та женщина сказала: «разве ты не знаешь?» Он сказал: «нет, не знаю». Женщина сказала: «в такой-то день была свадьба, и мы принарядились чтобы итти на свадьбу, а Шар-шару не наряжалась; твоя сестра подошла и сказала: „невестка, что же ты не наряжаешься? ведь мы идем на свадьбу!“ она сказала: „золовка, пока у меня не будет крыльев, я никуда не могу итти“; та сказала: „я принесу твои крылья! ты пока принарядись, а я сейчас

u dāt. e watí bālánā zurt, gúštī ki brawán. e š-amédā šútant bi arūsíā pānádā. āwánā gúštī ki šmā bräiṇt, man annūn a-kāín. ā š-amédā šútant ki e yak wā bálī ku, šut bi awá wa bi mā awáä demá gúštī ki man raín, ša apt daryábā áškā bäín. e Šäiṇ-kalandár gúštī ki man annūn a-räín pa āí padá.

Šäiṇ-kalandár šútī, wat rā malangí póšī kurt wa šútī, šútī bi yak čóle. dístī tā yak molíde áp a-kašít. gúštī: äiṇ dādá, mnā yak kámme āp bdäiṇ. e gúštī: bra, gum bāiṇ, tī dil ušk bīt, Šar-šarūäiṇ nimáz kazá bīt, man trā ápa bdäín! e gúštī ki bra ki tī āp ón bayánt. e š-amédā watí āpánā búrtī ódenā, tā mnī āp ón ant! pa duwārág watí maškáiṇ āpánā rétī, pa duwārág átī bi čāá sará. e čorí gušt: äiṇ dādá, ta mnā yak kámme āp bdäiṇ. a gúštī: bra, gum bāiṇ, tī dil ušk bīt, Šar-šarūäiṇ nimáz ódā kazá bīt, man trā āp bdäiṇn! ā gúštī: bra ki tī āp rem bayánt. ā watí āpánā burt, ódenā säiṇl ku, tā mnī āp rem ant! watí maškáiṇ āpánā gipt, rétī, átī padā bi čāáiṇ sará, watí maškā ápī ku. e čorí gúštī: äiṇ dādá, ta mnā yak kámme āp bdäiṇ. e gúštī bra, gum bā, tī dil ušk bīt, ki Šar-šarūäiṇ nimáz ódā kazá bīt! e gúštī: brā ki tī āp čirk bayánt. e š-amédā watí āpánā burt bi ódenā.

принесу твои крылья"; она принарядилась; та пошла, принесла крылья и отдала; она взяла свои крылья и сказала: „пойдемте!" они пошли на свадьбу, и она сказала им: „вы идите, а я сейчас приду"; они пошли, и вдруг она взлетела на воздух и уже в воздухе сказала: „я ухожу и буду по ту сторону семи рек!"» Ша-каландар сказал: «теперь я пойду за ней!»

Ша-каландар пошел, оделся в дервишеское платье и ушел. Пошел он в пустынное место, увидел, что одна служанка набирает воду, и сказал: «сестрица, дай мне немножко воды!» Она сказала: «уходи, пропади, пусть иссохнет твое сердце! пускай, значит, Шар-шару опоздает, и ей не зачтется молитва, а я буду давать тебе воду!» Он сказал: «иди, и пусть твоя вода обратится в кровь!» Она понесла отсюда свою воду: — «да ведь моя вода, это кровь!» Она вылила воду из меха и вторично пришла к колодцу. Юноша сказал: «сестрица, дай мне немножко воды!» Она сказала: «уходи, пропади, пусть иссохнет твое сердце! пускай, по твоему, Шар-шару опоздает, и ей не зачтется молитва, а я буду давать тебе воду!» Он сказал: «иди, и пусть твоя вода обратится в гной!» Она понесла туда свою воду и посмотрела: «да ведь моя вода, это гной!» Она взяла и вылила воду из своего меха, опять пришла к колодцу и набрала воды в мех. Юноша сказал: «сестрица, дай мне немножко воды!» Она сказала: «уходи, пропади, пусть иссохнет твое сердце! ведь Шар-шару может опоздать на молитву, и она ей не будет зачтена!» Он сказал: «иди, и пусть твоя вода станет грязью!» Она понесла отсюда свою воду.

Šar-šarū gušt: ta zūti pkan, pa man āptāwágäi̯ tā āp pkan wa biár ki man dásti-nimáz bgirín. e šut, watí āpánā sāi̯lī ku, tā mnī āp čírk ant! Šar-šarū gúštī ki zūti pkan, āp biár. pa duwārág gúštī: tī āp pa če ón ant u čirk ant u rem ant? ā ǰawáb dāt ki bi čāái̯ sará yak malánge ništá u ǰwānén sūratíen mardúme, ša man ápe lotít u man áe rā gúštun: bʿra, gum bāi̯, tī dil ušk bīt, Šar-šarūäi̯ nimáz ódā kazá bīt wa man trā édā āp bdáīn! ā gúštī: bra ki tī āp on u čirk bayánᵗ. Šar-šarū gušt: ta bra, áe rā āp bdäi̯, ziyātíānī ma réčäi, pa man biáräi̯.

e š-amédā šútī bi čāái̯ sará tā čorī ništá-ī. watí mašká ápī kurt. e čorí gušt ki äi̯ dādá, mnā yak kámme āp bdäi̯! e molíd gúštī: äi̯ lālá, ta yak wā bošt ki man watí maškái̯ dapá bandín, gúḍā trā áp a-däín. watí maškái̯ dapá bast, eší rā āp dāt, gúštī: watí ziyātíyānā ma réčäi̯ ki Šar-šarū go man guštái̯ ki āí ziyātíyānā biáräi̯ pa man. e šá xudá lotít ki e molíd mnā e ḍolén abáre dāt. eší dem ki āngūrí gašt, e watí čalláwā gíptī, bi āpánī tā préntī, wa e molíd āpánā búrtī, bi Šári-šarū dāt.

Šar-šarū wártī, sāi̯lī ku tā allá! e čalló mní int-a! e čalláwā zúrtī, átī bi čāái̯ sará, sāi̯lī ku tā e Šäi̯-kalandár int-a. gúštī: äi̯ ādamí, múrg

---

Шар-шару сказала: «поскорее налей воды в кувшин для омовений и принеси, потому что я уже собираюсь встать на молитву!» Она пошла и посмотрела на свою воду: «да ведь моя вода, это грязь!» Шар-шару сказала: «скорее неси воду!» и сказала еще: «отчего это у тебя вместо воды то кровь, то гной, то грязь?» Она ответила: «у колодца сел один дервиш, человек молодой и красивый, он попросил у меня воды, а я ему сказала: „уходи, пропади, пусть иссохнет твое сердце! ведь Шар-шару может опоздать на молитву, и она ей не будет зачтена, пока я буду здесь тебе давать воду!“ он сказал: „иди, и пусть твоя вода будет кровью и грязью!“» Шар-шару сказала: «иди и дай ему воды, а остатки не выливай, а принеси мне».

Она пошла отсюда к колодцу; юноша еще сидит. Она наполнила свой мех водой. Юноша сказал: «сестрица, дай мне немножко воды!» Служанка сказала: «братец, подожди немножко, я завяжу свой мех и тогда дам тебе воды». Она завязала отверстие своего меха, дала ему воды и сказала: «остатки не выливай, потому что Шар-шару мне сказала: „что́ после него останется, принеси мне!“» Это он выпросил у бога, чтобы служанка произнесла такие слова Как только она отвернулась, он взял свой перстень и опустил в воду. Служанка отнесла воду и дала ее Шар-шару.

Шар-шару стала пить, взглянула: «ах, да ведь это мой перстень!» Она взяла перстень, пошла к колодцу и стала смотреть, а там Ша-каландар. Она

be bāl, ta édenā čon átäi̯? e gušt: man amé ḍol átun. eší rā gíptī, sūččnī kurt, bi watí zīʸáī jat. š-amédā šútī bi watí jāgá. parí átant, gúštant ki äi̯ Šar-šarū, boi̯, boi̯ ādamí! e gúštī ki bräit, gum bäi̯t, édā gúj int ādamíe? e gúštant ki na, Šar-šarū, boi̯, boi̯ ādamí! Šar-šarū gúštī ki bräit, gum bäit pa wat, édā ādamí näint-a wa múččī parí ant. e š-amédā šútant pa wat.

Šar-šarū š-amédenā šútī bi dūrā, eší rā gíptī, bi watí bālán játī, bālī kúrtī, šútī bi watí jāgá. ódenā mās u písī gúštant ki āʷúrtäi̯ watí jänénā? ā gúštī: ān, šᵘmā go man bāz gandágen kār kúrtit ki man watí jänénā bi šmäi̯ dastá dátun, šmā go man e ḍol kúrtit. š-amódenā man jístun u bástun, átun, bi watí jāgá, níštun.

IX

būt būt, ša mašmäi̯ xudá getír ič kas na būt. yak pādšáe at, e šútant pa gardíštā. e pādšá oš ku: mnī tazbí édā näi̯nt, gisá māntá, ša šmā yáke bräit, mnī tazbíā biyárit. wazíl gu: äi̯ pādšá, man a-räín, tī tazbíā kārín. pādšá gúštī: bra, tazbíā biár. e wazíl šut, der kúrtī. Šā-trasán gúštī ki

---

сказала: «о человек, птица без крыльев! как ты попал сюда?» Он сказал: «вот так и попал!» Она взяла его, обратила в иголку, воткнула себе в воротник и пошла отсюда к себе. Подошли пэри и стали говорить: «о Шар-шару, запах! человечий запах!» Она сказала: «уходите, пропадите! откуда здесь человечье!» Они сказали: «нет, Шар-шару, запах! человечий запах!» Шар-шару сказала: «уходите, убирайтесь к себе! здесь человечьего нет, все пэри!» Они ушли отсюда к себе. А Шар-шару пошла отсюда подальше, взяла его, поместила к себе на крылья, взлетела и отправилась к себе домой. Там его мать и отец сказали: «ты привел свою жену!» Он сказал: «да! вы со мною очень скверно поступили: я поручил вам свою жену, а вы так со мной поступили!» Оттуда я выскочил, завязал, пришел к себе, уселся.

(IX. О Ша-трасане)

Было-было, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. (Однажды царь и его приближенные) отправились на прогулку. Вдруг царь спохватился: «здесь нет моих четок, они остались дома; кто-нибудь из вас пусть съездит и привезет мои четки». Визирь сказал: «царь, я съезжу и привезу твои четки». Царь сказал: «поезжай и привези четки». Визирь поехал, но задержался. Тогда Ша-трасан сказал: «я съезжу и привезу четки». Царь сказал

man a-räín, tazbíā kārín. pādšā́ gúštī: bra, zū́ti biáäi̯. Šā-trasā́n šútī, rástī ódenā bi pādšā́äi̯ gisā́, dístī ki wazíl go padšā́äi̯ ǰänénā ǰant u wart. e zū́tī ku, tazbíā zúrtī u amé wazíläi̯ linguṭá go tazbíā zúrtī u áspe rā suwā́r būt u šut. wazíl zū́tī kurt, šútī, ša bāzā́rā pa wat linguṭáe zítī, watí sarā́ bast, átī, ša kamándā áspe gíptī, suwā́r būt u áī ku, šut, ša Šā-trasā́n demā́ bū́tī, šut bi pādšā́äi̯ā. pādšā́ gúštī: mnī tazbí gúǰ int? wazíl gu: pádā go Šā-trasā́n int, ā kārítī. gúštī: šarr. yak sāáte būt, Šā-trasā́n āt.

š-amédā šútant, átant bi yak ǰáe, dístant ki aǰáben ǰwānén ḍigáre. wazíl gu ki e ḍigár bābi tī šār u kalā́t-a dārít, tī šār u kalā́t edená bīt! pādšā́ gušt: kār kí kār ant? wazíl gu: kār Šā-trasānī[y] ant. pādšā́ gúštī ki äi̯ Šā-trasā́n bābā́, če a-gušā́i̯? Šā-trasā́n gušt ki ilā́ǰe na dārín. pādšā́ gúštī ki kanā́i̯ yā na? gúštī ki kanín. e pādšā́ u wazíl šútant, Šā-trasā́n tanā́ mā́ntī, šútī, dástę nimā́z gíptī, átī, nimā́z kúrtī. yak pīramárde átī, gúštī: äi̯ bābā́, édā ta čéw a-kanā́i̯? Šā-trasā́n gušt ki pādšā́ bi mnī sarā́ úkme kurtá ki ta édenā šā́r u kalā́te ǰóḍ kanā́i̯. e pīramárd gušt: äi̯ bābā́, ta pa̯ eší sargardā́n äi̯? Šā-trasā́n gúštī ki ān, bābā́, man p-ameší sar-gardā́n un. e pīramárd watí asā́ zúrtī, bi ḍigárā yak wār čóši kašít, šār u kalā́te ǰóḍ būt.

ему: «поезжай, но возвращайся скорее». Ша-трасан отправился, прибыл в царский дворец и увидел, что визирь забавляется с царской женой. Он поспешил, взял четки и вместе с четками захватил чалму визиря; сел верхом и поехал. Визирь заторопился, вышел, купил на базаре для себя чалму, повязал голову, взял лошадь из конюшни, сел на нее, погнал, поехал, опередил Ша-трасана и подъехал к царю. Царь сказал ему: «где мои четки?» Визирь сказал: «сзади, у Ша-трасана, он привезет». Он сказал: «хорошо». Прошло некоторое время, Ша-трасан подъехал.

Они отправились оттуда; приехали в одно место и увидели, что местность удивительно хороша. Визирь сказал: «эта местность подходит для устройства поселения и города, пусть здесь будет основан твой город!» Царь сказал: «чья же это будет работа?» Визирь сказал: «это дело Ша-трасана». Царь сказал: «ну, сынок Ша-трасан, что скажешь?» Ша-трасан сказал: «у меня нет выхода!» Царь сказал: «что же, сделаешь или нет?» Он сказал: «сделаю». Царь и визирь уехали. Ша-трасан остался один, совершил омовение и стал на молитву. Подошел один старец и сказал: «что ты здесь делаешь, сынок?» Ша-трасан сказал: «царь приказал мне, чтобы я заложил здесь город». Старец сказал: «этим-то ты расстроен, сынок?» Ша-трасан сказал: «да, отец, я этим расстроен». Старец взял свой посох, провел один раз по земле, и образовался город.

bándā pādšá átī pa säḭlá, sáḭlī ku ki ajáb jwānén šār u kaláte-e. e wazíl dist, go pādšá gúštī: äḭ pādšá, e šār u kalát bábi dráxtẹ gul-xandún u gul-gurún dārít ki édenā dráxtẹ gul-xandún bútin. pādšá gu ki kār kí kār-ant? wazíl gu ki kār Šā-trasánī kār ant. pādšá gu ki äḭ bābá Šā-trasán, če a-gušáḭ? Šā-trasán gušt: iláje na dārín, mebāét pkanín. e šútant.

Šā-trasán mānt u šútī, dast-nimáz gíptī, nimázī ku, pīramárd átī Šā-trasánīyā, gúštī: äḭ bābá, pa če sar-gardán äḭ? Šā-trasán gušt ki ša man dráxtẹ gul-xandún u gul-gurún a-loṭánt. gúštī: p-ameší sar-gardán äḭ? gúštī: ān. gúštī: bra š-amédenā, bẹ palāná jā yak buzlangí-e, pādáḭ ṭūén nále sabz kurtá, amá naláḭ čérā pa wat kúrme dẹ, wat bi mā kurmá[1] tā mnind, amé naláḭ rīšágā go watí dastá bgir, péš kaš, ā buzlangí wat paryád a-kánt. buzlangí, káyant, amédenā kót a-bayánt. šant ki bi azráti Sleḭmánī čáppäḭ aptekállā sogínd ki trā íččīa na kanán, ar kas-áḭ, dár kap, biá, trā íččīa na kanán. ta mäḭl, pa duwārág péš pkaš. ā wat a-gušánt: bi azráti Sleḭmánī rástäḭ aptekállā sogínd, trā íččīa na kanán. gúḍinā ta bil. Šā-trasán gúštī: nápa bāz jwán int-a.

На следующее утро царь прибыл для осмотра и усмотрел, что поселение и город удивительно хороши. Визирь поглядел и сказал царю: «царь, этот город вполне достоин дерева с цветами смеха и плача (гуль-хандун и гуль-гурун)! если бы здесь было это дерево!» Царь сказал: «чья же это будет работа?» Визирь сказал: «это дело Ша-трасана». Царь сказал: «ну, сынок Ша-трасан, что ты скажешь?» Ша-трасан сказал: «у меня нет выхода, приходится сделать». Они уехали.

Ша-трасан остался, совершил омовение, сотворил молитву. Явился старец и сказал: «ну, сынок, чем ты расстроен?» Ша-трасан сказал: «с меня требуют дерева с цветами смеха и плача». Он сказал: «так ты этим расстроен?» Он сказал: «да». Он сказал ему: «иди отсюда; в таком-то месте есть один бузланги, и в ноге у него вырос большой отросток; ты под тем отростком выкопай для себя яму, сядь в яму, захвати рукой корни отростка и потяни: тот (бузланги) закричит, и другие бузланги придут туда к нему на помощь и скажут: „клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, мы тебе ничего не сделаем! кто бы ты ни был, выйди наружу и подойди, мы тебе ничего не сделаем!“ ты не отпускай, а опять потяни; они снова скажут: „клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, мы ничего тебе не сделаем!“ тогда ты отпусти». Ша-трасан сказал: «очень хорошо!»

š-amódinā šútī bi amā́ nalā́i̯yā ki bi amé buzlangíäi̯ pādā sabz kurt-át. šut, amāí čérā pa wat yak kúrme ǰátī u bi amā́ kurmā́i̯ tā wat čer káptī u amā́ nalā́i̯ rīšágānā gipt, péš kašít u yak wār amé buzlangí grétī u čičál kúrtī. yak wār buzlangí gírdī ā́tant, tawā́r kúrtant ki ta ādamíe wäi̯ yā ínse wäi̯ yā ǰínse wäi̯, ar čée wäi̯, bil. bi azráti Sleiमānī čáppäi̯ aptekállā sogínd, trā́ íččia na kanán, bil. e nā́i̯ištī, pa duwārág peš kašítī, pa duwārág amé buzlangí čičál kurt. yak wār amé buzlangí gírdī gúštant: bẹ azráti Sleiमānī rástäi̯ aptekállā sogínd, trā íččīa nà kanán. e dár kapt. gúštant ki äi̯ ādamí, ta š-e badbáxtā čẹ loṭā́i̯ ki e badbáxtā e ḍol sizā́ dārā́i̯? čẹ dard dārā́i̯ b-ešī? e gušt ki man yak murā́de dārín, ki šmā āsíl pkanít. buzlangí gúštant ki čẹ murā́de dārā́i̯? e gušt kẹ man amé murā́dā dārín ki dráxti gul-xandū́n u gul-gurū́nā ša man pādšā́ loṭít. e gúštant: tī murā́d améš int? Šā-trasā́n gúštī ki ān. gāmǰánā gúštant ki eší rā bzūr u bar, bi dráxti gul-xandū́n u gul-gurū́nī sarā́ sᵘwār kan, dráxti gul-xandū́n u gul-gurū́n rā ša rīšágā pkaš u bar, bi pādšā́äi̯ šārā́ bil u wat biā́. eš Šā-trasánā búrtī, bi draxtā́i̯ šarā́ sᵘwār kurt, búrtī, bi pādšā́ä šārā́ íštī, wat bi pádā ā́tī.

šäi̯pū́r tawā́r ku, poǰ ā́tant pa säi̯lā́. säi̯l kúrtant, wazíl dist, go pādšā́ gušt: äi̯ pādšā́, e dráxtā gul-xandū́n u gul-gurū́n bāb dāšt· kẹ p-eší yak

---

Оттуда он пошел к тому тростнику, который вырос на ноге у бузланги. Пошел, вырыл под ним для себя яму, спрятался в яме, схватил корни тростника и потянул; тотчас бузланги заплакал и застонал. Сразу подошли все бузланги и закричали: «человек ли ты, или дух, кто бы ты ни был, отпусти! клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, мы ничего тебе не сделаем, отпусти!» Он не отпускал, а потянул вторично. Вторично тот бузланги застонал. Тотчас все бузланги сказали: «клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, мы тебе ничего не сделаем!» Он вышел. Они сказали: «человек, что́ ты хочешь от этого бедняги, что ты этого беднягу подвергаешь такому наказанию? какую обиду он причинил тебе?» Он сказал: «у меня есть одно желание, которое вы могли бы исполнить». Бузланги сказали: «какое у тебя желание?» Он сказал: «у меня такое желание, что царь требует от меня дерево с цветами смеха и плача». Они сказали: «таково-то твое желание?» Он сказал: «да». Они сказали скороходу: «возьми его, отнеси и посади на дерево смеха и плача, вытащи с корнем дерево с цветами смеха и плача, снеси и поставь в царском городе, а сам приходи». Он понес Ша-трасана, посадил его на дерево, отнес и поставил в царском городе, а сам вернулся.

Протрубили в трубу, и стража пришла для осмотра; стали осматривать. Визирь посмотрел и сказал царю: «это дерево с цветами смеха и плача требует,

bálle bū́tin, dráxti čil-muγā́m édenā bū́tin. pādšā́ gušt: kār kí kār ant? wazíl gušt: kār Šā-trasā́nī kār ant. pādšā́ gušt ki äi̯ bābā́ Šā-trasā́n če a-gušā́i̯? Šā-trasā́n gušt ki man ilā́je na dārín, amé kārā́ kanín. gúḍā e šútant.

Šā-trasā́n šut, dastę-nimā́z gipt, nimā́z ku, spe-ríše ā́tī, gúštī: äi̯ bābā́, édā čeʷ a-kanā́i̯? gúštī ki pādšā́ go man guštā́ī ki dráxti čil-muγā́mā šaᵗ ta loṭín. gúšti ki p-ameší γussá warā́i̯? Šā-trasā́n gušt ki ān. gúštī ki bra, pᵃlāná jā yak buzlangíä jänéne nān a-pačít, amé ki pádäi̯ girdágā mān bast, ta bgir, ša pádā godā́nānī čuš-čúšā biná pkan. āí nān a-sučánt, ā gušít ki ta ar kas-ā́i̯, bil, ki mnī nān sótant, ta mā́i̯läi̯, āí nān sučánt, ā wat a-gušít: bi azráti Sleiṃā́nī čáppäi̯ aptekállā sogínd, trā íččīa na kanín, ar kas-ā́i̯, bil, ta mäi̯l. amé ki nā́nī bāz sótant, ā wat gušít ki bi azráti Suleiṃā́nī rā́stäi̯ aptekállā sogínd, trā íččīa na kanín. guḍā ta am bäˡl.

Šā-trasā́n ā́tī bi jänákäi̯ā, dístī ki nān a-pačít, uštā́tī. pádäi̯ girdágā ki mān bast, ša pádā godā́nānī čuš-čúšā biná kurt. eší nān sótant, gúštī: ta ar kas-ā́i̯, bil, ki mnī nān sótant. e nā́ˡštī, buzlangíä jänénä nān sótant. gúštī: ta ar kas-ā́i̯, bi azráti Sleiṃā́nī čáppäi̯ aptekállā sogínd ki trā íččīa na kanín, bíl, ki mnī nān sótant. e nā́i̯štī. nā́nī bāz sótant, gúštī:

чтобы для него была пара! если бы здесь было дерево сорока песней!» Царь сказал: «чья же это работа?» Визирь сказал: «это работа Ша-трасана». Царь сказал: «что скажешь, сынок?» Ша-трасан сказал: «у меня исхода нет, сделаю и это». Они уехали.

Ша-трасан пошел, сделал омовение, сотворил молитву, подошел старец, сказал: «что здесь делаешь, сынок?» Он сказал: «царь сказал мне: „я хочу от тебя дерево сорока песен“». Тот сказал: «ты этим опечален?» Ша-трасан сказал: «да». Тот сказал: «иди! в таком-то месте жена бузланги печет хлеб; как только она прилепит последнюю лепешку, ты изловчись и примись сзади сосать ее грудь; ее хлеб будет сгорать, и она скажет: „кто бы ты ни был, отпусти! мой хлеб горит!“ ты не отпускай; ее хлеб будет сгорать, и она снова скажет: „клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, я тебе ничего не сделаю, кто бы ни был, отпусти!“ ты все же не отпускай; когда хлеб сильно подгорит, она снова скажет: „клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я тебе ничего не сделаю!“ тогда ты отпусти».

Ша-трасан пошел к женщине, увидел, что она печет хлеб, встал, и как только она прилепила последнюю лепешку, принялся сзади сосать ее грудь. Ее хлеб стал подгорать, и она сказала: «кто бы ты ни был, отпусти! мой хлеб горит!» Он не отпускал, хлеб жены бузланги горел. Она сказала: «кто бы ты ни был, клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, я тебе ничего не сделаю, отпусти! мой хлеб горит!» Он не отпускал. Ее хлеб сильно подгорел, и она

bi azrátī Sleiмánī rástäi aptekállā sogínd, trā íččīa na kanín, bil. eš am íštī. eší rā sūčéne kúrtī, bi watí kulái ǰat. watí nānánā pač sist, búrtī bi watí gisá, zágī átant, gúštant: másī, másī, boi, boi ādamí. másī gušt: albát šmā ādamíe čīz wartág-it ki bi šmā gīná ast. ā gúštant: na, másī, boi, boi ādamí. másiš gušt ki yak ādamíe ast, eš am čo šᵘmáiā yak bráse.

eší rā dárī kurt, āwúrtī, b-ešánī mānǰínā íštī. e gúštant: äi lālá, če murád dārái? e gušt: man yak muráde dārín, agár šᵘmā āsíl pkanít. e gúštant ki če muráde. e gušt: mnī murád dráxti čil-muγám ast. e gúštant: ammá yak muráde dārán, agár ta āsíl kanái. e gušt: če muráde? e gúštant: yak buzlangíe ast ki ammái dištárā wāūndí kurtá, bi amá na dant, agár ta brawái, š-āí ammái dištárā alás pkanái, amá-m tī murádā āsíl a-kanán. e gušt: ša šmā yáke go man bäit, mnā nišāní bᵢdánt. e gúštant ki ammá trusán, na rawán. amé ammái tūlá biᵗ tī demá bīt, trā bart rāstám bẹ māí sará. e gúštī: nápa ǰuwán int. tūlá b-eší demá būtī, eší rā búrtī, rāstám bi buzlangíäi sará.

ódā šut, sái a-kú ki čāá tā buzlangí waptá, jänikkū sráiā paṭṭít, jänikkū eší rā dist, gušt: man bi balée kaptá un, ta wat rā bi balée

---

сказала: «клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю, отпусти». Он ее отпустил. Она его превратила в иголку и воткнула в свою шапку, а свой хлеб вынула и отнесла домой. Ее дети подошли и сказали: «матушка, матушка, запах! человеческий дух!» Мать сказала: «должно быть, вы поели какой-нибудь человечины, что вам чудится запах!» Они сказали: «нет, матушка, запах! человеческий дух!» Их мать сказала: «здесь есть один человек, но он, подобно вам, один из братьев».

Она его вынула, подвела и поставила между ними. Они сказали: «какое у тебя желание, братец?» Он сказал: «у меня есть одно желание, только исполните ли вы его?» Они сказали: «какое желание?» Он сказал: «мое желание — дерево сорока песен!» Они сказали: «и у нас есть одно желание, исполнишь ли ты его?» Он сказал: «какое желание?» Они сказали: «есть один бузланги, который овладел нашей невестой и не дает ее нам; если ты пойдешь и освободишь от него нашу невесту, и мы твое желание исполним». Он сказал: «пусть один из вас пойдет со мной и покажет мне». Они сказали: «мы боимся и не пойдем, а вот наш щенок будет впереди тебя и отведет тебя прямо к нему». Он сказал: «ну, хорошо». Щенок шел впереди и повел его прямо к местообитанию бузланги.

Он пошел туда, стал смотреть и увидел в колодце спящего бузланги; девушка перебирает у него волосы на голове. Девушка его увидела и сказала: «я попала

ma pren. e gúštī: man náʸ-átun ki napás drūāén pádā barín, yā eší rā kušín, yā na kẹ e mnā kušít. watí zāmā́ bi buzlangíä pā̧dā́ ínḍ dāt. buzlangí gúštī ki mnī pādā́ bóḍe wart. gúštī go jänikkū́ā kẹ amé boḍā́ bgir. ā badtír pādā́i̯ tā inḍ dāt. e gušt ki trā gušín: boḍā́ bgir. ā gušt: e bóḍe näi̯nt, watí burzágā säi̯l pkan. e ki sā́i̯lā kurt tā mardúme bi mnī sarā́i̯ čérā uštātá, ša čā arkát ku, dár kapt. e gúštī: ta dẹ mnā! ā gúštī: ta dẹ mnā. Šā-trasā́n gu ki wārí tí-int, ta mnā dẹ! buzlangí Šā-trasā́nā játī zā́me, e zām Šā-trasā́nā ṭap na kurt, e zām šut bi ḍigárā. Šā-trasā́n bi buzlangíā gušt ki tī zāmā́i̯ jatín améš būt? buzlangí gu: mnī zāmā́i̯ jatín améš int, ta wat rā bⁱšān. Šā-trasā́n wat rā šānt. buzlangí dist ki b-eší ṭap na kurtá. Šā-trasā́n gušt kẹ annū́n wārí mní-int. buzlangí gušt ki ān. Šā-trasā́n eší rā jat yak zā́me. eš gúštī: tī zāmā́i̯ jatín améš būt? Šā-trasā́n gu: ān. Šā-trasā́n gúštī: wat rā pšān. buzlangí wat rā šā́ntī, néme éškā kapt, néme áškā kapt. adigá buzlangí dístant ki dūt ziyā́n būt, ā am rástant, jänikkū́ā kašítant, búrtant, gām-jánā gúštant ki eší rā bar, bẹ dráxti čil-muγā́mä sarā́ sᵘwā́r kan, dráxtā ša bunā́ pkaš, bar, bi pādšā́ä̯i̯ γasrā́ dapā́ dẹ. e Šā-trasā́nā gúštī ki brawán ódenā bi dráxti čil-muγā́mä̯i̯ā, eší rā búrtī, bi dráxti čil-muγā́mä̯i̯

в беду, хоть ты себя в беду не взвергай!» Он сказал: «я не затем пришел, чтобы уходить назад здравым и невредимым: или я его убью, или же он меня убьет!» и своим мечем уколол бузланги в ногу. Бузланги сказал: «меня в ногу укусила вошь!» и велел девушке: «убери эту вошь!» Он еще хуже уколол его в ногу. Он сказал: «я тебе говорю, убери вошь!» Она сказала: «это не вошь, посмотри над собой!» Как только он рассмотрел, что над его головой стоит человек, он поднялся из колодца и вышел наружу. Этот сказал: «ударь меня!» и тот сказал: «ударь меня!» Ша-трасан сказал: «очередь твоя, ты меня ударь!» Бузланги нанес Ша-трасану удар мечом. Этот удар не поранил Ша-трасана, меч ушел в землю. Ша-трасан сказал бузланги: «так-то ты бьешься мечом!» Бузланги сказал: «я так бьюсь мечом, ты отряхнись!» Ша-трасан отряхнулся, бузланги увидел, что он его не поранил. Ша-трасан сказал: «теперь моя очередь!» Бузланги сказал: «да». Ша-трасан нанес ему удар мечом. Он сказал: «так-то ты бьешься мечом!» Ша-трасан сказал: «да». Потом Ша-трасан сказал: «отряхнись!» Бузланги отряхнулся, и одна половина упала на одну сторону, другая — на другую. Другие бузланги увидели, что поднялся большой дым. Они также приблизились, девушку взяли и увели с собою, а скороходу сказали: «отведи его, посади на дерево сорока песен, а дерево выдерни с корнем, снеси и посади у входа в царский замок». Он сказал Ша-трасану: «отправимся к дереву сорока песен!» повел его и посадил на дерево сорока песен;

sarā́ s^{u}ẇā́rī ku, dráxti cil-muγā́m rā ša bunā́ kašítī, búrtī, bi padšā́äi̯ γasrā́i̯ dapā́ íštī.

tārīenā šäi̯pū́r tawā́r ku, poj ā́tant pa säi̯lā́. wazíl dist, go pādšā́ gušt ki e dráxti čil-muγā́m u dráxti gul-xandū́n u gul-gurū́n u e tī šār bāb dāšt, duxtári Šāri-sabz édā būtin. pādšā́ gu ki kār kí kār ant? wazíl ǰawā́b dāt ki kār Šā-trasā́nī kār ant. pādšā́ gu ki äi̯ bābā́ Šā-trasā́n, če a-gušā́i̯? Šā-trasā́n gušt: ilā́je na dārín, mebāyét pkanín. pādšā́ gušt: kanā́i̯ yā na? Šā-trasā́n gušt: kanín. gúštī ki nápa ǰwān int. ā šútant.

Šā-trasā́n šut, dast-nimā́z gipt, nimā́zī kurt, pīṛamárd átī, gúštī: äi̯ bābā́, pa če sargardā́n äi̯? Šā-trasā́n gušt: pādšā́ ša man duxtáre Šāri-sábzā ša man loṭíta-ī. e gúštī: ta p-ameší γussá warā́i̯? Šā-trasā́n gušt: ān. watí ar pančén čangúlānā bi puštā́i̯ ǰátī, gúštī: bra, pa xudā́i̯ ukmā́ ādamīzā́t wa zinda-ǰā́n tī puštā́ bi ḍigárā kurtá ma kant.

Šā-trasā́n š-amédā šútī, yak ǰáe buzlangíe déde yak nā́ne prenít bi wārā́, yáke kašít u wart. Šā-trasā́n gušt ki ta pa če e ḍol a-kanā́i̯? ā gúštī ki man e ḍåu̯l a-kanín, bálke zor pai̯dā́ a-kanín ki go Šā-trasā́n kuští bgirín. Šā-trasā́n gušt ki man Šā-trasā́n ná un, magár Šā-trasā́nī dastā́i̯

вытащил с корнем дерево сорока песен, отнес и посадил у входа в царский замок.

Утром затрубили в трубу, и стража пришла для осмотра. Визирь посмотрел и сказал царю: «это дерево сорока песен, это дерево с цветами смеха и плача, этот твой город требуют, чтобы здесь была девушка из Зеленого города». Царь сказал: «чья же это работа?» Визирь ответил: «это работа Ша-трасана». Царь сказал: «ну, что скажешь, сынок Ша-трасан?» Ша-трасан сказал: «у меня нет исхода, я должен сделать!» Царь сказал: «сделаешь или нет?» Шатрасан сказал: «сделаю». Он сказал: «ну, хорошо». Они уехали.

Шатрасан пошел, совершил омовение, сотворил молитву, подошел старец, сказал: «чем ты расстроен сынок?» Ша-трасан сказал: «царь потребовал с меня девушку из Зеленого города». Тот сказал: «так ты этим опечален?» Шатрасан сказал: «да». Он ударил его всеми пятью пальцами по спине и сказал ему: «иди! по божьему повелению, никто, рожденный от человека и с живою душой, не сможет положить тебя спиной на землю!»

Ша-трасан пошел отсюда. В одном месте бузланги один хлеб бросает в золу, а другой хлеб вынимает и ест. Ша-трасан сказал: «зачем ты так делаешь?» Тот сказал: «я так делаю, чтобы приобрести силу, потому что я буду бороться с Ша-трасаном». Ша-трасан сказал: «я не Ша-трасан, но я много

nānā́ wártag un, agár mnā wāpéntäi̯, Šā-trasán am wāpenā́i̯. eš ar duén kuští gíptant. Šā-trasán eší rā wāpént, xanjárā kašit ki pkúšītī. e gu: mnā ma kuš ki man tī yakumíen brās un. Šā-trasán gušt: jwān int.

š-édenā e ar duén šútant, bi yak jā́e dístan^{t} tā yáke š-é watánā tåu̯r a-jánt bi^{y}-ā́ watánā, š-ā́ watánā tåu̯r a-jánt b-é watánā. eší rā pursítant ki ta pa če e ḍåu̯l a-kánā́i̯? e gušt ki man e ḍåu̯l a-kanín ki Šā-trasán ša mnī demā́ ma jīt, ki man g^{w}a āí kuští^{y} a-girín. Šā-trasán gušt ki man Šā-trasán ná un, magár Šā-trasánī dastā́i̯ nānā́ wártag un, agár mnā wāpéntäi̯, Šā-trasánā wāpenā́i̯. e ar duén kuští gíptant. Šā-trasán eší rā wāpént, xanjárā kašít ki pkúšītī. buzlangí gu ki mnā ma kuš, man tī dūmíen brās un. gúštī: napá jwān int.

š-amédā šútant, bi yak jā́e dístant tā yak buzlangíe š-é watánā goš a-kašít bi^{y}-ā́ watánā, š-ā́ watánā goš a-kašít b-é watánā, eší rā pursítant: ta pa če e ḍåu̯l a-kanā́i̯? e gúštī ke man e ḍåu̯l a-kanín, ki Šā-trasán ša mnī demā́ ma jīt ki man g^{w}a āí kuští^{y} a-girín. e gušt ki man Šā-trasán ná un, magár Šā-trasánī dastā́i̯ nānā́ wartā́ un, bi^{y}ā́ ki man u ta kuští bgíran. ar duén kuští gíptant. Šā-trasán eší rā wāpént, xanjárā kašít ki pkúšītī. e gušt: mnā ma kuš ki man tī säyumíen brās un. gúštī ki jwān int.

кормился из рук Ша-трасана, и если ты меня свалишь, то повалишь и Ша-трасана». Они принялись бороться. Ша-трасан повалил его и выхватил кинжал, чтобы убить его. Тот сказал: «не убивай меня, я буду твоим первым братом». Ша-трасан сказал: «хорошо».

Отсюда они отправились вдвоем, и в одном месте увидели, что кто-то мечет пращей из этой страны в другую страну, а из той страны мечет пращей в эту страну. Они спросили его: «зачем ты так делаешь?» Он сказал: «я так делаю, чтобы Ша-трасан не убежал от меня, потому что я с ним буду бороться». Ша-трасан сказал: «я не Ша-трасан, но я много кормился из рук Ша-трасана, и если ты меня повалишь, то свалишь и Ша-трасана». Они принялись бороться. Ша-трасан повалил его и выхватил кинжал, чтобы убить его. Бузланги сказал: «не убивай меня, я буду твоим вторым братом». Он сказал: «ну, хорошо».

Они отправились отсюда и в одном месте увидели, что какой-то бузланги из этой страны слушает, что делается в другой стране, а из той страны слушает, что́ в этой стране. Они спросили его: «зачем ты так делаешь?» Тот сказал: «я так делаю, чтобы Ша-трасан от меня не убежал, потому что я с ним буду бороться». Он сказал: «я не Ша-трасан, но я кормился из рук Ша-трасана, давай, поборемся». Они стали бороться. Ша-трасан его повалил и выхватил кинжал, чтобы убить его. Тот сказал: «не убивай меня, я буду твоим третьим братом». Он сказал: «хорошо».

š-amédenā šútant kẹ yak jáe dístant tā yak buzlangíe š-é watánā gām a-jánt biʸ-ā watánā, š-ā watánā gām a-jánt b-é watánā. eší rā gúštant: ta pa če e ḍåu̯l a-kanāi̯? e gúštī: man e ḍåu̯l a-kanín ki Šā-trasán ša mnī demā ma jīt. e gušt ki man Šā-trasán ná un, magár Šā-trasánī dastāi̯ nānā wartág un, biʸā ki man u ta kuští bgirán. e ar duén kuští gíptant. Šā-trasán eší rā wāpént, xanjárā kašít ki pkúšitī, e gušt ki mnā ma kuš ki man tī čārumíen brās un. gúštī: nápa jwān int.

šā-i̯denā šútant, bi yak jáe dístant tā bāzén morínke ant. awálā amédā yak jūwáke būtá, āp na dāštá, amé morínk š-amédenā šútant u átant. maróčī amé jūwák āp dāštá, amé morínk némiš bi éškā mántant, némiš bi áškā mántant. Šā-trasán watí asá gíptī, bi ämé jūwákä sará išt. morínk gírdī š-ameší laṭṭāi̯ sará gwástant, áškā šútant, ša pádā amešánī mazán āt, gúštī: š-amé mnī puṭán yak kámme bzūr, ar jā dūt pkánāi̯, man āzír a-bäín.

e š-amédā šútant, bi jänikkūäi̯ γasrāi̯ pānádā er kúrtant. Šā-trasán gušt: äi̯ gām-jan, šaᵗ ta loṭín kẹ mnā bi jänikkūäi̯ā barāi̯. Šā-trasán š-amédenā go gām-jánā šútant. gām-ján Šā-trasánā go dastá gipt, ša gisāi̯ sarxolūkā Šā-trasánā érī ku. Šā-trasán átī, sarūnäi̯ čirágā bi pādūnā išt, pādū-

---

Они пошли отсюда, и в одном месте увидели, что какой-то бузланги как шагнет из этой страны, так прямо в другую страну, а из той страны, как шагнет, так прямо в эту. Они спросили его: «зачем ты так делаешь?» Тот сказал: «я так делаю, чтобы Ша-трасан от меня не убежал». Он сказал: «я не Ша-трасан, но я кормился из рук Ша-трасана, давай, поборемся». Они принялись бороться. Ша-трасан его повалил и вытащил кинжал, чтобы убить его. Тот сказал: «не убивай меня, я буду твоим четвертым братом». Он сказал: «ну, хорошо».

Они пошли отсюда и в одном месте увидели много муравьев. Раньше там была канава без воды, и муравьи с этой стороны уходили и приходили. В этот день в канаве была вода, и половина муравьев осталась с этой стороны, а половина с той. Ша-трасан взял свой посох и положил его через канаву. Все муравьи перешли по его посоху и пошли на ту сторону. Потом пришел их старейшина и сказал: «возьми немного из моих волосков, и как только ты заставишь их дымиться, я тотчас явлюсь».

Они отправились отсюда по направлению к замку девушки и остановились. Шатрасан сказал: «скороход, я требую от тебя, чтобы ты меня доставил к девушке». Ша-трасан отправился вместе со скороходом. Скороход взял Ша-трасана за руки, и спустил его через отверстие в крыше. Ша-трасан подошел и светильник от изголовья переставил в ноги, а светильник от ног переставил

näi̯ā bi sarū́nā išt, ša brinj̆ánī yak du lunká wart, gúḍā ša j̆ānikkū́ä demā́ yak du čuk gipt. gām-j̆án eší rā bālā́ kašít, búrtī pádā.

tāríenā j̆ānikkū́ ustát ša wābā́, dístī ki sarū́näi̯ čirā́g pādū́näi̯ ér int, pādū́näi̯ čirā́g sarū́näi̯ ér int. šapénā ki wápt-at, wāb dís̆t-at ki amé mardúmā̄ nām Šā-trasā́n ast, pᵃlāná pai̯γammárä ar pančén čangúl bi puštā́i̯ zilä j̆atá, bi mā wābā́ ki tāríenā kustít, watí dast u démā šodít, ādénkā zūrít, säi̯l a-kánt tā bi mnī demā́ ṭápe ast. molídānā gúštī ki šᵘmā albát mnī demā́ čukkítag it. molíd gúštant ki na, bībí, amā́ ič waxt e ḍåu̯lén kār na kanán. j̆ānikkū́ gu: albát gisā́i̯ dapā́ kulp na kurtág it. molíd gúštant ki na, kilí b-ẹmmā́i̯ dastā́ int, ša gisā́i̯ dapā́ ič kas nā́i̯-ātá. j̆ānikkū́ gušt: šarr, nápa brā́it, ša kassā́bā pīg biárit. e šútant, pīg āʷúrtant. édenā e pīgā́nā koṭítī, amé čāxū́nā gipt, pa γast bi watí čangúlā mān dātī. čangúläi̯ čāxū́n burt. e gípt, pīgā́nā bi molídānī dastā́ dāt. amé čangúlā ki čāxū́n búrt-at, gipt, wād rétī. amé wād e dastā́i̯ sótant, šapí na wapt.

Šā-trasā́nā duwārág gām-j̆án āúrtī b-e j̆ānikkū́äi̯ā. e Šā-trasā́n sarúnäi̯ čirā́gā pādū́nā íštī, pādū́näi̯ čirā́gā sarū́nā íštī, ša brinj̆ā́n yak du lunká wártī, e átī ki j̆ānikkū́äi̯ demā́ pčúkkīt. j̆ānikkū́ dastā́i̯ bandā́i̯ gipt, gúštī: xabardā́-

---

к изголовью, съел горсть или две рису и поцеловал раз-другой лицо девушки. Потом скороход вытащил его наверх и отвел обратно.

На утро девушка пробудилась от сна и увидела, что светильник от изголовья в ногах, а светильник от ног в головах. А когда она ночью спала, она видела во сне, что имя этого человека Ша-трасан и что такого-то пророка все пять пальцев оставили след на его спине. Как только она пробуждается от сна, она умывает лицо и руки, берет зеркало и видит, что на ее лице остался след. Она сказала служанкам: «вы, должно быть, целовали меня в лицо?» Служанки сказали: «нет, госпожа, мы никогда не совершим такого поступка!» Девушка сказала: «должно быть, вы не заперли дверь на замок?» Служанки сказали: «нет, ключ в наших руках, и через двери никто не приходил». Девушка сказала: «ну, хорошо, идите и принесите от мясника сала». Они пошли и принесли сала. Она стала резать его, взяла нож и нарочно приложила его к своему пальцу. Нож обрезал палец. Она взяла сало и отдала его служанкам, а на палец, который был порезан ножом, посыпала соли. Эта соль жгла ее руку, и ночью она не спала.

Скороход вторично привел Ша-трасана к девушке. Ша-трасан от изголовья светильник переставил в ноги, от ног светильник переставил к изголовью, съел одну-две горсти рису и собирался поцеловать лицо девушки. Девушка схватила его за кисть руки и сказала: «будь осторожен! здесь птица теряет

räi̯ ta bīt, kẹ murg édā parr a-rečít, mār édā post a-prenít, ta édā čon átäi̯? Šā-trasán gušt: ādamí múrge be bál int, man ki āšíx un, ātá un ki trā barín. ǰänikkū gu: ta magár ša mnī pisá sí na dāräi̯? Šā-trasán gušt kẹ na, man sī na dārín. ǰänikkū gušt: mnī pis säi̯ šart dārít, agár amá šartánī búrtäi̯, mnā um barái̯. Šā-trasán gušt: tī pis če šart dārít? ǰänikkū gušt: mnī pisái̯ säi̯ šart ant ki ānčén tī amrangén warná bāz ātá, e šartánā burtá na kurtá. Šā-trasán gušt: magár man am š-á warnán getír ná un. ǰänikkū gušt: man watí pisái̯ šartánā go ta gušín. mnī pisái̯ säi̯ šárt astánt kẹ ar šárte sákk int. e Šā-trasán gušt ki magár če ḍåu̯lái̯ šart ant? ǰänikkū gušt ki yak man gallá go yak man arzúnā yak ǰā kant, tárī tā begáī ešánā mebāét ǰitá pkanái̯. gúštī: ešánā man dārín. gúḍā gúštī ki e gidá šártī čé int? e gušt: e gidá šártī: tī gāmǰánā go watí gāmǰánā dem a-dánt, ar kasá gāmǰán ša plāná ǰā demtírā angūr āúrtī, šartá amá a-bárt. e gúštī: š-e šartái̯ uddá man dár a-kāín, e gidá šártī če int? ǰänikkū gušt: e gidá šártī: tā begáī kassābčí pas a-kušánt, nānwá nān a-pačánt, āšpáz góšt a-pačánt, ešánā tárī tā begáī magá bóräeš. Šā-trasán gušt: š-ešánī uddá man dár a-kāín. ǰänikkū gušt: mnī pisái̯ šart améš ant. gāmǰán Šā-trasánā ša gisá zúrtī, bālá kašítī, búrtī bi watí ǰāgá.

перья, змея сбрасывает кожу! ты как сюда попал?» Ша-трасан сказал: «человеческая птица без перьев, а я, влюбленный, пришел, чтобы взять тебя!» Девушка сказала: «разве ты ничего не знаешь о моем отце?» Ша-трасан сказал: «нет, не знаю». Девушка сказала: «мой отец ставит три условия, и если ты их исполнишь, то получишь меня». Ша-трасан сказал: «каковы условия твоего отца?» Девушка сказала: «три условия моего отца таковы, что приходило много юношей, подобных тебе, но удовлетворить условиям не смогли». Ша-трасан сказал: «я ведь не лучше тех юношей!» Девушка сказала: «я скажу тебе условия моего отца, все три условия таковы, что одно другого труднее». Ша-трасан сказал: «но какого же рода условия?» Девушка сказала: «смешивается один ман пшеницы и один ман проса, и нужно, чтобы ты разобрал их от утра и до вечера». Он сказал: «с этим я справлюсь». Потом он сказал: «каково другое условие?» Она сказала: «вот другое условие: он посылает твоего скорохода вместе со своим скороходом; чей скороход раньше с такого-то места принесет виноград, тот и выигрывает заклад». Он сказал: «с этим требованием я также справлюсь, каково еще условие?» Девушка сказала: «вот еще условие: с утра до вечера мясник режет баранов, пекарь печет хлеб, повар варит мясо, и ты должен это съесть от утра и до вечера». Ша-трасан сказал: «с этим я также справлюсь!» Девушка сказала: «условия моего отца таковы!» Скороход взял Ша-трасана из дома, вытащил наверх и отвел его на место.

tāríenā roč dar ā́tī, eš šútī bi pādšā́ä̧ā. pādšā́ gušt: ä̧ bābā́, édā če a-loṭā́ä̧? e gúštī: man ā́tag un kẹ tī jäníkkā barín. e gušt: man sä̧ šart dārín, agár ta mnī šartā́nā barā́ä̧, man watí jäníkkā bi^{t} ta däín. eš gušt ki watí šartā́nā bguš. pādšā́ gušt: mnī sä̧ šart ant: yak šárte améš int ki yak man gallá go yak man arzúnā yak jā́ kanín, ta tā́rī tā begā́ī agár ešā́nā jitā́ kúrtä̧, man trā watí jäníkkā däín. yak šárte digár améš int ki tā́rī tā begā́ī kassābčī pas a-kušánt, nānwā́ nān a-pačánt, āšpáz gošt a-pačánt, tā́rī tā begā́ī ešā́nā bóräẹ. eš gušt: ešā́nā man mardúme dārín ki b^{u}ā́rt. pādšā́ gušt: yak šárte digár dārín. eš gušt: watí šartā́ bguš. pādšā́ gušt ki mnī šart améš int ki tī gāmjánā go watí gāmjánā dem a-däín, ar kasā́ä̧ gāmjánẹ demā́ angū́r āúrt, šartā́ amā́ bart. Šā-trasā́n gúštī ki bāz jwān int.

tāríenā būt, Šā-trasā́n āt go watí mardúmān. pādšā́ go kassābčíā, go nānwā́, go āšpázān gúštī ki š^{u}mā tā́rī tā begā́ī nānwā́ nān pačít, kassābčí pas pkušít, āšpaz gošt pačít. e tā́rī tā begā́ī nān u gošt pakítant, tayā́r kúrtant, go Šā-trasā́n gúštant: biā́r watí mardúmā kẹ ešā́nā buā́rt. Šā-trasā́n loṭít wārīxórā. wārīxór laggít b-ešā́nī sarā́, tā́rī tā begā́ī ešā́nā alā́sī ku. maxlū́k šābā́š kašítant ki Šā-trasā́n pādšā́ä̧ jäníkkā burt.

На утро взошло солнце, и он отправился к царю. Царь сказал: «что хочешь, сынок?» Он сказал: «я пришел взять твою дочь!» Тот сказал: «у меня три условия, и если ты мои условия выполнишь, я выдам за тебя свою дочь». Он сказал: «скажи свои условия!» Царь сказал: «вот мои три условия: одно мое условие таково, что я смешаю один ман пшеницы с одним маном проса, и если ты от утра и до вечера их разберешь, я дам тебе свою дочь; другое условие таково, что с утра до вечера мясник будет резать баранов, пекарь будет печь хлеб, повар варить мясо, и ты от утра и до вечера должен это съесть». Он сказал: «у меня есть человек, который сможет съесть это». Царь сказал: «у меня есть еще условие». Он сказал: «скажи свое условие». Царь сказал: «мое условие таково, что я пошлю твоего скорохода со своим скороходом, и чей скороход раньше принесет виноград, тот и выигрывает заклад». Ша-трасан сказал: «очень хорошо».

Наступило утро. Ша-трасан пришел со своими людьми. Царь сказал мяснику, пекарю и поварам: «пусть с утра и до вечера пекарь печет хлеб, мясник режет баранов, повар варит мясо!» Они с утра до вечера пекли хлеб и варили мясо, изготовили и сказали Ша-трасану: «приведи своего человека, пусть съест это!» Ша-трасан позвал золоеда. Золоед подошел к этим кушаньям и от утра и до вечера прикончил их. Люди закричали ура: Ша-трасан, мол, выиграл царскую дочь!

e gidá šartá pādšá gallánā go arzúnān yak jáe ku, āúrtī bi Šā-trasánīā. Šā-trasán dūt ku morínkäi̯ puṭá, morínk átant. Šā-trasán gušt: ša šmā loṭín, tárī tā begáī ešánā, ša yak digárā jitá pkanít, gallánā édenā kot pkanít, arzúnānā éškā kot pkanít. eš tárī tā begáī gallánā u arzúnānā jitá kúrtant ša yak u agdárā, gallánā éškā kot kúrtant, arzúnānā áškā kot kúrtant. pādšá átī, go Šā-trasán gúštī kẹ alás kurtäi̯? Šā-trasán gúštī: ān. tranzūā ā^{w}úrtī, ešánā kašítī tā arzún nem dānág kammí kúrtant. šābáš kúrtant ki pādšá šartá burt. Šā-trasán gušt: äi̯ pādšá, mnā nem daγīγá mulhát bdäi̯. pādšá gúštī: šarr. morínkäi̯ dapá amá nem arzún átī, āúrtī, íštī. pa duwārág tranzūā āúrtant, kašítant tā brābír āt. šābáš kašítant ki pādšáäi̯ jäníkkā Šā-trasán burt.

édā pādšá gušt: man yak šárte digár dārín. Šā-trasán gušt: watí šartá bguš. pādšá gušt: tī gāmjánā u watí gāmjánā yak jā dem a-däín, ar kasá gāmján demtírā angúr āúrtī, šartá amá bart. Šā-trasán watí gāmjánā u pādšáäi̯ gāmjánā dem dāt pa angúrā. e š-amédā šútant bi angúräi̯ draxtái̯ā, sar bútant, pādšáäi̯ gāmján angúr čit, Šā-trasánī gāmján bi draxtái̯ čérā wapt, pādšáäi̯ gāmján čit u rādág būt. Šā-trasán dístī ki e dér kúrtant. bi goš-kašókā gúštī ki goš kaš. goš-kašók goš kašít, dístī ki pādšáäi̯

Для другого испытания царь смешал пшеницу с просом и доставил Ша-трасану. Ша-трасан заставил дымиться муравьиные волоски; муравьи пришли. Шатрасан сказал: «я хочу, чтобы вы от утра и до вечера отделили их друг от друга: пшеницу соберите здесь, а просо соберите с той стороны». Они от утра и до вечера отделили друг от друга пшеницу и просо: с этой стороны собрали пшеницу, а с той стороны просо. Царь пришел и сказал Ша-трасану: «кончил?» Ша-трасан сказал: «да». Принесли весы, взвесили; вышло, что проса на ползерна меньше. Закричали ура: царь выиграл, мол, заклад! Ша-трасан сказал: «царь, дай мне полмгновения отсрочки». Царь сказал: «хорошо». Та половина зерна была во рту у муравья, ее принесли и положили. Вторично принесли весы и взвесили, оказалось поровну. Закричали ура: Ша-трасан, мол, выиграл царскую дочь!

Тут царь сказал: «у меня есть еще условие». Ша-трасан сказал: «скажи свое условие». Царь сказал: «я одновременно пошлю твоего скорохода и своего скорохода; чей скороход раньше принесет виноград, тот и выигрывает заклад». Ша-трасан послал за виноградом своего скорохода и царского скорохода. Они отправились. Дошли до виноградного куста, и царский скороход сорвал виноград, а скороход Ша-трасана улегся под деревом. Царский скороход сорвал и пустился в путь. Ша-трасан увидел, что они запоздали. Он сказал слушальщику: «прислушайся». Слушальщик прислушался, понял, что еще немножко осталось,

gāmján nazík māntá ki brasít. tåur-jánā gúštī ki uštátag äi? tåur-ján ḍónke bi tåurāi tā ku, jat, bi āí pādá laggít. ā yak sar arkát kurt. ša watí jā ustát, sāilī ku tā ā ša^{m} man demá angúr burtá, amé angúräi draxtá ša buná kašít u búrtī š-āí demtírā. šābáš kašítant ki Šā-trasán šartá burt. édenā pādšá Šā-trasánā gis dāt, tā apt šap u apt roč dol kúrtant.

eš gúḍā watí jänénā zúrtī ki man a-räín bi watí jāgá. š-édenā šútant, bi rāá čérā mántant, yak šápe wáptant, eš amé watí zāmá gipt, bi mānjínā išt. jänikkū gušt: ta pa če e ḍåulá kanái? Šā-trasán gušt: man trā pa wát-a na barín. jänikkū gušt: man agár bzántin-un ki ta mnā pa wat na barái, káuli ki ta sar drūāén ma^{y}-āwurtín-äi! Šā-trasán gušt: man trā barín pa pādšá, ta albátta z^{n}wān dārái. pādšá ša ta pursít ki ta mnā a-girái yā Šā-trasánā girái? ta bguš ki xudá ič muzúre rā be ak ma kant u ič šwānáge rā be muz ma kant. albát ā am bi watí dilá zānt ki Šā-trasán zāmát bāz kašitágī, albát trā gušít ki parzíndi man, ta bábe Šā-trasán dārái. eš am gušt ki bāz jwān int.

š-amédā šútant bi pādšáäiā. pādšá gušt: äi bābá, ta mnā girái yā Šā-trasánā? e gušt ki xudá ič muzúre rā be ak ma kant wa ič šwānáge rā be muz ma kant, man Šā-trašánā girín pa če ki ā zāmát bāz kašitágī,

---

и царский скороход вернется. Он сказал пращнику: «ты готов?» Пращник вложил в пращу комок земли, бросил и попал ему в ногу. Тот сразу встрепенулся, вскочил с места и посмотрел: да ведь он раньше меня унес виноград! Он с корнем выдернул виноградный куст и отнес раньше его. Прокричали ура: Ша-трасан выиграл заклад! Потом царь справил Ша-трасанову свадьбу, семь ночей и семь дней били в барабан.

Потом он взял свою жену: пойду, дескать, к себе. Они отправились отсюда и на пути остановились и заночевали; он взял свой меч и положил посередине. Девушка сказала: «почему ты так делаешь?» Ша-трасан сказал: «я тебя беру не для себя». Девушка сказала: «если бы я знала, что ты берешь меня не для себя, даю слово, что ты не сносил бы головы невредимой!» Ша-трасан сказал: «я тебя беру для царя, а у тебя ведь есть язык! царь спросит у тебя: ты, мол, меня предпочитаешь или Ша-трасана? ты скажи, что бог никакого слугу не лишает его прав и никакого пастуха не оставляет без вознаграждения; конечно, он сам поймет, что Ша-трасан понес много трудов, и, наверное, скажет тебе: „дитя мое, ты подходишь к Ша-трасану“». Она сказала: «очень хорошо».

Отсюда они отправились к царю. Царь сказал: «ну, дочка, ты меня предпочитаешь или Ша-трасана?» Она сказала: «бог не оставляет без награды никакого слуги и никакого пастуха не лишает вознаграждения! я предпочитаю Ша-трасана, потому что он понес много трудов, даже мог быть убит на этом

bálki bi me rā́ kuštá būtin, ā zāmát bāz kašitá. pādšā́ gušt ki ta bā́bi amāí dārā́i̯. Šā-trasā́nā pa duwārág gis dāt, tā apt šap u apt roč dol ku.

gúḍā ki būt, yak wáxte wazíl dístī, go pādšā́ gúštī kẹ e tī šār u kalā́t, e tī dráxti gul-xandū́n u gul-gurū́n wa dráxtẹ čil-muγā́m bāb dāšt ki áspẹ čil-kurrá édā būtin, go čillén kurrágān gáštin. e gušt ki kār kí kār ant? wazíl gušt: kār Šā-trasā́nī kār ant. pādšā́ gušt: ǟi̯ bābā́ Šā-trasā́n, če a-gušā́i̯? Šā-trasā́n gušt ki ilā́je na dārín, räín.

š-amédā šut, nimáze ku, amā́ spe-ríš átī, gúštī: ǟi̯ bābā́, édā če a-loṭā́i̯? gúštī ki pādšā́ ša man áspẹ čil-kurrá loṭitagí. gúštī ki ta p-ameší γussá warā́i̯? Šā-trasā́n gušt: ān. gúštī: bra, š-amédenā apt bār uštúrǟi̯ pašm bzū́r, bar, pᵃlāná čammágǟi̯ dapā́ pren. ā wat maróčī kā̄i̯t, sárā ǰā́l a-kant ki āp bᵘårt, gindít ki āp gandágen tā́me däyánt, š-amédā gúḍā padoí a-rót. tā́rī bāz b-e ā́pā kā̄i̯t, gindít ki tāngā́t āp gandágen tām a-däyánt, gušít ki bi azráti Sᵘleimā́nī čáppǟi̯ aptẹkállā sogínd ki ar kas-ā́i̯, trā íččīā na kanín, āpā́i̯ dapā́ páč pkan. ta páč ma kan, maróčī am rot, tā́rī kẹ š-amā́ngū paidā́ bīt, tawā́r a-kánt ki ar kas-ā́i̯, āpā́i̯ dapā́ páč pkan! bi azráti Sᵘleimā́ni rā́stǟi̯ aptẹkállā sogínd, trā íččīā na kanín. ta gúḍā āpā́i̯ dapā́ páč pkan!

пути! он много вытерпел!» Царь сказал: «ты подходишь к нему». Вторично сыграли свадьбу Ша-трасана, семь ночей и семь дней били в барабан.

После того как это случилось, однажды визирь посмотрел и сказал царю «это твое поселение и город, это дерево с цветами смеха и плача, это дерево сорока песен требуют, чтобы здесь была и здесь бы бегала лошадь с сорока жеребятами!» Царь сказал: «чье же это дело?» Визирь сказал: «это дело Шатрасана». Царь сказал: «ну, братец, Ша-трасан, что скажешь?» Ша-трасан сказал: «у меня нет выхода, отправлюсь».

Он пошел отсюда и сотворил молитву. Пришел тот же старец и сказал: «чего ты хочешь здесь, сынок?» Он сказал: «царь потребовал от меня лошадь с сорока жеребятами». Тот сказал: «этим-то ты озабочен?» Шатрасан сказал: «да». Тот сказал: «иди, возьми отсюда семь вьюков верблюжьей шерсти, свези и брось в такой-то колодец; как раз в этот день эта лошадь сама придет, чтобы напиться воды, наклонит голову, увидит, что вода издает гадкий запах, и уйдет обратно; на утро она опять придет к этой воде, увидит, что все еще вода издает гадкий запах, и скажет: „клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, кто бы ты ни был, я ничего тебе не сделаю, открой воду!“ но ты не открывай, и в этот день она также уйдет; на утро она, как только оттуда покажется, закричит: „кто бы ты ни был, открой воду! клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я тебе ничего не сделаю!“ только тогда ты открой воду».

š-amédenā Šā-trasán šut, apt bār uštúräi̯ pašm zúrtī, búrtī, plāná čammágäi̯ dapā́ bástī, wat amódā srappítī, dístī ki áspe̯ čil-kurrá go watí čillén kurrágān átī bi āpā́, sarā́ ǰálī ku, dístī ki āp gandágen tā́me dayánt, āp na wart, išt u šut. tāríenā būt, š-amā́ngūr átī, gúštī ki bi azráti Sᵘlei̯mā́nī čáppäi̯ apte̯kállā sogínd, trā íččīā na kanín, ar kas-ä́i̯, āpä́i̯ dapā́ páč pkan. eš páč na kúrtī, átī, sarā́ ǰāl ku, dístī ki āp gandágen tā́me däyánt, š-āmédenā padoí šut. tāríenā pa duwārág átī wa gúštī ki ta ar kas-ä́i̯, āpä́i̯ dapā́ páč pkan, bi azráti Sᵘlei̯mā́nī rástäi̯ apte̯kállā sogínd ki trā íččīā na kanín. eš zū́tī kurt, āpä́i̯ dapā́ páč kurt, gandágen āp šut, ǰᵘwānén āp āt, áspe̯ čil-kurrá āp wart, go watí čillén kurrágān wat rā šād-áp kúrtant. áspe̯ čil-kurrá watí kurrágānā gúštī ki e mardúm Šā-trasán int-a, eš šmā rā bart, awálā go watí ǰindä́i̯ γošúmā, go watí maxlū́kā swār a-bīt, šmā ánčo brä́it ki múrge āzā́r ma gindít, ša pádā pādšā́ go watí maxlū́kā sᵘwār a-bít, pa āíʸ-am amé d̥ol brä́it ki múrge āzā́r ma gindít, š-āí padā́ wazíl go watí maxlū́kā sᵘwār a-bít, du gām ǰé̯it, gúd̥ā bā́l kanít, bi awā́ brä́it. bgúšit-iš: agár šmā́ rā bi āpā́ de̯yán yā bi kóā. agár gúštant: ammā́ rā bi āpā́ dit, šmā āwánā bi koā́ dit. gúštant: ǰwān int.

Ша-трасан пошел отсюда, взял семь вьюков верблюжьей шерсти, свез и заткнул отверстие у такого-то источника, а сам спрятался там же и увидел, что пришла лошадь со своими сорока жеребятами. Она нагнула голову к воде, увидела, что вода издает гадкий запах, не стала пить воды и ушла. Наступило утро; она пришла оттуда и сказала: «клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю! кто бы ты ни был, открой воду!» Он не открыл; она подошла, нагнула голову, увидела, что вода издает гадкий запах и ушла обратно отсюда. На следующее утро она опять пришла и сказала: «кто бы ты ни был, открой воду! клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю!» Он поторопился и открыл воду; гадкая вода ушла, хорошая вода пришла. Лошадь с сорока жеребятами попила воды и со своими сорока жеребятами в волю насладилась водой. Потом лошадь с сорока жеребятами сказала своим жеребятам: «этот человек — Ша-трасан; он уведет вас и сядет верхом сначала со своей свитой и со своим людьми, и вы так бегите, чтобы даже курица не могла пострадать; потом на вас сядет царь со своими людьми, и для него вы тоже так скачите, чтобы и курица не пострадала; после него сядет визирь со своими людьми, — тут вы сделайте два шага, а потом взлетите, поскачите по воздуху и скажите им: „сбросить вас в воду или на горы?“ если они скажут: „сбросьте нас в воду!“ вы их бросьте на горы». Они сказали: «хорошо».

Sā-trasán āwánā āúrtī bi pādšáäi̯ā. pādšá gušt: awálā ta go watí γošúmā sᵘwār bā̄i̯. Šā-trasán go watí γošúmā sᵘwār būt. amé ḍol šútant ki múrge š-ešán āzár na dist. ša pádā wazíl go watí γošúmā sᵘwār būt. du gām šútant, säyumíenā bāl kúrtant bi awá. ešánā búrtant bi awá, gúštant ki šmā rā bi āpá ḍeyán yā bi kóā. e gúštant: ammá rā bi āpá dit. ešánā ǰátant bi koá. ešánī burrág kásä gošā̄š būt. š-amódenā Šā-trasán āsūdág mānt, wazíläi̯ xatá kórī ku. man am āsūdág būtun.

X

yak pādšáe at, ič āí rā zágă na būt. pikr u xayál a-ku, šut, tandūräi̯ sará ništ, maxlūk kátī, gúštī: ä pādšá, ta édenā purránī sará pa če ništág-äi̯? gúštī: šmā rā káre näi̯nt. būt yak wáxte, yak malángeʸ āt, gúštī: ä pādšá pa če �ištág-äi̯ purránī sará? gúštī: ä maláng sāíb, trā káre näi̯nt. gúštī: äi̯ pādšá, ta pa če édā �ištág-äi̯, ta pādšáe astái̯, watí pādšāíā birá, bar. pādšá gúštī: maláng ǰān, ša xudá am čer näi̯nt, šaᵗ ta am čer näi̯nt, awál xudá pkant, pāyéni xudá tá wäi̯: mnā ič zágе na bīt. gúštī: äi̯ pādšá, zāg biᵗ tī pešānīʸā ič näi̯nt. agár bīt, yak murdáge, zindagéne näi̯nt. pādšá gušt:

Ша-трасан привел их к царю. Царь сказал: «сначала поезжай ты со своими людьми». Ша-трасан со своими людьми поехал. Они так бежали, что и курица не могла бы пострадать. Потом визирь со своей свитой сели верхом. Они прошли шага два, а на третьем взлетели на воздух и понесли их по воздуху. Понесли их по воздуху и спросили: «сбросить вас в воду или на горы?» Те сказали: «сбросьте нас в воду!» Они сбросили их на горы, и клочки их были не больше их ушей. После этого Ша-трасан освободился, даже след визиря исчез. Я также освободился.

(X. О Джантеге и Деде-гаргашанге)

Был один царь, и у него совсем не было детей. Он думал и размышлял; пошел и сел около очага. Люди подходили и говорили: «о царь, зачем ты сел здесь на пепле?» Он говорил: «вам нет дела». Однажды случилось, что подошел один дервиш и сказал: «о царь, зачем ты сел на пепле?» Он сказал ему: «почтенный дервиш, тебе нет дела до этого!» Тот сказал ему: «о царь, зачем ты сел здесь? ты ведь царь, иди, правь своим царством!» Царь сказал: «голубчик дервиш, что́ от бога не скрыто, от тебя также не скрыто! сначала творит бог, а после бога ты; у меня нет детей!» Тот сказал ему: «о царь, тебе вовсе не предназначено детей; а если бы и был ребенок, то мертвый, а не

šarr, murdáge bīt. man bräín bi mā goristánā ki, pādšá gušt, man bi me goristánā yak záge dārín. maláng gušt: šarr, pādšá, ta bāz na mānäi̯. yak sébe dátī, gúštī: bar, eší rā ar ǰanénā ki tī dost int, amāé rā bdäi̯, tā bᵘårt. ǰanénī sebá wart.

yak sāl gwast. pādšáäi̯ ǰanén zāg dist. awál búrtant pa pādšá ki tī ǰanén zāg distá. gúštī: šarr, bra, mnī zāgá biárit tā man bgíndīn, čonén číze. šútant ki biárantī, zāgá šúštant, maǰmäi̯ tā kúrtant. Azrāíl átī, zāgá burt āsmánäi̯ demá. awál búrtant pa pādšá: tī zāgá Asrāíl búrtī. pādšá gušt: mnī kismát zána näi̯-atī ki bgíndīn. Azrāíl eší rā burt, zindágī kurt, ki zāg ṭū būtī.

čunt sāl gwast, Azrāíl átī, gúštī: äi̯ J̌ānteγ, ta watí piˢsäi̯ā na rawäi̯? gúštī: man če a-zānín, ki píˢse dārín yā na. Azrāíl gúštī: ta murdáge būtág-äi̯ ki man trā āʷúrtun. gúštī: šarr, mnā baräi̯. gúštī: ān, trā barín tī pissäi̯ šārá. eší rā búrtī, āí pisäi̯ šāräi̯ kiníkkā íštī. gúštī: á tī pissäi̯ šār int. Azlāír padá šútī, watí ǰindäi̯ gisā.

J̌āntéγ šut, tā dístīt yak uštúr-suwáre dáde engūrí a-käi̯t. J̌āntéγ gúštī ki tī nām käi̯-int? gúštī: mnī nām Istārá-šnás int. gúštī: guǰá rawäi̯? gúštī:

живой!» Царь сказал: «хорошо, пусть будет мертвый! я могу пойти на то кладбище, думая, что у меня», — сказал царь, — «на этом кладбище есть ребенок». Дервиш сказал: «хорошо, о царь, ты не долго будешь оставаться (бездетным)!» Он дал ему яблоко и сказал: «отнеси его той жене, которая тебя любит, и дай ей, пусть она съест!» Его жена съела яблоко.

Прошел год, и жена царя родила ребенка. Царя известили: «твоя жена родила ребенка!» Он сказал: «хорошо, сходите за моим сыном, посмотрю, каков он!» Пошли, чтобы его принести, ребенка вымыли и положили на блюдо. Появился Азраил и унес ребенка на небо. Царя известили: «твоего сына унес Азраил!» Царь сказал: «значит, не судьба была мне его увидать!» Азраил его отнес и оживил; ребенок вырос.

Прошло несколько лет. Азраил пришел и сказал: «Джантег, ты не хочешь сходить к своему отцу?» Он сказал: «разве я знаю, есть у меня отец, или нет?» Азраил сказал: «ты был мертвым, когда я принес тебя!» Он сказал: «хорошо, отведи меня!» Тот сказал: «да, я отведу тебя в город твоего отца!» Он повел его, оставил на краю отцовского города и сказал ему: «это город твоего отца!» Азраил вернулся к себе домой.

Джантег шел, пока не увидел, что кто-то приближается верхом на верблюде. Джантег сказал: «как твое имя?» Тот сказал: «мое имя Звездочет». Он сказал ему: «ты куда едешь?» Тот сказал: «я еду за девушкой Волосы-

räín pa Čil-gaz-mūdäi̯ padá. J̌āntéγ gúštī: man um räín p-amāí padá. gúštī: šarr, ša yáke do getír ant. ar duén dast bi brāsí dátant. maróčī tā begáī šútant, bándā dístant: yak asp-suwáre ánčo ʰäi̯ kurtá u kāi̯t. šä eší pursítant: ta gu̯já a-rawái̯? gúštī: man pa Čil-gaz-mūdäi̯ padá räín. J̌āntéγ gúštī ki ammá duén um rawán. āí nām Āu̯-šnás at, gúštī: šarr, do brās šmá it, säyumíen man un.

e du säi̯ roč šútant, šapénā wáptant amódā, šap néme J̌āntéγ ustát, gušt: äi̯ lālá, man sardí a-warín. säi̯l kúrtant tā dūrā yak ātíše sučít amángū. gúštī: äi̯ lālá, bráit, pa man yak ātíšā š-amódā biárit. amá yak brásī šútī tā dístī ki amé ātíšäi̯ sará buzlangíe ništá. buzlangíā salám dāt. buzlangí gušt: agár tī salám ma būtin, trā yak lunkáe kúrtun. Istārá-šnás gušt ki mnā ātíše bdäi̯. gúštī: bzūr š-amódā! Istārá-šnás āt ki ātíšā bzūrīt, buzlangí áe rā gipt, watí mozágäi̯ tā kurt.

J̌āntéγ dist ki mnī brās näy átī, der kurt. J̌āntéγ Āu̯-šnásā rāí kurt. Āu̯-šnās átī, buzlangíäi̯ā sár būt. Āu̯-šnās buzlangíā salám dāt. buzlangí gúštī: agár tī salám ma būtin, trā yak lunkáe kúrtun. Āu̯-šnās gušt: mnā ātíše bdäi̯. buzlangī gušt: š-amódā bzūr. amé ki āt ki ātíšā bzūrīt, eší rā am gipt u e digá mozágäi̯ tā kurt.

в-сорок-аршин». Джантег сказал: «я тоже поеду за ней!» Тот сказал: «хорошо, двое лучше, чем один!» Они дали друг другу руки и побратались. В тот день они ехали до вечера; на другой день увидели, что кто-то приближается верхом на лошади, и гонит-гонит. Они спросили его: «ты куда едешь?» Он сказал: «я еду за девушкой Волосы-в-сорок-аршин». Джантег сказал: «и мы оба едем за ней же» Его имя было Водовед; он сказал: «хорошо, два брата вы, а третий — я!»

Ехали они два-три дня, на ночь остановились ночевать. В полночь Джантег встал и сказал: «братья, мне холодно!» Они стали смотреть и увидели что вдали горит огонь. Он сказал: «братья, сходите и принесите для меня оттуда огня!» Один из братьев пошел и увидел, что у огня сидит бузланги; он поздоровался с бузланги. Бузланги сказал: «если бы не было твоего приветствия, я бы разом тебя проглотил!» Звездочет сказал: «дай мне огня!» Тот сказал: «вон там возьми!» Звездочет потянулся за огнем, как вдруг бузланги схватил его и сунул в сапог.

Джантег увидел: не вернулся мой брат, задержался! Он послал Водоведа. Водовед дошел до бузланги, приблизился к нему. Водовед поздоровался с бузланги. Бузланги сказал: «если бы не было твоего приветствия, я бы разом тебя проглотил!» Водовед сказал: «дай мне огня!» Бузланги сказал: «вон там возьми!» Как только он собрался взять огня, он и его схватил и сунул в другой сапог.

J̀āntéγ dist ki mnī brās dér kurtant. wat pa āwánī padá šut, āt, buzlangíäi̯ā, sar būt. amé ki buzlangí J̀āntéγā dístī, ustát, J̀āntéγā salám dāt. J̀āntéγ gušt: alái̯kum salám, mnī brās gúj ant? buzlangí gúštī: man sī na dārín. J̀āntéγ gušt: ā mnī brāsánī asp u uštúr ant. buzlangí gúštī: ta ki watí brāsánā bgíndäi̯, drúst a-kanái̯? J̀āntéγ gúštī: ān. buzlangí brāsánī ša mozágäi̯ tā kašít, J̀āntéγäi̯ dastá dátī, gušt: e tī brās ant. tárī roč būt. buzlangí gušt: säi̯ brās šmā it, čārumíen man un. J̌āntéγ gušt: čārumíen ta wäi̯, watí pasánā bᵘár. buzlangí J̀āntéγā gušt: šmā yak páse pa wat ná kušit? J̌āntéγ gušt: kušán. gúštī: yàk ǰuwānén páse biár ki pkúšan. buzlangí šut, yak ū́ke āwúrt. J̀āntéγ gušt: äi̯ murdár, eší rā gujá āwúrtäi̯? gúštī: äi̯ lālá, bra, ar gujám ǰuwānéne biár, man na zānín. J̌āntéγ šut, yak ǰuwānén páse āúrtī, kúštant eší rā, tānāden ki eší rā pakkítant, buzlangí watí pasánā múččānā wart, átī J̀āntéγäi̯ā, gušt: brawán, man watí pasánā wártun. J̌āntéγ watí goštánā wártant, alás kúrtant, nūn pa wat šútant.

do säi̯ šap ki šútant, dístant ki šáre. amé šārái̯ nazdíkā ki átant, dístant: pādšáäi̯ ǰaník go čil gulámā, go čil majmá brinǰá pa aždiárā baránt.

Джантег увидел, что запоздали, де, мои братья! отправился сам вслед за ними, дошел до бузланги и приблизился к нему. Как только бузланги увидел Джантега, он встал и приветствовал его. Джантег сказал: «и тебе привет! где мои братья?» Бузланги сказал: «понятия не имею!» Джантег сказал: «а вон лошадь и верблюд моих братьев!» Бузланги сказал: «если ты увидишь своих братьев, ты их узнаешь?» Джантег сказал: «да». Бузланги вытащил его братьев из сапог, вручил Джантегу и сказал: «вот твои братья!» На утро взошло солнце. Бузланги сказал: «вас трое братьев, я буду четвертым!» Джантег сказал: «если ты четвертый, съешь своих баранов!» Бузланги сказал Джантегу: «а для себя вы не убьете барана?» Джантег сказал: «убьем». Потом он сказал ему: «приведи-ка хорошего барана, и мы его зарежем». Бузланги пошел и привел кабана. Джантег сказал: «ах, ты, падаль! куда ты привел его?» Тот сказал: «братец, сходи ты и приведи, что ни есть наилучшего, я ведь не понимаю!» Джантег пошел и привел хорошего барана. Его зарезали, и пока его варили, бузланги съел всех своих баранов, подошел к Джантегу и сказал: «пойдем, я всех баранов съел!» Джантег (и его товарищи) стали есть свое мясо, покончили и пошли своей дорогой.

Две-три ночи они шли, потом увидели город. Как только они приблизились к городу, они увидели, что ведут к дракону царскую дочь, вместе с сорока

J̌āntéγ pursít: gujā́ räwít? gúštī: maróčī gazák pādšā́ int ki mnā pa aždiā́rā rāí a-kánt ki kámme āp billít ki jūā́i̯ tā bⁱā̄i̯t ki maxlū́k tunnág ant. J̌āntéγ gušt: šmā bír gardít, ki man tanā́ räín. mardúm padū́ī šútant. J̌āntéγ šut, tā dístī ā aždiā́r int. yak ṭapúre watí jānā́ sakk patápt, zāmā́ watí dastā́ sātít, amā́e šut aždiā́rā kiníkkā, aždiā́r dístī, gúštī: maróčī yak näʰáre ziʸātí āt. J̌āntéγ gušt: agár wartág kanā́i̯, zabr int. aždiā́r damā́ kašít J̌āntéγā ki bᵘártī. zāmā́ watí pešāníā sātít at. aždiā́r āt pa J̌āntéγäi̯ jānā́. amé ki átī, wártī, aždiā́r du kap būtī. J̌āntéγ tā yak sāát γiš ku, gúḍā ustát, silúme ša aždiā́räi̯ jānā́ kašít. amā́ buzlangí, ešī nām Bābā́-γarγašáng at, átī, aždiā́rā wart. J̌āntéγ u Bābā́-γarγašáng šútant, āp šut bi šārā́, mardúm awā́l búrtant pa pādšā́ ki jūā́i̯ āp múččī āt. pādšā́ gúštī: brā́it, amā́ mardúmānā biā́rit. amé ki āʷúrtant, pādšā́ gúštī: aždiā́rā šmā kuštág-it? J̌āntéγ gúštī: ammā́ na kuštág-an. pādšā́ gúštī: man ša édā kārín ki šmā kuštág-it, ma trussít, man watí janíkkā bi šmā a-däín. J̌āntéγ gúštī: číze ki ša xudā́ am čer näi̯nt, ša ta am čer näint, ammā́ aždiā́rā kuštág-an. pādšā́ gušt ki watí janíkkā trā däín. J̌antéγ gušt: mán-a na girín, bi mnī brāsā́ bdäi̯. watí janíkkā bi

---

рабами и вместе с сорока блюдами рису. Джантег спросил: «куда вы идете?» Она сказала: «сегодня очередь царя отправить меня к дракону с тем, чтобы он пустил немного воды в каналы, потому что народ томится от жажды». Джантег сказал: «возвращайтесь, я пойду один!» Люди вернулись. Джантег шел, пока не увидел дракона. Он плотно обернул свое тело войлоком, покрепче сжал руками меч и так пошел к дракону. Дракон увидел его и сказал: «сегодня мне попался обильный обед!» Джантег сказал: «если сможешь съесть, так хорошо!» Дракон вдохнул воздух со стороны Джантега, чтобы поглотить его, а тот держал меч перед своим лбом. Дракон подошел к Джантегу вплотную, но как только подошел и проглотил его, сам распался на две части. Джантег некоторое время был без чувств, затем встал и вырезал ремень из тела дракона. Тот бузланги, — а его имя было Дед-гаргашанг, — подошел к нему и съел дракона. Джантег и Дед-гаргашанг ушли. Вода потекла в город, народ сообщил царю, что вода пошла по всем каналам. Царь сказал: «идите и приведите этих людей!» Когда их привели, царь сказал: «это вы убили дракона?» Джантег сказал: «нет, мы не убивали!» Царь сказал: «я так заключаю, что вы убили; не бойтесь, я отдам вам свою дочь!» Джантег сказал: «что от бога не скрыто, от тебя также не скрыто! это мы убили дракона!» Царь сказал: «отдаю тебе свою дочь!» Джантег сказал: «я не возьму, отдай моему брату!»

Istārá-šnás dāt. apt šap o apt roč dol o sāz kúrtī. Istārá-šnásā gis dāt. J̀āntéγ āwán šútant pa wat.

du šap o du roč ki šútant, dístant ki šár int, laškár ātá, pādšáäi̯ šārā́i̯ išk-w-áškā giptá. pādšā́ am ša trusā́ dár-a na bū́tī. J̀āntéγ āwán ā́tant, go me laškárā ǰang kúrtant, laškárā múččānā kúštant, yak pādšā́ ǰist. Bābā́-γarγašáng mardumā́nī lāšágānā wártī. pādšā́ gušt: brā́it, biárit amā́ mardúmānā. amé ki āúrtant, pādšā́ gušt ki šmā́ atit ki amé laškárā kúštit? J̀āntéγ gušt ki ān, amā́ atan ki laškárā kúštan. pādšā́ go watí wazílā o wakílā muslahát kúrtant ki mašmā́ e mardumā́nā čéʸā bdäyán? wazíl gúštī: äi̯ pādšā́, watí ǰaníkkā bdäi̯. pādšā́ gúštī: čonén ǰwānén abáre dā́täi̯, wazíl, brā́it ā mardúmānā biárit, ki watí ǰaníkkā bdäín. šútant, ā mardúmānā āúrtant. pādšā́ gúštī: man watí ǰaníkkā bi šmā a-däín. J̀āntéγ gušt: mán-a na girín, bi Āu̯šnás bdäi̯. ǰaníkkā bi Āu̯šnás dā́tant, dol u sāz kúrtant, gis dā́tī. J̀āntéγ o Bābā́-γarγašáng šútant.

yak čunt·šap rā́ šútant, bi Čil-gaz-mū́dī ǰā rástant. Čil-gaz-mū́dī ǰā bi daryā́bäi̯ miānǰínā átī. J̀āntéγ Bābā́-γarγašángā gušt ki anū́n mnā čón a-barā́i̯ bi Čil-gaz-mū́dī gisā́. Bābā́-γarγašáng gušt: tī burtín āsán int. eší

Он отдал свою дочь Звездочету. Семь ночей и семь дней били в барабан и пели, справляли свадьбу Звездочета. Джантег и его спутники пошли своей дорогой.

Когда они прошли две ночи и два дня, они увидели город, а к нему подступило войско и захватило окрестности царского города. Даже царь от страха не выходил наружу. Джантег и его спутники подошли и стали сражаться с этим войском. Они истребили все войско, только царь убежал. Дед-гаргашанг поел людские трупы. Царь сказал: «идите и приведите этих людей!» Когда их привели, царь сказал: «это вы те, кто перебил это войско?» Джантег сказал: «да, это мы те, кто перебил это войско!» Царь стал совещаться со своим визирем и наместником: что́ мы, дескать, дадим этим людям? Визирь сказал: «о царь, отдай свою дочь!» Царь сказал: «какое хорошее мнение ты высказал, визирь! идите и приведите этих людей, я отдам свою дочь!» Пошли и привели этих людей. Царь сказал: «я отдаю вам свою дочь!» Джантег сказал: «я не возьму, отдай Водоведу!» Девушку отдали Водоведу, били в барабан и пели, справили свадьбу. Джантег и Дед-гаргашанг ушли.

Несколько дней они шли по дороге, дошли до жилища девушки Волосы-в-сорок-аршин. Жилище девушки Волосы-в-сорок-аршин было на середине реки. Джантег сказал Деду-гаргашангу: «как же ты меня теперь доставишь к дому девушки Волосы-в-сорок-аршин?» Дед-гаргашанг сказал: «тебя доставить

rā gipt, watí baḍḍá kurt, bi me daryábā xaṭ ǰat, yak pādá éškā išt, yak pādá áškā, Jāntéγā áškā er kurt. J̌āntéγ šut bi Čil-gaz-mūdī gisáḭ tā, dístī, yak táme ér int, dastánā šušt, š-amešán wártī, šut, Čil-gaz-mūdī bagálā wáptī. Čil-gaz-mūd āgá būt, ar dién ǰátant u wártant. e bill tā-médā bayánt.

Bābá-γarγašáng ša daryábā ášk at, šagále, ūke gíptī, wártī. yak čunt waxt ki gwast, digár pādšáe pa Čil-gaz-mūdī padá laškár kurtá, ātá. Bābá-γarγašáng dístī, čonén laškáre ṭuén ātá, šut, yak ṭuén dráxte rā ša buná kašít, wat go laškárā ǰang ku, go d^{a}raxtá mardúmānā ǰat, kúštī. amé ki alás būtant, pādšáiš ǰist, pádā šut watí gisá, gúštī: ar kas Čil-gaz-mūdā biárīt, man aí tolá zarr u sor a-kašín. ǰak pīrazále dár āt, gúštī: man a-kārín ki pa^{m} man yak sundūxe ǰoḍ pkan, čappí tá^{b} bdáīn, burzágā brot, rāstí tā^{b} bdáín, ǰālágā biáḭt. pādšá gušt: āzír wastá gušín ki pa^{t} ta ǰoḍ pkant. sandūγe amé ki ǰoḍ kúrtant, pīrazál bi^{t} táḭ būt, dapáḭ γulp kurt, pečáḭ tāb dāt ki šut pa wat, amé ki āt, rodáḭ sará rástī. Bābá-γarγašáng dístī, gušt: ta guǰá ra^{w}ái? pīrazál gúštī: man yak miskíni ǰí astun ki ša aǰ átun, mnī amrák šútant pa wat, man mántun. J̌āntéγ dístī: go Bābá-γarγašáng yak

---

легко!» Он взял его, посадил к себе на спину, расставил над рекой ноги, одну ногу поставил с этой стороны, другую с той стороны, и спустил Джантега на ту сторону. Джантег вошел в дом девушки Волосы-в-сорок-аршин и увидел, что там приготовлено кушанье. Он помыл руки, поел и пошел и лег спать в объятиях девушки Волосы-в-сорок-аршин. Девушка Волосы-в-сорок-аршин проснулась, и они ласкались и забавлялись. Оставь их пребывать там.

Дед-гаргашанг перешел на ту сторону реки и стал ловить шакалов и кабанов и поедать их. Когда прошло некоторое время, другой царь снарядил войско за девушкой Волосы-в-сорок-аршин и подступил. Дед-гаргашанг увидел, как велико подошедшее войско, пошел, выдернул с корнем большое дерево, вступил в бой с войском, стал побивать людей этим деревом и перебил их. Когда они погибли, их царь обратился в бегство, отправился домой и сказал: «всякому, кто доставит девушку Волосы-в-сорок-аршин, я дам равное по величине количество денег и золота». Вышла одна старуха и сказала: «я доставлю, только изготовь для меня ящик, чтобы он, если поверну влево, двигался вверх, а если поверну вправо, шел вниз». Царь сказал: «сейчас же прикажу мастеру, чтобы он для тебя изготовил». Когда сделали ящик, старуха поместилась в него, заперла на замок вход, повернула винт, и он стал двигаться сам собою; он дошел и достиг берега реки. Дед-гаргашанг увидел ее и сказал: «куда ты идешь?» Старуха сказала ему: «я бедная паломница, возвращаюсь с паломничества, мои спутники ушли своей дорогой, а я отстала». Джантег увидел, что

pīrazāle ništá, amā́ int J̌āntéγ tawā́r kurt Bābā́-γarγašángā, gúštī ki ā čonénen go ta ništá? Bābā-γarγašáng gušt: miskínen ājíeg int. J̌āntéγ gušt: ā́e rā bgwazén ki tā bā́it éškā. Bābā-γarγašáng eší rā gwazént ā́škā.

čunt roč gwast, ša Čil-gaz-mū́d pursít ki ša watí mardā́ purs ki tī napás čéʷäi̯ dastā́ int, tī mard γār a-kánt, ta ič gw-āí abár ma däi̯, dérā go ta gušít ki mnī napás yak čízäi̯ tā int. J̌āntéγ ki āt watí gisā́, yak sāátte ništ, janénī gušt ki tī napás čéwäi̯ dastā́ int? J̌āntéγ γār kurt pa watí janénäi̯ jānā́, pīrazā́l am goš a-kašít. der ki būt, J̌āntéγ gušt watí janénā: äi̯ napás jān, ta pä če š-erangén abáre pursā́i̯? janén gušt ki man um sí bā́ín ša^{t} tī napásā ki bi čéwäi̯ dastā́ int. J̌āntéγ gušt: äi̯ napás jān, mnī napás íččīä dastā́ näi̯nt, mnī napás amé zām int, ki ša pošā́i̯ yak mardúme pkašít, man gúḍā mirín. pīrazā́l ki uškítī, gúštī: man tī pikrā́ dārín.

amé ki J̌āntéγ wápt-atī, janénäi̯ pīrazā́l gušt: brawán mäšmā́ rodā́i̯ sarā́. Čil-gaz-mū́d gúštī: brawán. amé ki šútant, sar bū́tant rodā́i̯ sarā́, pīrazā́l gušt: allā́, čonén jwānén sundū́xe ér int. dapā́i̯ páč ku pīrazā́l, Čil-gaz-mū́dā gušt: ta biā́, mnind bi^{t} tā́i̯, mäšmā́ säi̯l pkanán, ki mäšmā́ rā gīt,

---

с Дедом-гаргашангом сидит какая-то старуха; поэтому Джантег позвал Деда-гаргашанга и сказал ему: « кто это сидит с тобой?» Дед-гаргашанг сказал: «это бедная паломница». Джантег сказал: «переправь ее, пусть идет сюда!» Дед-гаргашанг переправил ее на ту сторону.

Несколько дней прошло, и она спросила девушку Волосы-в-сорок-аршин: «спроси у своего мужа: „в чьих руках твоя душа?“ он рассердится, и ты с ним больше не разговаривай, а попозже он скажет тебе: „моя душа в такой-то вещи!“» Когда Джантег вернулся домой и немножко посидел, его жена спросила: «в чьих руках твоя душа?» Джантег рассердился на свою жену, а старуха стала прислушиваться. Прошло много времени, и Джантег сказал своей жене: «душечка, почему ты спрашиваешь о таких вещах?» Жена сказала: «пусть и я буду осведомлена о твоей душе, в чьих она руках!» Джантег сказал: «душечка, моя душа не находится ни в чьих руках, моя душа — вот этот меч. Если кто-нибудь вытащит его из ножен, тогда я умру!» Как только старуха услышала это, она сказала: «я уж о тебе подумаю!»

Как только Джантег заснул, старуха сказала его жене: «пойдем с тобой на берег реки!» Девушка Волосы-в-сорок-аршин сказала: «пойдем!» Когда они пошли и дошли до берега реки, старуха сказала: «боже, какой тут красивый ящик!» Старуха открыла вход в него и сказала девушке Волосы-в-сорок-аршин: «поди сюда и сядь внутри, посмотрим, вместит он нас с тобой или нет!»

agár na. Čil-gaz-mūd bi^{t} tāi̯ ništ, pīrāzāl dapāi̯ γulp ku, šútī, J̌āntéγī nipādā säi̯l ku tā dist, zāmī amédā ér int, zāmāi̯ zurt, ša pošāi̯ kašít, zāmāi̯ jindā rodāi̯ tā prent, pošāi̯ tandūrä purānī čérā kurt. amā int ki šut sundūxäi̯ā, dapāi̯ páč kurt, eš am bi^{t} tāi̯ ništ, dapāi̯ γulp ku, pečāi̯ tāb dāt ki šut pa wat, šut, watī gisā sar būt. awāl búrtant pa pādšā: pīrazāl āt. pādšā ātī, gušt ki āúrtäi̯ janíkkā. pīrazāl gúštī: aúrtun. pādšā gušt: brawán bi gisā ki tī tolā zarr u sór a-kašín. pīrazāl am šut go pādšā, tolāi̯ zarr u sor kašít, pīrazāl zurt u burtít-iš. janíkkā pādšā loṭít, gúštī: trā man a-girín. janík gušt: sabr kan tā čil šab. eší abár alās būt tā čil šab.

Istārá-šnās säi̯l ku pa ^{wa}tī brāsāi̯ istārā, dist tā mnī brāsāi̯ istār näi̯nt. ya digá šapénā duwārdág säi̯l ku, tā dist ki mnī brāsāi̯ istār näi̯nt. tāríenā roč būt, watī aspā zen kurt, suwār būt u šut bi Āu̯-šnāsäi̯ā. Āu̯-šnāsā gušt: ā lālā, mäšmāi̯ brāsāi̯ istār näi̯nt. šapénā säi̯l kúrtant pa ^{wa}tī brāsāi̯ istārā, tā dístant ki wadía na bīt. tāríenā ki roč būt, ar du brās rādág būtant u šútant, bi J̌āntéγäi̯ā rástant, tā dístant Bābā-γarγašáng amédā waptá. Bābā-γarγašángā pād kúrtant, gúštant: gúj int Jāntéγ? Bābā-γarγašáng gušt:

Девушка Волосы-в-сорок-аршин села внутрь. Старуха заперла вход на замок, а сама пошла посмотреть постель Джантега и увидела, что его меч там лежит; она взяла меч и вытащила из ножен: самый меч бросила в реку, а ножны спрятала в золу очага. Потом она пошла к ящику, открыла дверцу и сама села внутри; заперла вход на замок и повернула винт, чтобы ящик пришел в движение; он двинулся сам собою и достиг своего дома. Царю принесли весть: «старуха вернулась!» Царь пришел и сказал: «привезла девушку?» Старуха сказала: «привезла!» Царь сказал: «пойдем домой, и я отвешу тебе по твоей величине денег и золота!» Старуха пошла с царем, и ей отвесили по ее величине денег и золота; старуха их взяла и унесла. Царь позвал девушку и сказал: «я тебя возьму (в жены)!» Девушка сказала: «потерпи сорок ночей!» Рассказ о ней кончился на сорок ночей.

Звездочет стал искать звезду своего брата, смотрит: «нет звезды моего брата!» На другую ночь он вторично стал искать, опять смотрит: «нет звезды моего брата!» На утро взошло солнце; он оседлал свою лошадь, сел верхом и поехал к Водоведу. Водоведу он сказал: «братец, нет звезды нашего брата!» Ночью они стали высматривать звезду своего брата, пока не убедились, что ее нет. Когда на утро взошло солнце, оба собрались в путь, отправились и добрались до жилища Джантега; увидели, что Дед-гаргашанг спит. Они разбудили Деда-гаргашанга и сказали: «где Джантег?» Дед-гаргашанг сказал: «вон Джантег,

J̌āntéγ ā́ int, gisā́i tā go janíkkā ťamāšā́ a-kánt. Istārá-šnās gúštī: ammā́ rā bgwázen, bar J̌āntéγäi̯ā. ešā́nā gwazéntī ša rodā́ áškā.

e šútant gisā́ tā, Istārá-šnās säi̯l kurt tā dístī: mnī brās amédā waptā́. lepā́i̯ bāl āúrt tā dístī ki mnī brās amédā kirm jatá, murtá. Āu̯-šnāsā gušt: annū́n mäšmā́ čón kanán? gúštī: čoní améš int ki zāmā́ wadí pkánan. binā́ kúrtant bi gaštínā. ākā́nī čérā, purrā́nīā gáštant, zāmā́i̯ pošā́ tandū́räi̯ purrā́nī čérā dístant. Āu̯-šnās säi̯l ku bi āpā́i̯ tā, tā dist, bi nihíngä dapā́ band giptā́. gúštī ki nūn do xaltá pog wadí pkánant, b'árant ki man zāmā́ pkašín. Bābā-γarγašángā rāí kúrtant bi pogā́, šut, do xaltá pog āúrtī, daságā bástant bi xaltā́. Āu̯-šnāsī jind xaltā́nī sarā́ suwā́r būt, gúštī: amé ki xaltá ér šut, šmā daságā peš kašít. amé ki Istārá-šnās dist ki xaltá jāl bū́tant, Āu̯-šnās um ša nihíngäi̯ dapā́ zāmā́ gipt, Istārá-šnās daságā káš kurt, zāmā́ kašítant tā dístī ki zām zang jatá. zāmā́ gíptant, šúštant, zangā́nī pāk kurtá pošā́i̯ tā kúrtant. amé ki pošā́i̯ tā kúrtant, J̌āntéγ ustát, sábre jat, gušt: čon wā́b atun! Āu̯-šnās gušt: trā wābíä čé-ă lo̯tít! kirmā́nā säi̯l pkan ki murt-átäi̯! gúštī: gúj int tī janén? J̌āntéγ gušt: man čéw a-zānín. Istārá-šnās gúštī: mäšmā́ tanák bayán, šārā́nā bgárdan, tā ki janíkkā wadí pkanán.

с девушкой дома развлекается!» Звездочет сказал: «переправь нас и доставь к Джантегу». Он их переправил на ту сторону реки.

Они вошли в дом; Звездочет стал смотреть и увидел: вот здесь спит мой брат! Он приподнял одеяло и увидел: моего брата изъели черви, и он умер! Он сказал Водоведу: «что же мы теперь будем делать?» Тот сказал: «способ один, надо отыскать меч!» Они принялись разыскивать; стали искать под землей, в золе, и в золе от очага увидели ножны. Водовед стал смотреть в воду и увидел, что он застрял в пасти у чудовищной рыбы. Он сказал: «пусть теперь найдут и принесут два мешка соломы, и я вытащу меч!» Деда-гаргашанга послали за соломой; он пошел и принес два мешка соломы; к мешкам привязали веревку. Водовед уселся сверху на мешки и сказал: «как только мешок дойдет до низу, вы тащите за веревку». Как только Звездочет увидел, что мешки спустились вниз и что Водовед взял меч из пасти чудовищной рыбы, Звездочет потянул за веревку. Меч вытащили, и увидели, что меч поеден ржавчиной. Взяли меч, вымыли, очистили от ржавчины и вложили в ножны. Как только его вложили в ножны, Джантег встал, чихнул и сказал: «как я заспался!» Водовед сказал: «какая тут сонливость! посмотри-ка на червей, ведь ты был мертвым!» Потом он сказал: «где твоя жена?» Джантег сказал: «откуда я знаю?» Звездочет сказал: «мы разделимся и будем ходить по-одиночке по городам, пока не найдем девушку». Они пошли. Звездочет и Водо-

šútant. Istārá-šnás, Āu̯-šnās gáštant, na dístant. Bābá-γarγašáng gušt ki man bi éngūräi̯ šārá dístun. J̌āntéγ gúštī: bra, ma wušt, janíkkā biár. Bābá-γarγašáng šut pa janíkkäi̯ padá ki biárīn.

Bābá-γarγašáng šut tā dist janíkkäi̯ čil šap bū́t būtá, nūn dol u sāz kurtág ant ki pādšá gís a-kant. Bābá-γarγašáng wat rā pīramárde kurt, šut janíkkäi̯ā. janík Bābá-γarγašángā drust kurt, gušt ki pādšá loṭít, mnā bgīt, káre pkan ki mnā bzūr u bra. Bābá-γarγašáng gust: γussá ma war ki trā šapí a-barín. Bábá-γarγašáng šut, bi arūsíā pādšāi̯ā ništ. pa Bābá-γarγašáng nān u gošt āúrtant. ešánā wártī, gúštī: man ser na kúrtun. e čonén pādšáe gušnág int ki mnā nān dātága na kant. pādšá gušt: ar če nán u gošt int, bdáit ameší rā, tā bᵘwart ki mnā bad-nām a-kánt. tā begáī ar če ki nān dátant, ar če ki pas kúštant, e ser na kurt. tā ki šap būt, šut pīrazálā wadí kurt, āúrtī, gúštī: biá, brawán ádenā, trā pādšá gušít: biá. amé ki pīrazál yak ṭukkúre šut, eší rā gipt u wártī. šut, janíkkā zurt, watí puštá suwár kurt u šut, J̌āntéγäi̯ jā sár būt. J̌āntéγ gušt: bārikállā, bārikállā Bābá-γarγašángā. šapí mántant.

tārienā J̌āntéγ š-édā laḍḍít ki brâu̯t watí pissái̯ šār u kalátā. ša rodá ki gwástant, yak do šap gwast, šútant, bi Āu̯-šnásī jā sar bū́tant, šapí

вед ходили-ходили, не нашли. Дед-гаргашанг сказал: «я видел в городе по близости». Джантег сказал: «не сиди, а иди и приведи девушку». Дед-гаргашанг пошел, чтобы привести девушку.

Дед-гаргашанг пошел и увидел, что сорок ночей девушки окончились, а теперь забили в барабан и заиграли, так как царь женится. Дед-гаргашанг обратил себя в старика и пошел к девушке. Девушка узнала Деда-гаргашанга, и сказала: «царь хочет меня взять (в жены), придумай что-нибудь, чтобы забрать меня и уйти». Дед-гаргашанг сказал: «не печалься, сегодня ночью я увезу тебя!» Дед-гаргашанг пошел и уселся на свадебном пиру у царя. Деду-гаргашангу принесли хлеба и мяса. Он съел и сказал: «я не наелся! что это за царь-голодранец, что меня не может накормить!» Царь сказал: «сколько ни есть хлеба и мяса, дайте ему, пусть ест, потому что он меня срамит!» До вечера, сколько ни давали хлеба, сколько ни убивали баранов, он не наедался. Когда наступила ночь, он пошел, отыскал старуху, привел ее и сказал: «давай, пойдем туда, царь велит тебе прийти!» Как только старуха прошла немножко, он схватил ее и съел, а сам пошел, забрал девушку, посадил ее к себе на спину, пошел и добрался до Джантега. Джантег сказал: «да благословит бог! да благословит бог Деда-гаргашанга!» Эту ночь они оставались там.

На утро Джантег снарядился, чтобы отправиться в город и крепость своего отца. Когда они переправились через реку и прошла одна ночь или две, они

mā́ntant, tā́rī Āu̯-šnā́s am go āwā́n laḍḍít. wasírkī gušt ki äi̯ zāmā́s, ar če gulā́m a-loṭā́i̯, ar če asp u dau̯lát a-loṭā́i̯, go wat bar. Āu̯-šnā́s gúštīt: én ka mnā pa kā́r näi̯nt. gúštī: šarr, yak o do gulā́m go yak o do aspā́ bzūr. amé aspā́nā ša dau̯láttā laḍḍít. amešā́nā Au̯-šnā́s zurt u šut pa wat. šútant ki e digár ročénā Istārá-šnā́säi̯ jā rástant. šapí mā́ntant Istārá-šnā́säi̯ā. tārínā Istārá-šnā́s am rādág būt, eší wasírk am gušt: dau̯lát ar če pa kār dārít, bzūr. eší aspā́nā laḍḍít ša dau̯láttā, gulā́mā rāí kurt. tārínā zurt u šútant. tā yak mā ki rā́ šútant Bābá-γarγašangī jā rastant. Bābá-γarγašáng gušt: nūn go šmā man na raín, man amédā nindín. e amédā níštī. J̌āntéγ āwā́n šútant ki bi Āu̯-šnā́sī rāíā sár būtant, Āu̯-šnā́s gušt: man annū́n na raín go šmā. J̌āntéγ gušt: šarr, ki na raā́i̯, pa tī ruxsáttā. mā́ntant annū́n J̌āntéγ u Istārá-šnā́s. ar duén šútant bi J̌āntéγī pissā́i̯ šārā́i̯ nazzíkā. Istārá-šnā́s gušt: man am na raín go ta, mnī rā́ améš int. J̌āntéγ gušt: pa^{t} tī ruxsáttā ki rawā́i̯.

J̌āntéγ yak ṭukúrre šútīt tā dístī, amédā ramā́ge čārít. J̌āntéγ šuwānágā pursít, gušt ki e ramág kí-int? šuwānág gušt ki e pādšā́en ramág. gušt: bra, awā́l bar pa pādšā́ ki tī zāg átī. e šuwānág šut, go pādšā́ gušt: tī zāg

---

пошли дальше и дошли до жилища (жены) Водоведа. Ночь переночевали, а на утро и Водовед снарядился. Его тесть сказал: «зять, возьми с собой слуг, лошадей и имущества, сколько захочешь!» Водовед сказал: «мне столько не надо!» Тесть сказал ему: «ну, хорошо, возьми одного или двух слуг с лошадью или двумя». Он нагрузил имуществом этих лошадей; Водовед их взял и отправился к себе. Они пошли дальше. В один из следующих дней они дошли до жилища (жены) Звездочета. Ночь они провели там, а на утро Звездочет собрался в путь, его тесть также сказал: «возьми себе имущества, сколько нужно!» Он нагрузил ценностями его лошадей и прислал слуг. На утро они отправились. Целый месяц они были в дороге, пока дошли до жилища Деда-гаргашанга. Дед-гаргашанг сказал: «я теперь с вами не пойду, а останусь здесь». Он остался. Джантег со спутниками пошли и дошли до дороги Водоведа. Водовед сказал: «я теперь с вами не пойду!» Джантег сказал: «хорошо, если не пойдешь, прощай!» Остались теперь Джантег и Звездочет. Вдвоем они приблизились к городу отца Джантега. Звездочет сказал: «я тоже не пойду с тобой, это — моя дорога!» Джантег сказал: «прощай, если не идешь!»

Джантег немного прошел и увидел, что пасется стадо овец. Джантег спросил пастуха и сказал: «это чье стадо?» Пастух сказал: «это царское стадо». Он сказал: «иди и снеси весть царю: „твой сын пришел!“» Пастух пошел и сказал

āt. gúštī ki man zā́ge na dārín. šuwānág pa dūríā āt. J̌āntéγ dístī ki bágge čārít, sarwā́nā gušt: bra, awā́l bar pa pādšā́, bguš ki tī zāg āt. sarwā́n šut, go pādšā́ gušt ki tī zāg ā́tī. pādšā́ gušt: man zā́ge na dārín. sarwā́n padūí bír gašt, āt. Jāntéγ demtírā šut, tā dist ki gokčaréne, gušt: awā́l bar pa pādšā́ ki tī zāg āt. gokčarén ki šut pādšā́ä̯ā, gušt: tī zāg ā́tī. pādšā́ gušt: man zā́ge na dā́štun. gúštī, én ka mardúm a-kā̆i̯t, gušít ki pādšā́, tī zāg āt, brā́it, yak do suwā́r rāí pkanít. e sᵘwār šútant tā dístant ki mardúm a-kāi̯ánt. go eṅ mardúmān wašāmád kúrtant, ša e pursítant: ta čonéne wäi̯? J̌āntéγ gušt: man pādšā́äi̯ zāg un. e šútant, bi pādšā́äi̯ gisā́ sar bū́tant. pādšā́ pursít: tā čonéne wäi̯? J̌āntéγ jawā́b dāt ki man tī zāg un. gúštī: ta čon mnī zāg äi̯? gúštī: man amā́ tī zāg un murtágen ki mnā Azrā́íl burt, mazán kurt, nūn ā́tun. pādšā́ kapt bi gutṭā́i̯, bāzénī gret. tā́rī ki roč būt, duwārdág pādšā́ dol u sāz kurt, J̌āntéγā gis dāt. jístun u bástun, pa wat imā́ne āúrtun, pa^{t} ta dištáre āúrtun.

царю: «твой сын пришел!» Тот сказал: «у меня нет сына!» Пастух ушел в даль. Джантег увидел, что пасется стадо верблюдов, и сказал погонщику: «иди, снеси весть царю, скажи: „твой сын пришел!“» Погонщик верблюдов пошел и сказал царю: «твой сын пришел!» Царь сказал: «у меня нет сына!» Погонщик верблюдов пошел и вернулся назад. Джантег пошел вперед и увидел коровьего пастуха; он сказал ему: «снеси весть царю: „твой сын пришел!“» Коровий пастух пошел и сказал царю: «твой сын пришел!» Царь сказал: «у меня не было сына!» потом он сказал: «столько людей приходит и говорят: „царь, пришел твой сын!“ идите и пошлите одного-двоих верховых!» Эти верховые отправились и увидели, что приближаются люди. Они поздоровались с этими людьми и спросили: «кто ты таков?» Джантег сказал: «я царский сын!» Они отправились и пришли к царскому дому. Царь спросил: «кто ты таков?» Джантег ответил: «я твой сын!» Тот сказал: «как это ты мой сын?» Он сказал: «я тот твой мертвый сын, которого Азраил унес и вырастил, а теперь я пришел!» Царь бросился ему на шею и долго рыдал. На утро, когда взошло солнце, опять били в барабан и играли, опять праздновали свадьбу Джантега. Я убежал и завязал, себе снискал благополучие, тебе привел невесту.

XI

būt, būt, ša xudā́ káse getír na būt. yak pādšā́e ʸat, čil u yak zāg dāšt. yak wáxte būt ki pādšā́ạ̈i zāg gúštanᵗ: ạ̈i bābā́, ammā́ rā gis bdạ̈i. e pādšā́ watī zāgā́nā gušt ki man šmā rā yak-yak gis na dā́ín, man bi pādšā́e dā́ín ki čil u yak jiník dāštá bīt. biyā́ ki mā́šmā́ nūn kāsíd kanán bi yak pādšā́e ki čil u yak jiník dāštá bīt. amédā xat nẹmištá kúrtanᵗ p-ā́ pādšā́. nūn ša e pādšā́ bill u ša digár pādšā́ goš kaš.

e pādšā́ dāšt čil u yak jiník. yak wáxte at ki jiníkān gúštanᵗ: ạ̈i bābā́, ammā́ rā pa če gis na dạ̈ạ̈i? pādšā́ gušt ki man šmā rā yak-yak gis na dā́ín, šmā rā bi pādšā́e dā́ín ki čil u yak zāg dāštá bīt. biyā́ mā́šmā́ kāsíd kanán pa pādšā́e ki čil u yak zāg dāštá bīt. nūn yak xáte nẹmištá kurt, kāsídạ̈i dastā́ dāt kiᵗ ta eší rā bar, bi pādšā́e bdạ̈i kẹ čil u yak zāg dāštá bīt. e kāsíd š-amédā rādág būt, šut. ša e kāsídā bill u ša digár kāsíd goš kaš.

e kāsíd ar dokén ā́tanᵗ, yak jā níštanᵗ. yáke gušt ki ta ša gujā́ kā́ạ̈i? gušt ki man ša pādšā́e kāsíd astun ki mnā dém dātá bi pādšā́e ki čil u yak jäník dāštá bīt. e kāsíd gušt: ša wat bil, ša man goš kaš, man am yak pādšā́e kāsíd astun, ki mnā dém dātá bi pādšā́e ki čil u yak zāg dāštá bīt.

(XI. Об Амат-ша и Сорокавьючнике)

Было-было, никого лучше бога не было. Был один царь, у него был сорок один сын. Однажды царские сыновья сказали: «батюшка, жени нас!» Царь сказал своим сыновьям: «я не буду женить вас порознь, а отдам (вас в зятья) такому царю, у которого будет сорок одна дочь; давайте, снарядим теперь вестника к такому царю, у которого будет сорок одна дочь». Тут же составили письмо к царю. Теперь оставь этого царя и послушай о другом царе.

У этого царя была сорок одна дочь. Однажды девушки сказали: «батюшка, почему ты не выдаешь нас замуж?» Царь сказал: «я вас порознь не буду выдавать замуж, а отдам вас такому царю, у которого будет сорок один сын; давайте, теперь отправим вестника к царю, у которого будет сорок один сын». Он тотчас составил письмо и дал его вестнику: снеси, мол, и отдай такому царю, у которого будет сорок один сын! Этот вестник снарядился в путь и отправился. Оставь теперь этого вестника и послушай о другом вестнике.

Оба эти вестника сошлись и остановились в одном месте. Один сказал: «откуда ты идешь?» Другой сказал: «я вестник одного царя, который меня послал к царю, у которого была бы сорок одна дочь». Первый гонец сказал: «оставь себя, послушай обо мне! я тоже царский гонец, посланный к такому царю,

e kāsíd gušt ki e rang būt, ta bʲyā, mnī xatā́ bzūr, man am tī xatā́ zūrín, ta bʲra watí jindā́i̯ šārā́, man am watí jindā́i̯ šārā́ räín. ešā́n watí xatā́nā zúrtan, ar kas pádā šut.

e kāsíd šut bi pādšā́äi̯ demā́, gušt ki bʲyā ki wadí kurtā́ un, bʲyā ki nūn brawán, watí zāgā́nī jänénā bʲyār. e pādšā watí zāgā́nā lotít ki bʲyā́it, ša šmā yak gujām bi mnī pādšāíäi̯ sarā́ búštīt, ki man bräín šmäi̯ jänénānā bʲyā́rīn. e zāgā́n yak gujā́m rāzí na bū́tanᵗ, gúštanᵗ: ammā́ múččī rawán. pādšā́ dāšt yak gwanḍén zāgā́, gúštī: äi̯ bābā́, man tī pādšāíäi̯ sarā́ nindín. mnī jänénā bi mnī amé zāmā́ nikā́ pkanā́i̯. pādšā́ bi amé abár rāzí būt, š-amédā watí γošúnā zurt u rādág būt, šut bi amā́ šā́re ki jiníkān ast, šārā́i̯ išk-u-áškā xäi̯mág jat.

tā́rī mullā́ ustát ki azā́n bdant, dist ki šārā́i̯ išk-u-áškā xäi̯mág jatág-anᵗ. š-amédā jist bẹ padšā́äi̯ demā́, uštā́t, gušt: e pādšā́, bʲyā ki šārā́i̯ išk-u-áškā xäi̯mág bāz jatág-anᵗ, bra, säi̯ kan ki yā dóst anᵗ yā́ dušmán anᵗ. pādšā́ š-amédā kāsíd dem dāt ki šmā dost it yā dušmán it. agár dost it, biyā́it bi šārā́i̯ tā, agár dušmán it, ammā́i̯ jawā́bā bdā́it. ā pādšā́ gušt ki ammā́ tī dušmán nā́yan, tī dóst an. darwāzágäi̯ dapā́ páč kan ki ammā́ bʲyā́yan bi šārā́ tā. e pādšā́ darwāzágäi̯ dapā́ páč kurt ki pādšā́ watí urdū́

у которого будет сорок один сын». Тот гонец сказал: «раз так, давай, ты возьми мое письмо, а я возьму твое, и ты иди в свою страну, а я пойду в свою!» Они взяли письма, и каждый отправился обратно.

Первый гонец отправился к царю и сказал: «ну, я нашел! давай, теперь поедем, и ты привезешь жен своим сыновьям». Царь позвал своих сыновей: приходите, мол, пусть кто-нибудь из вас останется во главе моего царства, а я поеду и привезу вам жен! Никто из сыновей не согласился; они сказали: «мы все поедем!» А у царя был младший сын, он сказал: «батюшка, я останусь во главе твоего царства, а ты повенчай мне жену на этом моем мече!» Царь остался доволен этими словами; он тотчас снарядил свою свиту и войско, собрался, выступил к тому городу, где находились девушки, и разбил свои палатки вокруг города.

Рано утром мулла встал, чтобы прочесть призыв к молитве, и увидел, что вокруг города разбиты палатки. Он побежал к царю, остановился и сказал: «царь, посмотри, вокруг твоего города разбито много палаток, пойди, посмотри, друзья это или враги!» Царь тотчас отправил гонца: вы, де, друзья или враги? если друзья, войдите в город; если враги, сообщите ваши требования. Тот царь сказал: «мы не враги тебе, а друзья, открой ворота, и мы войдем в город». Царь открыл ворота, и другой царь ввел свою свиту и войско

wa γušánā āwúrt bi šārā̆ tā. édā šap būt. pādšā̆ watí urdū̆ u γušánā nān dāt, murxás ku, wa watí zāgánā loṭít, wa digá pādšā watí janíᵏkānā loṭít wa kattā̆r nādént, bi pādšāäi̯ zāgánī sarā̆ bā̆r ku. e pādšā̆ gušt ki äi̯ pādšā̆, tī yak zāg nā̆int? e pādšā̆ ǰawā̆b dāt ki mnī zāg bi mnī pādšāíäi̯ sarā̆ ništág int wa āí ǰänénā bi amé zāmā̆i̯ nikā̆ kanít. nūn alā̆s būt š-édā.

e pādšā̆ yak dā roč bi amédā zindagānī kurt, gúḍā gušt ki biyā̆ ki brawán. e pādšā̆ watí urdū̆ u γušánā sí ku ki bā̆ndā mā̆šmā̆ rawán. tā̆rī pādšā̆ ša e šā̆r laḍḍít, šut yak manzíl rā, er ku bi yak kalā̆täi̯, watí aspā̆nā kā u ǰau̯ dāt wa ǰíndī čā wa nān wártanᵗ. amē̆dā tā tā̆rī wáptanᵗ. tā̆rī kⁱ ustátanᵗ, dístanᵗ ki yak buzlangíe ešā̆nī išk u ā̆škā giptá. pādšā̆ yak kāsíde dem dāt, gušt: ta dóst äi̯ yā dušmán äi̯? buzlangí gušt ki na, man dušmán ná un, man dost un, man ša šmā Amát-šā̆ä ǰanénā loṭín. pādšā̆ gušt ki agā̆r digáre rā loṭā̆i̯, man trā dä́in, Amat-šā̆ä ǰanénā na dä́in. buzlangí gušt ki agā̆r ma dä̆ä̆i̯, man šmā rā múččānā warín. pādšā̆ nā-čā̆r būt, gušt ki biyā̆ ki Amat-šā̆ä ǰanénā bi me buzlangí däyán. édā watí zāgánā loṭít, gušt ki bābā̆, šmā čéwā gušít? pādšāäi̯ zāg ruzā̆ bū̆tanᵗ. e Amat-šā̆ä ǰanénā íštanᵗ wa ǰíndī rādág bū̆tan u šútan pa wat. e buzlangí Amat-šā̆ä ǰanénā gušt ki

---

в город. Наступила ночь. Царь роздал продовольствие своей свите и войску, отпустил их и позвал своих сыновей, а другой царь позвал своих дочерей, рассадил их и разделил их между царскими сыновьями. Этот царь сказал: «царь, одного твоего сына нет!» Царь ответил: «мой сын остался во главе моего царства, обвенчайте его жену на этом мече!» На том и покончили.

Затем этот царь дней десять прожил там, а потом сказал: «ну, поедем!» Этот царь известил свою свиту и войско, что завтра, дескать, мы с вами выступаем. На утро царь снарядился, выступил из города на один перегон, и остановился в одной своей крепости; своим лошадям дали сена и ячменя, а сами стали пить чай и есть хлеб и проспали здесь до утра. Когда на утро встали, они увидели, что какой-то бузланги окружил их со всех сторон. Царь послал гонца и спросил: «ты друг или враг?» Бузланги сказал: «нет, я не враг, я друг, только я хочу от вас жену Амат-ша (младшего сына царя)». Царь сказал: «если ты захочешь кого-нибудь другого, я тебе выдам, но жену Амат-ша не дам». Бузланги сказал: «если ты не дашь, я вас всех пожру!» Царь не имел выхода и сказал: «пожалуй, отдадим этому бузланги жену Амат-ша!» Он созвал своих сыновей и сказал: «дети, что вы скажете?» Царские сыновья согласились. Жену Амат-ша оставили, а сами собрались в путь и пошли к себе. Бузланги сказал жене Амат-ша: «ты не горюй, что я тебя

ta γussá ma wǎr ki man trā gardentǎ un, bálkẹ Amat-šǎ rā ša watí čammǎ bgindín. ša e bill u ša pādšǎ goš kaš.

e pādšǎ watí urdū wa γušǎnā gušt ki agár Amat-šǎ ša šmā soč pkant, bgúšit ki tī janén murtá. gušt: wā bi jáni yáke ki bgúšīt ki tī janénā spetén deb gardentá! ša pādšǎ bill u ša Amat-šǎ goš kaš.

Amat-šǎ bi γasrǎi̯ sarǎ ništ-át, go dūrbín säi̯lǎ kurt, kadén mnī pisǎi̯ kušǎn kāi̯t. dist ki yak dūláxte ustát. ádā Amat-šǎ watí gulǎmā gušt ki mnī asp u erǎγā biʸár. gulǎm asp u zen u erǎγā ā^{w}úrt. Amat-šǎ watí aspǎ suwǎr būt, dem watí pi^{s}sǎi̯ā rādág būt, šut watí pissǎi̯ā, dist ki písī siyā-póš int. gušt ki äi̯ bābá, pa če ta siʸā-póš äi̯? písī gušt ki biʸá, bābá, ki tī baxt kamí kurtá ki tī janén murtá. e Amat-šǎ bāz gret, āt watí jindǎi̯ gisǎ.

édā šap būt. Amat-šǎ púčči durbeší gwarǎ ku, šut pa durbešíyā, dist ki čār warnǎ arák wartág-an^{t}, mast būtág-an^{t}. yáke gušt ki armǎn, sad armǎn ki Amat-šǎä janénā spetén deb gardént. yak warnǎe gušt ki armǎn, ki Amat-šǎ amédā būtin ki šut, watí janénā kāwúrt. yak gašt Amat-šǎ wat rā gisǎ tā prent. gušt: äi̯ warnǎ, ta watí amé abáre ki annūn gúštäi̯, bguš. e warnǎ bi Amat-šǎ gušt ki agár man watí abára go ta bgúšīn, pādšǎ mnā goš u póz a-kánt. Amat-šǎ bi warnǎ gušt ki ta ša

---

вернул: я хочу только увидеть своими глазами Амат-ша». Оставь его и послушай о царе.

Царь сказал своей свите и войску: «если Амат-ша у вас спросит, скажите: „твоя жена умерла!“» и прибавил: «и горе тому, кто скажет, что твою жену отнял белый див!» Оставь теперь царя и послушай об Амат-ша.

Амат-ша сидел на замке и смотрел в подзорную трубу: когда, мол, придет войско моего отца? увидел, что поднялась пыль. Тут Амат-ша сказал своему слуге: «приведи мне оседланную лошадь». Слуга привел лошадь с седлом и со всем убором. Амат-ша сел верхом на свою лошадь и отправился к своему отцу. Он увидел, что его отец одет в черное, и сказал ему: «батюшка, почему ты в черном?» Отец сказал ему: «вот, сынок, твое счастье потерпело ущерб: твоя жена умерла!» Амат-ша горько заплакал и пошел к себе домой.

Наступила ночь. Амат-ша надел дервишеское платье и отправился странствовать дервишем. Он увидел, что четверо юношей напились водки и опьянели. Один сказал: «досадно, сто раз досадно, что жену Амат-ша отнял белый див!» Другой сказал: «досада! ведь если бы Амат-ша был здесь, он отправился бы и привел свою жену!» Амат-ша стремительно бросился внутрь дома и сказал: «юноша, повтори то, что ты сейчас сказал!» Юноша сказал Амат-ша: «если я скажу тебе свои слова, царь отрежет мне уши и нос». Амат-ша сказал:

dādšā́ ma trus ki man Amat-šā́ un. e warnā́ gušt ki tī janénā spetén deb gardentá. bʲra, watí janénā padā deḭ.

Amat-šā́ š-amédā rādág būt, watí asp u zen u erā́γā múččānā zurt u watí aspā́ sᵘwāṛ būt u šut. bẹ yak jā́e rasít, dist ki du buzlangíyā bastág anᵗ u yak buzlangí ša pádā langár a-kánt, go šīpáng jant. gušt: salā́m alā́ḭk, äḭ buzlangí. buzlangí gušt ki agár tī salā́m ma bū́tin, trā man ā́rt a-kúrtun, bi gwātā́ḭ dapā́ dā́tun. Amat-šā́ bi buzlangí gušt ki xudā́ trā če zóre dātá ki du buzlangíā bastág-äḭ, langár a-kanā́ḭ, go šīpánk am janā́ḭ. e buzlangí gušt ki xudā́ zorā́ bi man na dātá, bi Amat-šā́ dātā́. Amat-šā́ bi buzlangí gušt ki äḭ buzlangí, agár ta Amat-šā́ā bgíndäḭ, durústī am kanā́i? buzlangí gušt ki yak wáxte man āe rā distā́ un, agár nūn bgíndīn, durústī am kanín. Amat-šā́ gušt ki Amat-šā́ mán un. e buzlangí gušt ki man ā́tun ki trā dar asmā́n bgirín, nūn bi ḍigárā bẹ mnī gīrā́ kaptág-äḭ, trā nā́ḭlīn ki ša mnī demā́ bẹjiā́ḭ. Amat-šā́ gipt buzlangíäḭ srenā́, watí xudā́ yāt ku, buzlangíā bāl āwúrt, jat bi ḍigárā, watí zāmā́ kašít ki eší sarā́ burrít. e buzlangí gušt ki ta mnī sarā́ ma bur, ki man tī yak gulā́me baín. Amat-šā́ gušt: šarr, ša yákke do getír int. rādág bū́tan u šútan.

bi yak jā́e rasítanᵗ, dístan: yak buzlangíe e singā́ zūrít, bi ā singā́ jant, ā́rt a-kant o wart. salā́m dāt ki äḭ buzlangí, xudā́ če zóre trā dātá ki

---

«ты царя не бойся: я Амат-ша!» Юноша сказал: «твою жену отнял белый див! иди вслед за своей женой!»

Амат-ша пошел оттуда, взял свою лошадь с седлом и убором, сел верхом и поехал. Приехал он в одно место и увидел, что запряжены два бузланги, а один бузланги сзади, он пашет на них и бьет их бичем. Он сказал: «привет тебе, бузланги!» Бузланги сказал: «если бы не было твоего приветствия, я бы превратил тебя в муку и развеял по ветру!» Амат-ша сказал бузланги: «что́ за силу бог дал тебе, что ты запряг двоих бузланги, пашешь на них и бьешь бичом!» Бузланги сказал: «бог дал силу не мне, а Амат-ша!» Амат-ша сказал бузланги: «бузланги, если бы ты увидел Амат-ша, ты его узнал бы?» Бузланги сказал: «я раз его видел, и если теперь увижу, узнаю!» Амат-ша сказал: «Амат-ша, это — я!» Бузланги сказал: «я старался достать тебя с неба, а теперь ты и на земле попался мне в руки; не допущу, чтобы ты от меня убежал!» Амат-ша схватил бузланги за пояс, помянул своего бога, приподнял бузланги и бросил на землю. Он выхватил свой меч, чтобы отрезать ему голову, но бузланги сказал: «не отрезай мне головы, я буду твоим рабом!» Амат-ша сказал: «хорошо, двое лучше, чем один!» Они собрались и пошли.

Они пришли в одно место и увидели, что один бузланги берет камень, ударяет его о другой, приготовляет муку и ест. Он поздоровался и ска-

e singá bẹ ā singá ǰanái̯, árt a-kanái̯ u warái̯? e buzlangí ǰawáb dāt ki xudá zorá bẹ man na dātá, bi Amat-šá dātá. Amat-šá gušt ki agár ta Amat-šáā bgíndäi̯, durústī am kanái̯? e buzlangí gušt ki yak zamáne man go Amat-šá bāz dawá kurtá un, agár bgíndīn, drústī-m kanín. e gušt ki Amat-šá mán un. buzlangí gušt ki man átun ki trā dar asmánā bgírīn, ta nūn bi ḍigárā bi mnī gīrá kaptág-äi̯, trā náilīn ki ša mnī demá bjíäi̯. e Amat-šá gušt ki šarr, ta pa če ruzá wäi̯: pa kuští ruzá ʷäi̯ yā pa gurz? buzlangí gušt ki man pa kuští ruzá un. Amat-šá gušt: man am ruzá un. Amat-šá gipt buzlangíäi̯ srená, bāl āʷúrt, ǰat bẹ ḍigárā, zāmá kašít ki buzlangíäi̯ sará burrít. buzlangí gušt ki ta mnā ma kuš kẹ man tī yak gulám a-bäín Amat-šá gušt: šarr, ša du säi̯ getír int. biyá ki mäšmá brawán.

šútanᵗ bi yak ǰáe. yak āúe šikár kúrtanᵗ. gogírd na dáštant, dístanᵗ ša yak koé tā yak dúte ustát. yak buzlangí rā Amat-šá gušt ki ta bⁱra, š-amódā yak ātíše biʸár. e buzlangí rādág būt, šut bẹ mā ǰáe ki amá dūt būt. dístī ki yak Čil-xarwāríe čil xarwár ártā bẹ ātíšäi̯ čérā kurtá. e Čil-xarwārí bẹ buzlangí gušt ki pa če ātág äi̯? e buzlangí gušt ki man pa ātíše ātág un. e Čil-xarwārí gušt: biyá, bar! e buzlangí watí dastá táčke ku ki

---

зал: «бузланги, что́ за силу бог тебе дал, что ты ударяешь один камень о другой, изготовляешь муку и ешь?» Бузланги ответил: «бог дал силу не мне а Амат-ша!» Амат-ша сказал: «если ты увидишь Амат-ша, ты его узнаешь?» Бузланги сказал: «я раз порядком потягался с Амат-ша, и если увижу, узнаю его». Он сказал: «Амат-ша, это — я!» Бузланги сказал: «я старался на небе тебя достать, а ты теперь на земле попался мне в руки! не допущу, чтобы ты от меня убежал!» Амат-ша сказал: «хорошо! ты что выбираешь: борьбу или палицы?» Бузланги сказал: «я согласен бороться». Амат-ша сказал: «и я согласен». Амат-ша схватил бузланги за пояс, поднял кверху и бросил на землю. Он вытащил меч, чтобы отрезать бузланги голову, но бузланги сказал: «не убивай меня, я буду твоим рабом!» Амат-ша сказал: «хорошо, трое лучше, чем двое, давай, пойдем!»

Они дошли до одного места, поохотились и застрелили газель, но у них не было спичек (чтобы развести огонь). Они увидели, что с одной горы поднялся дым. Амат-ша сказал одному бузланги: «сходи, принеси оттуда огня». Бузланги отправился, дошел до того места, где был дым, и увидел, что некто Сорокавьючник положил под огонь сорок ослиных вьюков муки (и печет хлеб). Сорокавьючник сказал бузланги: «зачем ты пришел?» Бузланги сказал: «я пришел за огнем». Сорокавьючник сказал: «ну, возьми!» Бузланги протянул руку,

ātíše bzūrīt. Čil-xarwārí giṛt eší gardínā, watí zānäi̯ čérā ku. ša Čil-xarwārí bíll u ša Amat-šá goš kaš.

Amat-šá dist ki e buzlangí na āt. e digá buzlangíā gušt ki ta bʲra, ātíšā biʸár. e buzlangí rādág būt, amá ǰáe ki dūt ustát-at, šut, dist ki āí amrákäi̯ sará bi Čil-xarwaríäi̯ zānäi̯ čérā kurtá. ša Čil-xarwārí pursít ki pa če eší rā amé rang kurtág äi̯? Čil-xarwārí gušt ki e be-adabí kurt-át, ta biʸá, ātíše bzūr u bra. e buzlangí watí dastá táčke ku pa ātíšā. ya gašt Čil-xarwārí gipt ša eší gardínā, watí čappén zānäi̯ čérā kurt. ša Čil-xarwārí yak kámme bill u ša Amat-šá goš kaš ki bi rá int u kāi̯t.

āt Čil-xarwāríäi̯ nazdíkā, dist ki du buzlangíäi̯ sará watí zānäi̯ čérā kurtá. Amat-šá š-amángū rast, ša Čil-xarwāríäi̯ nān sist u wart. Čil-xarwārí bi Amat-šā gušt ki e čẹ be-adabí at ki ta kurtäi̯? Amat-šá gušt bi Čil-xarwārí kẹ äi̯ni adáb ameš int. Amat-šā bāz duwārág gušt ki äi̯ Čil-xarwārí, e čẹ zór int ki ta dāräi̯ ki mnī du brāsäi̯ sarágā watí zānäi̯ čérā kurtág äi̯? Čil-xarwarí gušt ki xudá bẹ man zorá na dātá, bi Amat-šá dātá. e gušt ki agár Amat-šáā bgíndäi̯, drustí am kanäi̯? Čil-xarwārí gušt ki man āe rā yak wáxte distág un. gušt ki Amat-šá mnī jínd un. Čil-xarwārí

чтобы взять огня, но Сорокавьючник схватил его за шею и сунул к себе под колено. Оставь теперь Сорокавьючника и послушай про Амат-ша.

Амат-ша увидел, что бузланги не пришел. Он сказал другому бузланги: «сходи ты и принеси огня!» Бузланги собрался и пошел к тому месту, откуда поднимался дым. Там он увидел, что голова его товарища засунута под колено Сорокавьючника, и спросил у него: «за что ты так поступил с ним?» Сорокавьючник сказал: «он невежливо себя вел! пойди ты, возьми огня и уходи». Бузланги протянул свою руку за огнем, как вдруг Сорокавьючник схватил его за шею и подсунул к себе под левое колено. Оставь не на долго Сорокавьючника и послушай про Амат-ша, который уже на дороге и подходит!

Он приблизился к Сорокавьючнику и увидел, что головы его бузланги подсунуты к нему под колени. Амат-ша подошел, выхватил хлеб у Сорокавьючника и съел. Сорокавьючник сказал Амат-ша: «что́ это за невежливость ты сделал?» Амат-ша сказал: «это-то и есть настоящая вежливость!» Потом Амат-ша вторично сказал: «что́ это за сила, которою ты обладаешь, что ты сунул себе под колени головы двоих моих братьев!» Сорокавьючник сказал: «бог дал силу не мне, а Амат-ша!» Он спросил: «если ты увидишь Амат-ша, ты его узнаешь?» Сорокавьючник сказал: «однажды я его видел!» Он сказал: «Амат-

gušt ki man átag un ki trā dar asmán bgirín, nūn ki bi ḍigárā bi mnī gīrá kaptág-äi̯, trā nä̆i̯līn, ša mnī demá bjíäi̯. Amat-šá gušt ki ta pa če rāzí äi̯: pa kuští ruzá äi̯? pa gurz ṛuzá äi̯? pa če rāzí äi̯? Čil-xarwārí gušt ki man pa kuští rāzí un. Amat-šá gipt eší srená. tā do šap u do roč watí yak digárā na ǰátan. Amat-šá watí xudá yāt ku, eší rā bāl ā^{w}úrt, ǰat bi me ḍigára, zāmá kašít k-ešī sará burrít. Čil-xarwārí gušt ki mnī sará ma bur ki man ar ǰā tī dardá warín. édā Amat-šá gušt̥ ki ša säi̯ čār getír int.

Amat-šá gušt ki mnī ǰanénā spetén deb gardéntī, man räín spetén débäi̯ā. Čil-xarwārí gušt ki äi̯ lālá Amat-šá, man trā yak farsáxā sará barín, āngūrí burtága na kanín, mnī par u bāzūl sučít. Amat-šá gušt: šarr, mnā šmạ tā yak farsáxā sará barít, āngūrí mnī ǰind tāná raín. ešán čār mardúm bi Čil-xarwāríäi̯ sará s^{a}wár būtan. yak farsáxā sará ^{y}ér kaptan. Čil-xarwarí bi Amat-šá gušt ki äi̯ lālá Amat-šá, amé watí aspá bdäi̯ ammá rā ki ammá warán. Amat-šá gušt ki e mnī asp bórit. Amat-šá ǰíndī tāná rādág būt, šut bi spetén débäi̯ā. amé ki bi γasräi̯ā nazdík but, dist ki γasräi̯ išk u wāškā múčī buzlangí an^{t}, waptág an^{t}. Amat-šá š-ešán na trusít, rāst šut bi γasrá.

ша, это я сам!» Сорокавьючник сказал: «я стремился и на небе захватить тебя, а теперь, когда ты на земле попался мне в руки, я не допущу, чтобы ты от меня убежал!» Амат-ша спросил: «ты что выбираешь: борьбу или палицы? что выбираешь?» Сорокавьючник сказал: «я выбираю борьбу». Амат-ша схватил его за пояс. Две ночи и два дня они не могли бросить друг друга на землю. Амат-ша помянул своего бога, потом поднял его кверху и бросил на самую землю. Он вытащил меч, чтобы отрубить ему голову, но Сорокавьючник сказал: «не отрубай мне головы, потому что я, где бы ни случилось, помогу тебе в беде!» Амат-ша тогда сказал: «четверо лучше, чем трое!»

Потом Амат-ша сказал: «мою жену отнял белый див, и я иду к белому диву». Сорокавьючник сказал: «братец Амат-ша, я тебя донесу до одного фарсаха пути, а дальше нести не смогу, потому что у меня сожгутся перья и крылья». Амат-ша сказал: «хорошо, отнеси меня до одного фарсаха пути, а оттуда я уже и сам доберусь». Они вчетвером уселись на Сорокавьючника. На границе последнего фарсаха спустились. Сорокавьючник сказал Амат-ша: «братец Амат-ша, дай нам съесть твою лошадь». Амат-ша сказал: «можете есть мою лошадь». Сам Амат-ша один собрался в путь и пошел к белому диву. Когда он приблизился к его замку, он увидел, что вокруг замка всё бузланги, и они спят. Амат-ша не испугался их, а пошел прямо к замку.

amé ki bi γasrá šut, dist ki spetén deb waptá, āí ǰänén amódā ništá int. spetén debā̆ i̯ sar bi āí zānā̆ i̯ sará int. Amat-šá gušt ki agár eší rā bẹ wābā̆ i̯ ǰā pkúšīn, nā-mardí a-bít. getír int ki eší rā sī pkanín u pkúšīn. Amat-šá watí zāmá kašít bi pādā̆ i̯ dilā̆ i̯ šíg dāt. spetén deb ša watí wābá yak sar ustát, Amat-šāā ǰanénā yak čapóḍ ǰat, gušt: ai̯ gísi burīdá, ta pa če magísānā (‖masiskánā) killā̆ i̯ ki mnā waránt? duwārág Amat-šá watí zāmá bi čappén pādā̆ i̯ šīg dāt, e spetén deb duwārág ustát, Amat-šāā̆ i̯ ǰanénā ǰat, Amat-šāā̆ i̯ ǰanénā sot, bāz gret, gušt ki tī māsā̆ i̯ mard bi[t] tī sarā̆ i̯ čérā ustatá! spetén deb ustát ša wābá, gušt ki aǰáb lunkái čárme bi mnī gīrá kaptá. Amat-šá gušt ki bále, agár mnā er burtág pkánä i̯! Amat-šá spetén debá gušt ki ta pa če rāzí-ā? spetén deb bi Amat-šá gušt ki man pa gurz rāzí un. Amat-šá am rāzí būt. spetén deb gurzá bāl ā[w]úrt, ǰat bẹ Amat-šāā̆ i̯ sarā̆ i̯ mānǰínā. Amat-šá watí ǰāgá šor na wart, ša spetén deb pursít ki tī zor améš at? gúḍā burzá ša spetén debā̆ i̯ dastá zīt, watí xudāā yāt ku, ǰat bẹ spetén debā̆ i̯ sarā̆ i̯ mānǰínā. spetén debá ša mānǰínā du kap kurt. kápe éškā kapt, kápe áškā kapt. gúḍā watí ǰanénā zurt u rādág būt, ša γasrá ér kapt. buzlangíān ustátan ša wābá, dístan ki spetén debā̆ ǰanénā búrtī. néme

---

Когда он подошел к замку, он увидел, что белый див спит, а его жена сидит возле, и голова белого дива у нее на коленях. Амат-ша сказал: «если я убью его во сне, это будет не достойно мужчины; лучше дам ему знать, а потом убью!» Амат-ша выхватил свой меч и уколол его в подошву. Белый див сразу очнулся от своего сна, дал пощечину жене Амат-ша и сказал: «ах, ты, бесстыжая! почему ты позволяешь мухам есть меня?» Амат-ша еще раз уколол своим мечом его левую ногу. Белый див опять вскочил и ударил жену Амат-ша. Она вспыхнула, разрыдалась и сказала: «муж твоей матери встал у тебя в головах!» Белый див совсем проснулся, встал и сказал: «какой жирный кусок попался мне в руки!» Амат-ша сказал: «да, если только ты сможешь меня проглотить!» Потом Амат-ша сказал белому диву: «ты что выбираешь?» Белый див сказал Амат-ша: «я выбираю палицы!» Амат-ша согласился. Белый див поднял палицу и ударил Амат-ша как раз по середине головы. Амат-ша не сдвинулся со своего места и спросил белого дива: «это-то твоя сила?» Потом он выхватил палицу у белого дива, помянул своего бога и ударил белого дива как раз по середине головы. Он расколол белого дива по середине на две части; часть упала на одну сторону, часть на другую. Потом он взял свою жену и отправился в путь. Он спустился с замка. Бузланги проснулись и увидели, что он увел жену белого дива. Половина их приготовилась

ustátan pa ǰangā́, néme digár šútant ki spetén débā sī kanánt. šútant, dístan[t] ki spetén deb ša mānǰínā du ka[p]p int. buzlangíān múččī ǰístan[t].

Amat-šā́ watí ǰanénā zurt u watí brāsānīyā šut. dístī ki ar säi amédā ništág ant. Čil-xarwārí gušt ki äi bābā́ Amat-šā́, watí ǰanénā āwúrtäi, bi[y]ā́ ki brawán. ešān čār mardúm be Čil-xarwāríäi sarā́ s[u]wār būtant, šútan[t] tā wáxte ki bi yak šāre rástant. Amat-šā́ dist ki šārā́i išk-w-áškā muč mardúmī sarág ǰatág ant. ša yak mardúme pursít ki e mardumānī sarágān pa če buritág ant? ā mardúm bi Amat-šā́ gušt ki bi e šār pādšā́e ast, yak šárte dārít: ar ka amā́ šartā́ burt, watí ǰaníkā bi amāí a-dánt. Amat-šā gušt ki man bāndā räin bi amé padšāäi darbārā, man šárt a-kanín. bāndā Amat-šā́ šut bi pādšā́iā. pādšā́ pursít ki äi warnā́, ta čé[y] a-loṭā́i? Amat-šā́ gušt ki amé mardúm gúštant ki e pādšā́ e-rangén šárte dārít, man ātā́ un pa[t] tī amā́ šartā́, ta če[y] a-gušā́i? pādšā́ gušt ki äi warnā́, ta ša watí onā́ na trusā́i, ki šárt a-kanā́i go man? Amat-šā́ gušt ki mnī on ša ẹn-kas mardúm getír nā́int. pādšā́ gušt: man am rāzí un. Amat-šā́ šut Čil-xarwāríyā, gušt: äi lālā́ Čil-xarwārí, e pādšā́ e-rangén šárte dārít, ta če[y] a-gušā́i? Cil-xarwārí gušt ki man um rāzí un.

к битве, а половина пошла известить белого дива. Они пошли, увидели, что белый див с середины рассечен на две части, и разбежались.

Амат-ша взял свою жену и отправился к своим братьям. Он увидел, что все трое еще сидят там. Сорокавьючник сказал: «братец Амат-ша, ты привел свою жену, давай, поедем!» Они вчетвером уселись на Сорокавьючника и двигались так, пока не достигли до одного города. Амат-ша увидел, что вокруг города всюду разбросаны человеческие головы. Он спросил у одного человека: «за что этим людям отрезали головы?» Тот человек сказал Амат-ша: «в этом городе есть царь; им поставлено одно условие, и всякому, кто это условие выполнит, царь отдаст свою дочь». Амат-ша сказал: «завтра я пойду на прием к этому царю! я выполню это условие!» На утро Амат-ша отправился к царю. Царь спросил: «что ты хочешь, юноша?» Амат-ша сказал: «люди говорят, что здешний царь делает такой-то вызов; я пришел на твой вызов, ты что скажешь?» Царь сказал: «юноша, ты разве не боишься за свою кровь, что хочешь тягаться со мной?» Амат-ша сказал: «моя кровь ведь не лучше крови стольких людей!» Царь сказал: «ну, я согласен!» Амат-ша пошел к Сорокавьючнику и сказал: «братец Сорокавьючник, этот царь делает такой-то вызов; ты что скажешь?» Сорокавьючник сказал: «я тоже согласен».

bándā ki būt, Amat-šá watí ǰindáä puččánā dāt bi Čil-xarwāríää gwará, āwúrt áe rā bi pādšáää šartáä sará. pādšá gušt: e singá bzūr, mnī šāráä išk u áškā čār bdää, agár búrtää, man watí ǰaníkkā trā däín. Čil-xarwārí zurt amé singá, pādšáää šāráä išk-w-áškā čār dāt, āwúrt, bi mā awwáli ǰáe išt, gúštant ki biyá, šartá burt. pādšáää ǰaníkā nikā kúrtant, bi mā buzlangí dátant ki ḍigárānā langár a-kúrt. buzlangí gušt bi Amat-šá: ää lālá Amat-šá, man čon tī dardá bórīn. Amat-šá bi buzlangí gušt ki ta amé kāságā mās kan, bil watí demá, ar wáxte ki amé kāság on gašt, ta bi mnī dardá bórää.

ešán sää mardúm Čil-xarwāríää sará suwár būtan^{t}, šútant bi yak šáre. dístan, šāráä išk-w-áškā muč mardúmī sarág ant. ša yak mardúme pursít ki e mardumánī sarágā pa če burritág an^{t}? ā mardúm bi Amat-šá gušt ki e pādšá e-rangén šárte dārít: čil xarwár ārt kúrtan, čil am gok a-kušán, čil am pas a-kušán, ar kas amešánā wartág pkant, pādšá watí ǰaníkā amáe rā dant. agár wartág na kurt, āí sará burrán^{t}, lakatáb a-kanán^{t}. Amat-šá š-amédā rādág būt dem pādšáyā, šut bi pādšáää darbárā. pādšá gušt ki ää warná, ta pa če átag ää? Amat-šá gušt ki man pa^{t} tī šartá átag un. pādšá gušt ki áipe tī warnāí näint? Amat-šá gušt ki magár tī šartá man barín.

Когда наступило утро, Амат-ша надел свою одежду на Сорокавьючника и привел его на состязание с царем. Царь сказал: «возьми этот камень и обнеси его вокруг моего города, и если сможешь, я выдам за тебя свою дочь». Сорокавьючник взял камень, обнес его вокруг царского города, принес и положил на первоначальное место. Все сказали: «смотри-ка, он выполнил условие!» Царскую дочь обвенчали; ее отдали тому бузланги, который пахал землю. Бузланги сказал Амат-ша: «братец Амат-ша, как я смогу помочь тебе в беде?» Амат-ша сказал бузланги: «налей в эту чашку кислого молока и поставь перед собой; как только чашка станет кровавой, спеши мне помочь!»

Они втроем уселись на Сорокавьючника, направились к одному городу и увидели, что вокруг города всюду человеческие головы. Они спросили у одного человека: «за что этим людям отрезали головы?» Тот человек сказал Амат-ша: «здешний царь устраивает такое состязание: мелют сорок ослиных вьюков муки, убивают сорок быков, убивают сорок баранов, и всякому, кто сможет все это съесть, царь отдаст свою дочь; если же не съест, ему режут голову и вешают». Амат-ша отсюда направился к царю и пошел к царю на прием. Царь сказал: «зачем ты пришел, юноша?» Амат-ша сказал: «я пришел на твой вызов!» Царь сказал: «разве у тебя нет жалости к своей молодости!» Амат-ша сказал: «но, может быть, я выиграю заклад!»

e pādšā́ gušt ki annū́n bra, tā́rī byā. Amat-šā́ š-amédā šut Čil-xarwarí̈ạ̈ā, gušt: ạ̈ lālā́ Čil-xarwārí, bi^{y}ā́ ki e pādšā́ e-rangén šárte dārít, ta čé^{y} a-gušā́ạ̈? Čil-xarwārí gušt ki zäláre na dārít, man rāzí un.

tā́rī ki būt, Amat-šā́ watí puččánā bi Čil-xarwārí̈ạ̈ gwarā́ dāt, rādág būtan^{t} u šútan bi pādšā́ạ̈ šartā́ạ̈ sarā́. čil xarwā́r ártā Čil-xarwārí wart, čil gok am wart wa čil pas am wart. Čil-xarwārí gušt ki amé čil gokā́ postā́ wa čil pasā́ạ̈ postā́ yak dóle bdočít. ešánā yak dóle dótan^{t}, dā́tan bi Čil-xarwārí̈ạ̈ dastā́. e Čil-xarwārí dolā́ zurt, šut daryā́ā́ sarā́. watí yak pādā́ išt bi daryā́ā́ sarā́, watí rāstén pādā́ išt bi bāgā́ạ̈ sarā́. e bā́gā pur ku ša āpā́. mardúm gúštan ki b^{i}yā ki Čil-xarwārí pādšā́ạ̈ šartā́ burt. pādšā́ dāt watí janíkā bi me buzlangíe ki e singā́ bi ā singā́ jat, árt a-kúrt u wart, e janíkkā dā́tan^{t} bi amāí. e buzlangí gušt ki ạ̈ lālā́ Amat-šā́, man čon tī dardā́ bórīn? e Amat-šā́ gušt ki kāságā mās pkan, ar wáxte ki amé kāság ón gašt, ta bi mnī dardā́ bóräạ̈.

Amat-šā́ g-otí janénā s^{u}wār būt bi Čil-xarwārí̈ạ̈ sarā́. šútan^{t}, bi yak γásre ér kurtan^{t}. Čil-xarwārí gušt ki ạ̈ lālā́ Amat-šā́, man nūn waspín. Amat-šā́ gušt ki ta ki nūn waspā́ạ̈, pa man dār bāz b^{i}yār. Čil-xarwārí šut

---

Царь сказал: «ну, теперь иди! приходи утром!» Амат-ша отсюда пошел к Сорокавьючнику и сказал: «братец Сорокавьючник, посмотри-ка, какое состязание устраивает здешний царь! что ты скажешь?» Сорокавьючник сказал: «ничего, я согласен!»

Когда наступило утро, Амат-ша надел свою одежду на Сорокавьючника. Они отправились и пришли на состязание с царем. Сорокавьючник съел сорок ослиных вьюков муки, съел сорок быков, съел также сорок баранов. Потом Сорокавьючник сказал: «из кож этих сорока быков и сорока баранов сшейте мех». Из них сшили мех и дали Сорокавьючнику. Сорокавьючник взял мех и пошел к реке; одну ногу он поставил у реки, а правую ногу поставил у сада, и наполнил сад водой. Люди сказали: «смотри-ка, Сорокавьючник выполнил условие!» Царь выдал свою дочь за того бузланги, который ударял один камень о другой, приготовлял муку и ел; ему отдали девушку. Этот бузланги сказал: «братец Амат-ша, как я смогу помочь тебе в беде?» Амат-ша сказал: «налей в чашку кислого молока, и как только она станет кровавой, поспеши ко мне на помощь!»

Амат-ша со своей женой уселись на Сорокавьючника и отправились в дорогу. В одном замке они остановились. Сорокавьючник сказал: «братец Амат-ша, я теперь посплю!» Амат-ша сказал: «раз ты заснешь, принеси мне пока побольше дров». Сорокавьючник пошел в лес, и сколько ни увидел дров,

pa ǰangálā. ar če ki dār dist, názd āwúrt, bi daságäi̯ tā bast, watí baḍḍá kurt, āúrt, bi γasrái̯ dapá prent, ǰíndī wapt.

yak róče Amat-šáäi̯ ǰanén šut bi daryáäi̯ sará ki watí sará pšódīt. yak mūde ša sarái̯ sist, eší ra nazd āwúrt, gurenáge ku^{rt}, prent bi daryáäi̯ dapá. e mūd šut u bi māíäi̯ dapá tā kapt. e māí eší rā wart. amé māíe ki amé mūdá wart, eší rā sayádäi̯ zāg gipt. sayádā zāg gušt ki bi^{y}á ki man eší rā pa pādšáäi̯ zāg barín. e sayádäi̯ zāg amé māíā zurt u rādág būt bi pādšáäi̯ zāgái̯ demá, amé māíā dāt bi pādšáäi̯ zāgái̯ dastá. e pādšáäi̯ zāg säi̯l kurt, dist ki e māí murtá, zindág näi̯nt. watí gulámā gušt: ta amé māíäi̯ lāpá páč kan, ki man bgíndīn bárä^{i} če int. gulámī māíäi̯ lāpá páč ku, dist ki yak mūde ast. pādšáäi̯ zāg gušt ki ar kas amé mūdái̯ wāūndā biárīt, āí du brebírā zárr a-däín. yak pīrazále āt ki ič dandán bi sarái̯ na at, gušt ki pa^{m} man yak sundūxe ǰoḍ pkan ki čappí tā^{b} bdáīn, bi ḍigárā mníndīt, rāstí tā^{b} bdáīn, bi asmánā brot. e pādšáäi̯ zāg zūti ǰoḍ kurt u dāt bi pīrazáläi̯ dastá. pīrazál bi sundūxäi̯ tā ništ. rāstí tāb dāt, šut bi asmánā, šut bi yak ǰáe, bi daryáäi̯ kirrá, ér ku, šut bi γasrá.

Amat-šá šutá bi šikárā. amés at ki āt, dístī āí rāá sará yak pīrazále ništá, gušt: äi̯ māsí, tá i̯dā če^{y} a-kanái̯? ā pīrazál gušt ki man ša zawár

---

собрал их; обвязал веревкой, взвалил на спину и принес; бросил при входе в замок, а сам заснул.

Однажды жена Амат-ша пошла на берег реки, чтобы помыть голову, и у нее выдернулся волос из головы. Она его подняла, завязала узелком и бросила в реку. Волос понесло, и он попал в пасть рыбе; рыба его проглотила. Сын охотника поймал эту рыбу, которая проглотила волос. Охотников сын сказал: «давай-ка, я снесу эту рыбу царевичу!» Охотников сын взял эту рыбу, направился к царевичу и вручил ему эту рыбу. Царский сын стал смотреть и увидел, что эта рыба уже мертва, а не жива. Он сказал своему рабу: «вскрой брюхо этой рыбе, я посмотрю, что́ у нее внутри». Раб вскрыл брюхо рыбе и увидел, что там волос. Царский сын сказал: «каждому, кто сыщет обладателя этого волоса, я дам двойное количество золота!» Пришла одна старуха, у которой зубов совсем не было и сказала: «изготовь для меня такой ящик, чтобы он, если я его закручу влево, останавливался на земле, а если вправо закручу, поднимался на небо». Царский сын быстро его изготовил и вручил старухе. Старуха села в ящик; она закрутила вправо и полетела к небу. Потом она опустилась в одном месте на берегу реки и направилась в замок.

Амат-ша отлучился на охоту. Вышло так, что он пришел и увидел, что на его дороге уселась какая-то старуха. Он сказал: «что ты, матушка, здесь

māntá un. Amat-šá gušt ki bʲyā, go man brawán ki man yak jänéne dārín, ā am tanā́ int. Amat-šá e pīrazā́lā zurt, burt watí jindā́ạ̈ gisā́. amé ki jänénī dist ki Amat-šá šaʳ rā́ yak pīrazā́le āwúrt, e jänén γār kurt, gušt ki ta pa če watí māsā́ạ̈ mardā́ āwurtág ạ̈? Amat-šá gušt ki ạ̈ jänén, eš am bil tā bīt go ta, ki ta tanā́-ā̄.

yak róče būt ki amé pīrazā́l bi Amat-šáạ̈ jänén gušt: ta bi Amat-šá bguš ki amé tī šīšági umr čé int? Amat-šā āt, gisā́ ništ. āí jänén gušt ki ạ̈ nākó-zā́g, amé tī šīšági umr čé int? Amat-šá watí jinénạ̈ dapā́ạ̈ tā jat. yak sāʰáte níštanᵗ. amé Amat-šá dasmā́lā zurt, watí jinénạ̈ onā́nā pā́kī ku, gušt: ạ̈ mnī nipás, mnī šīšági umr mnī amé zām int. šap būt. e pīrazā́l Amat-šáā̄ zāmā́ kašít ša srenā́ạ̈, burt, bi čāā̄ tā prent.

tárī būt, e pīrazā́l Amat-šáā̄ jänénā gušt: ta watí mardā́ ša wābā́ pād ma kan, mäšmā́ biyā́ ki bʲrawán, watí sarā́nā pšódan. e pīrazā́l Amat-šáä jinénā zurt u šut bi daryā́ạ̈ kirrá, burt amā́ sundū́xạ̈ kiníkkā, gušt: biyā́, māsí jān, mäšmā́ amé sundū́xạ̈ tā mníndan, bgíndan, mäšmā́ rā ar dokénā jáh a-bít. Amat-šáạ̈ jinén go pīrazā́l bi sundū́xạ̈ tā ništ. yak gašt pīrazā́l bi sundū́xạ̈ tā ništ. yak gašt pīrazā́l sundū́xạ̈ pečā́ rāstí tāb dāt. sundū́x ustát, šut bi asmā́nā, šut, bi pādšáạ̈ zāgā́ạ̈ gisā́ạ̈ dapā́, er būt. pādšáạ̈ zāg

---

делаешь?» Старуха сказала: «я отстала от паломников». Амат-ша сказал: «давай, пойдем со мной: у меня есть жена, и она тоже совсем одна». Амат-ша взял старуху и отвел к себе домой. Как только его жена увидела, что Амат-ша привел с дороги какую-то старуху, она рассердилась и сказала: «зачем это ты привел мужа своей матери?» Амат-ша сказал: «жена, оставь ее, пусть она побудет с тобой, ты ведь одна!»

Однажды случилось так, что эта старуха сказала жене Амат-ша: «спроси у Амат-ша: „в чем заключается сосуд твоей жизни?“» Амат-ша вернулся и сидел дома. Его жена сказала: «о сын моего дяди, в чем заключается сосуд твоей жизни?» Амат-ша ударил жену по рту. Некоторое время они посидели, потом Амат-ша взял платок, вытер кровь своей жены и сказал: «душа моя, сосуд моей жизни — вот этот меч!» Наступила ночь. Старуха стащила с пояса Амат-ша его меч, отнесла и бросила в колодец.

Наступило утро. Старуха сказала жене Амат-ша: «ты не буди своего мужа, а давай, мы пойдем и помоем головы!» Старуха взяла жену Амат-ша, пошла к берегу реки, повела к ящику и сказала: «давай, дитятко, посидим в этом ящике, посмотрим, хватит ли места нам обоим!» Жена Амат-ша уселась вместе с старухой в ящике. Тотчас старуха уселась в ящике и повернула винт ящика вправо. Ящик поднялся, направился к небу, понесся и спустился у входа

ša pīrazál pursít ki āwúrtäi̯ yā na? pīrazál gušt ki āúrtun. Amat-šáäi̯ ǰinén gušt ki äi̯ pādšáäi̯ zāg, tā čil roč ta mnī šórā ma dā̄ ki man márde dārín. ša e pādšáäi̯ zāg bill u ša Amat-šá am bill u ša buzlangíān kámme goš kaš.

amá buzlangí ki ḍigárānā langár a-kurt, watí kāságā mās kurt, watí demá išt, dist ki ón gaštá, wat rā kapóte kurt, rādág būt, āt démẹ amé buzlangí ki e singá bi ā singá ǰat, árt a-kurt u wart, āt, gušt ki äi̯ lālá buzlangí, man kāságā mās kurtá un, watí demá ištág un, ón gaštá. biyá ki brawán bi Amat-šáäi̯ā. ā buzlangí gušt ki biyá ki brawán. ar dokén wat rā kapóte kúrtan, šútan bi Amat-šáäi̯ā, dístan ki Amat-šáā išk-u-áškā múčī kirm ǰatá. dístan ki Čil-xarwārí am waptág int. e Čil-xarwāríā ar če ki tawár kúrtan^{t}, e ša watí wābá na ustát. amé dāráne ki Čil-xarwārí pa Amat-šá āwúrt-at, múččānā bi sarái̯ xarmán kúrtan^{t}, gogírde ša čéräi̯ ǰátan. e Čil-xarwārí sot, ustát ša watí wābá, gušt: čé^{y} a-lotít ša^{m} man? e du buzlangí gúštan^{t} ki biyá ki Amat-šá murtá, āí ǰänénā burtág ant. Čil-xarwārí gušt ki šmā bráit, Amat-šáā ǰanénā pai̯dá kanít u biyáit. e duén šútan. ša e ḍuén bíll u ša Čil-xarwārí kámme goš kaš.

во дворец царевича. Царский сын спросил старуху: «привезла или нет?» Старуха сказала: «привезла!» Жена Амат-ша сказала: «царевич, сорок дней не трогай меня, потому что я замужняя!» Оставь теперь царского сына, оставь также Амат-ша, а послушай немного о бузланги.

Тот бузланги, который пахал землю, налил кислого молока в чашку, поставил перед собою и увидел, что получилась кровь. Он обернулся в голубя и пустился в путь. Он приблизился к тому бузланги, который ударял один камень о другой, получал муку и ел, приблизился и сказал: «брат бузланги, я налил в чашку кислого молока и поставил перед собой, получилась кровь; давай, пойдем к Амат-ша!» Тот бузланги сказал: «давай, пойдем!» Они оба обернулись в голубей и отправились к Амат-ша. Там они увидели, что вокруг Амат-ша повсюду завелись черви, увидели также, что Сорокавьючник спит. Сколько они ни кричали Сорокавьючнику, он не вставал. Тогда они сложили в кучу около головы Сорокавьючника все те дрова, которые он принес для Амат-ша, и зажгли под ними спичку. Сорокавьючник обгорел, проснулся и сказал: «что вам от меня нужно?» Эти двое бузланги сказали: «смотри-ка, Амат-ша мертв, а его жену похитили!» Сорокавьючник сказал: «идите, найдите жену Амат-ша и приходите!» Они оба пошли. Оставь их обоих и послушай немножко про Сорокавьючника.

e Čil-xarwārí ustát, šut, bi čāā̆ tā ér kapt, zāmā́ kašít, āwúrt, bi Amat-šāäi̯ srená̆ jat. Amat-šā́ ustát ša watí wābā́, gušt: ajáb wā́be átun ki mnā sí kurtít. Čil-xarwārí gušt ki gúj int tī janén? gujā́ būtá? Amat-šā́ gušt ki agár burtá, amā́ pīrazā́l burtá. ša Čil-xarwārí bil, ša ā du buzlangí goš kaš.

ā du buzlangí wat rā kapóte kúrt-atan, bi šārā́i̯ tā čā́r a-kúrtan, Amat-šāäi̯ janénā wadí kúrtan^{t}. e du buzlangí šútan^{t} bi Čil-xarwāríäi̯ā, go Čil-xarwārí gúštan ki ä lālā́ Čil-xarwārí, biyā́ ki Amat-šāäi̯ janénā distág an, ta bra, bi^{y}ārī. Čil-xarwārí š-amédā rādág būt, šut bi Amat-šāā̆ janénī^{y}ā. dist ki amā́ janén bi gisā́i̯ tā ništág int. e Čil-xarwārí go mā gis u mis, go mā pīrazā́lā watí baḍḍā́ kurt, āwúrt bi Amat-šāäi̯ā, gušt: äi̯ lālā́ Amat-šā́, man ki tī janénā ā^{w}úrtun, mnī gīrā́ yak pīrazā́le kapt.

e Amat-šā́ ā du buzlangíyā ruxsát ku, ki šútan^{t}. Amat-šā́ bi Čil-xarwārí gušt ki äi̯ lālā́ Čil-xarwārí, man a-räín watí jindā́i̯ šārā́. Čil-xarwārí gušt ki zäláre na dārít. šut, du asp āwúrt, gušt: äi̯ lālā́ Amat-šā́, ta ki rawā́i̯, biyā́, bra. yak áspe rā Amat-šā́ā̆ janén suwā́r būt, yak áspe rā Amat-šā́ā̆ jind suwā́r būt u šútant bi watí pisā́i̯ šārā́. gúštant ki biyā́ ki Amat-šā́ āt.

Сорокавьючник встал, пошел к колодцу, спустился, вытащил меч, принес и надел его Амат-ша на пояс. Амат-ша пробудился от своего сна и сказал «странно! значит, я спал, раз вы меня разбудили?» Сорокавьючник сказал: «где твоя жена? куда она делась?» Амат-ша сказал: «если она похищена, так это та старуха похитила!» Оставь Сорокавьючника и послушай о тех двух бузланги.

Те двое бузланги обернулись в голубей, стали кружиться над городом и нашли жену Амат-ша. Оба бузланги отправились к Сорокавьючнику и сказали ему: «братец Сорокавьючник, смотри-ка, мы нашли жену Амат-ша, сходи за ней!» Сорокавьючник выступил оттуда и отправился за женой Амат-ша. Он увидел, что она сидит дома. Сорокавьючник взвалил ее вместе со всем домом и утварью и с той старухой к себе на спину, принес к Амат-ша и сказал: «братец Амат-ша, вот я принес твою жену! ко мне в руки попалась еще одна старуха!»

Амат-ша отпустил тех двух бузланги, и они ушли. Амат-ша сказал Сорокавьючнику: «братец Сорокавьючник, я хочу ехать в свой город!» Сорокавьючник сказал: «вреда не будет!» Он пошел, привел две лошади и сказал: «братец Амат-ша, раз едешь, пора ехать!» На одну лошадь села жена Амат-ша, а на другую сам Амат-ша. Они отправились в город своего отца. Там заговорили: «смотри-ка, прибыл Амат-ша!» Царь взял свою свиту и войско и высту-

pādšá watí urdū́ γušánā zurt u šut bi Amat-šáä demá. ān čo ki bi Amat-šā rast, pādšá āt ki demá wat rā prenít, Amat-šá ša watí pisá wat rā demtírā prent. šútan[t] bi šārá[i] tā, apt šap u apt roč dol u sāz kúrtant, Amat-šā rā duwārág gis dátant. man āwánā amódā íštun, mnī jind jístun u átun, pa[t] ta dištáre āwúrtun, pa e warná am dištáre āwúrtun, pa wat īmáne āwúrtun. e padšáā urdū[y]ā múččānā bástun, préntun,mnī jind jístun u átun.

XII

būt na būt, ša maśmáị xudá getír káse na būt. yak pādišáe at. amé pādišá dāšt yak záge. amé pādišáäị zāg ša du-sālagíyā bi maktab-xāná wānt bi yak tārínken gisáị tā. yak wáxte būt, amé zāgá būt ńozdá sāl. amé zāg watí dilá pígrī kurt wa gúštī: biyá ki man maróčī ša amé gisá dar pkapín bi ḍaná. amé ki dár kapt bi ḍaná, sáịlī kurt, dístī tā amé gisáị dapá yak ādénke. amé zāg šut, bi amé ādénkäyā oštát, sáịlī kurt, wat rā dístī tā man čunén speténe-un. watí dilá gúštī: bil tā mnī pis bāịt, gúḍinā man go āíyā gušín ki ā pa man yak juwānén jiníke päịdá pkant. š-amídinā šut bi watí jāgá.

пил на встречу Амат-ша. Как только царь подъехал к Амат-ша, он хотел первым броситься с лошади, но Амат-ша соскочил раньше отца. Они отправились в город; семь ночей и семь дней били в барабан и пели, вторично справляли свадьбу Амат-ша. Я их там оставил, а сам убежал; пришел и привел тебе невесту, и этому юноше тоже привел невесту, а себе приобрел благополучие. Войско этого царя я все перевязал и бросил, а сам прибежал.

(XII. О Гарам-богатыре)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя был сын. Этот царевич с двухлетнего возраста обучался в школе, в темном помещении. Настала пора, и юноше исполнилось девятнадцать лет. Юноша подумал про себя и сказал: «дай-ка, я выйду сегодня из этого дома наружу!» Когда он вышел наружу, он посмотрел и увидел, что при входе в дом есть зеркало. Юноша пошел, остановился перед зеркалом, посмотрел и увидел: какой я белый! Он сказал про себя: «пусть придет мой отец, и тогда я скажу ему, чтобы он сыскал для меня пригожую девушку!» Он пошел отсюда к себе.

tārīenā būt, amé zāgā̆i̯ pis ātī bi watī zā̆gäyā. amé zāg gúštī go watī pisā̆ ki äi̯ bābā̆, man ša ta loṭīn yak jiníke ki mnī am-ránge bīt. amé zāgā̆i̯ pis gúštī: man ānčén jiníke pa̯i̯dā̆ kurtága na kanín. amé zāg go watī pisā̆ gúštī: agár ta amé ḍa̯ulén mnī am-rángen jiníke pa man päi̯dā̆ na kanā̆i̯, man š-amídā rai̯n pa wat. amé pādišā̆ gúštī: ta, bābā̆, yak wār ma ra, man a-rai̯n, gardīn bi mašmā̆i̯ alkā̆ tā, agár dístun tī am-rángen jiníke, gúḍā man amā̆ jiníkā pa ta alās a-kanín.

amé ki amé zāgā̆i̯ pis rādág būt démi watī gisā̆, amé ki ṭukúre šut, amé zāg rādág būt u šut bi ḍanā̆. dístī tā amé gisā̆i̯ demā̆ yak jinén zā̆ge ništagī. amé jinén zāg š-amódinā ustát u āt bi amé zā̆gäyā, go amé zāgā̆ gúštī: äi̯ juwānén čorī, tī am-rángen jiník bi amé šārā̆i̯ tā nā̆i̯nt-a wa ič kas na dārīt, bi yak jāgā̆e ast. amā̆ jinikóäi̯ ešk u āška mudā̆m γarāúl a-gardánt. agár ta amā̆ jinikóā pa wat āúrtäi̯, amā̆ jiník tī am-rángen jiníke. amé jinén zāg š-amídinā šut bi watī gisā̆, amé zāg am šut bi watī gisā̆.

tārīenā ki būt, amé zāgā̆i̯ pis āt bi watī zā̆gäi̯yā. amé zāg pursít ša watī pisā̆ ki äi̯ bābā̆, ta pa man yak jiníke päi̯dā̆ kúrtäi̯? amé zāgā̆i̯ pis gúštī: äi̯ bābā̆ jān, man šútun, gáštun, bi amé maxlūkānī gisā̆, gáštun, gáštun, ič jiník na dístun. amé zāg gúštī: agár, bābā̆, ta päi̯dā̆ kurtága ná kanäi̯,

---

Наступило утро. Отец этого юноши пришел к своему сыну. Юноша сказал своему отцу: «я хочу от тебя девушку, которая была бы мне под стать». Отец юноши сказал: «я не могу сыскать такой девушки». Юноша сказал своему отцу: «если ты не отыщешь девушки мне под стать, я уйду отсюда». Царь сказал: «ты, сынок, сразу не уходи, я пойду и поищу в нашей округе, и если найду тебе девушку под стать, тогда я ее тебе высватаю».

Когда отец юноши отправился к себе домой и прошел немного, юноша собрался и вышел наружу. Он увидел, что перед домом сидит женщина. Эта женщина встала, подошла к юноше и сказала ему: «о пригожий юноша, в этом городе нет тебе девушки под стать, ни у кого нет, а она есть в другом месте, только вокруг этой девушки всегда ходит стража! но если ты приведешь для себя эту девушку, то эта девушка будет под стать тебе!» Эта женщина отсюда пошла к себе домой, юноша также пошел к себе домой.

Когда наступило утро, отец этого юноши пришел к своему сыну. Юноша спросил у отца: «батюшка, ты сыскал для меня девушку?» Отец юноши сказал: «голубчик сынок, я ходил здесь и искал по домам у жителей, искал, искал, никакой девушки не нашел!» Юноша сказал: «если, батюшка, ты не можешь оты-

man š-amé tī šārā raín. amé pādišā gúštī: äi̯ bābā, ta ki rawāi̯, bra, ā ta u ā tī rā. amé zāg digár íčī na gúštī, š-amídinā ustát u šut bi yak ǰāgāe.

yak säi̯ róči digár būt. amé pādišā go amé watí salātán gúštī: šmā brāit pa mnī zāgāi̯ padā ki agár amé mnī zāg braut bi amé kāpéren Гarám-bātúräi̯yā, amé Гarám-bātúr mnī zāgā bgíndīt, gúḍinā amé Гarám-bātúr mnī zāgā kušít. šmā rā man mardúme yak asp a-daín, šmā demtírā brāit bi Гarám-bātúräi̯yā, amódinā mníndit. agár mnī zāgā dístit u biyārit, agár na dístit, gúḍinā šmäi̯ ǰind padoí biyāit. amé salāt gúštant: nápa bāz ǰuwān int. watí aspānā lagām kúrtant, zen u sanǰ kúrtant u watí zāmānā wa watí tūpákānā zúrtant, bi watí baḍā kúrtant. š-amódinā šútant, bi amé Гarám-bātúräi̯yā šútant, dístant tā Гarám-bātur ídinā bi watí ǰāgā náint-a. amé salāt amódinā ér kurtant, watí aspānā gíptant, amódinā bástant, yak ǰāgāe níštant, pa wat čā ǰoš dātant wa amédinā níštant, dédi amédinā čā wártant.

yak wār amé Гarám-bātúr, ta bzānäi̯, amé salāt čilím am kašánt, amé Гarám-bātúr amešānī čilímäi̯ boā kuškínt, wat š-amódinā rāstám a-kāi̯t bi amé salātānīyā. amé ki ātī, amé watí γurzā gipt, amāngūr prent u wat ātī, go wat gúštī: agár man amé watí γurzā go wat barín, amā salāt amé mnī γurzāi̯ boā kuškinánt. gúḍinā amé watí γurzā gīt, amāngūr a-prenít

---

скать, я уйду из твоего города!» Царь сказал: «раз ты уходишь, сынок, иди! вот тебе дорога!» Юноша больше ничего не сказал, встал и пошел отсюда в другое место.

Прошло дня три. Этот царь сказал своим воинам: «отправляйтесь вслед за моим сыном, потому что, если мой сын пойдет к этому нечестивому Гарам-богатырю и Гарам-богатырь увидит моего сына, тогда он убьет моего сына. Я дам вам каждому по лошади, и вы поезжайте вперед к Гарам-богатырю и там оставайтесь. Если найдете моего сына, приведите, если не найдете, тогда возвращайтесь сами». Воины сказали: «очень хорошо», взнуздали своих лошадей, оседлали и снарядили их, взяли свои мечи и закинули ружья себе за спину. Они отправились отсюда, направились к Гарам-богатырю и увидели, что Гарам-богатыря у себя нет. Воины здесь спешились, взяли и привязали своих лошадей, а сами расположились в одном месте, вскипятили себе чай и сидели здесь, попивая чай.

Вдруг Гарам-богатырь, — а нужно знать, что воины курили табак, — слышит запах их кальяна, и прямо направляется к этим воинам. Когда он подходил, он взял свою палицу и бросил ее в сторону, а сам подошел; он сказал себе: «если я понесу с собой палицу, воины услышат запах моей палицы». Поэтому он берет

u wát a-kā̆ḭt pádā bi amé salātā̆nīyā. amé ki ā̆tī amé salātā̆nī nazíkā, amé salā̆t trusítant. yak wār amé Гarám-bātúr tawā̆rī kurt ki ma trusít, man šmā rā íčīyā̆ na kanín. amé salā̆t na jístant. amé Гarám-bātúr š-amā̆ngūr ki ā̆tī, lagít, bi amé čilímānī sarā̆ kapt. amé ki amé Гarám-bātúrī sar démi amé čilímānīyā būt, amé salā̆t watí zāmā̆na zúrtant, arkát kúrtant pa amé Гarám-bātúrī jānā̆. Гarám-bātúrī sar bi čilímā jā̆l at. yak wār amé salā̆t gírdī amé watí zāmā̆nā šīwág kúrtant bi amé Гarám-bātúrī sarā̆. amé Гarám-bātúrā čist go zāmā̆ ṭukúr-ṭukúrī kúrtant, amé gardínäḭ tāngā̆t na murt at.

yak wār, ta bzā̆näḭ, ša gujā̆ngūr amé pādišā̆äḭ zāg kā̆ḭt. amé ki ā̆tī, tāngā̆t amé Гarām-bātúr, ta bzā̆näḭ, na murtagí, tāngā̆t zindág int-a. amé padišā̆äḭ zāg go amé watí pisā̆ḭ salātā̆n gúštī: šmā amé Гarám-bātúrā bā̆ ná kanit ki man ša šmā zinín, pa ar čínka ki šmā bdáit, man ša šmā zinín. amé salā̆t go wat gúštant: agár amā̆ amé Гarám-bātúrā go wat barán, amé pādišā̆ mašmā̆ rā albatán yak bārikalā̆e dant, digár íčīya na gušít. biyā̆ ki mašmā̆ amé Гarám-bātúrā bi amé zāgā̆ bdáyan. amé salā̆t go amé zāgā̆ gúštant: ta amā̆ rā mardúme sad γarā̆n zar bidā̆ḭ, gúḍinā amā̆ amé Гarám-bātúrā bi ta dayán. amé zāg watí dastā̆ burt bi watí kitóā, zarā̆nā dárī kurt, amé salātā̆nā mardúme sad γarā̆n zar dā̆tī. amé salā̆t amé

свою палицу и бросает ее в сторону, а сам подходит опять к воинам. Когда он приблизился к воинам, они испугались. Тотчас Гарам-богатырь закричал: «не бойтесь, я вам ничего не сделаю». Воины не убежали. Когда Гарам-богатырь подошел, он сразу припал к кальяну. Как только голова Гарам-богатыря склонилась к кальяну, воины схватили свои мечи и двинулись на Гарам-богатыря. Голова Гарам-богатыря была опущена к кальяну. Сразу все воины замахнулись своими мечами на Гарам-богатыря. Прямо на части изрубили мечами Гарам-богатыря, только еще шея его не была мертва!

Вдруг, нужно знать, откуда-то подходит тот царевич. Когда он подошел, Гарам-богатырь, нужно знать, еще не умер, еще был жив. Этот царевич сказал воинам своего отца: «вы не продадите этого Гарам-богатыря, чтобы я его мог у вас купить? за сколько вы его ни отдадите, я его у вас выкуплю!» Воины сказали друг другу: «если мы повезем с собой этого Гарам-богатыря, конечно, царь скажет нам только спасибо! и больше ничего; давай-ка, отдадим этому парню Гарам-богатыря!» Воины сказали юноше: «дай нам каждому по сто кранов денег, и тогда мы отдадим тебе Гарам-богатыря!» Юноша опустил свою руку в карман, вынул деньги и дал каждому из воинов по сто кранов. Воины

zarā̆ṇā zúrtant, amé watī́ aspā̆nā suwā̆r bū̆tant u šútant bi pādišā̆ä̧ gisā̆. ódinā ki šútant, pādišā̆ ša ešā̆n pursít ki šmā mnī zāgā̆ na dístit? amé salā̆t ǰawā̆b dā̆tant ki amā̆ tī zāgā̆ na dístan. š-āwā̆n bil u ša Гarám-bātúr u ša amé zāgā̆ goš pkaš.

amé zāg amé Гarám-bātúrā burt bi duxtū̆rä̧ā, amé Гarám-bātúrā zabr drūā̆ kant. amé ki Гarám-bātúr ša awálā getír drūā̆ būt, go amé zāgā̆ gúštī: biyā̆ ki man u ta dast bi pisí u zāgí bdā̆yan. amé Гarám-bātúr u amé zāg dast bi pisí u zāgí dā̆tant, amé Гarám-bātúr amé zāgā̆ä̧ pis bū̆tī, amé zāg Гarám-bātúrī zāg bū̆tī.

š-amódinā ā̆tant bi yak ǰāgā̆e. yak wār Гarám-bātúr go amé zāgā̆ gúštī: ä̧ bābā̆, mnī γurz bi plāná watánā ast, man tānáxten räī́n, amé watī γúrzā̆ kārī́n, ta tānáxten amídinā bošt, man anū́n a-kāī́n. šútī pa watī γurzā̆ä̧ padā̆. du daγīγá na gwast, zāg dist tā mnī pis ā̆tī.

š-amódinā šútant bi yak ǰāgā̆e. amé zāg go amé watī pisā̆ gúštī: ä̧ bābā̆ Гarám-bātúr, man dā̆štun yak píse. amé mnī pis mnā ša du-sālagīyā bi maktáb-xāná nādéntī, bi yak tārínken gisā̆ tā ki mardúm wat rā pa šarīyā na dist. yak čunt waxt gwast, yak róče man šútun bi ḍanā̆, dístun tā amé gisā̆ä̧ dapā̆ yak ādénke ér int-a. man šútun bi amā̆ ādénkäyā, wat rā sä̧l kúrtun, dístun: pūk! xānā̆ä̧ xaráb bīt! man čunén speténe un.

взяли деньги, сели на своих лошадей и поехали в царский дом. Когда они туда прибыли, царь спросил их: «вы не нашли моего сына?» Воины ответили: «мы твоего сына не нашли». Оставь их и послушай о Гарам-богатыре и об этом юноше.

Юноша повел Гарам-богатыря к врачу; он хорошо вылечивает Гарам-богатыря. Когда Гарам-богатырь стал здоровее прежнего, он сказал юноше: «давай, подадим друг другу руки и будем отцом и сыном!» Гарам-богатырь и юноша дали друг другу руки, чтобы стать отцом и сыном. Гарам-богатырь сделался отцом юноши, а юноша сыном Гарам-богатыря.

Отсюда они пошли в одно место. Вдруг Гарам-богатырь сказал юноше: «моя палица в такой-то стране! я пока схожу и принесу свою палицу, а ты пока побудь здесь, я сейчас приду!» Он пошел за своей палицей, и двух минут еще не прошло, как юноша увидел: вот пришел мой отец!

Они пошли отсюда в одно место. Юноша сказал этому своему отцу: «батюшка Гарам-богатырь, у меня ведь был отец! Этот мой отец поместил меня с двухлетнего возраста в школу, в такое темное помещение, что человек себя хорошо не мог видеть. Прошло несколько времени; однажды я вышел наружу и увидел, что у входа в дом лежит зеркало. Я пошел к тому зеркалу, посмотрел на себя, увидел: „тфу, пропасть! какой я белый!“

amédinā níšt-atun, dístun tā š-amíngūr yak jinén zāge mnā tawār a-kánt ki ta bošt, man go ta yak abáre dārín. man oštátun. amé jinén zāg go man gúštī: tī am-rángen jiník ídinā nāint-a, bi e tī pisāi šār u kalātā, bi yak jāgāe ast, ámmā bi amāí jiníkāi ešk-u-áškā mudám pairá a-gardánt. amā jinikó am bi yak sundūxā tā int. ta bra, go watí pisā bguš ki amā jiníkā pa ta agár alāsī kurt, kurt, digá tī am-rángen jiník nāint-a. man go amé jinén zāgā gúštun: anūn ta bra, ki anūn mnī pis a-kāit. yak sāte digár būtī, dístun tā éš int, mnī pis átī. man go watí pisā gúštun: āi bābā, ta yak kāre pkan ki maróčí bra bi watí gisā, pa man yak jwānén mnī am-rángen jiníke paidā pkan. mnī pis š-amódinā šut bi watí gisā, du róči digár būt, amé mnī pis átī bi mníyā, go man gúštī: man šútun, bi gisán gáštun, tī am-rángen jiníke na dístun. man go watí pisā gúštun ki man a-raín pa wat. amé mnī pis gúštī: nápa bāz juwán int-a, bābā, ta ki rawāi, bra. man íčī na gúštun, šútun, améš int-a, bi tíyā átun. anūn agár ta amā jiníkā pa man paidā pkánāi u biyárāi! amé Гarám-bātúr gúštī: āi bābā, ā jiník bi mnī dastā int-a, ta pa ameší γusá wartág-āi? brawán!

amé Гarám-bātúr u amé zāg šútant, bi yak jāgāe dístant tā amídinā sāi gwandáken gidanúk ant buzlangíāi. amé zāg u amé Гarám-bātúr átant

---

Я посидел здесь и увидел, что отсюда меня зовет какая-то женщина: подожди, мол, я хочу тебе словечко сказать! Я остался, и женщина мне сказала: „здесь, в этом городе твоего отца, нет девушки тебе под пару, а есть в другом месте; только вокруг этой девушки всегда ходит стража, и сама та девушка находится в ящике; иди и скажи своему отцу, что если удастся ему просватать для тебя эту девушку, так хорошо, а иначе нет девушки тебе под пару!“ Я сказал этой женщине: „ты теперь уходи, потому что придет мой отец!“ Прошло немного времени, и я увидел, что мой отец пришел. Я сказал своему отцу: „батюшка, ты уж как-нибудь постарайся! сходи сегодня домой и подыщи мне под пару хорошую девушку“. Мой отец пошел домой; прошло еще два дня, и мой отец пришел ко мне и сказал мне: „я ходил-ходил по домам, но не нашел девушки тебе под пару“. Я сказал своему отцу, что я уйду. Мой отец сказал: „очень хорошо, сынок! раз уходишь, иди!“ Я ничего не сказал, пошел, и вот, пришел к тебе! О если бы ты теперь сыскал и привел мне ту девушку!» Гарам-богатырь сказал: «та девушка, сынок, в моих руках! значит, ты по ней тоскуешь! пойдем!»

Гарам-богатырь и юноша пошли и увидели в одном месте, что там три маленьких шатра бузланги. Юноша и Гарам-богатырь подошли поближе

bi amé gisānī nazīkā. yak wār ki amé gisānī puštā ātant, dístant tā amídinā yak pīra-zāle ništagí. amé Гarám-bātúr amé ki bi amé pīra-zāläi pānādā ātī, gúštī: salām alāik. amé pīra-zāl gúštī: alāik-u salām. amé ki Гarám-bātúr u amé zāg āngūrí šutant, yak wār amé pīra-zāl go wat gušt: agár ameší salām ma būtin, man eší rā yak lunkáe kúrtun! yak wār amé Гarám-bātúr uškítī wa bir gáštī u átī padā, go amé pīra-zālā gúštī: man Гarám-bātúr baín, ta mnā ānčén abáre bdāyäi! amé watí γurzā zurt, jat bi amé pīra-zāläi sarágā. amé pīra-zāl múrtī wa wat š-amídinā sútant bi amé gisānīyā, pa wat nān zítant u wártant u š-amódinā šútant bi yak jāgāe, amā juwānén jiníkäi pisāi šārāi pānādā, bi dūrā šútant, dístant tā roč níštī. amé Гarám-bātúr go amé zāgā gúštī: anūn ta amídinā mnind, ša amé tāgazān bzūr u bún bdäi, amé watí ātíšā na ki pkúšäi, mudām dār bāz bír bdāyäi. agár ta watí ātíšā pkúšäi, amé buzlangí kāyánt, trā kušánt. amé zāg gúštī: nápa bāz juwān int-a.

amé Гarám-bātúr š-amódinā šútī amé jiníkäi pisāi šārāi pānādā, dístī tā ič kas ídinā nāint-a. amé Гarám-bātúr šut bi amé jinikóäi gisā, dístī tā ā int-a jinikó, ódinā bi yak sundūxäi tā ništagí. amé Гarám-bātúr šut, amé jinikóā go amé sundūxā zurt, bi watī baḍā kúrtī u š-amódinā ki rādág būt, šútī, amé ki ša gisā dar kapt u bi ḍanā šut, yak wār amé

к этим домам. Когда они подошли сзади к этим домам, они увидели, что там сидит старуха. Когда они подошли к этой старухе, Гарам-богатырь сказал: «мир тебе!» Старуха сказала: «и тебе мир!» Когда Гарам-богатырь и юноша прошли мимо, вдруг старуха сказала сама себе: «если бы не было его приветствия, я бы его разом проглотила!» Гарам-богатырь услышал, тотчас повернулся, подошел обратно и сказал старухе: «я Гарам-богатырь, а ты мне говоришь такие слова!» Он схватил свою палицу и ударил старуху по голове; старуха умерла. Они пошли в те дома, взяли себе хлеба, поели и оттуда пошли в другое место. Они подошли к дальним окраинам города отца той пригожей девушки и увидели, что солнце село. Гарам-богатырь сказал юноше: «посиди теперь здесь, только набери хворосту, зажги и не давай потухнуть твоему огню, а все время подкладывай побольше дров: если ты упустишь свой огонь, придут бузланги и тебя убьют». Юноша сказал: «очень хорошо».

Гарам-богатырь пошел отсюда к городу той девушки и увидел, что там никого нет. Гарам-богатырь пошел к дому этой девушки и увидел, что вот она, девушка! сидит там в ящике! Гарам-богатырь пошел, взял девушку с ее ящиком, взвалил себе на спину и пошел. Когда он пошел оттуда, вышел уже из

ǰinikóäi̯ pai̯rá amé Гarám-bātúrā dístant. yak wa̯r tawā́r kúrtant ki äi̯ bošt! amé Гarám-bātúr íčī na gúštī u šútī. amé pai̯rá am ša amé Гarám-bātúr trusítant, ič kas bi amé Гarám-bātúräi̯ā ātág na kúrtant.

amé Гarám-bātúr amé ǰinikóā āúrtī bi zā́gäi̯yā. amé zāg amé sundū́xäi̯ dapā́ páčī kurt, yak wār amé ǰinikó yak čapóḍe ǰat bi amé zāgā́i̯ demā́i̯ gwarā́, amé zāg grétī. amé Гarám-bātúr amé watí γurzā́ zúrtī ki amé zāgā́ dit. yak wār bi watí ošā́ kapt wa gúštī: agár tī am-awáläi̯ nekī́ ma bū́tin ki ta pa man kúrt-atäi̯, anū́n man trā go yak γurzā́ kúštun, pa če ki ta ša yak ǰinikóā̄ čapóḍā grewā́i̯. amé Гarám-bātúr amé watí γurzā́ zúrtī, ǰat bi amé sundū́xā, yak wār amé sundū́x palk-palk būt. amé ǰinikó š-amódinā ustát u oštā́t. amé zāg šut, amé ǰinikóäi̯ dastā́ gipt u āúrt, bi watí pānā́dā nādéntī.

amé šapénā amídā wáptant, tārī́enā ki roč bū́tī, amé Гarám-bātúr u amé zāg u amé ǰinikó š-amódinā ā́tant bi yak ǰāgā́e, dístant tā amédinā yak šā́re. améš šútant bi amé šā́räi̯yā, dístant tā bi amé šārā́i̯ tā ič kas nā́i̯nt-a. amé Гarám-bātúr amešā́nā zurt u burt bi amé šārā́i̯ tā, ódinā amešā́nā bi yak gisé tā kúrtī wa amé gisā́i̯ dapā́ γúlpī kúrtī wa wat š-amódinā šútī pa šikā́rā, šikā́rī kúrtī u āúrtī, bi amešā́n dā́tī. yak čunt waxt būt, pa duwārág amé Гarám-bātúr šut pa šikā́rā. amé ki Гarám-

---

дому и пошел наружу, вдруг стража этой девушки увидела Гарам-богатыря. Они тотчас закричали: «стой!» Гарам-богатырь ничего не говорил и шел. Стража испугалась Гарам-богатыря, и никто не мог подойти к Гарам-богатырю.

Гарам-богатырь принес эту девушку к юноше. Юноша открыл ящик, как вдруг девушка дала ему пощечину. Юноша заплакал. Гарам-богатырь схватился за свою палицу, чтобы ударить юношу, но тотчас опомнился и сказал: «если бы не было твоего первоначального добра, которое ты для меня сделал, я бы теперь убил тебя одним ударом палицы, потому что ты плачешь от одной пощечины девушки!» Гарам-богатырь взял свою палицу и ударил по ящику; ящик сразу разбился в дребезги. Девушка поднялась оттуда и стала. Юноша пошел, взял девушку за руки, привел и посадил рядом с собой.

Эту ночь они здесь переночевали, а на утро, когда наступил день, Гарам-богатырь, юноша и девушка пришли оттуда в одно место и увидели там город. Они пошли к этому городу и увидели, что в городе никого нет. Гарам-богатырь взял их и отвел в этот город; поместил их в один дом и запер на замок дверь этого дома. Сам он пошел на охоту; поохотился, принес добычу и отдал им. Прошло несколько времени, и Гарам-богатырь вторично отпра-

bātúr rādág būt u šut, yak wạr amé zāg u amé jinikó go wat gúštant ki amé Гarám-bātúr mašmā rā pa če nāi̯līt ki mašmā brawán bi ḍanā, biyā ki mašmā maróčī dár pkapan bi ḍanā. amé ki bi ḍanā šútant, dístant tā amédā bi yak gisā dapā jik ast u amā jikānī sarā du leḍá bastagí u dédi go wat jáng a-kanánt. amé zāg u amé jinikó ātant pa amé dukén leḍānī säi̯lā. amé ki bi amé dukén leḍānīyā sar būtant, yak wār amé dukén leḍá jukítant, yak wār amé zāg u amé jinikó pursítant ki áxtī šmā jáng a-kúrtit, anūn pa če oštātit u jukítit? amé dukén leḍá gúštant: ša šmā yáke bāi̯t, bi mnī sarā suwār bīt, yáke brau̯t bi āí sarā suwār bīt, gúḍinā ammā zabr jáng a-kanán. amé jiník u amé zāg go wat abár dātant, gúštant: biyā ki suwār bayán. amé leḍānā suwār būtant. yak wār amé leḍá bāl kúrtant, amé zāgā bāl āúrtant, játant bi amé jikānī sarā u amé jinikóā go wat búrtant.

yak du sāte digár būt, yak wār Гarám-bātúr āt, dístī tā alā! ā zāgā säi̯l pkan ki bi ā jikānī tā kaptagí. ātī, amé zāgā ša amé jikānī tā dár kúrtī, búrtī, bi ḍanā íštī. amé zāgāi̯ jānāi̯ jikānā kašítī, amé zāgā pursítī ki ta pa če bi e jikānī tā kaptág-äi̯? amé zāg gúštī: biyā ki amā e ḍol ša gisā dár káptan u ātan bi ḍanā, dístan tā amídinā yak du leḍá jáng

---

вился на охоту. Когда Гарам-богатырь собрался и пошел, юноша и девушка тотчас сказали друг другу: «почему это Гарам-богатырь не позволяет нам выйти наружу? давай, выйдем сегодня наружу!» Когда они вышли наружу, они увидели при входе в один дом кусты колючки, и около них на привязи два верблюда дерутся друг с другом. Юноша и девушка подошли посмотреть на этих двух верблюдов. Как только они дошли до этих верблюдов, те вдруг улеглись. Юноша и девушка тотчас спросили: «вы давеча дрались, почему же теперь остановились и улеглись?» Оба верблюда сказали: «пусть один из вас подойдет и сядет на меня, а другой пусть пойдет и сядет на него, и тогда мы хорошенько подеремся!» Девушка и юноша поговорили друг с другом, сказали: «давай, сядем верхом!» и сели на верблюдов. Эти верблюды сразу взлетели, подняли юношу и сбросили на колючку, а девушку унесли с собой.

Прошел еще час-другой. Гарам-богатырь пришел и увидел: ах! посмотрика на этого юношу! как он лежит в колючке! Он подошел, вынул юношу из колючки, отнес его и положил снаружи. Потом он вытащил колючки из тела юноши и спросил его: «почему ты упал в эту колючку?» Юноша сказал: «вот мы так-то вышли из дому и пошли наружу, увидели, что здесь дерутся два

a-kanánt. yak wār amā́ ā́tan. amé dukén leḍá jukít-atant. amā́ go amé dukén leḍā́n gúštan ki šmā áxtī dédi jáng a-kúrtit, amé ki amā́ ā́tan, šmā oštā́tit u jukítit. amé dukén leḍá gúštant ki amā pa ešā́ jukítan ki šmā biyā́it bi ammā́i̯ sará suwā́r bäi̯t, gúḍinā amā́ zabr jáng a-kanán. amā́ suwā́r būtan. yak wār amé dukén leḍá bā́l kúrtant, mnā ša awā́ játant bi ḍigárā u jiníkóā búrtant. amé Гará-bātúr bi amé zāgā́i̯ jānā́ dārū́ múštī u wat š-amídinā šut bi amé dukén leḍā́nī padā́.

šut bi yak jāgā́e, dístī: āmení amídinā yak gíse ast. amé gisā́i̯ dapā́ yak mazanen láxe ast. amé Гarám-bātúr amé laxā́ zúrtī, ā́škā íštī, dístī tā amé nī jinikó bi amé gisā́i̯ tā ništagí. amé Гarám-bātúr íčī na gúštī, amé ḍau̯l amé jinikóā gúštī: ar waxt ki tī mard ā́tant, ta yak wār bguš ki šmä́i̯ napás bi čéwä́i̯ dastā́ int? ā awálā pa tī jānā́ γā́r a-kanánt, gúḍinā ta bgre, gúḍinā ā wát a-gušánt ki jáni man, imā́ni man, amā́i̯ napás bi čéwä́i̯ dastā́ int, gúḍā ā wát a-gušánt. man amídinā srapín, ta bguš go watí mardā́n, na ki ptrúsä́i̯. man amédinā nindín bi šmä́i̯ gisā́i̯ pallā́. amé jinikó gúštī: nápa bāz juwā́n int-a. amé Гarám-bātúr šútī, bi amé gisā́i̯ pānā́dā čer káptī. yak katráe digár būt, amé jinikóä́i̯ mard ā́tant bi gisā́. yak sā́te digár būt, amé jinikó go amé watí mardā́n gúštī: šmä́i̯ napás bi čéwä́i̯ dastā́ int?

верблюда, и тотчас подошли, а эти два верблюда улеглись; мы сказали этим двум верблюдам: „давеча вы дрались, а когда мы подошли, вы остановились и легли!“ оба верблюда сказали: „мы для того легли, чтобы вы подошли и сели на нас, и тогда мы хорошенько подеремся!“ мы сели верхом, и вдруг оба верблюда взлетели, сбросили меня с воздуха на землю, а девушку унесли». Гарам-богатырь помазал тело юноши лекарством, а сам отправился отсюда вслед за верблюдами.

Он пошел в одно место и увидел, что вот здесь есть дом, и при входе в дом лежит большая каменная глыба. Гарам-богатырь взял эту глыбу, отложил в сторону и увидел, что вот она, моя девушка! сидит себе в этом доме! Гарам-богатырь ничего больше не сказал, только так сказал этой девушке: «как только придут твои мужья, ты вдруг скажи: „в чьих руках находится ваша душа?“ они сначала на тебя рассердятся, тогда ты заплачь, и тогда они сами скажут: „душа моя, упование мое, наша душа вот в чьих руках!“ они сами скажут! я спрячусь здесь, и ты говори со своими мужьями, не бойся! я буду сидеть здесь около вашего дома». Девушка сказала: «очень хорошо». Гарам-богатырь пошел и спрятался около этого дома. Немного погодя, мужья девушки пришли домой. Прошел час-другой, и девушка сказала своим мужьям: «в чьих

yak wār amé dukén buzlangī γár kurtant pa amé jinikóäi̯ jānā. yak sáte digár būt, amé buzlangī gúštant: äi̯ jáni man, imáni man, amái̯ napás du čūčág ant u amá čūčág bi du šīšágānī tā ant u amá sīšág bi yak sundūxäi̯ tā ant-a u amá šundūx bi apt daryábäi̯ mānjínā int-a.

amé Гarám-bātúr š-amódinā ustát u šut, bi amé apt daryábäi̯ mānjínā wat rā prent u sundūxā kašítī u bi ḍaná íštī u šut, watí pučánā watí gwará kúrtī u amé sundūxäi̯ dapá páčī kúrtī u amé dukén šīšágānī dapá páčī kúrtī u amé dukén čūčágāna ša amé šīšágānī tā dár kúrtī u á pānádā búrtī, amé ar duén čūčágānī guṭá gipt ki pkúšīt. amé ki guṭáiš gipt, dístī tā áw-ant buzlangī dédiy a-kāyánt. amé ki átant, yak wār bi amé Гarám-bātúrī dast u pādán wat rā préntant, gúštant: amá tī gulám a-bayán, amé amái̯ napásā ma gir. Гarám-bātúr gúštī: nápa bāz juwán int-a, man šmā rā na kušín. amešánā zurt u burt bi amešánī gisá. ódinā ki burt, amé jiníkā gúštī: anūn biyá ki mašmá brawán. amé jinikó pa gāl-u-bal watí jwānén pučánā bi watí gwaráī kurt u gúštī: brawán. amé Гarám-bātúr amé jinikóā u amé buzlangīyānā zurt u āúrtī bi amé zágäi̯yā. ídinā āúrtī, sái̯lī kúrtī, dístī tā amé zāg ša awálā getír joḍ būtagī. amé Гarám-bātúr gúštī: äi̯ bābá, anūn ā ta u ā tī jinén u ā am tī gulám ki man pa ta āúrtun. jinikó šut go watí awáläi̯ mardá. amé Гarám-bātúr

---

руках находится ваша душа?» Сразу оба бузланги рассердились на девушку. Прошел час-другой, и бузланги сказали: «душа моя, упование мое, наша душа, это — два птенчика, и эти птенчики находятся в двух склянках, а эти склянки — в сундуке, а тот сундук — меж семи рек».

Гарам-богатырь встал, пошел оттуда, перебросил себя в середину этих семи рек, вытащил сундук и поставил его снаружи. Потом он пошел, надел свою одежду, открыл сундук, открыл обе склянки, вынул из этих склянок обоих птенчиков, отнес их в сторону и схватил за шею обоих птенчиков, чтобы убить их. Как только схватил их за шею, он увидел, что вот они, бузланги! подходят! Как только они подошли, они сразу бросились к рукам и ногам Гарам-богатыря и сказали: «мы будем твоими рабами, не бери только нашу душу!» Гарам-богатырь сказал: «ну, хорошо, я вас не убью». Он взял их и повел в их собственный дом. Когда он отвел их туда, он сказал девушке: «теперь, давай, пойдем!» Девушка с радостью и весельем надела на себя свою хорошую одежду и сказала: «пойдем!» Гарам-богатырь взял девушку и бузланги и повел к юноше. Он привел их туда, посмотрел и увидел, что юноша поздоровел лучше прежнего. Гарам-богатырь сказал: «ну, сынок, вот тебе твоя жена, и вот тебе твои рабы, которых я привел к тебе!» Девушка пошла

go amé zāgá gúštī: äi̯ bābá, biyá ki mašmá bladán u brawán bi tī pisá̆i̯ šáräi̯yā.

š-amédinā ladítant u šútant bi watí pisá̆i̯ šārá̆i̯ pānádā. yak wār amešánā šap gipt. amé amídinā ér kurtant, amé šapénā amédinā wáptant. tārienā ki roč būtī, amešánā yak mardúme gindít, amé pādišáäi̯ zāgá drúst a-kánt, amé ǰinikóā am drúst a-kánt, zānt ki amé amá ǰwānén ǰiník int. amé mardúm a-råu̯t bi pādišáäi̯ gisá, go pādišá gušít, ki tī zág ātagí, bi plāná ǰāgá ātág-ant u waptág-ant. amé pādišá ai̯rán mántī u go amé watí gulámā gúštī ki ta amé aspá̆i̯ zená̆i̯ sará bgir u dārú muš bi amé aspá̆i̯ zená̆i̯ sará, bar u wat suwár ma bā̆i̯. ódinā ki búrtäi̯, amá mnī zāgá bguš ki trā tī pis guštagí: amé aspá suwár bā̆i̯ u biyá. amé gulám amé aspá zurt u burt bi zāgá̆i̯yā, gúštī: e aspá tī pis pa tī padá dem dātagí, ta biyá ki mašmá brawán. amé Гarám-bātúr go amé gulámā gúštī: ta awálā amé aspá suwár bā̆i̯, gúḍinā ā suwár a-bít. amé gulám gúštī: man agár amé aspá suwár baín, pādišá gúḍinā mnā kušít, pa če ki e aspá ā pa watí zāgá̆i̯ padá dem dātagí u man ič-waxt suwár būtága na kanín. yak wār amé Гarám-bātúr γárī kúrtī u gúštī: man trā gušín, ta suwár bā̆i̯, ta suwár bā̆i̯, tī pādišá drógī guštagí. amé gulám íčī na gúštī u amé aspá suwár būtī. amé ki amé aspá suwár būtī, yak wār bun gíptī. Гarám-bātúr íčī na gúštī.

со своим прежним мужем. Гарам-богатырь сказал юноше: «давай, снарядимся и отправимся в город твоего отца!»

Они снарядились и отправились отсюда к городу своего отца. Однажды их застигла ночь. Они остановились и эту ночь переночевали здесь. На утро, когда наступил день, их видит один человек. Он узнает царевича, узнает также эту девушку и понимает, что это — та красивая девушка. Этот человек идет к царю в дом и говорит царю: «прибыл твой сын! они прибыли в такое-то место и заночевали». Царь изумился и сказал своему рабу: «возьми седло этой лошади и поверхность этого седла помажь снадобьем, и отвези его, но сам верхом не садись! а когда туда отвезешь, скажи моему сыну, что, тебе, мол, твой отец сказал: „садись на эту лошадь и приезжай!“» Раб взял эту лошадь, отвел к юноше и сказал ему: «твой отец прислал за тобой эту лошадь, давай, поедем!» Гарам-богатырь сказал этому рабу: «сначала ты садись на эту лошадь, а потом сядет и он!» Раб сказал: «если я сяду на эту лошадь, царь меня убьет, потому что эту лошадь он послал за своим сыном, и я никак не могу сесть на нее». Гарам-богатырь сразу разгневался и сказал: «раз я говорю тебе: „садись верхом“, значит, садись верхом! твой царь сказал неправду!» Раб ничего не сказал и сел на эту лошадь. Лишь только он сел на эту лошадь, он сразу сгорел. Гарам-богатырь ничего не сказал.

tārīenā būt, amé pādišā́ bi watī́ digá gulā́mā gúštī: ta maróčī nān ǰoḍ pkan u bar ódinā bi mnī gisā́ u š-amā́ dārū́ān ki mardúm a-kušánt, š-amāwā́n bgir, bi nānā́nī tā pren. amé nānā́nā bzūr u bar ódinā bi mnī zā́gäi̯yā, bguš ki e nānā́nā tī pis pa ta dem dātagī́, ta amé nānā́nā bor. amé gulā́m nān ǰóḍī kurt u burt bi pādišā́äi̯ gisā́, š-amā́ dārū́ān ki mardúm a-kušánt, š-amāwā́n yak ašt čánkäi̯ kasā́ zurt u ret bi amé nānā́nī tā u amé nānā́nā zurt u burt bi zā́gäi̯yā, gúštī: e nānā́nā tī pis u tī mātó pa ta dem dātág ant, šmā amé nānā́nā bórit. yak wār amé Гarám-bātúr go amé gulā́mā gúštī: ta awálā amé nānā́nā bor, gúḍinā amā́ waran. amé gulā́m gúštī: man agár e nānā́nā borīn, gúḍinā pādišā́ mnā kušīt. amé Гarám-bātúr pa amé gulā́mäi̯ ǰānā́ γárī kúrtī, gúštī: man trā gušīn: awálā ta bor, agár ta na warā́i̯, trā man yak γúrze bā́r a-kanīn. amé gulā́m amé nānā́nā wártī. amé ki awalīen lunká bi dapā́i̯ kúrtī, yak wār múrtī.

karār amé zāgā́i̯ pis dístī tā e ḍáu̯la na bīt, magár go eší ǰang pkanīn, digár ḍau̯l ič na bīt. amé pādišā́ amé watī́ ǰārčīnā gúštī: ta maróčī bra, bi amā́ burzágäi̯ sarā́ bošt u amé maxlū́kānā ǰār bǰan ki bā́ndā múčī wat rā ǰoḍ pkánit ki ǰáng a-bīt. tārīenā būt, amé maxlū́k gírdī yak ǰā bū́tant u ā́tant. šútant pa amé zāgā́i̯ u Гarám-bātúrī ǰangā́. amé ki Гarám-bātúr ešā́nā

Наступило утро. Царь сказал своему другому рабу: «приготовь сегодня хлеб и снеси ко мне домой! возьми тех снадобий, которые убивают человека, и положи в хлеб! а эти хлебы возьми и отнеси туда моему сыну и скажи, что эти хлебы, дескать, тебе послал твой отец, и ты их откушай!» Этот раб приготовил хлеб, отнес его к царю домой и взял горстей восемь тех снадобий, которые убивают человека, и насыпал в хлеб. Он взял этот хлеб, отнес юноше и сказал: «этот хлеб послали тебе твой отец и твоя мачеха, отведайте этого хлеба!» Тотчас Гарам-богатырь сказал этому рабу: «сначала ты поешь этого хлеба, а потом и мы будем есть». Раб сказал: «если я поем этого хлеба, потом меня царь убьет!» Гарам-богатырь разгневался на этого раба и сказал: «я говорю тебе, сначала ешь ты! если ты не будешь есть, я тебя сделаю добычей одного удара палицы!» Раб стал есть этот хлеб, и как только он положил первый кусок в рот, он сразу умер.

Итак, отец этого юноши увидел, что эти способы не удаются; остается только воевать с ним, иначе ничего не выходит. Царь сказал своему глашатаю: «сегодня иди, стань на этом возвышении и объяви народу: „завтра все приготовьтесь, потому что будет война!“» Наступило утро. Весь народ собрался и пришел, и они пошли на войну с этим юношей и Гарам-богатырем. Когда Гарам-богатырь их увидел, он тотчас сказал обоим своим бузланги:

dístī, yak wār go amé dukén buzlangíyān gúštī: anūn šmäi̯ wār int-a, šmā agár amešānā bi yak dayīγá íštit, gúḍinā man šmā rā kuṣín. amé buzlangí gúštant: amā wat gušnág an, maróčī amā ešānā kilán? amé ki amé pādišāäi̯ maxlūk átant pa ǰangā, yak wār amé dukén buzlangí gāl kúrtant ki pa mā nān ātág ant. yak wār amé buzlangí šútant, bi amešānī demā lagítant, amé pādišāäi̯ maxlūkānā gírdānā wártant, gírdānā alās kúrtant u amé pādišāäi̯ ǰindā gíptant u āúrtant bi Гarám-bātúräi̯yā. amé ki Гarám-bātúr amé pādišā dístī, go amé buzlangíyān gúštī: ma yāritī, amāngūr pkúšitī. amé buzlangí amé pādišā búrtant u kúštant. Гarám-bātúr u amé zāg šútant, bi šārāi̯ tā čār kúrtant, dístant tā ič kas bi šārāi̯ tā náint-a. š-amódinā pádā átant, amé ǰinikóā zúrtant u búrtant, buzlangíyānā ruxsát kúrtant ki šútant. átant bi šārā. karār pādišā Гarám-bātúr būt u wazíl zāg būt.

XIII

būt na būt, ša mašmāi̯ xudā getír káse na būt. yak pādišāe at. e pādišā dāšt šaš zāg. yak róče būt, amé pādišā watí čār zāgā gísī dāt wa dúi digárā gísī na dāt. amé duén zāgī go wat gúštant ki mašmāi̯ pis mašmā rā gísa na dant, biyā ki mašmā brawán bi yak ǰāgāe ki amé mašmāi̯ pis mašmā rā

«теперь ваш черед! если вы оставите их на одну минуту, я вас тогда убью!» Бузланги сказали: «сами мы голодны! как можем мы их сегодня оставить?» Когда подданные царя подступили, чтобы сразиться, тотчас оба бузланги обрадовались: для нас, мол, хлеб пришел! Бузланги тотчас подошли к ним и поели всех царских подданных, всех прикончили, а самого царя схватили и привели к Гарам-богатырю. Как только Гарам-богатырь увидел царя, он сказал этим бузланги: «не приводите его, а там же убейте!» Бузланги отвели царя и убили. Гарам-богатырь и этот юноша пошли, обошли город и увидели, что в городе никого нет. Они вернулись оттуда, девушку взяли и отвели, бузланги позволили уйти, а сами пришли в город. Итак, Гарам-богатырь сделался царем, а юноша — визирем.

(XIII. О богаче)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь, у этого царя было шесть сыновей. Случилось так, что этот царь четверых своих сыновей женил, а двоих других не женил. Эти два сына сказали друг другу: «наш отец нас не женит! давай, отправимся в другое

gísa na dant. amé gda brā́sī gušt: biyā́ ki brawán. amé zāg šútant bi watí pisā́i̯ā, gúštant: äi̯ bābā́, ta pa če amā́ rā gísa na däyā́i̯? amešā́nī pis gúštī ki šmā tā́ngāt zāg it, man ič waxt šmā rā gis dātága na kanín. amé zāg go watí pisā́ gúštant: äi̯ bābā́, ta ki amā́ rā gísa na daā́i̯, amā́ rā mardúme yak asp bdäi̯. amešā́nī pis gúštī: bráit, bābā́, ā šmā, ā asp. amé š-amídā šútant, pa wat mardúme yak asp gíptant wa š-amídā šútant bi yak ǰāgā́e.

dístant tā amídā yak áu̯ze. e š-amídā šútant, bẹ me au̯zā́i̯ sarā́ wáptant. amídā ki wápt-atant, amídā wāb šútant. bi amé šapā́i̯ nemágā amešā́nī asp páč a-bayánt, š-amídā rawánt bi yak ǰā́e. amódenā ki amešā́nī ásp a-rawánt, yak pādišā́e murtá būtagí. amé maxlū́k amé aspā́nā watíyāna āurtá būtág ant, amešā́nī asp rāst bi amé aspā́nīyā rawánt. amé maxlū́k gúštant ki du asp ā́tant. amé maxlū́k ā́tant, amé duén zāgā́nī aspā́nā gíptant wa bástant.

yak wār amé mazánen brā́sī āgā́ būt, sā́i̯lī kurt tā amé asp édā ná-want. ā́tī ki watí brāsā́ pā́d pkant. sā́i̯lī kurt tā mnī brās čo wāb int. eší rā dil na būt ki watí brāsā́ pā́d pkant. wat š-amídā šut, šut, dístī tā amídā če mardúme ast. amé zāg sā́i̯lī kurt tā ā́nī amā́i̯ asp ant, ódinā bastág-ant. amé zāg š-amídā šut amé mardumā́nīyā, pursít ki amé aspā́nā kái̯ édinā bastagí? amé mardúm gúštant ki amā́ amídā pādišā́ dédi gór

---

место, так как наш отец нас не женит!» Другой брат сказал: «давай, отправимся!» Сыновья пошли к отцу и сказали: «батюшка, что ты нас не женишь?» Их отец сказал им: «вы еще дети, я никак не могу вас женить!» Сыновья сказали своему отцу: «батюшка, раз ты нас не женишь, дай нам каждому по лошади!» Их отец сказал: «идите, дети, вот вам лошади!» Они вышли, взяли каждый себе по лошади и отправились в одно место.

Они увидели, что там есть озеро. Они туда отправились, расположились у озера на ночлег, улеглись и заснули. К ночи их лошади распутываются и идут оттуда в другое место. А там, куда идут их лошади, умер царь, и его подданные привели туда своих лошадей. Их лошади направляются прямо к тем лошадям. Эти люди сказали, что пришли две лошади. Эти люди подошли, поймали этих двух лошадей и привязали.

Вдруг старший брат проснулся, взглянул: нет лошадей! Он хотел разбудить своего брата, посмотрел: как сладко спит мой брат! У него не хватило духу разбудить своего брата, и он сам пошел оттуда. Он пошел и стал смотреть: что́ это там за люди? Юноша стал всматриваться: да ведь это наши лошади там привязаны! Юноша пошел оттуда к этим людям и спросил: «кто здесь привязал этих лошадей?» Эти люди сказали: «мы собирались здесь хоро-

a-kúrtan, dístan tā š-amí^{n}go du ásp a-ǰiyánt u kāyánt. amā́ amé maxlū́k gúštan: biyā́it ki amé aspā́nā bgíran u bándan, amé ki wāū́ndiš āt, bdā́yan. karā́r amā́ amé tī aspā́nā gíptan, bástan. amā́i pādišā́ murtagí, biyā́ ki mašmā́ brawán ódinā bi ammā́i gisā́n, ódinā sīmúrγe bā́l a-dayán. bi ar kasę́ sarā́ ki ništ, amā́e rā pādišā́ girán. amé mardák ki go eší e ḍol gušt, amé zāg watí gwanḍén brāsā́ be-óši kurt, š-amídā go amé mardumā́n šútī, ódinā sīmúrγe bā́l dátant. amé sīmúrγ āt, bi amé zāgā́i sarā́ ništ. amé zāgā́ pādišā́ kúrtant. amé zāg watí gwanḍén brāsā́ čist be-óši kúrtī.

amé gwanḍén brā́sī tārínā āgā́ būt wa ustátī, sā́ilī kurt, amā́i asp édā ná-want, mnī brās am édā näint. amé gwanḍáken zāg š-amé watí ǰāgā́ ustát wa ǰist. šut, amé watí aspā́nī padā́nā dist, amé watí brāsā́i padā́nā am dist tā amé mnī brās ammā́i nī aspā́nī padā́nā burtagí. amé zāg amé aspā́nī padā́nā búrtī, dístī tā amé nī asp ātág ant, amídā digár asp būtág ant, amé amā́i asp ātág ant, amídā oštātág ant. amé, amā́i aspā́nā am gíptag ant wa bastág ant, amení mnī brāsā́i pád ant ki ātagí amé mardumā́nīyā, pursitagí ki amā́i aspā́nā kāi édinā bastagī? amé mardúm š-amídā šutág ant, mnī brāsā́ am go wat burtág ant. amé gwanḍén zāg š-amídā ǰist, amé aspā́nī padā́nā zurt u burt, š-amídā šut u šut.

нить царя и увидели, что с этой стороны подбегают две лошади; мы сказали вон тем людям: „подойдите, поймаем и привяжем этих лошадей, а когда придет их хозяин, отдадим!“ поэтому мы поймали и привязали твоих лошадей. Наш царь умер! давай, пойдем туда к нам, там мы выпустим летать симург-птицу, и на кого она сядет, того мы возьмем в цари!» Когда этот человек так с ним говорил, юноша совсем забыл своего младшего брата и пошел с этими людьми. Там пустили летать симург-птицу, и симург-птица приблизилась и села на юношу. Юношу сделали царем. Юноша совсем забыл своего младшего брата.

Его младший брат на утро проснулся и встал, взглянул: наших лошадей здесь нет! моего брата тоже нет! Этот младший юноша поднялся со своего места и поспешно пошел. Он пошел и увидел следы своих лошадей, а потом увидел также следы своего брата: вот здесь мой брат напал на следы наших лошадей! Юноша пошел по следам лошадей и стал всматриваться: вот здесь лошади прошли, а здесь были другие лошади, наши лошади подошли, и здесь остановились; а вот здесь наших лошадей взяли и привязали! вот это следы моего брата, который подошел к этим людям спросить, кто привязал здесь наших лошадей! вот отсюда эти люди ушли и увели с собой моего брата! Младший юноша поспешно вскочил и пошел по следам лошадей; он шел и шел.

bi amé watí brāsā̆i̯ šārā̆i̯ pānādā ki rast, eší ra salā̆t dístant, amé zāgā̆ čār dā̆tant wa gúštant ki ta ša gujā̆ ᵃkāā̆i̯? amé zāg gúštī: amā̆ du brās átan, ša pᵃlāná jāgā̆ ā̆tan, bi yak jāgā̆e, dístan amídā yaḳ áu̯ze, amā̆ ā̆tan bi amé au̯zā̆i̯ sarā̆ wáptan, amé watí aspánā amódinā bástan u wat wáptan, amídā ta bzā̆näi̯, wāb šutág an. amé amā̆i̯ asp páč būtág ant wa šutág ant. amé mnī mazánen brās der āgā̆ bīt, sā̆i̯l a-kánt tā asp édinā ná-want. amé mnī brās wat a-kustít wa mnā pā̆da na kant.

amé salā̆t dédi go eší abár a-dā̆tant, amešā̆nī áškā yak róde, ta bzā̆näi̯, būtagí, yak tajā̆re watí dau̯látā āurtá ki bgwazenít ša amé rodā̆ áškā. amé watí dau̯látā bi kištíäi̯ tā ᵃkant ki bgwazenít áškā. amé kiští bi rā̆ na rā̆u̯t. amé tajā̆r a-pursít ša amé kištīwánā ki tī kiští pa če rā̆ na rā̆u̯t? amé kištīwā̆n gúštī: e kištíy a-loṭít mardúmäi̯ on, ta bra, bgard, yak kóre yā yak šále pai̯dā̆ pkan, biyā̆r, pkuš u onā̆nī bi amé kištíyā muš. guḍā amé kiští bi rā̆ rā̆u̯t.

amé tajā̆r š-amódā átī bi amé salātā̆nīyā. amé salā̆tānā pursítī ki šmā̆āyā ič kor u šále yā atímen zā̆ge íčī i̯näi̯nt? amé salā̆t gúštant ki amā̆yā yak zā̆ge ast, magár ā zāg ā ḍoléne näi̯nt ki ta ᵃgušā̆i̯. e zāg yak i̯ā̆le, eší rā amā̆ rā díla na bīt ki amā̆ āī rā bi ta bdäyán. amé tajā̆r gúštī:

Когда он дошел до окраины города своего брата, его увидели солдаты; они окружили этого юношу и сказали: «откуда ты идешь?» Юноша сказал: «нас было два брата, мы из такого-то места пришли в другое место, увидели там озеро и подошли переночевать у этого озера; привязали своих лошадей и расположились на ночлег; здесь, нужно знать, мы заснули, а наши лошади развязались и ушли; было уже поздно, когда мой старший брат просыпается и смотрит: лошадей здесь нет! мой брат сам встает, а меня не будит».

Солдаты так с ним разговаривали, а по ту сторону от них, нужно знать, была река, и один купец привез свое имущество, чтобы переправить его на ту сторону реки. Он грузит на судно свое имущество, чтобы его переправить, но судно не двигается в путь. Купец спрашивает у корабельщика: «почему твое судно не отправляется?» Корабельщик сказал: «судно требует человеческой крови, иди, поищи какого-нибудь слепого или калеку; отыщи, приведи и убей и помажь его кровью судно, тогда судно пойдет».

Купец пришел оттуда к этим солдатам и спросил солдат: «нет ли у вас какого-нибудь слепого или калеки или сироты?» Солдаты сказали: «у нас есть один юноша, только этот юноша не таков, как ты говоришь; этот юноша подобен рубину, и у вас не хватит духу отдать его тебе». Купец

magár ā šmäi̯ pis u māsā́i̯ zā́g-u näi̯nt, yáke-m digár: man āī rā ánčoš ša šmā na zinín, šmā rā ín-kar zár a-däín. šmā āī rā bi man bdā́it. amé salā́t gúštant: amā́ rā sad azā́r γarán zar bdäi̯, amā́ gúḍā āī rā bi ta dayán. amé tajā́r gúštī: nápa bāz ǰwān int, man bi šmā däín. amé salā́tānā sad azā́r γarán zar dā́tī wa amé zāgā́ zurt u burt bi kištíyäi̯yā.

ódinā ki burt, amé tajā́r gúštī ki anū́n ta bwasp ki man trā kušín. amé zāg pursít ki ta pa če mnā kušā́i̯? amé tajā́r gúštī ki man trā kušín ki amé kištíyäi̯ demā́ ón a-kanín ki amé kiští bi rā́ brot. amé zāg gúštī: ta mnā ič ma kuš, man anū́n amé kištíyā pa ta bi rā́ prenín. amé tajā́r gušt: nápa bāz ǰwān int, ta mul amé kištíyā bi rā́ prenā́i̯, man trā digár íčīya na kanín. amé zāg gipt, watí čangúlā šáxī kurt. ša čangúläi̯ on āt. amé onánā gipt, bi amé kištíäi̯ demā́ mušt. yak wār amé kiští bi rā́ būt. amé kāperén tajā́r amé zāgā́ go wat búrtī. amé zāgā́ pa wat sarwā́ne kurt.

čunt waxt būt, amé tajā́r š-amídā šut bi pādišā́äyā. amé ki rástī bi pādišā́äyā, amé pādišā́ watí wazíl u wakílānā múčānā loṭít wa watí mullánā am loṭít. gúštī ki man doší ānčén wā́be distág un. amé wazíl u wakíl gúštant ki čunén wā́be? amé pādišā́ gúštī ki man doší wápt-atun, wāb dístun tā amé mnī demā́ čil kāság ér int. amídā man níšt-atun, dístun tā

сказал: «но ведь он не сын ваших родителей! к тому же еще одно: я ведь не так хочу его взять, а дам вам много денег, отдайте его мне!» Солдаты сказали: «дай нам сто тысяч кранов, и мы тогда отдадим его тебе». Купец сказал: «очень хорошо, я дам!» Он дал солдатам сто тысяч кранов, взял юношу и отвел его на судно.

Когда купец отвел его туда, он сказал ему: «теперь ложись, я тебя убью!» Юноша спросил: «за что ты хочешь меня убить?» Купец сказал: «я тебя убью, чтобы твоей кровью смазать поверхность судна, и тогда оно двинется в путь». Юноша сказал: «не убивай меня, я тебе сдвину это судно». Купец сказал: «очень хорошо, ты мне только заставь двигаться это судно, и я тебе больше ничего не сделаю!» Юноша взял и порезал себе палец. Из пальца пошла кровь. Он взял эту кровь, помазал ею поверхность судна, и судно тотчас двинулось в путь. Этот нечестивый купец взял с собой юношу и сделал его своим приказчиком.

Прошло некоторое время. Этот купец отправился к царю. Когда он пришел к царю, царь призвал всех своих правителей и наместников, призвал также своих мулл и сказал: «вот какой сон я видел прошлую ночь!» Правители и наместники сказали: «что за сон?» Царь сказал: «прошлую ночь я спал и видел во сне, что передо мной сорок чаш; я сидел тут же и увидел, что пришло

čil siyáen tūlá átant, amé kāságānā čaṭítant. amé wābáḭ māníyā šmā pa man bgúšit. amé wazíl u wakíl gúštant: amá e wābáḭ māníyā na zānán. amé tajár gúštī ki man yak záge dārín, amá mnī zāg a-zānt. amé pādišá gúštī ki nápa ta bándā watí zāgá biyár. amé tajár šut bi watí gisá.

tāríenā amé watí zāgá zurt u aúrt bi pādišáäyā. amé pādišá go amé zāgá gúštī ki äḭ bābá man doší wábe distág un. amé zāg gušt: ǰuwānén wábe! ame pādišá gúštī: man wāb dístun tā man amídā ništág un, amé mnī demá čil kāság ast. amé kāságānā čil tūlá átant, ar tūláe yak kāságäḭ demá čaṭítant. amé zāg gúštī: agár man bgúšīn, ta yā mnā pkúšäḭ yā tīr-bārán a-kanáḭ. amé pādišá gúštī ki man ič waxt trā na kušín wa trā tīr-bārán am na kanín, amé watí ǰiníkā bi ta aṃ däín. amé zāg gúštī: äḭ pādišá γábli ālám, ta dáräḭ čil ǰinén wa čil gulám, amé tī ar ǰinén go yak gulám ant. amé pādišá gúštī: man bándā watí muzūrānā gušín ki amé mnī ǰinénānī pānádā bgírant, agár rāst būt ki mnī ǰinén go amé gulámān átant, gúḍā man watí ǰiníkā bi ta däín. agár rāst na būt, gúḍā man trā kušín. amé zāg š-amídenā šut bi watí gisá.

yak cunt waxt gwast. amé pādišá go watí muzūrān gúštī: šmā maróčī amé mnī ǰinénānī padá bgirít ki go ešán ānčén káre ast. amé muzūr šútant, amé pādišáäḭ ǰinénānī pānádā gíptant. amé ki roč pešín būt, amé pādišáäḭ

сорок черных щенят и они стали лизать эти чаши; скажите мне значение этого сна!» Правители и наместники сказали: «мы не знаем значения этого сна!» Купец сказал: «у меня есть один юноша, этот юноша знает!» Царь сказал: «ну, так приведи завтра своего юношу!» Купец пошел домой.

На утро он взял своего юношу и привел к царю. Царь сказал юноше: «сынок, я прошлую ночь видел сон!» Юноша сказал: «хороший сон!» Царь сказал ему: «я видел во сне, что я здесь сидел, а передо мной сорок чаш: пришло сорок щенят, и каждый щенок облизал одну чашу». Юноша сказал, «если я скажу, ты меня или убьешь или расстреляешь!» Царь сказал: «я не только не убью тебя и не расстреляю, но даже выдам за тебя свою дочь». Юноша сказал: «о царь, средоточие мира, у тебя есть сорок жен и сорок невольников, и каждая из твоих жен в общении с одним невольником!» Царь сказал: «я завтра скажу своим наемникам, чтобы они последили за моими женами, и если окажется справедливым, что мои жены были с моими невольниками, я выдам за тебя свою дочь; если же окажется неправда, тогда я тебя убью». Юноша пошел отсюда домой.

Прошло некоторое время, и царь сказал своим наемникам: «сегодня последите за моими женами, потому что с ними вышло такое дело!» Наемники пошли и стали следить за царскими женами. Когда уже прошел полдень,

ǰinén ā́tant, gírdī yak ǰā būtant, amé gulā́m am gírdī ā́tant, yak ǰā bū́tant. ar gulā́me yak ǰinénäi̯ dastā́ gíptant u šútant pa mai̯lā́. amé pādišā́äi̯ muzū́r ki dístant, ā́tant, go pādišā́ gúštant ki amé abár ki amā́ zāg gúštī, rāst int: tī ǰinén ar yáke go yak gulā́m ant. amé pādišā́ gušt go watí muzū́rān ki šmā bráit, amā́ zāgā́ biyárit. amé muzū́r ā́tant pa amé zāgā́i̯ padā́, ā́tant bi gisā́i̯š, go amé zāgā́ gúštant ki trā pādišā́ guštagí: biyā́. amé zāg u amé taǰár u amé muzū́r gírdī ā́tant. ān-čo ki ā́tant, sar bū́tant bi pādišā́äi̯ gisā́, salā́m u alā́i̯k kúrtant. wašāmád ki kúrtant, amé pādišā́ go amé zāgā́ gúštī ki amā́ abáre ki ta dā́täi̯, amā́ abár rā́st int-a u man am watí γau̯lā́ na prošín, amā́ ḍol ki go ta gúštun, amā́ ḍol am kanín, watí ǰiníkā bi ta am daín.

amé pādišā́ loṭít amé watí maxlū́kānā. maxlū́k gírdī ā́tant, ǰám bū́tant. pādišā́ gúštī: man watí ǰiníkā bi amé zā́gā däín. watí dolčínāna̯ gúštī: šmā dol bǰánit, kasābā́nā gúštī: šmā pas pkúšít, āšpázānā gúštī: šmā gošt pačít, nānwā́nā gúštī: šmā nān pačít, dārkā́šānā gúštī: šmā dār biyárit. bi amé yak damā́ nān ǰóḍ kurtant. maxlū́k nān wártant wa oštátant bi čāpā́, čā́p kúrtant. maróčī amé zāgā́ gis dā́tant, säyumíen roč ki purá būt, amé taǰár du asp zurt u āúrt, pa watí zāgā́i̯ padā́ ā́tī, go pādišā́ gúštī ki man maróčī watí zāgā́ barín. amé pādišā́ gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int, brawán ki man

---

царские жены пришли и собрались все в одном месте, а эти невольники также все пришли и собрались, и каждый из невольников взял руку одной из жен, и они пошли развлекаться. Когда наемники это увидели, они пришли к царю и сказали: «то, что сказал тот юноша, правда: каждая из твоих жен в общении с невольником!» Царь сказал своим наемникам: «пойдите и приведите того юношу!» Наемники пошли за юношей, пришли к нему и сказали: «царь сказал, чтобы ты пришел». Юноша с купцом и наемники, все пришли. Когда они подошли и дошли до царского дома, они обменялись приветствиями. После приветствий царь сказал юноше: «то, что ты сказал, правда! я тоже не нарушу своего слова, и как я тебе сказал, так и сделаю: я выдам за тебя свою дочь!»

Царь созвал своих подданных. Весь народ пришел и собрался. Царь сказал: «я выдаю свою дочь за этого юношу!» Барабанщикам он сказал: «бейте в барабаны!» мясникам сказал: «режьте скотину!» поварам сказал: «варите мясо!» пекарям сказал: «пеките хлеб!» дровосекам сказал: «таскайте дрова!» В один миг приготовили угощение. Народ поел и пустился в пляс. В этот день юношу оженили, а когда исполнился третий день, тот купец взял и привел двух лошадей и пришел за своим юношей. Он сказал царю: «сегодня я возьму своего сына!» Царь сказал: «очень хорошо, пойдем, я тоже попрощаюсь со своей

am go watí jiníkā ruxsatí pkanín. amé tajā́r u pādišā́ ā́tant pa amé zāgā́i̯ padā́. amé ki ā́tant bi amé zāgā́i̯ gisā́, wašāmáde kúrtant. amé pādišā́ pursít ki mubārák bīt šmäi̯ arūsí! amé zāg jawā́b dāt ki salāmát bīt šmäi̯ sar! yak katráe níštant, amé tajā́r gúštī ki äi̯ bābā́, man ā́tag un ki tī gísă barín, amé tī wasírk ātagí ki watí jiníkā rādág pkant. šmā zū́tẹ pkánit, watí gisā́ bḍalénit tānáxten. amé zāg watí gisā́ ḍaléntant, watí julānā gíptant, bi amé aspā́nī sarā́ kúrtant. amé pādišā́ burt, watí jiníkā, rādágī kurt u amé watí jiníkäi̯ demā́ čukít wa íštī tā šut.

amé ki š-amídā šútant, bi rā́äi̯ nemágā dístant tā amídā yak róde. amé zāg u amé jinikó u amé tajā́r gírdī tunág bū́t-atant, gáštant pa tā́se. amé jinikó gúštī ki tā́se ast, bi amā́ mazánen sundū́xäi̯ tā int. amé tajā́r gúštī: äi̯ bābā́, ta bra amé sundū́xäi̯ tā, amé tāsā́ biyā́r. amé zāg ki putrít bi sundū́xäi tā, yak wār amé tajā́r gipt, amé sundū́xäi̯ dapā́ bast u amé sundū́xäi̯ bandā́nā gipt u burt bi amé rodā́i̯ tā prent. amé jiníkā zurt u āúrt bi watí gisā́. yak čunt waxt būtī. amé tajā́r watí gisā́ ša amé rodā́ ā́škā burt. amé zāgā amé rod burt.

pa amé zāgā́i̯ brāsā́i̯ bāgā́n yak jū́e ā́p a-bárt, amé sundū́x a-rā́u̯t bi amé zāgā́i̯ brāsā́i̯ bāgā́n, amé zāgā́i̯ brāsā́i̯ bāgwā́n a-gindít tā ap čo ušk būt. amé watí pīrazā́len jinénā gúštī ki āp čo ušk būt, mán a-räín démi amé āpā́, ta am biyā́. amé pīramárd u amé pīrazā́l š-amídā ā́tant. amé jūwā́i̯

дочерью!» Купец и царь пошли за юношей. Когда они пришли к нему в дом и поздоровались, царь сказал: «да благословится ваша свадьба!» Юноша ответил: «да будет благополучие над вами!» Они немного посидели, и купец сказал: «ну, сынок, я пришел перевезти твою семью, а твой тесть пришел проводить свою дочь, поторопитесь и соберите пока свое хозяйство!» Юноша (с женой) собрали свое хозяйство, взяли свои пожитки и нагрузили на лошадей. Царь вывел свою дочь, проводил ее, поцеловал ее в лицо и пустил ехать.

Когда они отсюда отправились, на пути они увидели реку. Юноша и девушка и купец, все они хотели пить и стали искать чашку. Девушка сказала: «есть чашка! она в большом сундуке!» Купец сказал: «сынок, сходи-ка в тот сундук, достань чашку!» Когда юноша проник в сундук, купец вдруг взял и закрыл крышку сундука. Он взял сундук за ремни, отнес его и бросил в реку, а девушку взял и привез к себе домой. Прошло некоторое время. Купец переселился на ту сторону реки. Юношу унесло рекой.

В сады брата юноши выводит воду один канал, и этот сундук плывет в сады брата юноши. Садовник брата юноши видит, что вдруг вода высохла. Он сказал своей старой жене: «что это вода высохла! я пойду к воде, и ты тоже

kirrá āúrtant, dístant amāní sundūxe bi amé jūwákäi̯ dapā́ band giptagí. amé pīrazā́l u amé pīramárd gā́l kurtant, zūte̯ kúrtant, ā́tant, amé sundūxā ša amé jūwákäi̯ tā kašítant wa búrtant bi watí gisā́. ódinā ki búrtant, amé sundūxäi̯ dapā́ páč kurtant, dístant tā amé sundūxäi̯ tā yak zā́ge ništagí. pīramárd amé zāgā́ pursítī ki trā käi̯ amé sundūxäi̯ tā kurtagí u prentagí bi apā́i̯ tā? amé zāg guštī: mnā ānčén mardúme prentagí, šmā awálā pa man, agár nān dā́rit, yak káme biyā́rit. amé pīrazā́l šut, zūtī kurt pa amé zāgā́ nā́n jódī kurt wa āúrt, amé zāgā́ dāt. amé zāg gúštī ki šmā mnā ša amé sundūxäi̯ tā dár pkánit. amé pīramárd u amé pīrazā́l amé zāgā́i̯ dastā́ gíptant, ša amé sundūxäi̯ tā dár kurtant wa búrtant bi watí gisā́. ódinā ki búrtant, amé nānā́nā āúrtant bi amé zāgā́i̯ demā́ dā́tant. amé zāg amé nānā́nā wártī. yak katráe digár būt, amé zāgā́ pa duwārág amé pīramárd pursítī ki ta go amā́ bguš, trā käi̯ bi amé sundūxäi̯ tā kurtagí wa čon bi āpā́i̯ tā prentagí? ame zāg jawā́b dā́tī... anūn man šmā rā gušín ki ar waxt amé pādišā́äi̯ jārčín tawā́r kurt ki ič kas pa kārā́ ma rå̯ut ki bā́ndā amé tajā́räi̯ arūsíy a-bīt, gúdinā šmā mnā bárit, bi amé pādišā́äi̯ pānā́dā, bílit. amé pīramárd gúštī: nápa bāz juwā́n int.

karā́r tāríenā būt, amé zāgā́i̯ brāsā́i̯ jārčín jār jat ki bā́ndā ič kas pa kārā́ ma rå̯ut ki tajā́räi̯ arūsíy a-bīt. tāríenā būt, amé pīramárd amé

иди!» Старик и старуха пошли, обошли кругом канала и увидели, что какой-то сундук застрял при входе в канал. Старик и старуха обрадовались заторопились, вытащили сундук из канала и отнесли домой. Когда они его отнесли и открыли крышку сундука, они увидели, что в сундуке сидит юноша. Старик спросил юношу: «кто тебя поместил в сундук и бросил в воду?» Юноша сказал: «меня бросил такой-то человек, но сначала, если у вас есть хлеб, дайте мне немного!» Старуха пошла, заторопилась, приготовила юноше хлеба и принесла. Юноша сказал: «высвободите меня из сундука!» Старик и старуха взяли юношу за руки, высвободили его из сундука и отвели к себе домой. Когда они его туда отвели, они принесли хлеба и поставили перед юношей. Юноша поел. Прошло немного времени, и вторично старик спросил юношу: «скажи нам, кто тебя поместил в сундук и как бросил в воду?» Юноша отвечал:... (*следует изложение всех приключений юноши*) «...теперь же я говорю вам, что как только царский глашатай провозгласит, чтобы никто не шел на работу, потому что на утро будет свадьба того купца, тогда вы меня отведите к царю и оставьте там!» Старик сказал: «очень хорошо».

Итак, наступило утро. Глашатай брата юноши провозгласил, чтобы на следующий день никто не шел на работу, потому что будет свадьба купца.

zāgā̆i̯ dastā̆ gipt u burt, bi amé pādišā̆ä̆i̯ pānā̆dā nādént. ān čoš ki wašāmáde kúrtant, amé zāg go pādišā̆ gúštī: ä̆i̯ pādišā̆, γábli ālám, man pa ta yak asmānáke gušín. amé pādišā̆ gúštī: bguš. amé zāg gúštī: būt na būt, ša mašmā̆i̯ xuḍā̆ getír káse na būt. yak pādišā̆e at. amé pādišā̆ dāšt šaš zāg. čā̆rā gísī dāt, dúi digárā gísī na dāt. amé pādišā̆ bi watí ošā̆ kapt wa íčī na gúštī. amé kāpéren tajā̆r gúštī: ta mnā zū̆tẹ pkan, gis bdā̆i̯. amé pādišā̆ gúštī: ta yak wār sabr pkan...

karā̆r amé zāg amé naklā̆ am gúštī, amé ḍåu̯l am gúštī ki man go ta gúštun. gúḍā gúštī: amā̆ tī brās am mán un, améš am amā̆ tajā̆r int, anū̆n ta ar číyă kanā̆i̯, amé tajā̆rā wa amé watí pai̯rā̆nā, pkan. karā̆r amé pādišā̆ wat rā prent bi amé zāgā̆i̯ guṭā̆ wa grétī. yak wār go amé watí muzū̆rān gúštī: šmā brā̆it, amā̆ salātā̆nā pkúšit. amé pādišā̆ä̆i̯ muzū̆r š-amédinā šútant, amā̆ salātā̆nā kúštant wa wat padoí ā̆tant. ān čoš ki padoí ā̆tant bi pādišā̆ä̆i̯ gisā̆, yak wār amé pādišā̆ amé watí muzūrā̆nā gúštī: šmā anū̆n amé kāpéren tajā̆rā bgírit, pkúšit wa go naptā̆ bun dā̆itī, amé dau̯látä̆i̯ bgírit, bárit bi amé mnī bāgwā̆nā bdā̆it. karā̆r amé muzū̆r šútant, amé tajā̆rā gíptant, kúštant wa go naptā̆ bun dā̆tant, amé dau̯látä̆i̯ búrtant bi amé bāgwā̆nā dā̆tant. amé zāgā̆ pa duwārág gis dā̆tant. man š-amódinā ǰístun, ā̆tun pa wat imā̆ne āúrtun, pa ta dištáre āúrtun.

На утро старик взял юношу за руку, повел и посадил около царя. Когда они обменялись приветствиями, юноша сказал царю: «о царь, средоточие мира, я расскажу тебе сказку!» Царь сказал: «говори!» Юноша сказал: «было ли, не было ли, никого не было лучше нашего с вами бога. Был один царь, у этого царя было шесть сыновей, четверых он женил, а двоих других не женил». Царь задумался и ничего не говорил, но этот нечестивый купец сказал ему: «поспеши с моей свадьбой!» Царь сказал: «подожди немножко!» (*следует вторичный рассказ о всех приключениях юноши*).

Итак, юноша рассказал свои приключения точно так же, как я тебе рассказал. Потом он сказал: «этот твой брат — я, а он — тот купец! теперь делай с купцом и с той своей стражей все, что ни сделаешь!» Царь бросился на шею юноше, заплакал и сказал своим наемникам: «идите и убейте тех солдат!» Царские наемники пошли отсюда, убили тех солдат и пришли обратно. Как только они вернулись в царский дворец, царь сказал им: «теперь схватите этого нечестивого купца, убейте его и сожгите на нефти, а его имущество возьмите, отнесите и отдайте тому моему садовнику!» Наемники пошли, схватили купца, убили его и сожгли на нефти, а его имущество отнесли и отдали садовнику. Юноше вторично справили свадьбу. Я оттуда выскочил, пришел, себе снискал благополучие, тебе привел невесту.

XIV

būt na būt, ša mašmäi̯ xudā getír káse na būt. yak pādšāe at. e pādšā dāšt säi̯ zāg. du zāgī mās dáštant, yak zāge mās na dāšt. yak róče būt, amé säi̯ zāgī mazán būtant wa go watí pisā gúštant ki äi̯ bābā, amā rā sáre yak asp bdäi̯ ki amā suwār bayán. pādšā gúštī ki man kadé ša šmäi̯ demā gíptun? ā šumā, ā asp! bráit, pa wat asp bgírit. e šútant, pa wat sāre yak asp gíptant. amā duén zāg ki mās dáštant, pa wat ǰuwānén asp gíptant. amé be-māsen zāgī pa wat yak pīrakíen áspe gipt. amā māsíen zāgānī asp bairaγíen átant. mudām bi ar ǰā pa bairáγā búrtant. ĕsí asp mudām elá at.

yak róče būt, eší asp bi zānkā būt. e watí aspā padā gipt. eší asp š-amédā šut u šut bi yak ǰāe, bi yak daryābā pānādā šut. e asp watí kūnā bi āpā ǰat ki bzäi̯t. ánčo ki zāt ki kurágäi̯ pād dár átant, e kurágā yak dastā amé zāg gipt, yáke digá ša āpāi̯ tā kurrágäi̯ pādā gipt. e pa wat kášī kurt, ā pa wat kášī kurt. e gušt ki bil, ā pa wat gúštī: bil. e gúštī ki ta bil. ā ki āpäi̯ čérā at, gušt ki ta sātitága na kanäi̯! e gúštī ki man pādišāā zāg baín, man sātitága na kanīn! amā ki āpā čérā at, gušt: ǰuwān

---

(XIV. О козняхъ мачехи и приключенияхъ царевича)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя было три сына. У двоих из его сыновей была мать, а у одного матери (в живых) не было. Настал день, когда трое его сыновей выросли и сказали отцу: «батюшка, дай нам каждому по лошади, и мы будем ездить верхом!» Царь сказал: «когда я отказывал вам? вот вам лошади! идите и выбирайте!» Они пошли и взяли себе каждый по лошади. Двое сыновей, у которых была мать, взяли себе хороших лошадей, а сын, у которого не было матери, взял себе старую лошадь. Лошади тех сыновей, у которых была мать, были скакунами, всегда всюду скакали и получали призы, а его лошадь всегда паслась на воле.

Однажды его лошадь стала жеребой, и он стал следить за своей лошадью. Его лошадь пошла и пошла, пришла в одно место на берегу реки и пригнула к воде свой зад, чтобы ожеребиться. Как только она ожеребилась, и ноги жеребенка очутились снаружи, юноша взял жеребенка за переднюю ногу, но кто-то изнутри воды схватил жеребенка за заднюю ногу. Он стал тащить к себе, а тот тащил к себе. Он сказал: «пусти!» и тот сказал: «пусти!» Он сказал: «ты пусти!» Тот, кто был под водой, сказал: «ты не сможешь его уберечь!» Он сказал: «я царский сын, и не смогу его уберечь!» Тот, кто был под водой, сказал:

int, nápa bar! magár tā sī roč eší rā siyáen pasái̯ šīr bdäi̯. e gušt: nápa ǰuwán int, mán a-barín, däín. e š-amédā burt bi watí gẹsá. ódenā tā sī roč siyáen pasái̯ šírī dátī. amé kurág bi yak sāáttā apt rangá gašt. e duén zāgánī mās ki e kurágā dístī, watí dilá gúštī: man go eší kár dārín.

e zāg mudám bi maktábā wántī. ar waxt ki alás a-bút, demtírā bi kurágäi̯yā kāt.

yak róče amé duén zāgánī mās gúštī ki man pa eší nān ǰóḍ a-kanín wa nānánī tā zár a-rečín ki ánčo buwárt, mirít ki kurág mānít pa mnī zāgán. amé atímen zāg maróčī ša maktábā átī bi watí gẹsá, awálā átī bi kurágäyā. amé kurág gúštī ki tī mātó pa ta nān tayárī kurtáī, ta bra, íčī ma guš, ā wat tī dastánā šodít, nānánā kārít, ta awálā ma war, du daγīγá sabr pkan, yak pišíke kāi̯t, awálā ta amá pišíkā yak lunkáen náne bdā, dístā ki na murt, gúḍā bor. e gušt: ǰuwán int. amé zāg š-amédā šut bi watí gisá, ódenā eší mātó pa eší nān āúrt. eší dastánā šúštī wa gúštī: anún watí nāná bor. e sálī kurt ki pišík bāt, yak sá^a^te digá būt, pišík āt. e yak lunkáen náne írrī dāt bi pišíkā demá. e pišík ki wártī, murt. e zāg nānánā gipt, írrī dāt bi watí mātóā demá. eší mātó íčī na gušt, watí nānánā zurt

---

«хорошо, бери! только тридцать дней давай ему молока от черной овцы!» Он сказал: «хорошо, я возьму и буду давать!» Он повел его отсюда к себе домой и там тридцать дней давал ему молока от черной овцы; жеребенок в один час сменил семь цветов. А мать тех двух сыновей, как только увидела этого жеребенка, так про себя сказала: «я уж с ним разделаюсь!»

Этот юноша постоянно учился в школе, и каждый раз, когда освобождался, сначала шел к жеребенку.

Однажды мать тех двух сыновей сказала: «я приготовлю для него хлеб и положу в него яду: он поест и умрет, и жеребенок достанется моим сыновьям». В этот день этот осиротелый юноша вернулся домой и сначала пошел к жеребенку. Жеребенок сказал: «твоя мачеха приготовила для тебя хлеб; ты иди и ничего не говори! она сама помоет тебе руки и принесет хлеб, но ты сначала не ешь, а потерпи минуты две; потом подойдет кошка, и ты сначала дай кусок кошке, и если увидишь, что она не умерла, тогда ешь сам!» Он сказал: «хорошо!» Юноша отсюда пошел домой. Там мачеха принесла ему хлеб, помыла ему руки и сказала: «теперь ешь свой хлеб!» Он подождал, чтобы подошла кошка. Прошло немного времени, и кошка подошла. Он бросил кусок хлеба кошке. Как только кошка поела, так тотчас умерла. Он взял хлеб и швырнул его своей мачехе. Его мачеха ничего не сказала, взяла свой хлеб,

u burt, írrī dāt bi giyābánā. e zāg šut, ša bāzárā pa wat nān zítī u wártī. pa duwārág šútī bi watí maktábā, watí sabáxā buwánīt.

bāz tāríenā eší mātó watí dęlá pígrī kurt. gúštī: man maróčī bi watí gęsā̆ dapá yak čáe janín ki ša man dūr bīt, bę me čāá tā pkapít. eš yak čáe bi watí gęsā̆ą dapá jat wa yak káme xašpál bi sarā̆ą ret wa γālínā bi sarā̆ą prent wa íštī. yak sát digár būt, amé zāg ša watí maktábā āt. awálā bi kurágäyā āt, dístī tā amé kurág a-grét. e gúštī: jáni man, imáni man, pa če grewā̆ą? kurág gušt: äą ādamí, tī mātó pa ta maróčī ódenā bi šmā gisā̆ dapá yak čáe jant, bi čāá sará ya káme ák a-rečít u ya káme xašpál a-rečít u γālínā bi sarā̆yā prenít. ta ki ánčo šútäą, š-amé gęsā̆ dapá kúp kan, ša čā áškā pren. ā wát a-gušít ki ta pa če e ḍól a-kanā̆ą? ta bguš ki maktabíen zāg múčī amé ḍól a-kanánt. zāg gúštī: nápa juwán int. e š-amédā šut bi watí gęsá. ánčo ki š-amé gęsā̆ dapá ki rast, kúpī kurt, áškā prent. eší mātó eší rā gúštī: äą māsí, ta pa če e ḍól a-kanā̆ą? e gúštī ki man ša maktabíen zāgán a-zūrín. e š-amédā šut, watí nānánā wart, pa duwārág padoí āt wa šut bi watí maktábā.

eší mātó watí dęlá pígrī kurt. amé mullánā múčānā lotítī wa go ešán gúštī ki man šmā rā mardúme sat tumán zár a-däín, amé ki pādišá āt, šmā

отнесла его в степь и бросила. Юноша пошел на базар, купил себе хлеба, поел, и опять пошел в школу заниматься своими уроками.

На утро его мачеха стала размышлять и сказала про себя: «сегодня я вырою колодец при входе в дом, чтобы он свалился в этот колодец, когда будет еще вдали от меня». Она вырыла колодец при входе в дом, а сверху насыпала соломы, набросила ковер и так оставила. Прошло некоторое время. Юноша вернулся из школы, пошел сначала к жеребенку, увидел, что жеребенок плачет, и сказал ему: «душа моя, мое благополучие, что ты плачешь?» Жеребенок сказал: «о человеческое существо! сегодня твоя мачеха при входе в дом выроет для тебя колодец, насыпет на него сверху немного песку и соломы и набросит сверху ковер; когда ты пойдешь, ты сделай прыжок через вход в дом и перепрыгни через колодец; она скажет: „зачем ты так делаешь?“ ты скажи: „все школьники так делают!“ Юноша сказал: «ну, хорошо!» Он пошел отсюда домой, и когда дошел до входа в дом, сделал прыжок и перепрыгнул на ту сторону. Его мачеха сказала ему: «что ты, сынок? зачем так делаешь?» Он сказал: «я научаюсь от школьников!» Он прошел, поел свой хлеб, вернулся и опять пошел в свою школу.

Его мачеха стала размышлять. Она созвала всех мулл и сказала им: «я дам вам каждому по сто туманов, а когда вернется царь, вы скажите:

bgúšit ki tī ǰinén nā-ǰóḍ int. ā wát a-gušít ki pa eší čé zabr int? e go mullā́n gúštī ki man bi watí pālúnkān lawā́š a-bandín ušk-uškén ki pādišā́ āt, šmā bgúšit ki pa eší ā́bi-daryābíen aspā́i̯ kurágäi̯ post zábr int. e mullā́ gúštant ki zabr int. amé ki pādišā́ ā́tī, dístī tā mnī ǰenén nā-ǰóḍ int. e pādišā́ gúštī ki trā če būtáī ki ta nā-ǰóḍ būtág äi̯? ā gúštī ki man pālúnk-próš būtág un. e pādišā́ mulā́nā loṭít ki mnī ǰinén pa če nā-ǰóḍ būtagí. e gúštant ki tī ǰinén pālúnk-próš būtagí. pādišā́ gúštī ki pa mnī ǰinénā če zabr int? e mullā́ gúštant ki pa tī ǰinénā ā́bi-daryābíen aspā́ kurág zabr int. e gúštī ki édā kai̯ ā́bi-daryābíen kurége dārít? e mullā́ gúštant ki tī zāg dārít. e gušt ki nápa bāz ǰuwā́n int. man āe rā gušín ki watí kurágā bdant. gúštant ki ta bra, go watí zāgā́ bguš ki ā watí kurágā dant yā na. agár dā́tī, ta pkúšī, postā́i̯ bar, bi watí ǰinénā gwarā́ bdäi̯, ā ki watí gwarā́ pkant, gúḍā zábr a-bít. agár na dā́tī, gúḍā drūā́ na bīt. ta yak kā́re pkan ki amé ā́bi-daryābíen aspā́i̯ kurágäi̯ post bāz zábr int. e pādišā́ gúštī: mán a-raín, āe rā gušín, agá ā watí kurágā bdant. e š-amédā šut bi watí zā́gäyā ki āí kurágā bzint.

āí zāg demtírā ā́t-atī bi watí kurágäyā. amé kurág gúštī ki tī mātó watí pālúnkānā lawā́š bastagí ki man nā-ǰóḍ un ki mnā ša tī dastā́ bgīt

---

„твоя жена больна!“ тогда он спросит: „что может ей помочь?“» Она еще сказала муллам: «я привяжу к своим ребрам сухарей, сухих-пресухих, и когда царь придет, вы скажите, что ей поможет кожа жеребенка от водяной лошади». Муллы сказали: «хорошо!» Когда царь пришел, он увидел, что его жена больна. Он сказал: «что́ с тобой случилось, что ты заболела?» Она сказала: «у меня разлом ребер». Царь потребовал мулл: почему, мол, моя жена заболела? Они сказали: «у твоей жены разлом ребер». Царь сказал: «что может помочь моей жене?» Муллы сказали: «ей может помочь жеребенок от водяной лошади». Он сказал: «у кого здесь есть жеребенок от водяной лошади?» Муллы сказали: «у твоего сына». Он сказал: «ну, хорошо, я ему скажу, чтобы он дал своего жеребенка». Они сказали: «ты сходи и спроси у своего сына, даст он своего жеребенка или нет, и если даст, ты его убей, а его кожу отнеси и приложи к груди своей жены, и когда она приложит ее к своей груди, она поправится. Если же он ее не даст, она не поправится. Ты уж как-нибудь постарайся, потому что эта кожа жеребенка водяной лошади очень полезна!» Царь сказал: «я пойду и спрошу у него, даст ли он своего жеребенка!» Он пошел к своему сыну, чтобы взять его жеребенка.

А его сын уже раньше пришел к своему жеребенку. Жеребенок сказал: «твоя мачеха навязала себе сухарей на ребра: я, мол, больна! чтобы меня

wa pkušít. agár mnā kúštant, tī xat korā́ int, tī pis maróčī kā̄i̯t bi^{t} tíyā ki äi̯ bābā́, watí kurágā bdäi̯ ki tī mās bāz nā-jóḍ int. ta bguš ki kurág pa tī sarā́ xai̯rát bīt, ā tá, ā kurág. ā ki bi mníyā ā́tī, man ašt sidág a-janín. bi awalíen šidágā ta bzā́näi̯ ki ā démi mán a-kā̄i̯t, bi dūmíen šidágā ta bzā́näi̯ ki ā bi mníyā ā́tī, bi säi̯míen šidágā ta bzā́näi̯ ki ā mnā ša mīyā́ páč a-kánt, bi čārumíen šidágā ta bzā́näi̯ ki ā mnā rādág a-kánt démi āpā́, bi pančumíen šidágā ta bzā́näi̯ ki ā mnā burt pa kuštínā, bi šašumíen šidágā ta bzā́näi̯ ki ā mnī dast u pādā́nā bandít, bi aptumíen šidágā ta bzā́näi̯ ki ā pātiyá kanánt, bi aštumíen šidágā ta bzā́näi̯ ki ā mnā kušánt, agár ta wat rā bi aštumíen šidágā raséntäi̯, mnā baräi̯, agár na raséntäi̯, man ša tī demā́ räín u mnā kušánt, trā am kušánt. e čorí gúštī ki bāz jwān int-a, mán a-raín bi watí maktábā. e gušt: nápa bra wa tī goš amíngūr bīt. ā gušt: nápa bāz juwán int. eš š-amídā šut bi watí maktábā.

amé ki rādág būt, yak wār amé písī bi demā́i̯ dár ā́tī wa gúštī ki äi̯ bābā́, watí kurágā bdäi̯ ki tī mās bāz nā-joḍ int. e gúštī ki bra, bābā́, ā tá wa ā kurág, pa tī sarā́ xai̯rát bīt, bra, bárī. e pādišā́ š-amídā šut bi kurágäyā. yak wār amé kurág yak šidáge jat. amé zāg bi watí maktábā wā́ntī. gúštī go watí mullā́ ki äi̯ mullā́, adáb! mullā́ gušt ki malhún

---

взять от тебя и убить, а если меня убьют, то погубят и тебя. Сегодня придет к тебе твой отец: отдай, мол, сынок, своего жеребенка, потому что твоя мать очень больна! и ты скажи: „пусть жеребенок будет жертвою ради тебя! вот тебе жеребенок!“ Когда он подойдет ко мне, я восемь раз испущу ржание. При первом ржании знай, что он подходит ко мне; при втором ржании знай, что он уже подошел ко мне; при третьем ржании знай, что он меня отвязывает от коновязи; при четвертом ржании знай, что он меня ведет к воде; при пятом ржании знай, что он меня повел убивать; при шестом ржании знай, что он мне связывает ноги; при седьмом ржании знай, что читают молитву; при восьмом ржании знай, что меня убивают. Если ты при восьмом ржании подоспеешь, ты меня уведешь; если же не подоспеешь, я от тебя уйду, и меня убьют! и тебя также убьют!» Юноша сказал: «очень хорошо, я пойду в свою школу!» Жеребенок сказал: «ну, иди, но твои уши пусть будут здесь!» Он сказал: «очень хорошо!» и пошел отсюда в свою школу.

Как только он туда направился, его отец вышел к нему и сказал: «сынок, отдай своего жеребенка, потому что твоя мать очень больна!» Он сказал: «иди, батюшка, жеребенок твой! пусть он будет жертвою ради тебя! иди и возьми его!» Царь пошел отсюда к жеребенку, и тотчас жеребенок заржал; а юноша уже занимался в школе. Он сказал своему учителю: «учитель,

bitáb! pa duwārág amé kurág yak digá šidáge ǰat. e gúštī: mullā́, adáb! mullā́ gúštī: malhun bitáb! e gda gaštā́ ki yak šidáge ǰat, e gúštī ki äi malhúnen mullā́, trā gušín: adáb! édā ki búrtantī bi āpā́i sarā́, e yak digá šidáge ǰat. e zāg gúštī: äi mullā́, man trā gušín ki adáb! e mullā́ gúštī ki malhún bitáb! amé ki čārumíen šidágā ǰat, e gušt: äi kāpárdílen mullā́, tī dil kap bīt, man trā gušín ki adáb! e mullā́ gúštī ki bi sabáxäi waxtā́ abár dātága na bīt. e gúštī: nápa man go ta kār dārín. e gúštī ki šāgírd go mullā́ īč waxt abár dātága na kant. bi pančumíen šidágā amé čorīká gúštī: äi mullā́, adáb! e gúštī: malhún bitáb! eš amā́ int íčī na gúštī. bi aštumíen šidágā gušt ki äi mullā́, adáb! e gúštī ki malhún bitáb! amé zāg e mullā́ gúštī: äi mullā́, ta mnā agár nā́iläi, man go ta kār dārín. amídā amé zāgā́i pānádā yak āptāwáge ér at. amé āptāwágā zúrtī, ǰat bi mullāäi sarā́ u š-amídā ǰístī wa šútī.

am amé sarabún[a] ātant ki e kurágā pkúšant. tawārī kurt ki xabardári šmā bīt, yak wār bóštit ki man sar bäín. eš oštātant. ā ki átī wa gúštī: äi bābā́, man pa e aspā́ zāmát bāz kašitág un, yak wār ta bi man bdäi ki man suwār a-baínī. e pādišā́ gúštī ki bra, bābā́, suwār bäi watí kurágā ki tī

благопристойность!» Учитель сказал: *«ошибочно выражено!»* Вторично жеребенок испустил ржание. Он сказал: «учитель, *благопристойность!»* Учитель сказал: *«ошибочно выражено!»* Когда еще раз раздалось ржание, он сказал: «эй, *ошибочный* учитель, говорю тебе: *благопристойность!»* Когда жеребенка повели к воде, он еще раз заржал. Юноша сказал: «учитель, я тебе говорю: *благопристойность!»* Учитель сказал: *«ошибочно выражено!»* Когда четвертый раз раздалось ржание, он сказал: «жестокосердый учитель, пусть расколется твое сердце! говорю тебе: *благопристойность!»* Учитель сказал: «нельзя разговаривать во время урока!» Он сказал: «ну, так я с тобой разделаюсь!» Тот сказал: «ученик с учителем никогда не разговаривает!» При пятом ржании юноша сказал: «учитель, *благопристойность!»* Тот сказал: *«ошибочно выражено!»* Больше он ничего не говорил. При восьмом ржании он сказал: «учитель, *благопристойность!»* Тот сказал: *«ошибочно выражено!»* Юноша сказал учителю: «учитель, если ты не отпускаешь меня, я с тобой разделаюсь!» Около юноши стоял кувшин для воды. Он схватил этот кувшин и бросил его в учителя, а сам выскочил и побежал.

Уже подходили, чтобы убить жеребенка. Он закричал: «внимание! подождите, пока я подойду!» Они остановились. Как только он подошел, он сказал: «батюшка, ради этой лошади я понес много трудов! позволь мне разок посидеть на ней!» Царь сказал: «иди, сынок, и садись на своего жеребенка,

dilā̆i̯ sará yak armā́ne ma mānít. e š-amídā šut bi watí gesá, watí kurágäi̯ ǰulā́nā zurt u burt, bi watí kurágäi̯ sará dāt wa yak wār suwā́r būt u ā̆i̯yī kurt. eší kurág šut bi āsmā́nā, bā́lī kurt, bi mā āsmā́näi̯ demā́ oštā́t. amé zāg yak xáte nimístī, bi ǰālágā préntī. e maxlū́k gúštant ki xáte kapt ša āsmā́nā. e xatā́ gíptant, wā́ntant, dístant ki bi xatā́i̯ tā nimistagí ki äi̯ bābā́, man ša tī dastā́ šútun. bi tī ǰinénäi̯ rāstén pālúnkān uškén lawā́š bastá, bi demā́i̯ dārū́ zard muštá. čínka róči digár pa mnī padā́ gáštī ki mnā pkúšīt, e mnā kuštág na kúrtī. digá pa tī ruxsátā, man šútun. e pādišā́ š-amídā šútī pa wat.

e čorí š-amídā šut u šut, bi āsmā́näi̯ sará ki rast, ódinā er kapt u šut bi yak ǰā́e, dístī tā amídā yak débe nāl-nāl a-kánt. e uškítī, š-amídā šut bi mā debā́yā, gúštī ki tī če dárd a-kánt? ā gušt ki äi̯ ādámi γaríb, ta ša man pa če pursā́i̯? mnī pādá yak ǰíke šutagí. ta agá mnī pādā́i̯ ǰikā́ kašitág pkánäi̯, man ša ta bāz rāzíy a-baín. e guštī ki nápa bāz ǰuwā́n int. man yak sāáte digár kāín, tī pādā́i̯ ǰikā́ kašín. e zāg ā́tī, watí kurágā gúštī ki man ša ta amé anū́n loṭín yak anbúrre. eší asp gúštī ki bāz ǰuwā́n int-a. eší asp š-amídā bā́lī kurt wa šut bi awā́. be me yakén sāá^{t}tā šut, anbúre āúrtī, dā́tī. e zāg anbúrā āúrtī bi debā́yā. e deb gúštī ki man ástun yak

---

чтобы не оставалось у тебя на сердце неудовлетворенного желания!» Он пошел домой, взял и принес убор и покрывала для жеребенка, положил на него, сел верхом и сразу погнал его. Его жеребенок направился к небу, взлетел и остановился у самого неба. Юноша написал письмо и бросил вниз. Люди сказали, что с неба упало письмо. Они взяли письмо, стали читать и увидели, что в письме написано: «батюшка, я ушел от тебя. У твоей жены справа к ребрам привязаны сухари, а лицо вымазано желтым снадобьем. Сколько дней она старалась всячески меня извести, но не смогла! А затем прощай, я ушел!» Царь отсюда отправился к себе.

Юноша ехал и ехал, и когда добрался до самого неба, спустился там с лошади и пошел в одно место. Он увидел, что здесь ревет один див. Он услышал, подошел к этому диву и сказал: «что у тебя болит?» Тот сказал: «странник, зачем ты меня спрашиваешь? мне в ногу попала заноза, и если ты сможешь вытащить из моей ноги эту занозу, я буду очень тобою доволен!» Он сказал: «ну, очень хорошо, немного погодя, я приду и вытащу занозу из твоей ноги». Юноша пришел и сказал своему жеребенку: «что́ я теперь хочу от тебя, это — щипцы!» Его лошадь сказала: «очень хорошо!» Его лошадь взлетела и двинулась по воздуху. В какой-нибудь час она обернулась, и принесла и дала щипцы. Юноша понес щипцы к диву. Див сказал: «я ведь зверь! ты сходи,

jinawāre. ta bra, byār bāzen xište be me mnī pānādā ničén bdāi ki man watí dapā́ prenín bi^{t} tī jānā́, trā gandág a-kanín. e gušt ki man raín, xíšt a-kārín. e š-amídā šútī pa xištā́. š-amídā šut, xišt āúrtī b-eší ešk-u-āškā ničén dā́tī u anbúrā mān dā́tī. e deb γíšī kúrtī, eší pādā́i jiká ša pādā́i kašítī, dárī kurt, préntī. e amédā káptī. yak sā́te digár būt, eší čūčág ā́tant bi watí māsäyā, dístant ki tā amídā mardúme ništagí. e gúštant ki mašmā́i māsā́ ki p-azā́b dārít, albatá améš int. eš ā́tant ki eší rā pkúšant. yak wār ešā́nī mās gúštī ki eší rā šor ma dā́it ki e mnā ša yak balā́e alā́sī kurtagí. e š-amódā wat rā préntant bi eší dast u pādā́i čérā. yak katráe digár būt, ešā́nī mās d^{n}rūā́ būt wa eší rā gušt: š-amé ammā́i puṭā́n yak káme bzūr, bar. ar jā tī sarā́ sakíe būt, ta amé puṭā́nā dūt pkān. a^{m}mā́ āzír a-bayán. e gúštī ki nápa bāz juwā́n int. e š-amešā́nī puṭā́n ya káme pa wat zurt u búrtī.

š-amídā šut, bi yak jā́e ā́tī, dístī tā amídā yak dráxte. e š-amídā šútī, bi me draxtā́i čérā wapt. bi me wābā́ tā átī, yak wār dístī tā čaγupíγe. e ša wābā́ arkátī kurt wa sā́ilī kurt tā yak aždiyā́re bālā́ būtagí wa kā́it ki amé čūčágānā buwárt. eš watí zāmā́ zurt u arkátī kurt ki amé aždiyā́rā pkúšīt. š-amé jālágā alγačí kurt, bi me mārā́i sarā́ lagítī. e mār š-amā́ burzágā káptī bi jālágā, karā́r e mā́rā jat, zabr kúštīe, zabr eší rā ṭukúr ṭukúrī

принеси побольше кирпичу и наложи его около меня, а то я могу броситься на тебя своей пастью и причинить тебе зло!» Он сказал: «я схожу и принесу кирпичу». Он пошел за кирпичем; сходил, принес кирпичу, наложил вокруг него и приложил щипцы. Див лишился чувств. Он потянул занозу из его ноги, вытащил и бросил. Тот тут же свалился. Немного погодя, пришли дивьи детеныши к своей матери (див был самка) и увидели, что здесь сидит человек. Они подумали: «наверное, это тот, кто мучает нашу мать!» и уже хотели его убить, как вдруг их мать сказала: «не трогайте его, потому что он вызволил меня из беды!» Они бросились к его рукам и ногам. Немного погодя, их мать оправилась и сказала ему: «возьми с собой немного из наших волосков! где бы ни случилась с тобой беда, заставь дымиться эти волоски, и мы явимся!» Он сказал: «очень хорошо», взял с собой немножко из их волосков и унес.

Он пошел отсюда, пришел в одно место и увидел дерево. Он пошел и лег под деревом. Он уже спал, когда вдруг услышал шум. Он проснулся и стал смотреть: один дракон поднялся наверх и хочет пожрать птенцов. Он схватился за меч и двинулся, чтобы убить дракона; нацелился снизу и попал в змея. Змей повалился сверху вниз. Тогда он ударил змея, окончательно его убил, раскромсал на куски и отнес и положил у входа в гнездо этих птенцов,

kurt wa búrtī, bi čūčágānī kudógäi̯ dapā́ íštī wa wat pádā ā́tī, bi wātí jāgā́ wáptī. yak wār amé čūčágānī más ā́tī. e gúštī: bálken mnī čūčágānā améš wartaí. amé sīmúrγ š-amídā šut, yak sínge rā bi watí sunṭā́ gipt wa āúrt ki bẹ me čorí̈äi̯ sarā́ prénīt. amé čūčág yak wār bi čaγupíγā ā́tant, gúštant ki äi̯ māsī, na ki e singā́ prénäi̯ b-é zāgā́i̯ sarā́ ki amā́ aždiyā́r ki ar sā́l a-kāt, tī čūčágānā wart, maróčī āt ki amā́ rā buwárt, amé zāg ā́t at, bẹ me draxtā́i̯ čérā wápt at, yak wār amé mār wat rā pleč dā́tī wa yak wār amā́ bi čaγupíγā ā́tan, amé čorí š-amé daraxtā́i̯ čérā āgā́ būt, sā́i̯lī kurt, dístī ki tā bẹ me draxtā́i̯ sarā́ e čaγupíγ ast. e zabr sā́i̯lī kurt, dístī tā ā int aždiyā́r wat rā pleč dātagí. e watí zāmā́ zurt u burt bi me draxtā́i̯ čérā, zabr e zāmā́ tézī kurt, zabr sā́lī kurt, dístī tā zabr bẹ me zāmā́i̯ čamā́ int, amé watí zāmā́ alγačí kurt, bẹ me mārā́i̯ sarágā lagítī. amé mārā́ zurt u āúrt bi jālágā, eší rā gipt, čo páse póstī kurt. š-amé mārā́i̯ postā́ yak silúme kašítī. e gúštant ki na ki māsī e zāgā́ pkúšäi̯, ki e amā́ rā āzā́dī kurt. ešā́nī más amé singā́ pádā burt wa préntī wa jíndī pádā ā́tī bi watí jāgā́, bi watí čūčagā́nīyā. amídā tā́ngā wā́b int. amé sīmúrγ ā́tī, watí yak bā́le rā bi čerā́i̯ kurt, yáke rā p-āí gwā́tī jat tā wáxte ki āgā́ bū́tī. amé ki āgā́ bū́tī, amé sīmúrγ gušt ki ta š-a^{m}mā́i̯ parā́n yak káme psind. ar jā́ ki tī sarā́ sakíe

---

а сам вернулся и лег на свое место. Вдруг вернулась мать этих птенцов. Она сказала: «наверное, этот самый поедал моих птенцов!» Эта птица-симург пошла, схватила в клюв камень и принесла, чтобы бросить его в этого юношу. Тотчас птенцы подняли шум и сказали: «матушка, не бросай камень в этого юношу, потому что тот дракон, который каждый год приходил и поедал твоих птенцов, приходил и сегодня, чтобы нас съесть, а этот юноша еще прежде того пришел и спал под деревом. Вдруг змей пополз, и мы подняли шум. Юноша под деревом проснулся, посмотрел и понял, что этот шум идет с вершины дерева. Он хорошенько присмотрелся и увидел: вот оно что! это дракон пополз! Он схватил свой меч, понес под дерево, хорошенько наточил его, хорошенько вгляделся, увидел, что он приходится как раз под самый меч, размахнулся мечом и попал змею в голову. Он взял этого змея, стащил вниз и содрал с него кожу, как с барана, а из змеиной кожи вытянул ремень». Они сказали: «нет, матушка, не убивай этого юношу, потому что он освободил нас!» Их мать отнесла назад камень и бросила его, а сама вернулась на свое место к своим птенцам. А он еще спит здесь! Птица-симург подошла, подложила одно крыло под него, а другим стала на него навевать ветер, пока он не проснулся. Когда он проснулся, птица-симург сказала: «вырви немножко из наших перьев, и где только ни

būt, ta amé puṭānā dūt pkan. amā āzír a-bayán. amé zāg gúštī: nápa ǰuwān int. ša ešānī bāzúl u parán yak káme zurt u burt.

š-amídā šútī bi yak ǰāgāe, dístī tā yak šuwānáge dédi yak páse rā kušít wa dédi post a-kántī. amé zāg gúštī ki amé watí pasāi̯ uškumágā mnā bdāit. e gúštant ki nápa bāz ǰuwān int. amā watí pasāi̯ uškumágā bi ta dayán. e gúštī ki nápa bdāit. e gíptant, watí pasāi̯ uškumágā dātant bi zāgāi̯ dastā.

e zāg š-amídā šut, dístī tā amídā yak bāgwāne dédi watí bāgānā āp a-dánt. amé zāg šut, wat rā prent bi amāí ǰūwákāi̯ dapā. e bāgwān dístī tā amé mnī ǰūwákāi̯ dap bastág būt. ā int-a ki āpa na kāi̯t, watí belā zurt u bi watī kopágā prent u átī, sālī kurt tā bi mnī ǰūwákānī tā mardúme kaptagí. yak wār amé bāgwān watí belā kašít pa ǰānāi̯. amé zāg gušt: na ki mnā pkúšāi̯? man tī muzūr a-baín. e gúštī: nápa ǰuwān int, ta byā ki brawán, ya káme gul go man ta bčin ki man a-barín pa pādišāāi̯ ǰiníkān. e gúštī: nápa ǰuwān int, brawán. e š-amídā šútant wa gul čítant. amé bāgwān eší rā gúštī ki ta amídā mnind ki mán a-raín bi pādišāāi̯ gisā. amé zāg bi amé bāgāi̯ sarā níštī. e bāgwān bi ódenā e gulānā ki burt, pādišāāi̯ ǰiník átant pa gulānī sāi̯lā. gulānā sāl kurtant, dístant tā amé gulānī tā yak dastáge gul ǰwānén bastá wa ér int. amé pādišāāi̯ ǰiník

---

случится с тобой беда, заставь дымиться эти волоски, и мы явимся!» Юноша сказал: «хорошо!» взял немного перьев из их крыльев и понес с собой.

Он пошел отсюда в другое место и увидел, что один из пастухов режет овцу и сдирает с нее шкуру. Юноша сказал: «отдайте мне желудок своей овцы!» Они сказали: «хорошо, отдадим!» Он сказал: «ну, так давайте!» Они взяли и вручили юноше овечий желудок.

Юноша пошел отсюда и увидел, что один садовник поливает свои сады. Юноша пошел, лег в канаву и завалил собою вход в нее. Садовник увидел: да ведь завален вход в канаву, вот потому вода и не идет! Он взял лопату, положил на плечо, подошел, стал смотреть и увидел: какой-то человек лежит в моей канаве! Садовник тотчас схватил свою лопату и двинулся на него. Юноша сказал: «не убивай меня, я тебе буду слугой!» Тот сказал: «ну, хорошо, давай, пойдем! ты набери со мной немного цветов, и я их снесу царским дочерям!» Он сказал: «ну, хорошо, пойдем!» Они пошли отсюда и набрали цветов. Садовник сказал ему: «ты посиди здесь, а я пойду в царский дом!» Юноша сел у входа в сад. Когда садовник отнес туда эти цветы, царские дочери пришли посмотреть на них. Они стали рассматривать цветы и увидели, что из этих цветов один букет красиво связан и уложен. Царские дочери спросили у садов-

pursítant š-amé bāgwánā ki amé gulánā kaı̯ čitagí? e bāgwán ǰawáb dátī: man yak muzūre dārín, amá čitagí. e ǰiník bi watí dilá pígr kurtant ki biyáit tā bándā mašmá brawán ɽa ābāzíyā.

bándā ki būt, amé pādišáäı̯ ǰiník wat rā ǰóḍ kurtant ki brawánt. amé zāg maróčī watí aspáı̯ puṭá dūt kurtagí, amé asp ātagí bi amāíyā. amé zāg watí pādišāíen ǰulánā watí gwará kurtagí. amé aspáı̯ bi áškäı̯ bastagí. amé zāg dédi watí tilá̄en šaká zurtagí, watí sará dédi šák a-kánt. amé ki pādišáäı̯ ǰiník átant, amé gwanḍén ǰiníkäı̯ čam kapt bi me zāgá. amé zāg ki watí sará šákī kurt, watí šaká amídā be ʷóšī kurt. bẹ me draxtá ǰát at, amé pādẹšáäı̯ gwanḍén ǰiníkäı̯ čam kapt bẹ me šaká. amídā oštát, íčī na gušt. amé zāg watí ǰwānén ǰulánā gipt, bi aspáı̯ sará bast, ā wat amá watí uškumágā gipt bi watí sará bast. š-amídā watí aspá zurt u burt, bi dūrá, elái kurt, ya káme puṭ am sist, wat š-amídā šut bi bāgáı̯ pānádā. amé pādišáäı̯ gwanḍén ǰiník átī, ameší šaká zurt wa búrtī pa wat.

yak čunt roč gwast. amé pādišáäı̯ ǰiník pa watí pisá bi gulámäı̯ dastá galóʷ dem dátant. ar yáke yak galóʷ dem dátant. e gulám galóʷānā š-amídā zurt wa burt pa pādišá. ódinā bi pādišáäı̯ demá íštī. e pādišá aı̯rán mántī, watí wazíl u wakílānā loṭítī ki ešánā pa čéwäı̯ xātírā pa man dem dátág ant. amé wazíl ǰawáb dátī ki äı̯ pādišá, man agár bgúšīn, ta mnā taᵐmíya

---

ника, кто набрал эти цветы. Садовник ответил: «у меня есть один слуга, это он набрал!» Девушки про себя подумали: «давайте, завтра сходим купаться!»

На следующее утро царские дочери собрались итти. А юноша в этот день заставил дымиться волосок своей лошади, и лошадь пришла к нему. Юноша надел на себя свои царские одежды, привязал свою лошадь поодаль, а сам взял свой золотой гребень, да и причесывает свою голову. Когда царские дочери подошли, младшая девушка заметила юношу. А когда юноша причесывал голову, он забыл здесь гребень: уронил его под деревом. Младшая царевна заметила этот гребень; она остановилась, но ничего не сказала. Юноша взял свою хорошую одежду и привязал ее к лошади, а сам взял тот свой овечий желудок и повязал им голову. Потом он взял свою лошадь, повел ее и пустил вдаль, только выдернул несколько волосков; а сам направился отсюда к саду. Младшая царская дочь подошла, взяла его гребень и унесла с собой.

Прошло несколько дней. Царские дочери послали с рабом своему отцу дыни. Каждая послала по одной дыне. Раб взял дыни, отнес царю и поставил перед царем. Царь удивился и позвал своих правителей и наместников: зачем, дескать, они мне их прислали? Визирь отвечал: «о царь, если я скажу, ты

na kanā̆? amé pādišā̆ gúštī ki man ič waxt trā tamíya na kanín, ta bguš. amé wazíl gúštī: ā mazánen galówā tī mazánen ǰiník pa ta dem dātagí ki ameší dil pa mardā̆ omán kurtagí. e pādišā̆ gúštī: ǰuwā̆n int. amé miyāntaíen galó[w] tī miyāntaíen ǰinikā̆ int, amé gwanḍentarúk tī gwanḍén ǰinikā̆ int. amé pādišā̆ gúštī ki tawā̆r pkánit amé ǰārčínā. e tawā̆r kúrtant ǰārčínā. amé ǰārčínā gúštī: ta bra, amé maxlū̆kā bguš ki bā̆ndā ič kas ma rot ki bā̆ndā pādišā̆äi̯ ǰiník pa wat márd a-giránt.

tāríenā būt, maxlūk gird bi yak ǰā bū̆tant. amé zāg š-amídā šut, bi yak ǰā̆e čer kapt, bi yak tandū̆räi̯ tā. amé pādišā̆ āúrt, bi amé maxlū̆käi̯ tā yak kapóte elāī kurt wa gúštī: amé mnī ǰinikā̆nī dil bi ar kasí sarā̆ bīt, amé kapót wat bā̆l a-kanánt, bi māí sarā̆ rawánt, nindánt. amé mazánen ǰiníkäi̯ wār bū̆tī. amé mazánen ǰiníkäi̯ dil bi wazíläi̯ zāgā̆i̯ sarā̆ at. amé kapótā bā̆l dā̆tant, amé kapót šut, bi wazíläi̯ zāgā̆i̯ sarā̆ ništ. wārí amé gwanḍén ǰiníkäi̯ būt. amé gwanḍén ǰiníkäi̯ dil bi wakíläi̯ zā̆gäi̯ sarā̆ at. amé kapótānā bā̆l dā̆tant. amé kapót šútant bi amāí sarā̆ níštant. eší pa wat wakíläi̯ zāgā̆ gipt. wārí amé gwánḍ-gwanḍén ǰiníkäi̯ būt. eš ar čẹ sā̆lī kurt, amā̆ zāg paḍā̆[a] na bīt. e gušt: šmā amé kapótānā elá pkánit, amé kapót āí rā wat getír paḍā̆ [a]kanánt. amé pādišā̆ kapótānā elá kurt. amé kapót gáštant éngūr, gáštant ā̆ngūr, yak wār šútant, bi tandū̆räi̯ tā níštant,

---

не подвергнешь меня наказанию?» Царь сказал: «говори, я тебя ни в каком случае не накажу!» Визирь сказал: «бо́льшую дыню тебе послала твоя старшая дочь, потому что ей хочется мужа!» Царь сказал: «хорошо!» — «Средняя дыня — твоей средней дочери, а самая маленькая — твоей младшей дочери!» Царь сказал: «позовите глашатая!» Позвали глашатая. Он сказал глашатаю: «иди, объяви народу, чтобы завтра никто не уходил, потому что завтра царские дочери будут выбирать себе мужей!»

Наступило утро. Весь народ собрался в одном месте, а этот юноша пошел отсюда и спрятался в одном месте, в печке. Царь принес и выпустил в народ голубя и сказал: «кто бы ни был по сердцу моим дочерям, эти голуби взлетят, сами направятся к тому и сядут на него». Настала очередь старшей дочери. Старшей дочери был по сердцу сын визиря. Голубя пустили лететь, голубь полетел и сел на сына визиря. Настала очередь младшей дочери. Младшей дочери был по сердцу сын наместника. Голубей пустили лететь, голуби полетели и сели на него. Она взяла себе сына наместника. Настала очередь самой младшей дочери. Сколько она ни смотрела, того юноши нельзя было найти. Она сказала: «выпустите голубей, голуби сами его лучше найдут!» Царь выпустил голубей. Голуби сунулись сюда, сунулись туда, и вдруг направились

bi me zāgäi̯ sarā́. amé pādišā́ ai̯rán mānt ki e mnī jiník bīt! e brot, yak gá're rā bgīt! e pādišā́ gušt ki e wārí na būt! pa duwārág kapót ā́tant bi amé zā́gäi̯ā, amé zāgā́ búrtant, bi amé maxlū́käi̯ tā čér kurtant. amé kapót ā́tant, š-amé maxlū́käi̯ tā eší rā pai̯dā́ kúrtant, bi sarā́i̯ níštant.. e gaštínā pādišā́ gúštī: albatán xudā́ bi ameší pešāníyā kurtagí. amé wazíl u wakíläi̯ zāgánā búrtī, juwānén tamā́nī tā kurt, amé zāgā́ wa amé watí jiníkā burt, bi arā́i̯ kulunḍā́i̯ tā kurt.

yak róče būt, amé wazíläi̯ zāg wa wakíläi̯ zāg go watí wasírkā gúštant ki äi̯ wasírk, ta amé amā́ duénānā sáre yak asp bdäi̯ wa sáre yak tūpák bdäi̯ ki amā́ rawán pa šikārā. e gúštī: nápa bāz juwā́n int. amešā́nā sáre yak asp u tūpák dā́tī. amé zāg go watí ḷenénā gúštī: ta bra, pa man yak tūpáke ša watí pisā́ bzin wa yak áspe. e gušt: juwā́n int. e š-amídā šut bi watí pisā́yā, gúštī: äi̯ bābā́, ta amé mnī mardā́ yak áspe go yak tūpáke bdäi̯ ki ā-m rot pa šikārā. ešī pis gúštī: nápa bāz juwā́n int. š-amídā šut, yak lakunḍáge go yak ābū́e dāt. amé zāgā́i̯ jinén āúrtī, watí mardā́i̯ dastā́ dāt. ameší mard amé aspā́ be-zenā́yā suwā́r būt wa ai̯ kurt u šut. amé aspā́ búrtī, bi yak zanbūr-dānágäi̯ dapā́ bástī wa watí aspā́i̯ puṭā́ dū́tī kurt wa gúštī ki ar čẹ bi dunyā́ āū́ ast, man maróčī ša ta loṭín ki amídā byā́yant. ameší asp gúštī: nápa bāz juwā́n int-a. bi me yak damā́ ar čẹ āū́ at, e jámī

к печке и сели на юношу. Царь изумился: и это моя дочь! она пойдет и возьмет какого-то лысого! Царь сказал: «этот раз не в счет!» Но и вторично голуби приблизились к этому юноше. Юношу схватили и спрятали среди народа, но голуби приблизились, отыскали его в народе и сели на него. На этот раз царь сказал: «должно быть, бог приготовил ему такую судьбу!» Он повел сыновей визиря и наместника и поместил их в хорошие дома, а этого юношу со своей дочерью повел и поместил в ослиный хлев.

Однажды сын визиря и сын наместника сказали своему тестю: «тесть, дай нам обоим по лошади и по ружью, и мы отправимся на охоту!» Он сказал: «очень хорошо!» и дал им каждому по лошади и по ружью. Этот юноша сказал своей жене: «сходи и возьми у своего отца и для меня ружье и лошадь!» Она сказала: «хорошо!» Она пошла отсюда к своему отцу и сказала: «батюшка, дай моему мужу лошадь и ружье, пусть и он также едет на охоту!» Ее отец сказал: «очень хорошо!» Он пошел и дал негодное ружьишко и какую-то клячу. Жена юноши доставила это и вручила своему мужу. Ее муж без седла сел на эту лошадь, погнал ее и уехал. Он увел эту лошадь, привязал ее к одному улью, а сам задымил волоском своей лошади и сказал ей: «сколько ни есть в мире газелей, сегодня я от тебя требую, чтобы они сошлись сюда!» Его лошадь сказала: «очень хорошо!» В этот самый миг, сколько ни было

kurt wa āúrtī. amé zāg amídenā pa wat yak xaiṃáe ǰat, wat bi me xaiṃáā tā būt. āū am ameší ęškụ-áškā átant. yak āūe lang at. amé wazíl u wakíläi zāg bi ameší padā kápt-atant. amé āū am rāstam átī bi me āūānīyā. yak wār amé zāgāi čam káptī, tawārī kurt, gúštī: bílit āūā. amé wazíl u wakíläi zāg íštant wa átant bi amé zāgäyā. amé zāg gúštī: šumā čę kār dārít bi digáräi āūān. ā gúštant: amā rā plāná pādišā dem dātagí pa āūā. e gúštī: man šmā rā āū a-daín pa yak šárte: bi šmäi rāstén pādā yak gulāmíen nāldāge kilín. e gúštant: bāz ǰwān int-a, byār, bil. amé zāg šut, yak āyíne rā burt, bi ātíšā sórī kurt, āúrtī, bi amešānī pādā lačént wa š-amídā šut, amā āūā āúrt u kúštī. lāšāi ešānā dāt, dil u ǰagáräi pa wat zurt wa gúštī: ar čę waší u noší ast, bāit bi me sarág wa pādágäi tā, ar čę tālí ast, brot bi māwānī lāšāi tā. ešānā gúštī: anūn šmā brāit. amé wazíl u wakíläi zāg šútant, átant bi watí gęsā. amé zāgāi ǰęnén ešānā pursít ki gúǰ-int mnī mard? ā gúštant ki āí rā am dístan, amādā čār a-kúrt, šikāre číze na díst atī, amā aí rā amé āūäi sarág u pādágā dātan.

yak sāᵃte digár būt, amé zāg átī bi mā zanbūr-dānágäi dapā. amé aspā páčī kurt wa suwār būt, ai kurt wa átī bi·watí gisā, amé sarág u pādágānā dāt bi watí ǰęnénā. ameší ǰęnén zabr pakít, begāenā āúrtī, bi

---

газелей, она собрала их и привела. Юноша разбил здесь для себя шатер и поместился в шатре. Газели собрались вокруг него. Одна газель хромала, а сыновья визиря и наместника ее преследовали. Эта газель прямо подошла к другим газелям. Взгляд юноши упал на нее и он закричал: «оставьте газель!» Сыновья визиря и наместника оставили ее и подошли к юноше. Юноша сказал: «что вам нужно от чужих газелей?» Они сказали: «нас послал за газелями такой-то царь!» Он сказал: «я дам вам газель, но с условием: я поставлю вам на правую ногу рабские клейма!» Они сказали: «очень хорошо, неси, ставь!» Юноша пошел, понес железо и раскалил его на огне; принес и приложил им к ногам. Потом он пошел, привел и убил ту газель и ее тушу отдал им, а сердце, печень, (голову и ножки) взял себе и сказал: «все, что есть вкусного и приятного, пусть придет в эту голову и ножки! все, что есть горечи пусть идет в их тушу!» а им он сказал: «теперь идите!» Сыновья визиря и наместника пошли. Они пришли домой, жена юноши спросила их: «где мой муж?» Они сказали: «мы его видели, он там бродил; на охоте он ничего не нашел, и мы ему отдали голову и ножки этой газели!»

Прошло немного времени. Юноша подошел к улью, отвязал лошадь, сел верхом и погнал ее; приехал домой и отдал жене голову и ножки газели. Его жена хорошенько изжарила, и вечером принесла и поставила перед мужем

watí mardā̆i̯ demā́ íštī wa pa watí pẹsā̆i̯ gẹsā́ ya káme zurt wa burt. ameší pis ki wártī, gúštī: bābā́, e čo wáš ant! digár náint? pa man byār. ā gúštī ki ast. písī gušt: nápa bra, byār. amé jinikó šut, ya káme ātúk bi yak kāságäi̯ ťā kurt wa āúrt, bi me ātúkānī tā yak arā̆i̯ léḍe prent. ān čo ki āúrt pa watí pisā́, písī ki wart, guštī: bābā́, ešā́nī tā arā̆i̯ léḍe. amé jiník gúštī: ta amā́ rā bi yak arā̆i̯ kulunḍā̆i̯ tā prentág äi̯, albatá ātúk go leḍā́n a-bayánt. ameší pis gúštī: nápa man bā́ndā šma rā bi tamā́nī tā kanín.

tāríenā ki būt, yak digá pādišā́e āt pa ameší wasírkäi̯ jānā́ pa jangā́, ki jang pkant. amé zāg šut, watí aspā̆i̯ puṭā́ dū́tī kurt, amā́ šerā̆i̯ puṭā́ dū́tī kurt, sīmúrγäi̯ puṭā́ dū́tī kurt. karā́r watí aspā́ suwā́r būt, šer u sīmúrγ ā́tant bi eší padā́. ā sīmúrγ čámm a-kašít, amé šer lāp tál a-dāt, jat ki amé pādišā́ ki pa eší wasírkäi̯ jangā́ āt-at, ameší γošúmā γátlī kurt. yak wār ameší dast tīr wart. ameší wasírk āúrt watí dasmā́lā, bi ameší dastā́ bast. e laškárā čist tamā́mī kurt wa šapí āt bi watí gẹsā́. amé pādišā́ šút-atī demtírā, gúšt-at go watí jiníkā: maróčī ánčen mardúme ā́tī ki čist amā́ laškárā tamā́mī kurt. amé ki ā́tī, ta purs ki ta maróčī gujā́ būtág äi̯? agár dístäi̯ ki bi amāí dastā́ mnī dasmā́l bást-at, gúḍā bzā́näi̯ ki amā́ int-a, gúḍā ta purs ki tī dastā́ če būtagí. yak katráe digár būt, amé zāg āt, šapénā ki

---

а немножко взяла и отнесла в дом к своему отцу. Как только ее отец поел, он сказал: «батюшки, как это вкусно! нет ли еще? принеси мне!» Она сказала, что есть. Ее отец сказал: «ну, так сходи, принеси!» Девушка пошла, налила в миску немного похлебки и принесла, а в похлебку бросила ослиного навозу. Как только она принесла своему отцу и ее отец поел, он сказал: «батюшки, тут ведь ослиный навоз!» Девушка сказала: «ты ведь бросил нас в ослиный хлев, поэтому похлебка и выходит с навозом!» Ее отец сказал: «ну, завтра я помещу вас в настоящий дом!»

Когда наступило утро, другой царь подступил с войной к его тестю, чтобы повоевать. Юноша пошел, задымил волоском своей лошади, задымил волоском того льва (дива), задымил волоском птицы-симург. Коротко говоря, он сидел верхом на своей лошади, а лев и птица-симург шли сзади него: симург выклевывал глаза, а лев вспарывал животы и избивал, так что он на смерть перебил войско того царя, который пришел воевать с его тестем. Вдруг его поранили в руку. Его тесть принес свой платок и завязал ему руку. Он совсем прикончил это войско и к ночи вернулся домой. А царь еще раньше ушел и сказал своей дочери: «сегодня приходил такой-то вот человек, который совсем прикончил то (вражеское) войско! когда (твой муж) вернется, спроси: где, мол, ты был сегодня? и если увидишь, что на его руке повязан мой платок, знай, что это он и есть, и тогда спроси, что́, мол, случилось с твоей рукой?» Немного

wáptant, ameší ję́nén säi̯l kurt: amé mnī pisäi̯ dasmál bę meší dastá bastagí. ameší jinén zūtī kurt, šut, watí pisá sí kurtī ki tī dasmál bi ameší dastá bastagí. ameší pis gúštī ki šmā rā man bándā mutlaxán bi tamánī tā kanín. amé zāgäi̯ jinén ki pádā ātī, šapénā wáptant.

tāríenā mālá amé zāg šut, watí aspäi̯ puṭá dūtī kurt. áspī ki ātī, amé zāg gúštī ki man ša ta loṭín ki bi me yak ročá pa man amídā tilääi̯ šār u kaláte joḍ pkan. ameší asp gúštī: pa če bi yak róče? man pa ta bi nīm sāátā jóḍ a-kanín. e gúštī: nápa bāz jwán int, ta pa man joḍ pkan. amé asp loṭítī múčī parīyánā. amé parí átant, go eší yak damá tillääi̯ gíse jóḍ kurtant. tāngát roč dar náy-āt at, e gisā tayár kúrtant. amé zāg šṭ, watí jinénā zúrtī u aúrtī, bi gęsäi̯ tā búrtant. amé parí bi yak sāátā pa eší nān jóḍ kurtant.

amé ki roč būt, mullá ustát pa azánā, ič na zántī ki watí demá gūjängūrí pkant wa azán bdānt. dístī tā ša íngūr roč dar ātá, ša ángūr am roč dar ātá. pādišá ki ustát, säi̯lī kurt, gúštī wā wai̯lán! amé pādišá mnā kušít! watí maxlūkānā gúštī: biyáit ki mašmá brawán pa amé pādišääi̯ salámā. amé maxlūk watí aspánā zen kúrtant wa suwár būtant, átant pa amé pādišääi̯ salámā. amé pādišá āt, eší dastánā gipt, čukít. amé pādišääi̯

погодя, юноша пришел. Ночью, когда они легли, его жена взглянула: да ведь это платок моего отца повязан у него на руке! Его жена заторопилась и пошла известить своего отца: у него, мол, на руке повязан твой платок! Ее отец сказал: «я завтра же помещу вас в настоящий дом!» Жена юноши вернулась, и они ночь проспали.

Рано утром юноша пошел и задымил волоском своей лошади. Когда лошадь пришла, юноша сказал: «я хочу от тебя, чтобы в течение одного этого дня ты для меня здесь построила золотой город и замок!» Лошадь сказала: «почему в течение одного дня? я для тебя построю в течение получаса!» Он сказал: «очень хорошо, построй для меня!» Лошадь созвала всех пэри. Пэри пришли и в один миг построили золотой дом. Еще солнце не взошло, когда они окончили этот дом. Юноша пошел, взял свою жену и привел ее; они перебрались в дом. Пэри тотчас приготовили для него еду.

Когда наступил день, мулла встал на молитву и не мог понять, в какую сторону обратить свое лицо и звать на молитву: он увидел, что и с той стороны взошло солнце, и с этой стороны взошло солнце! Царь встал, посмотрел и сказал: «ох, этот царь меня убьет!» Он сказал своим подданным: «давайте, пойдем на поклон к этому царю!» Его подданные оседлали лошадей, сели верхом и прибыли к тому царю на поклон. Этот царь подошел, взял его

jiník ātī, bi watí mardāi zānāi sarā ništ. amé písī ki dist, watí dilā gúštī ki säil pkan mnī jiníkā ki watí mardāi zānāi sarā ništagí! yak katráe digár ki būt, pa ešān nān āúrtant. e ki nān wártant, amé zāg gúštī go amé pādišā: man amé tī mardumānī tā du gulām dārín. amé pādišā pursít ki kā int-a ti gulām? amé zāg gúštī: yáke ā int-a, yáke ā int-a, nišānī pa e nišānī ki rāstāi pādāiš yak nāldāge. amé maxlūk airān māntant, amé pādišā am airān mānt ki e čunén kāre būt. amé maxlūk gúštant go amé zāgā ki amā amā mardumānā lúč a-kanán. agár ān čo ki būt ki tī gulāmíen nāldāg bi āwānī pādā na at, gúdā amā go ta jáng a-kanán. amé zāg gúštī: nápa bāz juwān int-a. šmā, matláb, amā zāgānā biyārit u bi mnī demā luč pkánit. amé maxlūk gúštant: nápa bāz juwān int-a. amé maxlūk šútant, amā ar duén zāgānī dastānā gíptant u āúrtant u bi amé zāgāi demā lúč kurtántiš, amé zāgā gúštant: anūn ta biyā, säil pkan ki tī nāldāg gujāmadā int. amé zāg āt, sāilī kurt, gúštī: e mnī nāldāg ant. amé pādišā ki dístī, ša amé watí jāgā ustát u āt, amé zāgāi demā čukít, gúštī: ta rást a-gušāi. karār ame watí gulāmānā gúštī: man šmā ra pa watí pisāi xātírā íčīyā na kanín.

karār amé pādišā ame zāgā zurt u burt bi watí gisā. ódīnā ki búrtī, amé watí maxlūkānā gírdānā lotít wa gúšti: man anūn pīr būtág un, mnī jā

руки и поцеловал. Пришла царская дочь и села на колени к своему мужу. Когда ее отец увидел это, он сказал про себя: «посмотри-ка! да ведь это моя дочь уселась на колени к своему мужу!» Немного погодя, принесли еду. Когда они поели, юноша сказал царю: «среди твоих людей есть двое моих рабов!» Царь спросил: «кто твои рабы?» Юноша сказал: «один — вот этот, другой — вот этот! а доказательство то, что у них на правой ноге клеймо!» Люди изумились, и царь изумился: что́, мол, за происшествие случилось! Люди сказали юноше: «мы разденем этих людей, и если окажется, что у них на ногах нет твоего клейма для рабов, тогда мы будем с тобой воевать!» Юноша сказал: «очень хорошо! только вы приведите этих людей и разденьте их передо мной!» Люди сказали: «очень хорошо!» Люди пошли, схватили их обоих за руки, привели и раздели их перед юношей и сказали: «теперь подойди и смотри, где твои клейма!» Юноша подошел, посмотрел и сказал: «вот мои клейма!» Царь, как увидел, так встал с своего места, подошел, поцеловал юношу и сказал: «ты говоришь правду!» Наконец, юноша сказал этим своим рабам: «ради своего отца я вам ничего не сделаю!»

Итак, царь взял юношу и отвел к себе домой. Когда он его туда отвел, он созвал весь свой народ и сказал: «я теперь состарился, пусть вместо

amé mnī zāg pādišā́ bīt. amé maxlū́k gírdī gúštant: nápa bāz ǰuwā́n int-a, bí tā tī amé zāg pādišā́ bīt. amā gírdiy a-lóṭan ki ā pādišā́ bīt. karā́r amé zāg pādišā́ būt. man š-amódinā ǰístun u bástun, pa wat imā́ne āúrtun, pa ta ǰuwānen ǰinike āúrtun.

XV

būt būt, ša xudā́ getír káse na būt. pādšā́e at, dā́štī du zāg. e zā́gī šútan^{t} pa šikā́rā, šikā́räi̯ ǰāgā́ dú bū́tant. gwanḍén brā́se šútī, dístī yak šikā́re. e šikā́rā mā́re wart-átī, amé šā́xī band gipt-átī bi dapā́i̯. e brās šútī bi watí mazánen brāsā́i̯ā, gúštī: biā́ ki aždiā́re gorándẹ rā wartá, šā́xī band giptágan^{t} bi dapā́i̯. édā ā́tant. aždiā́r gušt: ǟi̯ ādamī-zā́t, š^{u}mā ma trusít, e šāxā́ ša mnī dapā́ agár dūr pkánit, ar če bloṭít, man ^{a}dä^{h}ín šmā rā. e šútant, arráge āúrtant, e šāxā́ arrág kúrtant, e aždi^{y}ár šāxā́ wártī. e čorí gúštant: biā, brawán ammā́i̯ pisā́i̯ šārā́. e šútan^{t} watí pisā́i šārā́, šārā́i̯ mardúm aždiárā dístant, múčī ǰístan^{t}, yakén pādšā́ mántī. čorí gúštant: ǟi̯ mardumā́n, ma ǰẹ́it. písiš āt, p-é aždi^{y}árā čergéǰ préntan^{t}, wašāmáde kúrtant. aždi^{y}ár gúštī: ša šmā du brāsā́n yáke biā́it. gwanḍén trusít, mazánen brā́sī šut.

меня будет царем этот мой сын!» Весь народ сказал: «очень хорошо, пусть этот твой сын будет царем! мы все хотим, чтобы он был царем!» Итак, этот юноша сделался царем. Я оттуда выскочил и завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел красивую девушку.

(XV. О приключениях царевича и о кознях его младшего брата и визиря)

Было-было, лучше бога никого не было. Был царь, у него было два сына. Его сыновья отправились на охоту. На охоте они разделились. Младший брат пошел и увидел одного барана; его поел змей, но его рога застряли в пасти. Этот брат пошел к своему брату и сказал ему: «подойди, змей пожрал барана, но его рога застряли у него в пасти». Они подошли туда. Змей сказал: «рожденные человеком, не бойтесь, и если вы удалите у меня из пасти эти рога, я дам вам все, что вы захотите!» Они пошли, принесли пилу и отпилили рога; змей пожрал рога. Юноши сказали: «давай, пойдем в город нашего отца!» и они пошли в город своего отца. Жители города увидели змея и все разбежались, остался один царь. Юноши сказали: «люди, не убегайте!» Их отец подошел, змею постлали ковер и сказали ему: «добро пожаловать!» Змей сказал: «пусть придет один из вас, двух братьев!» Младший брат испугался, старший брат пошел.

aždi^{y}ár gušt ki man a-räín demá, ta ša pádā biyá, ar čīz a-kā̆ḯt tīā, ma trusā̆ḯ: trā zā^{a}rátt a-kánt. yákke ša pádā kāḯt, trā tī rikébā zārátt a-kánt, amá tī dištár int. amé mār átant, eší rā zārát kúrtant. ša pádā yak máre āt, eší rā tā rikébā zārát kurt. čorí šut, aždiáäḯ gisá sár būt. e aždiyá ša watí siyādān sójī ku ki man watí janíkā b-e ādami-zátā bdáīn yā ma däín. siyádī gúštan^{t}: agá säḯ šapá joḍ ma bīt, eší pós a-kašán, ša ka^{h}ā púrṛ a-kanán. agá joḍ būt, ęč kārá hęč. gúštī: šarr. watí janíkā gísī dāt.

bi awalíen šapá säḯ goḍí kītóäḯ tā kúrtī ki ma gušánt ki wāb šutá. eš šapí joḍ na būt. tárī ustát, aždiá āt, gúštī: tī woš go goḍíā būtá. šapí būt. säḯ mujúl kītówäḯ tā kúrtī. janík āt, watí márí^{y}en pošá kašítī, e čorí āgá na būt. janík čirágā búnī dāt, níštī, e čorí āgá na būt. tárī roč būt, aždiá āt, gúštī: joḍ na būtit. čorí gušt: na. aždiá gušt: tī woš go mujúlān būtá. šapí būt, čorí watí čangúlā šáxī kurt, eší rā wád ku. šapí wáptī, wāb na šut. janík āt, watí pošá kašítī, čirágā búnī dāt, níštī, čorī āgá būt. joḍ būtant. tárī roč būt, aždiá āt, gálī kurt.

dā roč gwast. čorí aždiá gúštī ki man a-räín watí pisā̆ḯ šārá. eší gušt: bāz jwān int. āt watí jänénäḯā. jänén gušt ki bra mnī pi^{s}sáyā, bguš ki ta

---

Змей сказал: «я пойду вперед, а ты иди сзади, и кто бы ни подошел к тебе, не бойся: это тебя будут приветствовать; и сзади некто подойдет к тебе, чтобы поклониться твоим стременам, это — твоя невеста!» Змеи подошли и приветствовали его. Одна змея подошла сзади и поклонилась его стременам. Юноша пошел и добрался до дома змея. Змей спросил у своих родственников: «отдавать мне свою дочь за рожденного человеком или нет?» Его родственники сказали: «если он в три ночи не сладит (с женой), мы снимем с него кожу и набьем ее сеном! ну, а если сладит, тогда ничего!» Он сказал: «хорошо!» и выдал за него свою дочь.

В первую ночь он положил в карман три рюхи, чтобы не говорили, что он заснул. Ночью он не сладил (с женой) и утром встал. Змей пришел и сказал: «твои мысли были с рюхами!» Наступила ночь, он положил к себе в карман три бабки. Девушка пришла, сняла свою змеиную оболочку, но юноша не проснулся. На утро, когда взошло солнце, пришел змей и сказал: «не сладились?» Юноша сказал: «нет!» Змей сказал: «твои мысли были с бабками!» Наступила ночь, юноша обрезал себе палец и посыпал на него соли. Ночью он лег, но не заснул. Девушка пришла, сняла свою оболочку, зажгла светильник и села. Юноша проснулся, и они сладились. На утро рассвело. Пришел змей и стал шутить.

Прошло десять дней. Юноша сказал змею: «я отправляюсь в город своего отца». Тот сказал: «очень хорошо!» Он пришел к своей жене. Жена сказала:

áspe bdäi̯. áspe ki dátī, lāgárene byárāi̯, pa-zórene ma yárāi̯, ša lagámānī ta konágene byárāi̯, zenánī tā konágene byárāi̯. čorí šut aždiáäi̯ā, gúštī ki mnā áspe bdäi̯. gúštī: bra, pa wat áspe biyár ša aspánī tā. šut, lāgáren áspe āúrtī, šut, konágen lagáme āúrtī, šut, zenánī tā konágen zéne āúrtī. jānénī gúštī ki bra, mnī māsá bguš ki azráti Suleimánī paihambári aptekállā bdäi̯. e čorí šútī, gúštī: azráti Suleimánī paihambári aptekállā bdäi̯. másī dátī, eš zurt o āúrtī. jānénī gúštī ki bra, mnī māsá bguš ki azráti Suleimánī ampánā bdäi̯. čorí šútī, gúštī ki azráti Suleimánī ampánā bdäi̯. eší rā dátī. eš zurt o āúrtī. čorí gúštī: man a-räín watí pissái̯ gisá. jānénī gúštī ki bra, pᵃlāná gudáräi̯ sará mnind ki man ša watí pis o māsá raxsatí a-girín o kāín.

čorí šut, amá gudáräi̯ sará ništ, gušnág būt, gúštī: äi̯ biyá, ki man yak lunkáe nān bzūrín o borín. eš yak lunkáe nān zúrtī, dístī ki máre. sínge zúrtī, játī sarágäi̯ täi̯. gustī: äi̯ čorí, kuštínā mnā kúštäi̯, plāná ampánäi̯ tā dārūānā mnī sará dé. eš zúrtī, be sarái̯ játī. e mār čoríäi̯ jānén átī, amé máríen postá wat rā kúrt-atī. čorí gúštī: brawán. e š-amédā šútant, bi watí pisái̯ šārá šútant.

tárī roč būt. gwandén brásī ša gisái̯ demá gwast, čámmī káptī bi janénäi̯. dístī čonén zabrén-e, γíšī kurt, kapt. janén átī, gwandén čoríäi̯

«иди к моему отцу и скажи, чтобы он дал лошадь; когда он даст лошадь, выбирай худую, сильную не бери, уздечку бери старую, и седло бери старое!» Юноша пошел к змею и сказал: «дай мне лошадь!» Тот сказал: «иди и сам выбери себе лошадь!» Он пошел и привел худую лошадь; пошел и взял старую уздечку; пошел и из седел выбрал старое седло. Его жена сказала: «иди и скажи моей матери: „дай мне ладанку святого пророка Сулеймана!“» Юноша пошел и сказал: «дай мне ладанку святого пророка Сулеймана!» Мать дала ему. Он взял и принес. Его жена сказала: «иди, скажи моей матери, чтобы она дала сумку святого пророка Сулеймана». Она дала. Он взял и принес. Юноша сказал: «я отправляюсь в дом своего отца!» Его жена сказала: «иди и подожди у такой-то переправы, потому что я попрощаюсь с отцом и матерью и приду».

Юноша пошел, стал ждать у той переправы, проголодался и сказал: «дай-ка, я возьму и съем кусок хлеба!» Он взял кусок хлеба, как вдруг увидел змею. Он схватил камень и бросил ей в голову. Она сказала: «юноша, ты меня на смерть убил! приложи мне на голову лекарства из такой-то сумки!» Он взял и приложил ей к голове. А эта змея была жена юноши, она надела на себя змеиную кожу. Юноша сказал: «пойдем!» Они ушли оттуда и пришли в город своего отца.

На утро рассвело. Младший брат проходил перед домом, и его взгляд упал на жену брата. Он увидел, как она хороша, лишился чувств и упал. Жен-

demā́ pā́kī ku go watí dasmā́lā, čorí ustátī, šútí watí pisā́ʸā, gušt: äḭ bābā́, e ǰanén bā́bi mnī brāsā́ na dārít, bā́bi man dārít. pādšā́ watí wazílā lotít, wazílā gúštī: yak kā́re pkan ki e čorí ʸā pkúsan, ǰanikā bzínan, bdā́yan bi gwanḍén zāgā́. wazíl gúštī: bāz ǰwān int.

čorí ʸā lotítant, čoríyā gúštant: šapí säḭ kūzā́gā pur pkanā́ḭ ša debā́ḭ šīrā́, tā́rī biyā́räḭ. čoríyäḭ rang zard būt. šut ǰaníkäʸā. ǰaník gúštī: tī rang pa če zard int? čorí gúštī: bʲyā ki e rang guštág ant. e ǰaník dasmā́lā zúrtī, demā́ḭ pā́kī kurt. rángī am-awā́läḭ rang būt. e ǰaník gúštī ki γussá ma war, ki āsā́n int. šapí čorí yā bírī dāt. debā́ḭ púṭe dū́tī kurt. deb rástant, ar yáke yak úre šīr āúrt, e kūzág pur bū́tanᵗ.

tā́rī ki roč būt, e kūzágānā zúrtī, búrtī, bi pādšā́äyā, dā́tī. wazíl gúštī ki e ziyā́nā na bīt, byā ki digá abáre gušán. čorí ʸā gúštant ki bra, š-ā́ dunyā́ gul byār. čorí gúštī: šarr. čorí ā́tī ǰaníkäyā, gúštī: byā ki e rang guštág ant. ǰaník gúštī: āsā́nen kā́re. gúštī: kunčít bzūr, bra plāná čammágäḭ sarā, pkiš, pa wat kūḍíke ǰoḍ pkan. kunčít ki gul kúrtant, ar če parí ki kāḭt, šor ma däḭ, säḭ parí ša pádā kāḭt, miānǰínäḭ puččā́nā bzūr u biā́: mnī nākozā́k int, e puččā́nī zúrtäḭ, pádā čak má ǰanā́ḭ. e čorí gúštī: šarr.

щина подошла и обтерла своим платком лицо младшего юноши. Юноша встал, пошел к своему отцу и сказал: «батюшка, эта женщина не подходит к моему брату, а подходит ко мне!» Царь позвал своего визиря и сказал визирю: «придумай что-нибудь, чтобы убить этого молодца, а девушку возьмем и отдадим младшему сыну!» Визирь сказал: «очень хорошо!»

Юношу позвали и сказали юноше: «наполни ночью три кувшина дивьим молоком и утром принеси!» Юноша побледнел и пошел к девушке. Девушка сказала: «почему ты побледнел?» Юноша сказал: «подумай-ка, что́ они сказали!» Девушка взяла платок, обтерла его лицо, и он принял прежний вид. Девушка сказала: «не печалься, ведь это легко!» Ночью она прикрыла юношу и заставила дымиться волосок дива. Дивы пришли, и каждый принес понемножку молока; кувшины наполнились.

На утро, когда взошло солнце, он взял кувшины, отнес царю и отдал. Визирь сказал: «он не погибает! давай, скажем ему что-нибудь другое!» Юноше сказали: «иди и принеси цветок с того света!» Юноша сказал: «хорошо!» Юноша пришел к девушке и сказал: «подумай-ка, что́ они сказали!» Девушка сказала: «это легкое дело!» Потом она сказала: «возьми кунжуту, иди к такому-то источнику и посей его, а для себя приготовь укромное место, и когда кунжут зацветет, сколько бы ни пришло пэри, ты не шевелись; затем придут три пэри, ты захвати платье средней и возвращайся: она дочь моего дяди; но когда ты возьмешь ее платье, не оглядывайся!» Юноша сказал: «хорошо!»

kunčít żurt u āt čammágäi̯ sará, ešánā kíštī, eš sabz kúrtant, pa wat kūḍíke ǰóḍī kurt. e kunčít gul kúrtant. e parí átant, gwāzíyā kúrtant, šútant, säi̯ parí ša pádā átant, watí puččánā kašítant. e čorí šut, miyānǰínäi̯ puččánā zurt u āt. dúi digá bál kurtant, e miyānǰínäi̯ tanā́ mānt. e šut čorí^{y}äyā, gúšti: mnī puččánā bdäi̯ pa brāsí u gwārí. e čorí gušt: man na däín. gúštī: bdäi̯ pa trū-trūzākí. čorí gúštī: na däín. gúštī: bdäi̯ pa nākónākozākí. gúštī: na däín. gúštī: bdäi̯ pa ǰaní u mardí. čorí dátī. gúštī: ai̯ ādamīzát, ta édā čé^{w}ā kanái̯? čorí gúštī: b^{i}yā ki mnī pis mnā dem dātá ki bra, š-á dunyá gul b^{i}yār. eš gúštī: āsánen káre, ta amédenā mnin^{d} ki man a-rä^{h}ín, gul a-kārín. eš bálī kurt. yak sā^{h}áte na gwast, eš átī, gul āúrtī, dátī, gúštī: annūn brawán gīsá. ešá s^{n}wárī ku watí puštá, e šútan^{t} bi gisá.

e gulánā čorí burt, dāt watí pisá. písī wazílā gúštī: eš z^{i}yánā na bīt. wazíl gúštī: biá, digá léme pkanán. čoríā loṭítant. wazíl gúštī: apt xim zarr ant, keḷí go tī māsá šuṭá, bā^{h}íd brawái̯, biyáräi̯. čoríäi̯ rang zard būt. čorí āt ǰanénānīyā, e gúštant: tī rang pa čé zard int? gúštī: biyá ki wazíl

---

Он взял кунжуту и пошел к источнику. Он его посеял, и кунжут вырос, а для себя он приготовил укромное место. Кунжут зацвел. Пришли пэри, выкупались и ушли; вслед за ними пришли еще три пэри и разделись. Юноша пошел, схватил платье средней и вернулся. Две другие взлетели, средняя осталась одна. Она пошла к юноше и сказала: «во имя любви брата и сестры отдай мою одежду!» Юноша сказал: «не дам!» Она сказала: «отдай ради любви тетки и племянника!» Юноша сказал: «не отдам!» Она сказала: «отдай ради любви дяди и племянника!» Он сказал: «не отдам!» Она сказала: «отдай ради любви жены и мужа!» Юноша отдал. Она сказала: «рожденный человеком! что ты здесь делаешь?» Юноша сказал: «поверишь ли, мой отец меня послал, чтобы я принес цветок с того света!» Она сказала: «это ведь легкое дело! ты здесь побудь, а я пойду и принесу цветок!» Она взлетела. Не прошло и часу, как она пришла, принесла цветок, отдала ему и сказала: «пойдем теперь домой!» Она посадила его на спину, и они отправились домой.

Юноша отнес эти цветы и отдал своему отцу. Его отец сказал визирю: «он не погибает!» Визирь сказал: «давай, придумаем другую хитрость!» Юношу позвали, и визирь сказал: «есть семь сосудов с золотом, а ключ исчез вместе с твоей (покойной) матерью, нужно, чтобы ты сходил и принес его!» Юноша побледнел. Потом юноша пришел к девушкам, и девушки сказали: «отчего ты побледнел?» Он сказал: «подумайте-ка, что́ сказал визирь!» Девушки сказали:

e rang gušťá. ǰanén gúštant: e āsánen kāre. čorīā gúštant: bra, plāná ǰā gorrā̆ą dápe páč a-bít, amódā watí aspā́ band.

čorī šútī, gorrā̆ą dápe pač būt, watí aspā́ bástī, šútī, dístī ki du gók ant, watí wāʰū̆ndā ǰanánt. čorí gúštī: šmā pa če watí wāū̆ndā ǰanít? čorīā gúštant: bra, š-āškā bą̆ā. čorí šut ākaštírā, dístī, du kučák ant, watí wāū̆ndā giránt. gúštī: šmā pa če watí wāū̆ndā girít? čorīā gúštant: bra, š-āškā bą̆ā. čorí šut, dístī ki du ǰanén zāg ant, yáke lakatáb int, yáke ša čérā p-ameší ātíš kurtá. čorí gúštī: ta pa če ātíš kurtág ąą̆ eší čérā? čorīā gúštī: ta bra, š-āškā byā, man go ta gušín. e šútī, dístī ki mnī más taǰγánąą̆ tā ǰóš a-kánt. eš watí zāgā́ dístī, ša taǰγánąą̆ tā dár būt. zā́gī gušt: ąą̆ másī, ta pa če e rang ǰóš a-warā́i? gušt: man ša tī γamā́n e rang ǰóš a-warín. gúštī: ąą̆ másí, ta édā čéwa kanā́ą̆? čorí gúštī: wazíl gúštī: apt ximm zarr ant, kęlí go ta atá. másī gušt: ąą̆ másí, trā amé rangā́ kanánt, ki ziyā́n pkanánt.

čorí ša watí māsā́ kęlíʸā zurt u šut, āt duén ǰanén zāgā́nⁱyā, gúštī: šmā pa če e rangā́ kanít? ǰanén zāg gúštī: man ā dunyā́ ném man rogín eší sarā́ wām dā́štun, eš ā dunyā́ mnā na dā́tī, ar če gúštun ki bdąą̆, na

---

«это легкое дело!» Они сказали юноше: «ступай! в таком-то месте будет раскрыт вход в могилу, там ты привяжи свою лошадь!»

Юноша отправился, вход в могилу был раскрыт, он привязал лошадь, а сам пошел и увидел двух быков, нападающих на своего хозяина. Юноша сказал: «почему вы нападаете на своего хозяина?» Они сказали юноше: «ступай! заходи на обратном пути!» Юноша пошел дальше и увидел двух собак, хватающих своего хозяина. Он сказал: «почему вы хватаете своего хозяина?» Они сказали юноше: «ступай! заходи на обратном пути!» Юноша пошел и увидел двух женщин: одна висит, а другая развела под ней огонь. Юноша сказал: «зачем ты развела под ней огонь?» Она сказала юноше: «ступай! заходи на обратном пути, и я тебе скажу». Он пошел и увидел: да ведь это моя мать варится здесь в большом котле! Она увидела своего сына и выскочила из котла. Ее сын сказал: «матушка, почему тебя варят таким образом?» Она сказала: «я варюсь так из-за скорби по тебе!» Потом она сказала ему: «сынок, что ты здесь делаешь?» Юноша сказал: «визирь сказал, что есть, мол, семь сосудов с золотом, а ключ у тебя!» Его мать сказала: «сынок, с тобой так поступают, чтобы тебя погубить!»

Юноша взял ключ от своей матери и пошел обратно. Он подошел к двум женщинам и сказал: «почему вы так делаете?» Женщина сказала: «на том свете она была мне должна пол-мана масла, и на том свете она мне его не отдала;

dátī, annūn eší rā lakatáb kurtág un, watí nem man rogínā bgírīn. čorí šut kučákānīyā, gušt: šmā pa če watí wā^{h}ūndā gírit. kučák gúštant: ammá watí wāūndā p-améšā girán ki ā dunyá amá rā nān yáke rā dāt, yáke rā na dāt. šut gokánīyā, gokánā gúštī: šmā pa če watí wāūndā janít. gok gúštant: amá rā ammái̯ wāūnd tárī tā begáī jóγ a-játī, ammá ra kā āúrtī, yáke rā báz a-dāt, yáke rā kam. p-améšā ammá áe rā janán.

šut watí áspäyā, suwár būt watí aspá, šútī watí gisá, burt kelíyā, dátī bi watí pisá. písī wazílā lotít. pādšá gúštī: kelíā āúrtī. wazíl gúštī: e z^{i}yánā na bīt, b^{i}yā ki eší rā yak šárti digá pkanán. pādšá gušt: ju^{w}án int. wazíl čoríyā lotítī, čoríyā gúštī: b-é rodái̯ tā ša ta yak búrje lotín, yak xíšte ša zarrá bīt, yáke ša sorá. čoríäi̯ rang zard būt. čorí āt watí janénānīyā, gušt: b^{i}yā ki wazíl e rang guštá ki b-é rodái̯ tā yak búrje bandái̯, yak xíšte ša zarrá, yáke ša sorá, eší rā bā^{h}íd šapí joḍ kanái̯. janénī gúštant: γussá ma war ke āsánen káre. dasmálā zúrtant, demái̯ pāk kúrtant. šapí čoríyā bír dátant, dūt kurtant parí u preštágäi̯ putá. parí u preštág átant, ar yáke yak xišt āúrtant, búrje joḍ būt. eší rā búrtant be γáu̯ri āsmánā. sar kúrtan^{t}, šútant.

сколько я ни говорила ей: „отдай!“ она не отдавала, и теперь я ее подвесила, чтобы получить свои пол-мана масла!» Юноша отправился к собакам и сказал: «почему вы хватаете своего хозяина?» Собаки сказали: «мы потому хватаем своего хозяина, что на том свете он одной давал пищу, а другой нет!» Он пошел к быкам и сказал быкам: «почему вы нападаете на своего хозяина?» Быки сказали: «наш хозяин с утра и до вечера запрягал нас в ярмо, а когда приносил сено, то одному давал много, а другому мало; поэтому мы на него и нападаем!»

Он пошел к своей лошади, сел верхом на свою лошадь и отправился домой; снес ключ и отдал своему отцу. Его отец позвал визиря. Царь сказал: «он принес ключ!» Визирь сказал: «он не гибнет! давай-ка, подвергнем его еще одному испытанию!» Царь сказал: «хорошо!» Визирь позвал юношу и сказал ему: «я требую от тебя, чтобы в этой реке был замок, такой, чтобы один кирпич его был из серебра, другой из золота!» Юноша побледнел. Он пошел к своим женам и сказал: «подумайте только, что́ сказал визирь! построй, мол, в этой реке замок, такой, чтобы один кирпич был из серебра, а другой из золота, и нужно, чтобы ты выстроил в одну ночь!» Жены сказали: «не беспокойся, это легкое дело!» Они взяли платок и обтерли ему лицо, а ночью прикрыли юношу и заставили дымиться волоски пэри и ангелов. Пэри и ангелы пришли: каждый принес по кирпичу, и построился замок. Они воздвигли его до самого неба и ушли.

tárī roč būt. wazíl ustát, pādšáā gušt: äi̯ pādšá, bi̯á ki roč š-éngū dar ná^y ātá, š-éngū dár ātá! pādšá gušt: biyárit e kúnä^i pusságā. wazíl gušt: na, pādšá, man drógā na gušín. pādšá gušt: bräit, säi̯l pkánit, bálkẹ drógā na gušít. e šútant, säi̯l kúrtant, gúštant: wazíl drógā na gušít, eš rástā gušít. čorí átī, gúštī: búrje jóḍ kurtun. pādšá wazílā gúštī: e ziyánā na bīt. biá ki mašmá múččī brawán, burjái̯ sará bālá bayán. wazíl gúštī: bāz jwān int. čoríā loṭítant. pādšá gúštī: ammá rawán burjái̯ sará, bālá bayán, agár zántan, yak xíšte xaráb ištág äi̯, ammá trā go zāmá janán. čorí gúštī: bāz jwān int. čorí šútī watí janénānīyā, gúštī: biá ki pādšá e rang guštá. janénī gúštant: e āsánen kāre.

múččī šútant. bālá būtant. čoríäi̯ janén gúštī: ta ma^r ra, man a-räín. čorí gúštī: bāz jwān int. janén šútī, uštátī. pādšá múččī bālá būt-atant. pādšá gúštī: äi̯ wazíl, yak xíšte xaráb ištá, dẹ^hī bi gardínäi̯! amé ki gúštī: dẹī, čoríäi̯ janén parí u preštágäi̯ puṭá dūtī ku, parí u preštág múččī átant, ar yáke watí xíštā burt. pādšá u wazíl múččī káptant, rodái̯ tā múččī múrtant. š-amódā jístun u bástun, pa wat imáne āúrtun, pa^t ta dištáre āúrtun.

На утро рассвело. Визирь встал и сказал царю: «о царь! посмотри-ка, солнце не отсюда взошло, а оттуда взошло!» Царь сказал: «подайте-ка мне этого сына разврата!» Визирь сказал: «нет, царь, я не лгу!» Царь сказал: «сходите и посмотрите, но только не лгите!» Сходили, посмотрели и сказали: «визирь не лжет! он говорит правду!» Пришел юноша и сказал: «я построил замок!» Царь сказал визирю: «он не погибает! давай-ка, мы все пойдем и подымемся на замок!» Визирь сказал: «очень хорошо!» Позвали юношу, и царь сказал ему: «мы пойдем и поднимемся на замок, и если выясним, что ты неправильно положил хоть один кирпич, мы тебя убьем мечом!» Юноша сказал: «очень хорошо!» Юноша пошел к своим женам и сказал: «подумайте только, что́ сказал царь!» Жены сказали: «это легкое дело!»

Все пошли и поднялись наверх. Жена юноши сказала: «ты не ходи, я пойду!» Юноша сказал: «очень хорошо!» Его жена пошла и остановилась. Царь и все приближенные тоже поднялись наверх. Царь сказал: «визирь, если хоть один кирпич поставлен неверно, ударь его по шее!» Как только он сказал: «ударь его!» жена юноши заставила дымиться волоски пэри и ангелов. Все пэри и ангелы пришли, и каждый унес свой кирпич. Царь и визирь и все приближенные упали в реку и погибли. Я оттуда выскочил и завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел невесту.

XVI

būt būt, čap ša xudā́ káse getír na būt. yak róče ʸat, yak pādšā́e ʸat, säi̯ zāg dāšt. pādšā́ gúštī: bābā́, agár man múrtun, tā säi̯ šap mnī goʳrā́ psátit. du-säi̯ roč bū́tī, pādšā́ murt. kasánen zā́gī šut watí brāsā́nīʸā, gúštī: bābā́, mašmā́ rā pis če nasīʸát kurt, gúštī: tā säi̯ šap u säi̯ roč mnī goʳrā́ psátit. mazánen zāg gúštant: tī pisā́i̯ māsā́ bgā́yan, murdágäi̯ nasīʸátā käi̯ tā sár a-bā́? karā́r kasánen zāg tīr-kamā́nā zurt u šut watí pisā́i̯ gorā́i̯ sarā́. karā́r yak nāūčáge ǰóḍ kurt, karā́r bi tā́i̯ ništ. ānčo ki nuašā́m būt, dístī ki š-aménguū yak buzlangí, yak lúnṭe bi asmā́nā i̯nt, yáke bi ḍigárā i̯nt. karā́r watí aspā́i̯ mex-tabílā bi ḍigárā ǰat, watí zām wa tūpákā amódā išt, binā́e gorrā́i̯ pač dātínā zurt. karā́r pādšā́äi̯ zāg eší rā go watí tīr-kamā́nā ǰat. buzlangí murt. karā́r eší lāšā́ gipt, burt, dūrā́ prent, eší aspā́ wa zām u tūpákā burt watí gisā́, watí pīrazā́läi̯ māsā́i̯ dastā́ dátī. karā́r másī aspā́ gíptī, yak tabiláäi̯ tā kurt.

tārī roč būt, pādšā́äi̯ kasánen zāg šut watí mazánen brāsā́nīyā, gúštī: lālā́, pis bäšmā́ rā če nasīyát kurt? gúštanᵗ: tī pisā́i̯ māsā́ bgā́yan, murdágäi̯ nasīʸátā kā́i̯ tā sár a-bárᵗ? karā́r pādšā́ʸen kasánen zāg watí tīr-kamā́nā

(XVI. Об исполнении завета покойного отца)

Было-было, никого лучше бога не было. Когда-то был царь, у него было три сына. Царь сказал им: «дети, если я умру, вы три ночи оберегайте мою могилу!» Через два-три дня царь умер. Младший сын пошел к своим братьям и сказал: «братья, какой наказ оставил нам отец? он сказал ведь: „до истечения трех ночей и трех дней берегите мою могилу!“» Старшие сыновья сказали: «совокупимся с матерью твоего отца! кто исполняет наказ мертвеца?» Тогда младший сын взял лук и стрелы и пошел к могиле своего отца; устроил засаду и уселся в ней. Как только наступил вечер, он увидел с одной стороны бузланги, одна губа у него доходит до неба, другая до земли. Он вбил в землю коновязный кол для своей лошади, положил возле свой меч и свое ружье и принялся раскапывать могилу. Царский сын выстрелил в него из своего лука. Бузланги издох. Он взял труп, отнес и бросил поодаль, а лошадь, меч и ружье отнес к себе домой и поручил старухе-матери. Его мать приняла лошадь и поставила в конюшню.

На другое утро младший царевич пошел и сказал своим старшим братьям: «братья, какой наказ оставил нам отец?» Они сказал: «совокупимся с матерью твоего отца! кто исполняет наказ мертвеца?» Тогда младший царевич взял

zurt u āt watí pisā̆ḭ gorrā̆ḭ sarā̆. nāučágäḭ tā ništ, dist ki š-amā̆ngūr yak buzlangí kāḭt, yak lúnṭe bi asmā̆nā int, yáke bi ḍigárā ḭnt. karā̆r watí aspā̆ bast u watí zām u tūpákā bi ḍigárā išt. binā̆e padšā̆äḭ gorrā̆ḭ pač dātínā zurt. karā̆r padšā̆äḭ zāg watí tīr-kamā̆nā zurt, ǰat buzlangí^{y}ā. buzlangí kapt. karā̆r eší rā burt, dū̆rā prent. karā̆r ā̆tī, aspā̆ḭ wa zām u tūpákā zurt, burt, watí māsā̆ḭ dastā̆ dā̆tī. karā̆r wáptī.

tā̆rī duwārdág roč būtī, šut watí brāsā̆nī^{y}ā, gúštī: lālā̆, pis bāšmā̆ rā če nasīyát kurt. gúštan^{t}: bra, tī pisā̆ḭ māsā̆ bgā̆yan, murdágäḭ nasī^{y}átā kā̆ḭ tā sár a-bá^{rt}. karā̆r pādšā̆äḭ kasánen zāg watí tīr-kamā̆nā zurt u šut watí pisā̆ḭ gorrā̆ḭ sarā̆. karā̆r nāučágäḭ tā ništ, dist ki š-amā̆ngū yak buzlangí, yak lúnṭe bi ḍigárā int, yáke bi asmā̆nā int. karā̆r watí aspā̆ bast, watí zām u tūpákā išt, binā̆e pādšā̆äḭ gorrā̆ḭ pač dātínā zurt. karā̆r pādšā̆äḭ zāg eší rā yak tīr-kamā̆n ǰat, kušt eší rā. eší lāšā̆ burt, dū̆rā prent. eší zām go tūpákā burt, bi watí māsā̆ḭ dastā̆ dāt. karā̆r wapt.

maróčī ša ro-darā̆tā yak pādšā̆e ǰārčínā bi ǰarā̆ prent ki ar kas pa šartā̆ kāḭt, b^{i}ā̆ḭt, ki man čil čā ǰatā̆ uṇ, ar kas š-amé čil čā prent, man watí ǰaníkā bi āí^{y}ā dā̆ín. karā̆r e pādšā̆en kasánen zāg sí būt. šut watí mazánen

---

свой лук и стрелы, пришел к могиле своего отца, сел в засаду и увидел, что с той стороны подходит бузланги, одна губа у него доходит до неба, другая до земли. Он привязал свою лошадь, положил на землю свой меч и свое ружье, и принялся раскапывать царскую могилу. Царский сын взял свой лук и выстрелил в бузланги, бузланги упал. Он его отнес и бросил поодаль. Потом он подошел, взял его лошадь, забрал меч и ружье, вручил своей матери и лег спать.

Опять наступило утро. Он пошел к своим братьям и сказал: «братья, какой наказ оставил нам отец?» Они сказали: «убирайся! совокупимся с матерью твоего отца! кто исполняет наказ мертвеца?» Тогда младший царевич взял свой лук и стрелы, пошел к могиле своего отца, сел в засаду и увидел с той стороны бузланги, одна губа у него до неба, другая до земли. Он привязал свою лошадь, положил меч и ружье и принялся раскапывать царскую могилу. Царский сын выстрелил в него из лука и убил его. Он оттащил труп и бросил поодаль, а меч с ружьем отнес и отдал своей матери, сам лег спать.

В этот день один царь с востока прислал глашатая для объявления, что пусть приходит всякий, кто хочет состязаться: я, мол, выкопал сорок колодцев, и кто бы ни перескочил через эти сорок колодцев, я выдам за того свою дочь. Итак, этот младший царевич узнал об этом. Он пошел к своим старшим

brāsānīʸā, gúštī: lālā́, bⁱyā ki bašmā́ brawán bi ro-darā́tā, pälāná ǰāgā́ pādšā́e ǰārčínā bi ǰārā́ prentá, čil čā ǰatá, ar kas š-amé čil čā prenít, watí ǰanikā bi āíeʸā dant. mazánen brās gúštant: bra, tī māsā́ bgā́yan, trā kā́i̯ gᵒ wát a-bart.

karā́r pādšā́ä̯i̯ kasánen zāg šut watí māsā́yā, watí aspā́ zen u erā́γ kurt, sⁿwār būt, šut pa pādšā́ä̯i̯ sä̯i̯lā́. karā́r š-aménguū šútī, watí aspā́ ä̯i̯bát dāt. áspī š-amé čil čā vížžu prent. karā́r yak ǰiníke rā bi watí puštā́ sⁿwār kurt, āt bi watí gisā́, watí māsā́ gušt: yak táxte ǰóḍ pkan p-amé ǰiníkkā, ǰiníkā bi me taxtā́i̯ sarā́ mnādén. karā́r māsī táxte ǰóḍ kurt, ǰiníkkā bi taxtā́i̯ sarā́ nādént. tā́rī duwārdág roč būt, čorí watí ʸe digá aspā́ sⁿwār būt, šut pa pādšā́ä̯i̯ sä̯i̯lā́. maróčī duwārdág watí ʸe digá aspā́ a̯i̯bát dāt. áspī š-amé čil čāʰā́ vížžu prent. karā́r e digá padšā́ä̯i̯ ǰaníkā watí puštā́ suʷār kurt, burt bi watí gisā́, eší rā am bi taxtā́i̯ sarā́ nādéntī. šapí wapt, tā́rī duwārdág watí e digá aspā́ sⁿwār būt, ā́tī pa pādsā́ä̯i̯ didánā. karā́r duwārdág pādšā́ä̯i̯ e digá ǰiníkā am búrtī.

maróčī watí brāsánā lotít, ar sä̯i̯ aspā́nā kašít ša gisā́i̯ tā, ar sä̯i̯ ǰiníkānā kašít ša gisā́i̯ tā, tūpákānā am kašít ša gisā́i̯ tā, zāmā́nā am kašít ša gisā́i̯ tā. mazánen aspā́ wa mazánen ǰiníkā wa mazánen tūpákkā dāt bi

---

братьям и сказал: «братья, давайте, пойдем на восток! в таком-то месте царь выслал глашатая с объявлением: он выкопал сорок колодцев, и за всякого, кто перескочит через эти сорок колодцев, он выдаст свою дочь». Старшие братья сказали: «убирайся! совокупимся с матерью твоего отца! кто тебя возьмет с собой?»

Младший царевич пошел к своей матери, оседлал свою лошадь, сел верхом и отправился к царю на прием. Итак, там он выступил, разогнал свою лошадь, и его лошадь легко перепрыгнула через эти сорок колодцев. Потом он посадил девушку верхом сзади себя, добрался до своего дома и сказал своей матери: «устрой трон для этой девушки!» Для этой девушки устроили трон, и девушку посадили на этот трон. Вновь наступило утро, юноша сел верхом на другую лошадь и отправился к царю на прием. В этот день он опять разогнал свою другую лошадь, и его лошадь легко перескочила через те сорок колодцев. Итак, он и другую царскую дочь посадил сзади себя верхом и отвез к себе домой; ее также усадили на трон. Ночь он проспал, а на утро вновь сел на свою третью лошадь и отправился к царю на прием. Итак, он опять увез и третью дочь царя.

В этот день он позвал своих братьев, вывел из дому всех трех лошадей, вывел из дому всех трех девушек, вынес также из дому ружья, вынес из дому также и мечи. Самую большую лошадь, старшую девушку и самое большое

watí mazánen brāsā́, miʸāntaíen aspā́ wa miʸāntaiíen jiníkā wa miʸāntaíen zāmā́ dāt bi watí miʸāntaíen brāsā́. kasánen aspā́ wa kasánen jiníkā wa kasánen tūpákkā wa kasánen zāmā́ wat zúrtī. š-amódā jístun u bastun, pa wat imā́ne āwúrtun, pa pādšā́āi̯ zāgā́ dištáre āwúrtun.

XVII

būt būt, čap ša xudā́ káse na būt. yak wáxte at, yak pīramárde at. e pīramárd dā́štī yak warnā́en jānéne. eší jānén dā́štī yak yā́re. e janák pa watí yārā́ juwānén nahā́r pakkítī, pa watí yārā́ maidáen ārtā́nā pakkítī. e pīramárd ar roč gúštī: āi̯ jānén, ta pa če mʿnā pūk dahā́i̯? e janák gúštī: man čon kanín? tī gwār ar roč ke man ārt gečín a-kanín, tī gwār ša Xurāsā́n tússe jant, ārtā́nī urténānā bart. e pīramárd gúštī: man gwārā́i̯ pigrā́ dārín.

e š-amédā yak láṭṭe zúrtī, rādág būt. šútī be watí gwārā́i̯ alkā́. eší gwā́r dístī: mnī brās kā́i̯t. e š-amédā arkát kurt. e pīramárd gúštī: má yā, tī pisā́ gā́tun, juwā́nen kār na kurtág āi̯. eší gwār gúštī: tī ges bun gīt, man trā

ружье он отдал своему старшему брату; среднюю лошадь, среднюю девушку и средний меч он отдал своему среднему брату, а меньшую лошадь, младшую девушку, самое маленькое ружье и самый маленький меч взял сам. Оттуда я убежал и связал, себе принес благополучие, а царскому сыну привел невесту.

(XVII. О плешивом)

Было-было, кроме бога, никого не было. Когда-то был один старик. Этот старик имел молодую жену, а у его жены был возлюбленный. Эта женщина для своего возлюбленного готовила хорошие кушанья, и для своего возлюбленного пекла хлеб из сеяной муки. Старик каждый день говорил: «жена, что ты даешь мне все муку с отрубями?» Женщина говорила: «что я поделаю? каждый день, когда я просеваю муку, твоя сестра испускает ветры из Хоросана и уносит сеяную муку». Старик сказал: «ужо́ я позабочусь о сестре!»

Он взял посох, собрался в путь и пошел в селение к своей сестре. Сестра его увидела: вот подходит мой брат! Она поднялась. Старик сказал: «не подходи! я совокуплялся с твоим отцом! хороших дел ты не делала!» Его сестра

yak sāl-int, trā na distā̆ un. e pīramárd gúštī: ta watí kārā̆nā kurtág ä̆i̯, man ódā pū̆k a-warín, ta š-édā túss a-ǰanā̆i̯, ārtā̆nī urténānā go watí tussā̆ barā̆i̯. eší gwār gúštī: ta gānók būtág-ä̆i̯, či balā? íččī ma gu, yáke buškint, čéwā gušít? ä̆i̯ lālā̆ ǰán, yak ga brawán gẹsā̆, ar ka guštá, drog guštá. eš āwúrtī gẹsā̆, čā dā̆tī, eš zabr ǰ^{n}wān wártī, eší gwār gúštī: yak gárre go wat bárä̆i̯, man trā garókā da^{h}ín, go wat bárrä̆i̯, ar abáre bīt, garók pa^{t} ta gušít.

e pīramárd demā̆ būt, garók bẹ āí padā̆ būt. garókā nākóī bẹ gẹsā̆ íštī. pīramárd šut pa langárā. e ǰanák gúštī garókā: b^{i}ra pa dārā̆! e garók gúštī: šar. daságe zúrtī, šútī bẹ gokā̆nī kulundā̆i̯ tā. yak ga dístī, yak warnā̆en mardáke ā̆tī. e ǰanák gúštī: pīramárd yak garróken čorikáe ā^{w}urtá. e mardák gúštī: š-e garrókān sad byā̆rīt, pa^{m} man yáke, šar, man räín, ta pa man yak múrge gir o byār, man pa^{t} ta kušín. e ǰanák šútī, yak múrge ǰwānén gíptī, ā^{w}úrtī. e mardák ilā̆l kúrtī, ǰanakā̆ gúštī: man ā̆ rāā̆i̯ dapā̆ gallá rečín, ta ar kadén murgā̆ pakkítä̆i̯, mnī rāā̆i̯ dapā̆ gallá rét-at, āmā̆ rāā̆i̯ tā bra, ā rāā̆i̯ tā kẹ gallá na rét-at, ma^{r} ra. ǰanák gúštī: šarr, man murgā̆ pačín o kāín.

сказала: «пусть сгорит твой дом! вот уже год, как я тебя не видела!» Старик сказал: «ты тут делаешь свои дела, а я должен там есть муку с отрубями! ты отсюда испускаешь ветры и своим ветром уносишь сеяную муку!» Его сестра сказала: «ты с ума сошел, что ли? не говори ничего, а то кто-нибудь услышит и что́ скажет? пойдем-ка, братец, в дом! кто бы тебе ни наговорил, напраслину сказал!» Она повела его домой, дала чаю. Он поел, как следует, и его сестра сказала: «возьми-ка с собой плешивого! я дам тебе одного плешивого, возьми его с собой! что́ ни случится, плешивый тебе скажет».

Старик пошел впереди, плешивый сзади него. Старик оставил плешивого у себя дома. Старик пошел пахать, а женщина сказала плешивому: «сходи за дровами!» Плешивый сказал: «хорошо!» взял веревку и пошел в коровник. Вдруг он увидел, подошел молодой мужчина. Та женщина сказала: «старик-то привел плешивого парня!» Мужчина сказал: «пусть хоть сотню приводит этих плешивых, мне все равно! ну, хорошо, я пойду, а ты возьми и принеси мне курицу, и я тебе ее зарежу». Женщина пошла, выбрала хорошую курицу и принесла. Мужчина ее зарезал и сказал женщине: «при выходе на дорогу я посыплю зерна; как только ты сваришь курицу,— а при выходе на мою дорогу будет насыпано зерно, — ты по той дороге и иди, а по дороге, где зерна не будет насыпано, не ходи!» Женщина сказала: «хорошо, я сварю курицу и приду!»

garrók e abarānā uškítī, ša mardákäi̯ padā́ šútī. mardák gallānā kẹ rétī, garrók ša padā́ gallānā rúptī, bẹ watí nākóäi̯ rāäi̯ sarā́ rétī. gúḍā šut bẹ watí nākó^{w}äi̯ā, gúštī: maróčī mašmā́ murgäi̯ gošt warán. nākói̯ gúštī: ša gujā́? garrók gúštī: ta či kār dāräi̯? ša^{m} man, kẹ man trā murgäi̯ gošt bdäín.

katräi̯ gidá garrók säi̯l kurt, dístī tā janák kāi̯t. janák kẹ nazínk átī, garrók tawā́r kurt, gúštī: wā tātī, amā́ édān-an, ingūrí biyā́. janák äi̯rán būt kẹ man čunén kā́re kúrtun, ša xajālatíyā átī, goštānā íštī, garrókā o nākó^{w}äi̯ gúštī: bẹäit, bórit kẹ sárd a-bayánt. amā́ int-a, garrók o nakói̯ átant. janák gúštī: doší man wā́be dístun, múrge xai̯rát kúrtun. garrók gúštī: xudā́ kabū́l pkant. janák gúštī: xudā́ kabū́l-ă kurt, agár säi̯ mardúm būtin, zabr kabū́l būt. garrók gúštī: man burzágäi̯ sarā́ bālā bäín, agár mardúme bgíndīn, gušín kẹ bāi̯t. janák gúštī: man yak mardúme gindín, bra amā́e rā bguš kẹ bāi̯t. garrók gúštī: šarr, räín. garrók šut, mardákā gúštī: mnī nākó pa^{t} tī jānā́ minnít. mardák guští: pa če? garrók gúštī: man na zānín, trā kušīt. mardák gúštī: man čon kanín? garrók gúštī: man raín, agár mnī nākó aménguri bāi̯t, bzānäi̯ kẹ pa^{t} tī jānā́ kāi̯t.

Плешивый слышал этот разговор и пошел вслед за мужчиной. Как только тот посыпал зерна, плешивый сзади подобрал зерно и посыпал его при выходе на дорогу к своему дяде. Потом он пошел к своему дяде и сказал: «сегодня мы с тобой поедим куриного мяса!» Дядя сказал: «откуда?» Плешивый сказал: «что тебе за дело? от меня, раз я тебе дам куриного мяса!»

Немного погодя, плешивый взглянул и увидел, что женщина подходит. Когда она подошла поближе, плешивый закричал: «тетя, мы здесь, иди сюда!» Женщина удивилась: что, дескать, я наделала? Она в замешательстве подошла, поставила мясо и сказала плешивому и его дяде: «идите, ешьте, а то остынет!» Вот плешивый и его дядя подошли. Женщина сказала: «прошлую ночь я видела сон, и принесла курицу в жертву!» Плешивый сказал: «да будет она угодна богу!» Женщина сказала: «богу-то она угодна, но если бы (вас) было трое, она была бы еще более угодна!» Плешивый сказал: «я подымусь на верхушку горы, и если кого-нибудь увижу, скажу, пусть приходит!» Женщина сказала: «я вижу человека, сходи и скажи ему, пусть придет!» Плешивый сказал: «хорошо, я пойду!» Плешивый пошел и сказал тому мужчине: «мой дядя на тебя умышляет!» Мужчина сказал: «за что?» Плешивый сказал: «не знаю, только он убьет тебя!» Мужчина сказал: «что же мне делать?» Плешивый сказал: «ну, я пойду, а ты знай, что если мой дядя сюда придет, то по твою душу придет!»

garrók āt, gúštī: mardák gušít: tī nākó kā̄i̯t, man raín; agár nā̄i̯t, man na räín. janák gúštī: bra. garrók gúštī: šuttínā rawā̄i̯, yak kučáke dārít, mardúm a-wárt. janák gúštī: yak láṭṭe bzūr o bʲra. pīramárd yak láṭṭe zurt o šútī. amé kẹ mardákäi̯ nazínkā ā̄tī, mardák yag ga jístī. pīramárd tawā̄r kúrtī. na, mardák jist. e pádā āt, gúštī kẹ ā mardák ganóke at, či balā́! ančo kẹ mnā dístī, jístī. man ā́e rā tawā́r kúrtun, na ʷuštā́t. amā́-int kẹ janák gúštī: šar, zū́ti bᵘā́rit, man a-raín. amā́-int, ʸeš goštā́nā wártant, janák šut bẹ gẹsā́. maróčī na būt.

bā́ndā duwārág garrókäi̯ nākó šut pa langárā. garrók dasságe zurt, gúštī: man räín pa dārā́. janák gúštī: šarr, bra pa dārā́. garrók šut bẹ gokā́nī kulunḍā́i̯ tā, srapítī, dístī, amā́ mardák ā́tī, gúštī janákkā: ta zī čón kurtäi̯? janák gúštī: man amā́ rā́e kẹ ta gúštäi̯, man amā́ rāé tā ā́tun, man rāst bẹ garrók o nākóäi̯ sarā́ ā́tun. gúḍā paᵗ tī padā́ mardúme dem dā́tun, ta pa če jístäi̯? mardák gúštī: man čon kurtín-un? garrók gúštī: mnī nākó paᵗ tī jānā́ kā̄i̯t, tʲrā kušít, man dístun kẹ kā̄i̯t, man trussítun. janák gúštī: garrók dróg a-jánt. man watí mardā́ dem dā́tun pa tī padā́, garrók gúštī: man räín. garrók āt, gúštī kẹ mardák guštá: agá tī nākó ma ā̄i̯t, man

---

Плешивый вернулся и сказал: «тот человек говорит: „если придет твой дядя, пойду; если не придет, не пойду!“» Женщина сказала: «сходи!» Плешивый сказал: «итти-то иди, только у него собака, кусает людей!» Женщина сказала: «возьми палку и иди!» Старик взял палку и пошел. Как только он подошел поближе к тому человеку, тот вдруг побежал. Старик ему закричал. Нет! убежал! Он вернулся и сказал: «тот человек был сумасшедший, что ли! как только он меня увидел, так побежал; я ему кричал, но он не остановился». Вот женщина сказала: «ну, скорее ешьте, и я пойду!» Вот они поели мяса, и женщина пошла домой. Не вышло в этот день!

На другой день дядя плешивого опять пошел пахать. Плешивый взял веревку и сказал: «я пойду за дровами!» Женщина сказала: «хорошо, иди за дровами!» Плешивый пошел в коровник и спрятался. Он увидел: подошел тот мужчина и сказал женщине: «что ты вчера наделала?» Женщина сказала: «я пошла по той дороге, как ты сказал мне, пошла по той дороге, и прямехонько пришла к плешивому и к его дяде! потом я посылала за тобой, а ты почему убежал?» Мужчина сказал: «что мне было делать? плешивый сказал: „мой дядя придет по твою душу и убьет тебя!“ я увидел, что он подходит и испугался». Женщина сказала: «плешивый врет! я посылала за тобой своего мужа, а плешивый сказал: „я пойду!“ потом плешивый пришел и сказал, будто бы тот человек сказал: „если твой дядя не придет, я не пойду!“ я сказала: „иди и скажи, пусть

na kāín. man gúštun: bra, bguš kẹ bā̄ḭt, ā kẹ déme ta átī, ta jístäḭ. mardák gúštī: šar, anū̄n čón kanäḭ? janák gúštī: man maróčī zāráttā räín, ta pa^{m} man yak čattíe bgir o b^{i}yār, pa man kuš o man pačín o barín zāráttā. mardák gúštī: šarr. janák guštī: bálkẹ garrók o nakóḭ kor bayánt! mardák gúštī: šar, man räín pa čattíe, ta ša padā́, tā-wáxte ārt tár pkan. man tā-wáxte kāín. janák gúštī: šar, zū́tẹ b^{i}āäḭ. mardák šut o zū́tī čattíe gipt o ā^{w}úrtī. janákā gúštī: mnā kárče bdäḭ, man čattí^{y}ā pa^{t} ta ilál kanín. janák áe rā kárče dāt, ^{y}e čattí rā ilál kurt. zū́tī postā́ḭ játī, goštánī koṭítī. janák loí^{y}ā bir kurt, goštánā loíäḭ tā préntī. mardák gúštī: šar, man a-räín, ta wát a-rawā́ḭ zāráttā. janák gúštī: šarr, bra. mardák šut.

janák goštánā pakkítī o parzonágäḭ tā goštánā patáptī o rādág būt. garrók dístī: janák råṵt. garrók arkát kurt, ša janákkäḭ pānā́dā šut, yak górre tā putrít. janák átī, zāráttā nazínk kúrtī. garrók tawā́r kurt janákkā, gúštī: engūrí ma yā kẹ tī puč nāpā́k ant. janák gúštī: yā aṵlī^{y}ā́, man tī kurbā́n-un, yak árze dārín. garók gušt: man tī arzā́ zūrín, ta parzonágā bil amódā, pa yak šárte kẹ man yak abáre gušín, agár ta mnī abárā bzū́räḭ. janák gúštī: pa čammā́n. garók gúštī kẹ amā́ pābánde kẹ bẹ šmäḭ gisā́ḭ

придет!“ но как только он стал подходить к тебе, ты убежал!» Мужчина сказал: «ну, хорошо, что мне теперь делать?» Женщина сказала: «сегодня я пойду на богомолье! возьми и приведи мне козленка и зарежь его для меня, а я сварю и отнесу на богомолье». Мужчина сказал: «хорошо!» Женщина сказала: «хоть бы плешивый и его дядя ослепли!» Мужчина сказал: «ну, хорошо, я пойду за козленком, а ты пока замеси тесто! я тем временем приду». Женщина сказала: «хорошо, приходи скорее!» Мужчина пошел, быстро нашел и привел козленка и сказал женщине: «дай мне нож, я тебе зарежу козленка!» Женщина дала ему нож, и он зарезал козленка. Он быстро содрал с него шкуру и нарезал мясо на куски. Женщина поставила котел и положила мясо в котел. Мужчина сказал: «ну, хорошо, я пойду, а ты тоже иди на богомолье!» Женщина сказала: «хорошо, иди!» Мужчина ушел.

Женщина сварила мясо, завернула его в скатерть и собралась. Плешивый видит: женщина идет. Плешивый поднялся, пошел в стороне от женщины и спрятался в одной могиле. Женщина подошла и приблизилась к месту богомолья. Плешивый закричал женщине: «не подходи сюда, так как твое платье не чисто!» Женщина сказала: «о святой, да стану я твоей жертвой! у меня есть просьба». Плешивый сказал: «я исполню твою просьбу, оставь там свой сверток! только при условии, что я скажу тебе нечто и ты будешь хранить мой наказ!». Женщина сказала: «пуще глаза!» Плешивый сказал: «зарежь того барана, который

dapā́ int, amā́ pābándā pkúšäi̯ o garrók o nākóī tā säi̯ šap o roč am̥-awā̆nā pābándäi̯ goštā́nā bẹ māwā́n bdā́äi̯, ta o tī yār š-amā́ goštā́n ma wárit. gúḍā garrók o nākóī ša säi̯ šap o ročā́ gúḍā kór bayánt. ǰanák gúštī: pa čammā́n. amódā goštā́nā go parzonágā íštī o rādág būt.

garrók katráe gidá ša gorā́ dár kapt o goštā́nā go parzonágā zurt o rādág būt. ā́tī watí nākóäi̯ā, goštā́nā watí nākóäi̯ demā́ íštī. nākóī gúštī: ta e goštā́nā ša gujā́ āúrtäi̯? garrók gúštī: ta či kār dārā́i̯? watí goštā́ bⁿår, bgard. e āngāt kámm ant, begáī pābándäi̯ góšt a-warā́i̯. man trā yak pánte däín, ta mnī abárā bzūr. ešī nākó gúštī: šarr, man tī abárā zūrín. garrók guštī: mašmā́ bi gisā́i̯ tā brawán, mašmā́ rā ǰanák tā säi̯ šap o roč pābándäi̯ gošt dant. säi̯ roč kẹ purá būt, ta bguš kẹ wāx! mnī čam kor bū́tant, šaᵗ tī padā́ man am gušín kẹ wāx! mnī čam am kor bū́tant. pīra-mardúk gúštī: šar.

roč begā́ būt. garrók káᵐme dār baḍā́ kurt. eš o nākóī šútant gisā́. ǰanák ešā́nā maróčī zabr xizmát kúrtī. ešā́nī demā́ pābándäi̯ gošt āwúrt, ešā́nā tā säi̯ roč zabr xizmát kúrtī, pa kārā́ nā́i̯štī. säi̯ roč kẹ purrá būt, garrókäi̯ nākó gúštī: wāx! mnī čam kor bū́tant. š-āí padā́ garrók gúštī: wāx! mnī čam am kor bū́tant. pīramardúk ǰanákā gúštī: pa man yak ǰullúke pren, mnī dastā́ bgir, mnā bẹ mā gokā́nī kulunḍā́i̯ kiníkkā pren.

откармливается у дверей вашего дома, и три дня корми плешивого и его дядю этим мясом, а сама ты и твой возлюбленный этого мяса не ешьте: через трое суток плешивый и его дядя ослепнут». Женщина сказала: «пуще глаза!» оставила там мясо и скатерть и пошла.

Немного погодя, плешивый вышел из могилы, взял мясо и скатерть и пошел. Он пришел к своему дяде и положил перед ним мясо. Его дядя сказал: «откуда ты принес это мясо?» Плешивый сказал: «что тебе за дело? ешь свое мясо и иди! этого еще мало, вечером ты будешь есть кормленого барана! я дам тебе один совет, а ты делай, как я скажу!» Его дядя сказал: «хорошо, я буду делать, как ты скажешь!» Плешивый сказал: «мы пойдем домой, и та женщина трое суток будет давать нам мяса кормленого барана, а когда пройдет три дня, ты скажи: „ох! мои глаза ослепли!“ вслед за тобой и я скажу: „ох! мои глаза ослепли!“» Старик сказал: «хорошо!»

Наступил вечер. Плешивый взял на спину немного дров, и он и его дядя пошли домой. В этот день женщина хорошо ухаживала за ними и принесла им мяса кормленого барана. Три дня она хорошо ухаживала за ними и не заставляла работать. Когда прошло три дня, дядя плешивого сказал: «ох! мои глаза ослепли!» За ним и плешивый сказал: «ох! и мои глаза ослепли!» Старик сказал женщине: «набросай мне тряпья и возьми меня за руку и положи

ǰanák gāl-pa-gāl, p-eší yak koná ǰullúke préntī, eší dastā́ gíptī, burt bẹ amā́ kulúnḍäi̯ kiníkkā, gúštī: amédā kap. ǰanák šut bẹ gisā́.

ǰanákkäi̯ yār ā́tī, be tawā́rā bẹ gisā́i̯ tā putrít. ǰanák watí yārā́ gúštī: man tā-wáxte bẹ gisā́n raín o kāín, ta amédā bwasp, garrók o nākóī kor bū́tant, ta anū́n pa če trussā́i̯? mardák gušt: man am na trusín šä ešā́n. ǰanák gúštī: šar, man a-raín, ta amédā bwasp. ǰanák garrókā gúštī: man raín bẹ alkā́ o kāín. ta gisā́i̯ dapā́ tā-wáxte mnīnd. garrók gúštī: mnā yak láṭṭe bdäi̯ kẹ áre yā múrge ma ā̄i̯t gisā́i̯ tā. ǰanák ešā́ yak láṭṭe dā́tī, wat šut bẹ alkā́ pa gaštínā, ǰanák pa watí yārā́ dulmá bír kurt-at.

garrók arkát kurt, čammā́nā pač kurt, säi̯l kúrtī ,išk o áškā, ič ka näi̯nt, dístī tā mardák waptá. amé loíäi̯ täi̯ sorén rogínā mardákäi̯ dapā́i̯ tā rétī. mardákäi̯ dap sútī. sorén rogín mardákäi̯ tā šutant. mardák lagattúk ǰat. mardákäi̯ napás šut. garrók āt, watí ǰāgā́ ništ.

yak katráe gidá ǰanák āt. ǰanák ki gisā́i̯ dapā́ āt, garrók go me laṭṭā́ yáke bẹ ǰanákkäi̯ lingā́n ǰátī. ǰanák piryā́t ku, garrók gúštī: bā-a-bäi̯! tá-wäi̯, tátī! na zā́ntun kẹ tá-wäi̯, man gúštun, bálkẹ áre. ǰanák gúštī: šarr, zalár näi̯nt. ǰanák šut bẹ gisā́i̯ tā, mardákā ṭuíttī (ṭuk-ṭuk ǰátī ki bustīt),

---

около коровника!» Женщина с радостью набросала для него старого тряпья, взяла его за руку, отвела его к коровнику и сказала: «ложись здесь!» а сама пошла домой.

Пришел ее возлюбленный и, не спросившись, вошел внутрь. Женщина сказала своему возлюбленному: «я схожу пока в несколько домов и вернусь, а ты здесь полежи! плешивый и его дядя ослепли, чего тебе теперь бояться?» Мужчина сказал: «я их и не боюсь!» Женщина сказала: «ну, хорошо, я пойду, а ты здесь лежи!» Плешивому она сказала: «я схожу в селение и вернусь, а ты пока посиди у входа в дом!» Плешивый сказал: «дай мне палку, чтобы осел или курица не забрались в дом!» Женщина дала ему палку, а сама пошла походить по селению. А еще раньше та женщина поставила вариться для своего возлюбленного мясо в сале.

Плешивый поднялся, открыл глаза и осмотрелся кругом: никого нет! Он увидел, что мужчина заснул, взял из котла кипящее сало и вылил ему в рот. Его рот сгорел, кипящее масло прошло ему внутрь, он затрепетал, и душа из него вышла. Плешивый пошел и сел на свое место.

Немного погодя, пришла женщина. Когда она подошла к двери, плешивый ударил ее палкой по ногам. Женщина закричала. Плешивый сказал: «ой-ой! это ты, тетя! я не знал, что это ты! я думал, наверное, это осел!» Женщина сказала: «ну, ничего!» Женщина пошла в дом и стала кликать мужчину,

dístī: mardák na ustít, säi̯l kurt, tā mardák murtá. janák arkát kurt, garrókā gúštī kẹ mašmā́i̯ gisā́ memā́n^{e} ātá, amédā amé memā́n murtá. garrók gúštī: man wat kór-un, čón kanīn? janák gúštī: yak kā́re pkan kẹ mašmā́ ba^{n}-nām bayán, amé mardákā barán, yak jā́e kurm o konḍ pkanán. garrók gúštī: mnī čam kor ant. man íččī na gindín. janák gúšt: yak γai̯ráte pkan, man tī dastā́ girín, gúḍā am trā yak kūzáge zar am däín. garrók gúštī: šarr, pa yak šárte kẹ ta am mnī dastā́ bgirā́i̯. janák gušt: šar, brawán.

átant, janák mardakā́ bẹ garrókäi̯ baḍḍā́ dāt. janák garrókäi̯ dastā́ gipt, šútant. bẹ yak jā́e garrók mardakā́ préntī. janák gúštī: pa če préntäi̯? garrók gúštī: man š-e ziyā́t burtá na kanín. janák gúštī: e rāā́i̯ sarā́ préntäi̯, bálkẹ mardúme bā́i̯t, gúḍā čón a-kanäi̯? garrók gušt: magá man kuštā́-un-ī? janák gúštī: tī xai̯rát a-baín, ta ešā́ báḍ pkan, man trā ar če loṭā́i̯, däín. yak gidá kūzáge zar am däín. garrók gúštī: ta in ka zarā́ ša gujā́ a-kārā́i̯? janák gúštī: mašmā́i̯ julānī čérā du kūzág zar dārít, amāwánā trā däín. garrók gúštī: šarr, ta kẹ mnā nā́-i̯läi̯, mnī baḍḍā́ bdäi̯. janák mardákā garrókäi̯ baḍḍā́ dāt. janák demā́ būt, garrokā́i̯ dastā́ gipt. ^{y}e ^{y}ešā́ búrtant, bẹ rodā́i̯ tā préntant.

чтобы вставал. Она увидела, что он не встает, посмотрела, а тот мертв! Женщина засуетилась и сказала плешивому: «к нам в дом пришел гость, и здесь этот гость умер!» Плешивый сказал: «я ведь слепой! что я могу сделать?» Женщина сказала: «постарайся что-нибудь сделать, а то мы будем опозорены! давай, унесем этого человека и зароем его где-нибудь!» Плешивый сказал: «мои глаза слепы! я ничего не вижу!» Женщина сказала: «постарайся как-нибудь! я возьму тебя за руку, а потом дам тебе еще горшок с золотом!» Плешивый сказал: «хорошо, но с условием, что ты возьмешь меня за руку!» Женщина сказала: «хорошо, пойдем!»

Они подошли, и женщина взвалила мужчину плешивому на спину. Женщина взяла плешивого за руку, и они пошли. В одном месте плешивый сбросил тело мужчины. Женщина сказала: «зачем ты бросил?» Плешивый сказал: «я больше не могу нести!» Женщина сказала: «бросил у самой дороги! еще подойдет кто-нибудь, что тогда будешь делать?» Плешивый сказал: «разве я убил его?» Женщина сказала: «да буду я твоей жертвой! положи его к себе на спину, и я тебе дам все, что захочешь! дам тебе еще другой горшок с золотом!» Плешивый сказал: «откуда ты возьмешь столько золота?» Женщина сказала: «под нашими постелями есть два горшка золота, и я их тебе отдам!» Плешивый сказал: «хорошо, раз ты не отстаешь от меня, клади его мне на спину!» Женщина положила тело мужчины плешивому на спину. Женщина пошла вперед и взяла плешивого за руку. Они его понесли и бросили в реку.

gúḍā garrók čammánī páč kurt, ǰanákā gúštī: tī pisā́ bgā́īn, go tī trū-giríā! ǰanák gušt: pa če? garrók gúštī: šar, bẹ^{t} ta mālū́m a-kanín. garrók ǰanákā gíptī, bā́l āúrt, ǰat bẹ rodā́i̯ miyānǰínā, wat šut bẹ watí nākówäi̯yā. gúḍā ar če māl o čīz o ǰul múččānā laḍḍít o zúrtī o rādág būt. šut, bẹ watí alkā́ rast. š-amódā ǰístun o bástun, pa wat īmā́ne ā^{w}úrtun, pa^{t} ta dištáre ā^{w}úrtun.

XVIII

būt būt, čap ša xudā́ káse na būt. yak wáxte at. yak pīra-gúrke at. e pīra-gúrk ša gušnagíyā bẹ watí kunḍā́i̯ dapā́ kapt-átī. yak warnā́en gúrke āt, dístī: édā yak pīra-gúrke kaptá, gúštī: äi̯ bābā́, ta pa če édā kaptág-äi̯? e pīra-gúrk gúštī: äi̯ parzínd, čéwā pursā́i̯? ā warnā́en gurk gúštī: ta go man bguš, ar árze dārā́i̯, man tī abárā zūrín. ā pīra-gúrk gúštī: waxt kẹ amā́^{i} at, tamā́m pīra-gúrk sér atant. annū́n amā́ rā säi̯lā́ ná kanit. e warnā́en gurk gúštī: šar, bguš. pīra-gúrk gúštī: agá ta š-ā́ pis u pīrúkānī zāg äi̯, maróčī ta m^{i}nā ša dummágā sér a-kanā́i̯. gúḍā pīra-gúrk gúštī: äi̯ warnā́, tī

Тогда плешивый открыл глаза и сказал женщине: «совокуплюсь с твоим отцом! хоть ты и тетка названная!» Женщина сказала: «за что?» Плешивый сказал: «ладно, уж я тебе объясню!» Плешивый схватил женщину, поднял кверху и бросил на середину реки, а сам пошел к своему дяде. Потом он уложил и забрал все, что было имущества, вещей и платья, пустился в путь и добрался до своего селения. Оттуда я выскочил, завязал, себе приобрел благополучие, тебе привел невесту.

(XVIII. О старом и молодом волке)

Было-было, кроме бога, никого не было. Когда-то был один старый волк. Этот старый волк от голода лег у своего логовища. Подошел один молодой волк, увидел, что лежит старый волк и сказал: «батюшка, зачем ты здесь лег?» Старый волк сказал: «что ты спрашиваешь, сынок?» Молодой волк сказал: «ты скажи мне: если у тебя есть какая-нибудь жалоба, я сделаю, что ты скажешь». Старый волк сказал: «в наше время все старые волки были сыты, теперь же вы на нас не обращаете внимания». Молодой волк сказал: «хорошо, говори же!» Старый волк сказал: «если ты сын тех отцов и дедов, ты накормишь меня сегодня курдючным салом!» Потом старый волк сказал: «ну,

mardíyā bgindín. warnā́en gurk gúštī: šar, ta go man brawán, man tʲrā ša dummágā sér a-kanín. e pīra-gúrk gúštī: šar, gindín tī γäi̯rátā.

e warnā́en gurk demā́ būt, pīra-gúrk bẹ padā̆i̯ būt. šútant yak ǰā́e. e pīra-gúrk gúštī: man šutá na kanín, ta bʲra, ar číze kārā́i̯, biyā́r. e warnā́en gurk šútī, yak ǰā́e dístī yak ramáge. e šut kẹ páse bdúzīt. ya ga kučák ešā́ dístant, ešā́ gón káptant. e dístī, mnā kučák nazík kurtág ant. e rāstám bẹ pīra-gúrkäi̯ sarā́ āt. e pīra-gúrk dístī, čon kučákānā bẹ mnī sarā́ kārít, yag ga watí liṭíkā bẹ watí wangā́ ǰátī. ā warnā́en gurk āt o gwástī. e kučák dístant: édā čonén gúrke! édā kučák trusítant, pádā šútant. e pīra-gúrk karā́-karā́ šútī, bẹ watí kunḍā́i̯ dapā́ káptī.

yak čunt roč amédā pīra-gúrk kápt at, dist kẹ duwārá yak warnā́en gúrke āt, gúštī: äi̯ bābā́ⁱ pīr, ta pa če édā kaptág äi̯? e pīra-gúrk gúštī: äi̯ parzínd, ta čćwā pursā́i̯? e warnā́en gurk gúštī: ar árze dārā́i̯, go man bguš. e pīra-gúrk gúštī: awál yak čunt róče bīt kẹ yak warnā́en gúrke āt, mnā gušt: ta pa če édā kaptág äi̯? man gúštun: ša bewakíʸā, ša pīríʸā kaptá un. mnā gúštī: go man brawán, trā ša dummágā sér a-kanín. man gw-āí šútun. ā šut kẹ páse bʲyā́rīt. kučák ā́e rā gon kaptág ant, kučákānā rāstám bẹ mnī sarā́ āʷúrt. man dístun tā kučák mnī kārā́ xarā́b a-kanánt,

---

молодец, посмотрю на твое молодечество!» Молодой волк сказал: «хорошо, пойдем со мной, я накормлю тебя курдючным салом!» Старый волк сказал: «хорошо, посмотрю на твою удаль!»

Молодой волк был впереди, старый волк позади. Они пошли в одно место, и старый волк сказал: «я не могу итти! ты иди и принеси всё, что найдешь!» Молодой волк пошел и увидел в одном месте стадо. Он пошел, чтобы стащить овцу. Вдруг собаки его увидели и бросились за ним. Он видит: собаки ведь меня настигают! и прямо устремился к старому волку. Старый волк видит: что́ это? ведь он ведет ко мне собак! и тотчас поднял дыбом свой хвост. Молодой волк подбежал и пробежал мимо. Собаки стали смотреть: что это за волк здесь! испугались и вернулись. Старый волк медленно пошел и лег у входа в свое логовище.

Несколько дней лежал там старый волк и увидел, что опять подходит один молодой волк. Он сказал: «батюшка, что ты здесь улегся?» Старый волк сказал: «что ты спрашиваешь, сынок?» Молодой волк сказал: «если жалуешься на что-нибудь, скажи мне!» Старый волк сказал: «вот уже несколько дней, как приходил один молодой волк и говорил мне: „что ты здесь улегся?“ я сказал, что лег здесь от одиночества и старости; он сказал мне: „пойдем со мной, я накормлю тебя курдючным салом!“ и я пошел с ним; он пошел, чтобы привести овцу; собаки бросились за ним, и он привел их прямехонько ко мне;

man watí litíkā bẹ watí wangá játun, e kučák trusítant, pádā šútant, gúḍā man átun watí jāgá. amédā tā róčẹ maróčī kaptá un, duwārá man amá gurká na dístun. annūn ta kāäi̯ kẹ čo amá gurkäi̯ā pkanäi̯. e warnáen gurk gúštī: man ā ḍawlén kār ná kanín. e pīra-gúrk gúštī: ta kí zág äi̯? e warnáen gurk gúštī: man plāná gurkäi̯ zág un. pīra-gúrk gušt: tī pis zoráken ḍilāwáren gúrke at. e warnáen gurk gúštī: man amá pisäi̯ zág un. pīra-gúrk gušt: ā rang bīt, maróčī tī γai̯rátā bgindín. gúštī: šar, kẹ mnī γai̯rátā gindäi̯, brawán.

e warnáen gurk demá būt, pīra-gúrk āí padá būt, šútant bẹ ramágäi̯ kiníkkā. warnáen gurk gúštī: ta amédā mnínd, man raín. e warnáen gurk šut ramágäi̯ kiníkkā, bẹ yak gazze tā putrít. ramág rāstám bẹ gurkäi̯ sará āt, gurk arkát kurt, yak sad pas bulúk kurt. š-amédā tā mā pīra-gúrkäi̯ā ān-čo dirt o šut. yak čunt pasā bẹ pīra-gúrkäi̯ išk-w-áškā kušt o prent. annū pīra-gúrkā gúštī: bᵘår kẹ ta pa dummágā gaštäi̯. e pīra-gúrk wart, ā warnáen gurk bẹ raá ša ar jáe yak lunká gípt-at o wat rā sér kurt-at. pīra-gúrkā gúštī: agá e kam ant, pa ta gidá biyárīn. e pīra-gúrk gúštī: na, xäi̯r gindäi̯, bás-int. e warnáen gurk gúštī: man a-raín, ta tā wáxte amešánā bᵘår o bgard, ar waxt alás būtant, man duwārá ar če lóṭäi̯, man

---

я увидел, что собаки мне всё напортят, и задрал свой хвост дыбом, собаки испугались и повернули обратно. Потом я опять пошел к себе и лежу здесь до сегодняшнего дня, того волка я больше не видел! а теперь вот ты приходишь и поступишь, как тот волк!» Молодой волк сказал: «я так не поступлю!» Старый волк сказал: «ты чей сын?» Молодой волк сказал: «я сын такого-то волка». Старый волк сказал: «твой отец был очень отважный волк». Молодой волк сказал: «я сын своего отца!» Старый волк сказал: «пусть будет так! посмотрю сегодня на твою удаль!» Тот сказал: «хорошо, хочешь смотреть на мою удаль, так идем!»

Молодой волк был впереди, старый волк сзади него. Они подошли к стаду, и молодой волк сказал: «ты здесь побудь, а я пойду». Молодой волк подошел к стаду и спрятался в кустарнике. Стадо подошло прямехонько к волку. Волк встрепенулся, отделил около сотни овец и пошел их рвать и гнать к тому месту, где был старый волк. Он зарезал их несколько, бросил около старого волка и сказал старому волку: «ешь! ты ведь стремился к курдючному салу!» Старый волк принялся есть, а молодой волк еще по дороге хватал себе отовсюду по куску и насытился. Он сказал старому волку: «если этого мало, я тебе еще принесу!» Старый волк сказал: «нет, спасибо, молодчина! довольно!» Молодой волк сказал: «ешь пока и гуляй, а когда кончится, я тебе

pa^{t} ta kārín. e pīra-gúrk bāzén duwā́e kurt. gúḍān ā warnā́en gurk šútī. e pīra-gúrk amédā wart o gašt. š-amódā jístun o bástun, pa wat imā́ne ā^{w}úrtun, pa^{t} ta dištáre.

XIX

būt būt, čap ša xudā́ káse na būt. yak wáxte at. yak gúrke at. e gurk yak šápe wápt-atī, yak wā́be dístī kẹ man säi̯ lunká čarpén wártun. tā́rī kẹ roč būt, e gurk bẹ watí wābā́i̯ randā́ šútī.

yak jāgā́e āt, dístī kẹ yak áre. e gurk gúštī: wā, ar, man trā warín. ar gúštī kẹ mnā wartínā warā́i̯, amā́ mnā ya ga suwā́r bā̄i̯, gúḍā mnā bor. yáke améš int: γadímā š^{n}mäi̯ pis o pīrúk zorák suwār-kā́r ā́tant. e gurk gúštī kẹ man amā́ pisā́nī zā́g un. ar gúštī: šar, bẹyā́ suwā́r bā̄i̯. gurk āt, ešā́ suwā́r būt. e ar gúštī: čamā́nā band. gurk gúštī: šar. čamā́nā bástī, arā́i̯ sarā́ suwā́r būt, ar ešā́ rāstám bẹ alkā́i̯ tā búrtī. ya ga alkā́i̯ mardúm sā́i̯l kurtant kẹ arā́i̯ sarā́ gúrke. ya ga kučákānā bẹ gurkā́i̯ padā́ préntant. gurk watí čamā́nā páč kurt, dístī tā ar mnā bẹ alkā́i̯ tā āurtá, wat rā ša arā́i̯ sarā́ préntī. kučák bi āí padā́ káptant, ešā́ gón káptant. e gurk wat rā pa yak balā́e alā́s kúrtī š-e kučákānī dastā́.

опять принесу все, что захочешь!» Старый волк много молился и благодарил. Молодой волк ушел, а старый волк здесь ел и бродил. Оттуда я выскочил и завязал, для себя приобрел благополучие, для тебя привел невесту.

(XIX. О глупом волке)

Было-было, кроме бога, никого не было. Когда-то был один волк. Однажды ночью этот волк спал и видел сон: вот я съел три жирных куска! На утро, когда наступил день, этот волк отправился за своим сном.

Он пришел в одно место и увидел там осла. Волк сказал: «ох, осел, я тебя съем!» Осел сказал: «есть-то меня ешь, только сначала садись на меня верхом, а потом уже ешь! ведь в старину ваши отцы и деды были отличными наездниками!» Волк сказал: «я сын тех отцов!» Осел сказал: «хорошо, иди же и садись верхом!» Волк подошел и сел на него верхом. Осел сказал: «закрой глаза!» Волк сказал: «хорошо!» Он закрыл глаза и сидел верхом на осле, а тот отвез его прямехонько в селение. Жители селения стали всматриваться: на осле волк! Они сразу спустили на волка собак. Волк открыл глаза и увидел: да ведь осел привез меня в селение! Он соскочил с осла, но собаки бросились на него и пустились за ним в погоню. Насилу-насилу волк высвободился от этих собак.

gúḍā šut bẹ yak ǰāgā́e, dístī yak páse. e gurk gúštī: äi̯ pas, xudā́ tⁱrā čon rasentá, man trā warín. e pas gúštī: xudā́ mudā́m a-rasenít, amā́ yak katráe čammā́nā band, man pa ta yak ráxse pkanín. gurk gúštī: šar. gurk kẹ čamā́nā bástī, e pas sẹṭúke ǰat kẹ ya ga rāst kúrtī. gurk čamā́nā pač kúrtī, arkát kúrtī, bẹ burzágäi̯ sarā́ bālā́ būt, sā́i̯l kúrtī tā pas pa guǰā́ rot. gúḍā gurk gúštī bẹ dilā́ kẹ agár man bräín, duwārág kučák mⁱnā gón a-kapánt, bẹyā́ kẹ má räín. amā́ int kẹ gurk na šútī.

duwārág yak sū́ne rādág būt, yak ǰā́e āt, dístī yak uštíre. gurk gúštī: äi̯ uštír, xudā́ tⁱrā čon rasentá! uštír gúštī: xudā́ ar waxt rasenít. uštír gúštī: mⁱnā wartínā warā́i̯, amā́ mnī sīnágäi̯ čérā yak kitā́be ast, amā́ kitā́bā bwā́näi̯, gúḍā mnī sīnág kaḍák bīt, gúḍā mnā bor. yáke améš int kẹ γadímā šⁿmäi̯ pis u pīrúk zorák mullā́ átant. e gurk gúštī: man amā́ pis u pīrúkānī zā́g un. arkát kúrtī, bẹ uštíräi̯ čérā putrítī, uštír wat rā ešī sarā́ préntī, ešā́ lagáštī-lagáštī. gúḍā gurk wat rā pa yak balā́e alā́s kúrtī.

š-amédā rāstám bẹ watí kunḍā́ šútī. ódā watí liṭíkā démẹ kunḍā́ kúrtī. gúḍā gúštī wat rā kẹ äi̯ gúrkẹ beákl, tī pis raxsgír at yā tī pīrúk? ā š-ā́ arā́ būt kẹ ša tī demā́ ǰístī, šar, ā am ǰandúm! e š-ā́ pasā́ būt kẹ ša tī

Потом он пошел в одно место и увидел овцу. Волк сказал: «овца, как это бог тебя привел! я тебя съем!» Овца сказала: «бог всегда направляет! но закрой ненадолго глаза, я тебе спляшу!» Волк сказал: «хорошо!» Как только волк закрыл глаза, овца сделала прыжок и ускользнула. Волк открыл глаза, вскочил, поднялся на пригорок и стал смотреть, куда пойдет овца. Потом он сказал про себя: «если я пойду, собаки опять набросятся на меня! лучше уж не ходить!» Так волк и не пошел.

Опять он отправился в одну сторону, пришел в одно место и увидел верблюда. Волк сказал: «верблюд, как это бог тебя привел!» Верблюд сказал: «бог всегда направляет!» Потом верблюд сказал: «есть-то меня ешь, только под грудью у меня есть книга, и когда ты прочитаешь эту книгу, в моей груди образуется отверстие, тогда и ешь меня! к тому же ведь отцы и деды ваши были отличные грамотеи!» Волк сказал: «я сын тех отцов и дедов!» Он двинулся и забрался под верблюда. Верблюд на него навалился и стал его мять и жать. Насилу-насилу волк от него вырвался.

Оттуда он направился прямехонько к своему логовищу. Там он повернулся хвостом к логовищу и сказал сам себе: «глупый волк, твой отец был плясуном или дед? с тем ослом вышло так, что он убежал у тебя из-под носу! ладно! ну, его в ад! с той овцой вышло так, что она убежала у тебя из-под

demā́ jístī, šar, ā́ am jandúm! e š-ā́ ustírā būt kẹ tī jindā́ kúšt-at. e gurkā́i̯ kunḍā́i̯ tā yak dúzde bāzén číze āwurt-át, wat am bẹ kunḍā́i̯ tā́ at. e gurk kẹ e ḍol gúštī, duz[d] dastā́nā bālā́ čítī, arkát kurt, gurkā́i̯ liṭíkā gíptī, ešā́ yak dā laṭ játī. e gurkā́i̯ napás šútī. jístun u bástun, pa wat imā́ne āwúrtun, pa ta dištáre āwúrtun.

XX

būt būt, yak mullā́ robā́e at. e mullā́ robā́ zoráken balā́e at. yak róče ša spantānān bāzéne čítī u bi daságe awálā kaḍák ku, gúḍā mán kašít bi yak daságe u bi watí guṭā́ ku, malangíen puč bi watí gwarā́ kurt u šut bi šéräi̯yā. šer ki mullā́ robā́ ša dū́rā ki dist, salā́m dāt, gúštī: salā́m aläi̯k, mullā́ robā́. mullā́ robā́ alā́i̯k kúrtī. šer pursítī ki mullā́, ajábe ki amā́ rā maróčī yā́t kurtäi̯. mullā́ robā́ jawā́b gardént ki brawán bi ziyārátā. šer gúštī: tā brawán, bi gisā́ tā mnind, man šagā́lā dém a-daín, ki agdárānā bgúšīt ki biyā́yant. ā́tant bi šerā́i̯ gisā́. šer šagā́lā loṭítī ki bra, agdárānā múččānā bguš ki biyā́yant ki rawán bi ziyārátā.

šagā́l š-amódinā šut, awálā bi pilángäi̯ gisā́, gúštī: šmā́ rā šer gúštī ki bā́ndā ukmánā biyā́it bi mnī gisā́ ki mullā́ robā́ ātagí bi gisā́ ki bā́ndā

носу! ладно! ну, ее в ад! с тем верблюдом вышло так, что он тебя самого убил было!» А в логовище этого волка один вор натаскал много вещей, и сам еще был в логовище. Пока волк так говорил, вор засучил рукава, двинулся, схватил волка за хвост и ударил его раз десять палкой, так что душа из волка вон вышла. Я выбежал, завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел невесту.

(XX. О лисице-мулле)

Было-было, была одна лисица-мулла. Эта лисица-мулла была очень хитра. Однажды она набрала много зерен руты, сначала проделала в них отверстия, потом нанизала на нитку и надела на шею, оделась в дервишескую одежду и пошла ко льву. Лев еще вдали завидел лисицу-муллу, поклонился и сказал: «мир тебе, лисица-мулла!» Лисица-мулла ответила на приветствие. Лев спросил: «что это, мулла, ты сегодня меня вспомнил?» Лисица-мулла сказала в ответ: «пойдем на богомолье!» Лев сказал: «пока пойдем, ты посиди у меня дома, а я пошлю шакала передать другим, чтобы пришли!» Они вошли ко льву в дом. Лев велел шакалу: «иди, скажи всем другим, пусть придут: мы, мол, идем на богомолье».

Шакал пошел сначала в дом к барсу и сказал: «лев сказал вам: „завтра непременно приходите ко мне, потому что пришла лисица-мулла, и мы завтра

rawán bi ziyārátā. amé plang gúštī: ta bra, agdárānā bguš, man bándā āzír a-baín. amé šagál š-amódinā šut bi babrā̆i̯ gisá, babrá gúštī: šmā ra šer guštagí ki bándā mutlaxán biyáit bi mnī gisá ki mullá robá ātagí bi gisá, rawán bi ziyārátā. babr šagálā gúštī ki ta bra, agdárānā bguš, man bándā mutlaxán a-kāín. šagál š-amódinā sar gipt u āt bi gurkā̆i̯ gisá, gurká gúštī ki trā šer guštagí ki bándā ukmánā biyā̆i̯ bi gisá ki mullá robá ātagí bi gisá ki bándā rawán bi ziyārátā. gurk gúštī: ǰuwán int-a, ta bra, pīlá bguš ki biyánt, man bándā ukmánā kāín bí šerā̆i̯ gisá. amé šagál š-amódinā āt bi pīlā̆i̯ gisá, pīlá gúštī: trā šer guštagí ki bándā ukmánā biyā̆i̯ bi mnī gisá. amé pīl gúštī: pa čéwä̆i̯ xātírā? amé šagál ǰawáb dāt ki mullá robá ātagí bi gisá ki bándā rawán bi ziyārátā. pīl gúštī: man bándā ukmánā kāín, ta bra bi gisá. amé šagál gúštī: nápa bāz ǰuwán int-a, man a-raín, magá ta bándā ukmánā biyāyā̆i̯. pīl gúštī: ta bra, man ki gúštun: kāín, bzánä̆i̯ ki kāín. karár šagál š-amódinā átī bi gisá. šer pursít ki múčānā sí kurtä̆i̯? šagál ǰawáb gardént ki ān, aγá, múčānā sí kurtun.

karár tāríenā múčī átant bi šerā̆i̯ gisá, dístant tā mullá robá amédinā ništagí. átant, salám dátant. mullá alā̆i̯k kurt, gúštī ki maróčī mašmá rawán bi ziyārátā. múčī ǰám bútant u rādág bútant. mullá u šer u babr u plang bi

---

отправляемся на богомолье!“» Барс сказал: «иди сообщить другим, а я завтра явлюсь!» Отсюда шакал пошел к тигру и сказал тигру: «лев сказал вам: „завтра обязательно приходите ко мне, потому что пришла лисица-мулла, и мы отправляемся на богомолье!“» Тигр сказал шакалу: «иди сообщить другим, а я завтра обязательно приду!» Шакал собрался и пошел оттуда к волку. Он сказал волку: «лев сказал тебе: „завтра непременно приходи ко мне, потому что пришла лисица-мулла, и мы завтра отправляемся на богомолье!“» Волк сказал: «хорошо, иди сказать слону, чтобы приходил, а я завтра непременно приду ко льву в дом!» Шакал пошел оттуда к слону в дом и сказал слону: «лев сказал тебе: „завтра непременно приходи ко мне“!» Слон сказал: «чего ради?» Шакал ответил: «лисица-мулла пришла, и мы завтра отправляемся на богомолье!» Слон сказал: «я приду непременно, иди домой!» Шакал сказал: «очень хорошо, я пойду, только ты завтра непременно приходи!» Слон сказал: „ты иди, раз я сказал: „приду“, знай, что приду!» Итак, шакал оттуда пришел домой. Лев спросил: «всех известил?» Шакал сказал в ответ: «да, господин, всех известил!»

Итак, на утро все пришли ко льву и увидели, что лисица-мулла сидит здесь. Они подошли и поклонились. Мулла ответил на приветствие и сказал: «сегодня мы с вами отправляемся на богомолье!» Все собрались и пустились

demā́ bū́tant. šútant bi yak ǰāgā́e, gušnág būtant. yak wār šer soǰ kúrtī ki mullā́, gušnág bū́tun. mullā́ robā́ gúštī: amé šagā́l pa če go mašmā́ gón int-a? amé šagā́lā bgírit, bwāpénit, pkušítī. šagā́lā gíptant, kúštant u wártant, wat rā sér kurtant. š-amídinā šútant bi digá ǰāgā́e. yak šápe mā́ntant, pa duwārág šer gušnág būt. šer mullā́ robā́ā gúštī ki man bāz gušnág bū́tun. mullā́ robā́ šérā gúštī: amé gurk mašmā́i̯ mānǰínā čéwă kant? bgírit, ameší rā pkúšit u bórit. gíptant, gurkā́ kúštant u wártant. pa duwārág š-amídinā šútant bi digá ǰāgā́e, pa duwārág šer gušnág būt, gúštī: mullā́ robā́, man gušnág bū́tun. pa duwārág mullā́ robā́ gúštī: amé piláng mašmā́i̯ mānǰínā čéwă kant? bgírit, pkúšitī u goštā́nī bórit. gíptant, pilángā kúštant u goštā́nī wártant, pa duwārág šútant bi digá ǰāgā́e, mā́ntant. pa duwārág šer gúštī: man gušnág bū́tun. mullā́ robā́ gúštī: amé pīl mašmā́i̯ mānǰínā čéwă kant? bgírit, pkúšitī u goštā́nī bórit. gíptant pīlā́, kúštant u goštā́nī wártant.

amé mullā́ robā́ dístī ki digá nā́i̯nt-a. š-amé pīlā́i̯ rotínkān bāzénī gipt, bi watī srená́ bast ki ar ǰā gušnág bīt, buwárt. š-amídinā šútant bi digá ǰāgā́e, yak šápe mā́ntant. šer gúštī: ta u babr amédinā mníndit, man a-raín pa šikā́rā. mullā́ robā́ gúštī: bāz ǰuwā́n int-a. šer šut pa šikā́rā. der

---

в путь. Мулла, лев, тигр и барс были впереди. Они дошли до одного места и проголодались. Вдруг лев сказал: «мулла, я проголодался!» Лисица-мулла сказала: «зачем этот шакал вместе с нами? возьмите этого шакала, повалите его и убейте!» Шакала схватили, убили и съели; насытились. Отсюда они пошли в другое место, ночь переночевали, и опять лев проголодался. Лев сказал лисице-мулле: «я очень проголодался!» Лисица-мулла сказала льву: «что́ делает среди нас этот волк? возьмите, убейте его и съешьте!» Волка схватили, убили и съели. Опять они пошли отсюда в другое место, опять лев проголодался и сказал: «лисица-мулла, я проголодался!» Опять лисица-мулла сказала: «что́ делает среди нас этот барс? возьмите, убейте его и мясо съешьте!» Барса схватили, убили и его мясо съели. Опять они отправились в другое место и остановились, и опять лев сказал: «я проголодался!» Лисица-мулла сказала: «что́ делает среди нас этот слон? возьмите, убейте его и мясо съешьте!» Слона схватили, убили и его мясо съели.

Лисица-мулла увидела, что больше никого не остается. Она взяла побольше кишек слона и обвязала их вокруг себя, чтобы, как только проголодается, поесть. Отсюда они пошли в другое место и остановились на ночь. Лев сказал: «ты и тигр оставайтесь здесь, а я пойду на охоту!» Лисица-мулла сказала: «очень хорошо!» Лев пошел на охоту. Он запоздал и долго не прихо-

būt, náy-āt. mullā robā u babr gušnág būtant. amé mullā robá gipt ša watí srená rotínkān, pač kurt u wart. yak wār babr dist, gúštī ki ta ša gujā rotínk a-warāi̯? mullā robā ǰawāb dātī ki man watí lāpā tál dātág-un u ša watí rotínkān kašín u warín. babr beaglén gúštī: man am watí lāpā tál a-daín u ša watí rotinkān a-warín. watí lāpā tál dāt, murt. mullā robā kapt bi sarāi̯, ša goštānī wart, wat rā sér kurtī. dérā šer āt, dístī tā mullā robā bi lāšāi̯ sará int-a u góšt a-wárt. šer gúštī: e pa če murt? mullā robā ǰawāb dāt ki dílī dárd a-kú, watí dilā gipt, tál dāt. šer gúštī: bóran, wat rā sér pkanán u brawán. wártant, wat rā sér kurtant u šútant bi dga ǰāgāe.

yak ṭuén lāxe sará bālā būtant. mullā robā gúštī: wāx armān! waxt, mašmāi̯ pisānī waxt átant! šer gúštī: pa čéwā? mullā robā ǰawāb dāt ki amé lāxā gindāi̯? šer gúštī: ān. amé mullā robā gúštī: mašmāi̯ pis š-amé lāxā áškā prentág-ant. yak wār amé šer gúštī: magá mašmā amā pisānī zāg ná-wan? mán a-prenín. karār ser arkát ku, prent, bi šurānī tā kapt, murt. robā šut bi lāšāi̯ sará, wart, zabr wat rā sér kurt u š-amódinā ǰist u āt bi watí ǰāgā. e ḍau̯l mullā robā āwānā e ḍau̯l ziyān kurt. man š-amódinā ǰístun u átun.

дил. Лисица-мулла и тигр проголодались. Лисица-мулла взяла с своего пояса кишки, развязала их и стала есть. Тигр вдруг увидел и спросил: «откуда это ты ешь кишки?» Лисица-мулла ответила: «я вспорола себе брюхо, вытаскиваю свои кишки и ем их». Глупый тигр сказал: «я тоже вспорю себе брюхо и буду есть свои кишки!» Он вспорол себе брюхо и умер. Лисица-мулла бросилась на его тело, стала есть его мясо и насытилась. Лев пришел поздно и увидел, что лисица-мулла сидит на трупе и ест мясо. Лев сказал: «отчего он умер?» Лисица-мулла ответила: «у него стало болеть сердце, он взял и вспорол его!» Лев сказал: «давай есть, насытимся и пойдем!» Они поели, насытились и пошли.

В одном месте они поднялись на большую скалу. Лисица-мулла сказала: «увы! если бы опять пришло время наших отцов!» Лев сказал: «что так?» Лисица-мулла ответила: «видишь ведь эту скалу?» Лев сказал: «да». Лисица-мулла сказала: «наши с тобой отцы с этой скалы бросались на ту сторону!» Лев тотчас сказал: «разве мы с тобой не дети тех отцов? я брошусь!» Итак, лев напрягся, бросился, упал на камни и скалы и издох. Лисица направилась к его трупу и стала есть; поела как следует,убежала оттуда и вернулась к себе. Так погубила их лисица-мулла. Я оттуда выбежал и пришел.

XXI

būt na būt, ša mašmā̆ i̯ xudā̆ getír kā́se na būt. yak álke at. yak róče-būt, amé alk laḍítant u šútant bi digá jā̆e. amé ki šútant, bi amešā̆nī inke-níyā yak bóḍe u yak kuróse mānt. ar duén bāz gušnág bū̆tant. yak wār yak tā̆se mālidág dístant. amé boḍ go amé kurósā gúštī: bí tā mašmā̆ amé mālidágānā barán, bi dū̆rā bilán u júpt pkanán, ar kas demtírā šut, amé mālidágānīyā sár būt, amé mālidágānā go amāí buwárt. kurós gúštī: nápa bāz juwán int-a, amé mālidágānā zurt u burt, bi dū̆rā išt, wat padoí āt. amé ki ā̆tī, go boḍā̆ gúštī: anū̆n bji. ar duén júpt kúrtant, boḍ demā̆ būt. amé ki boḍ demā̆ būt, yak wār šut, mālidágānī sarā̆ oštā̆t u tawā̆r kúrtī, kurósā gúštī: anū̆n trā am warín, amé mālidágānā am warín. amé badbáxten kurós gúštī: nápa bāz juwā̆n int-a, bor. amé boḍ amé mālidágānā go amé kurósā wártī u š-amódinā šut bi yak jāgā̆e.

dístī tā amédínā yak áspe go zen u sanjā̆n int-a u šidág a-jánt u čā̆r a-kánt pa watí wāū̆ndā. yak wār amé boḍ dístī u gúštī: ä i̯ áspi šidagí, agár man trā borín, čón int-a? amé asp gúštī: man yak šidáge deín, ta dil-trák a-baā̆ i̯ u mirā̆ i̯. amé boḍ gúštī: agár man amā̆ baín ki yak tā̆se

---

(XXI. Про вошь-богатыршу)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один табор. Однажды этот табор снарядился и перебрался на другое место. Когда он переселился, на брошенном месте осталась одна вошь и один петух. Оба очень проголодались. Вдруг они увидели миску с тюрей. Вошь сказала петуху: «давай, снесем эту тюрю, поместим подальше от себя, а сами станем рядом друг с другом, и каждый, кто побежит вперед и добежит до тюри, тот съест вместе с тюрей и другого!» Петух сказал: «очень хорошо». Он взял тюрю, отнес и поставил подальше, а сам вернулся. Когда он вернулся, он сказал вши: «теперь беги!» Оба принялись бежать на перегонки. Вошь опередила, и когда опередила, она сразу взяла, стала на тюрю и закричала петуху: «теперь я съем и тебя, и тюрю!» Бедняга петух сказал: «ну, хорошо, ешь!» Вошь съела тюрю вместе с петухом и отправилась оттуда в другое место.

В одном месте она увидела, что там лошадь, оседланная и снаряженная; она ржет и мечется, ищет своего хозяина. Вошь увидела и тотчас сказала: «о ржущая лошадь, что́, если я тебя съем?» Лошадь сказала: «я один раз испущу ржание, у тебя порвется сердце, и ты умрешь!» Вошь сказала:

mālidágā u go yak kuróse wárt atun u man trā anūn bilín? amé aspá gipt, drūwākā wartī.

šut bi yak ǰāgáe, dístī tā amédinā yak leḍáe go ratā čarít. yak wār amé boḍ tawárī kúrtī ki äi leḍáe ratí, trā borín yā na? amé leḍá gúštī: ānčén tī bi mnī padäi tā ziyán a-bít. amé boḍ gúštī: man amá baín ki mālidágānā u go yak kuróse wártun u yak áspe rā go zen u sanǰá wártun, e mnā bgušít: ta bi mnī padäi tā ziyán a-bayäi! amé boḍ amé leḍá gíptī, wártī.

šut bi yak ǰāgáe, dístī tā amédinā yak šikāríe čár a-kánt. yak wār amé boḍ amé šikāríyā gúštī: trā borín yā na? amé šikārí gúštī: man trā go yak tūpáke kundákā kušín. amé boḍ gipt amé šikāríyā, go amé tūpákäi wártī.

šútī bi yak ǰāgáe, bi yak rodäi kirá dístī tā yak gīmāríen ǰanáke watí mašká áp a-kánt. amé boḍ amé ǰanákā gúštī: man trā borín yā na? amé ǰanák gúštī: man agár yak táse āp bi tī sará bréčīn, ta wát a-miräi! amé boḍ gipt amé ǰanákā go amé tāsäi u go amé maškäi wártī.

šut bi yak ǰāgáe, dístī yak šuwānáge. amé šuwānágeā tawár kúrtī ki äi šuwānág, man trā borín yā na? amé šuwānág gúštī: yak padagíen

---

«я—та, кто съел чашку тюри с петухом! и чтобы я теперь тебя оставила!» Она схватила эту лошадь и съела ее целиком.

Потом она пошла в другое место и увидела, что там пасется оседланный верблюд. Тотчас вошь закричала: «о оседланный верблюд, съесть мне тебя или нет?» Верблюд сказал: «такие, как ты, пропадают в моих следах!» Вошь сказала: «я—та, кто съел тюрю с петухом и съел лошадь с седлом и убранством! и этот мне будет говорить: „ты пропадешь в моих следах!“ «Вошь схватила верблюда и съела.

Потом она пошла в другое место и увидела, что там ходит охотник. Тотчас вошь сказала охотнику: «съесть мне тебя или нет?» Охотник сказал: «я тебя убью дулом ружья!» Вошь взяла и съела охотника с его ружьем.

Потом она пошла в другое место и на берегу одной реки увидела, что беременная женщина набирает в мех воду. Вошь сказала этой женщине: «съесть мне тебя или нет?» Женщина сказала: «если я вылью на тебя чашку воды, ты сама умрешь!» Вошь взяла и съела эту женщину с ее чашкой и мехом.

Потом она пошла в другое место и увидела пастуха. Она закричала этому пастуху: «о пастух, съесть мне тебя или нет?» Пастух сказал: «я как ударю тебя

laṭ bi tī sarágā bǰanín, ta wát a-mirā̆i̯. amé boḍ go wat gúštī: man amā̆ baín ki yak tā̆se mālidágānā go yak kuróse wártun u yak áspe rā go zen u sanǰā̆nī u yak leḍáe rā go ratā̆i̯ u yak šikāríe rā go tūpákäi̯ u yak ǰanáke rā go maškā̆i̯ wártun, man anū̆n eší rā ānčóš bilín? gumúdī ku pa šuwānágäi̯ ǰānā̆. yak wār amé šuwānág go amé watí laṭā̆ ǰat bi amé boḍā̆i̯ sarágā, amé boḍā̆ kúštī u lapā̆i̯ tál dāt, dístī ki yak gīmāríen ǰinén zā̆ge go tāsā̆ ništá, yak leḍáe γurúk-γurúk a-ǰánt u go gaǰā̆n int-a u oštātá, yak kuróse am bāng a-dánt u oštātá, yak áspe šidagíen go zen u sanǰā̆ oštātá, múčī amā̆ ḍåu̯l drūwā̆ ant bi lāpā̆i̯ täi̯, múčānā ruxsát kúrtī ki šútant. man š-amódinā ǰístun u bástun, pa wat yak imā̆ne āúrtun.

раз по голове пастушьей палкой, так ты сама умрешь!» Вошь сказала про себя: «я — та, кто съел чашку тюри с петухом, кто съел лошадь с седлом и убранством, и верблюда с его седлом, и охотника с его ружьем, и женщину с ее мехом для воды! а теперь оставлю его так!» Она бросилась на пастуха. Пастух сразу ударил вошь своей палкой по голове и убил вошь. Потом он вспорол ей брюхо и увидел, что там сидит беременная женщина с чашкой, стоит и ревет верблюд в пене, стоит и кричит петух, стоит оседланная и снаряженная лошадь, — все так и невредимы у нее в брюхе! Он всех их высвободил, и они ушли. Я оттуда выскочил, завязал, для себя снискал благополучие.

Записки Академии Наук по Историко-филологическому отделению. VIII серия.

Том XIII, вып. 3. Сиракан Тигранян. Древне-армянская книга канонов. Очерки, описания и исследования памятников. I. Описательная часть. 1918. Ц. 3 р.

Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения. 1928. Ц. 3 р.

Худ̄ад ал-ʿалем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. 1930. Ц. 20 р.

Зарубин И. И. Вершикское наречие канджутского языка (оттиск из Записок Коллегии востоковедов, т. II, вып. 2). 1927. Ц. 1 р.

Зарубин И. И. К характеристике мунджанского языка (оттиск из сборника «Иран», т. I). 1927. Ц. 1 р.

Зарубин И. И. Очерк разговорного языка самаркандских евреев (оттиск из сборника «Иран», т. II). 1928. Ц. 1 р.

Андреев М. С. Язгулёмский язык. Таблицы глаголов (1904 г.). 1930. Ц. 2 р.

Миронов Н. Д. Каталог индийских рукописей Азиатского музея. 1914. Ц. 10 р.

Миронов Н. Д. Каталог индийских рукописей Публичной библиотеки. Собрание И. П. Минаева и некоторые другие. Вып. I. 1918. Ц. 4 р.

Цена 6 руб.

[redacted]

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Записки Института востоковедения Академии Наук СССР.

Том I. Б. Я. Владимирцов. — Н. Н. Поппе. — Комиссия по латинизации. — И. Ю. Крачковский. — Е. Жуков. — А. Н. Самойлович. — С. Е. Малов. — Н. Н. Поппе. — Н. Я. Марр. — Н. А. Белгородский. — Б. А. Васильев. — Б. В. Миллер. — Р. А. Галунов. 1932. 321 стр., с 6 табл. Ц. 8 р.

Труды Института востоковедения Академии Наук СССР.

I. Проблемы литературы Востока. I. Сборник статей Н. О. Конрада, Б. А. Васильева и Е. Э. Бертельса 1932. 126 стр. Ц. 3 р.

II. В. И. Беляев. Арабские рукописи Бухарской коллекции Азиатского музея Института востоковедения Академии Наук СССР. 1932. XVI + 52 стр. Ц. 2 р. 50 к.

III. Абу-л-'Ала' ал-Ма'арри. Рисалат ал-мала'ика. Издание текста, перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. 1932. VII + 106 стр. Ц. 2 р. 50 к.

IV. Белуджские сказки, собранные И. И. Зарубиным. 1932. VIII + 220 стр. Ц. 3 р.

Печатается

Библиография Востока. Том I, вып. 1 и 2.

Проспекты и каталоги высылаются по первому требованию
Перечисленные издания высылаются наложенным платежом
Заказы направлять:
Ленинград 1, В. О., Тучкова наб. 2, Сектор распространения Издательства Академии Наук СССР